

Муниципальное образование
Муниципальный Округ Пискаревка

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о Великой Отечественной войне
1941–1945 годов

Книга седьмая

Санкт-Петербург
2013

П 15

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Книга седьмая. — СПб.: НИКА, 2013 — 256 с. с ил.

ISBN 978-5-98220-042-X

© Местная администрация муниципального образования
МО Пискаревка, 2013.

Память сердца

Дорогие ленинградцы и петербуржцы!

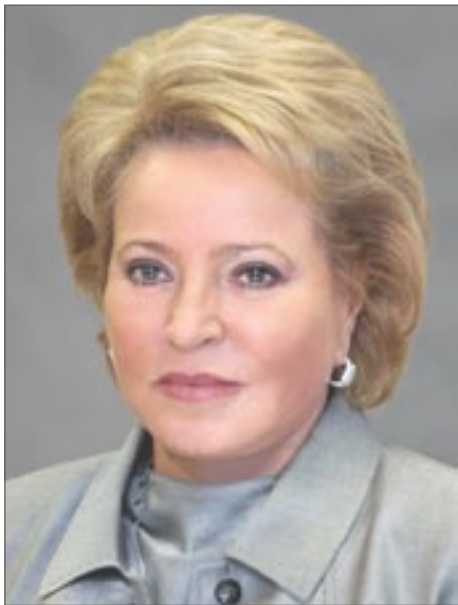
История Победы в Великой Отечественной войне нетленна: сколько бы лет ни прошло, мы будем помнить мужество тех, чей подвиг во всём мире признан вершиной проявления человеческого духа!

Ленинград — это особый город, воспитавший стойких духом, бесстрашных и интеллигентных людей. Всем живым свидетелям Великой Отечественной войны низкий поклон. Всем героям, проявившим мужество в борьбе с врагом на фронте и в тылу, всем, кто не щадил своих жизней, защищая нашу Родину — вечная память.

В этом году исполнилось ровно 70 лет со дня прорыва Блокады Ленинграда — крупнейшей вехи в летописи Великой Отечественной войны. Это событие выходит за рамки истории одного города, оно — предмет национальной гордости, нашей общей памяти. В Петербурге нет ни одной семьи, которая не понесла бы потерь в годы войны и блокады. И память об этом всегда с нами.

Дорогие ветераны! Вы сполна испытали на себе тяготы военных лет, послевоенной разрухи и восстановления города, страны. Сегодня многие из вас ведут патриотическую работу, передавая молодежи свой опыт и знания, бережно храня священную память о героизме наших земляков. Примите эту книгу в знак бесценной благодарности, поклонения Вашему мужеству и стойкости и пусть «Память сердца» всегда согревает Вас.

*Депутаты муниципального образования,
коллектив местной администрации МО Пискаревка,,
Совет ветеранов войны и труда МО Пискаревка*

МАТВИЕНКО Валентина Ивановна

Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации

**Дорогие петербуржцы, ветераны Великой Отечественной войны,
жители блокадного Ленинграда, труженики тыла!
Уважаемые читатели!**

Эта книга выходит в свет в преддверии 70-летия полного снятия блокады Ленинграда. Каждый прошедший год неумолимо отодвигает эту дату в глубину исторического времени. Но при этом масштаб и значение великого подвига защитников города, всех ленинградцев возрастает, и потому всё новые и новые вступающие в жизнь поколения граждан России приходят поклониться их героизму и самопожертвованию.

Каждый раз, приходя на Пискаревское кладбище, я останавливаю взгляд на великих словах Ольги Берггольц, звучащих, как клятва:

Никто не забыт и ничто не забыто.

Её называли голосом блокадного Ленинграда. Ольга Федоровна хорошо знала свой народ, свой город, своих земляков. Война подтвердила предвидение

нашей выдающейся соотечественницы. Защитники-воины и простые жители города в кольце страшной 900-дневной блокады совершили подвиг, равного которому не знала история человечества.

Я искренне благодарна инициаторам издания за то, что они последовательно продолжают свое благородное подвижничество служению делу сохранения памяти об этом героическом, исполненном трагизма и мужества времени. Подвиг ленинградцев навсегда останется с нашим народом как нетленная страница великой истории России.

От души желаю вам здоровья, мирного неба над головой и счастья в каждом доме!

СЕРГЕЕВ Алексей Иванович

Генеральный Секретарь — руководитель
Секретариата Совета Межпарламентской
Ассамблеи государств — участников СНГ

О блокаде написано много, много еще напишут, но живых свидетелей, к глубокому сожалению, остается всё меньше и меньше. Нужно спешить передать правду тех суровых лет. Сегодня, когда блокада постепенно переходит из живой памяти в историю, важны любые свидетельства. Каждое воспоминание - часть нашей реальности. В Петербурге нет семьи, которой не коснулась бы эта война. Моя семья не исключение. Мама жила в Ленинграде с первого до последнего дня блокады, а отец воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. Истории из жизни блокадного города передаются по наследству из уст в уста и бережно хранятся как великие семейные реликвии. Дневников и воспоминаний, посвященных ленинградской блокаде, существует немало. Но появление каждого нового свидетельства добавляет штрихи к портрету того времени, к облику жителей осажденного, но

непокоренного города. Книга «Память сердца» - уникальная возможность фиксировать воспоминания очевидцев тех страшных событий. Здесь блокада глазами самых простых людей, которые могли рассчитывать только на себя и своих родных. Людей, которые порой только чудом избежали смерти от голода, обстрелов и бомбежек. Жизнь разбросала блокадников по всему бывшему СССР. Сегодня многие из выживших в те страшные годы живут в странах Содружества. Мы в Межпарламентской Ассамблее государств - участников СНГ внимательно следим за каждым из них. Стараемся чтобы жизнь людей совершивших невозможное, но выживших и выстоявших, была как можно лучше. И чтобы память об их героизме и мужестве воспитывала патриотизм в потомках.

Первая боевая медаль, учрежденная в дни Великой Отечественной войны

Посвящается светлой памяти Григорьева Виктора Сергеевича

К концу 1942 г. заканчивался первый самый тяжелый оборонительный период Великой Отечественной войны (22.06.41 г. - 18.11.42 г.)

В результате неблагоприятного исхода приграничных сражений и оборонительных операций в Литве, Латвии, Белоруссии, Западной Украине, Заполярье и Карелии, под Киевом, Смоленском и других стратегических и самостоятельных фронтовых операциях за 515 суток Красная Армия потеряла 11 162 000 человек или 37,7% сражавшихся, в том числе 6 155 000 безвозвратно; большое количество военной техники и с тяжелыми боями вынуждена была отступать в глубь страны. Фашистская армия была самой мощной по тому времени, имевшая почти двухлетний опыт ведения крупных наступательных операций, чего не было у Советской армии. Следует также помнить, что в армии противников в боях против нашей страны активно участвовали отдельные армии и воинские формирования из Финляндии, Румынии, Италии, Болгарии, Венгрии, Словакии, Испании и Хорватии - союзников Германии. В отдельных подразделениях вермахта служили австрийцы, бельгийцы, датчане, нидерландцы, люксембургцы, норвежцы, шведы, французы, поляки, чехи, а также латыши и эстонцы. На стороне Германии выступали, хотя и не входили в состав вермахта, ряд частей

сформированных из русских эмигрантов, казаков и части граждан СССР, а также военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся на оккупированной немцами территории. Последние использовались главным образом в качестве вспомогательного персонала по обслуживанию транспортных средств, включая конные обозы, подсобных рабочих в мастерских и строителей.

Для блицкрига, краткой схватки, запланированной генеральным штабом у Германии, имелись явные качественные, и даже количественные преимущества перед страной Советов. К этому следует добавить, что серьезные просчеты и ошибки были допущены руководством Советского Союза и военным командованием. Очевидно, что страна по ряду причин еще не была в полной мере готова к войне.

Буквально с первых же минут вторжения наша страна приняла на себя основную тяжесть удара не менее 75% всех наземных и воздушных сил Германии. По всей линии столкновения шли тяжелые ожесточенные бои. Множество людей разного возраста, независимо от национальности, своих взглядов и вероисповеданий сплотились на самоотверженную борьбу с врагом. Враг этого не ожидал. Да, советские воины проигрывали отдельные сражения, отступали, но германские войска несли большие потери. Только в ожесто-

ченных боях в августе и сентябре 1942 г. в боях на Советском фронте вышло из строя около 300 000 немецких солдат и офицеров. Тщательно разработанный график немецкого плана «Барбаросса» был сорван окончательно в этот первый период войны. Тогда же были заложены основы нашей Победы.

К концу оборонительного периода в октябре 1942 г. Народный Комиссариат Обороны обратился в Президиум Верховного Совета СССР об учреждении для награждения граждан, отличившихся в боях и в ознаменование важных событий в борьбе с фашистской Германией первых боевых медалей Великой Отечественной войны - медалей за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда. Подобная практика существовала с древнейших времен во многих странах мира. В XI–XII веках в Киевской Руси награждали за военные подвиги особым знаком отличия - золотой шейной гривной. В XV – XVII веках участников сражений и походов на

Руси стали награждать так называемой золотой деньгой, выполнявшей роль наградной медали. Они были разных достоинств, высшие из них носились на золотых нагрудных цепях, а остальные пришивались на левый рукав кафтана или шапку.

Порядок навел Петр I. В конце XVII - начале XVIII веков он учредил первые медали как специально изготовленные почетные знаки отличия, не имеющие никакой связи с монетами. Первая серия медалей была выпущена в связи с событиями Северной войны 1700–1721 годов. В практику вошли двусторонние медали, на лицевой стороне которых помещался портрет царя, а на обороте сцена события, послужившего причиной учреждения медали. Первыми золотыми медалями были награждены все участники взятия Нотебурга в октябре 1703 г. и захвата двух шведских военных кораблей в устье Невы в мае 1703 г.

В дальнейшем золотые медали получали только офицеры, а солдаты и матросы удостоивались только серебряных. Правда были и исключения. После смерти Петра I традиция массовых награждений была утрачена, но восстановлена в 1759 г. за победу при Кунерсдорфе. Затем были медали за взятие Измаила, Очакова и других городов, посвященные победам в Отечественной войне 1812 г. и другие. Считаю важным отметить особую медаль за оборону Севастополя в 1854–1856 годах. Впервые в истории Российского государства этой медалью награждались не только военнослужащие, но и гражданские лица за проявленное мужество, бесстрашие и храбрость при обороне Севастополя. Эту медаль получили отличившиеся женщины и даже дети.

Важным элементом наградных медалей была лента, на которой её носили. Каждая медаль имела ленту своего цвета или комбинированных цветов, соответствующих цветам лент русских орденов.

Исторический опыт был. Интересно, что уже 10 апреля 1942 года начальник тыла Красной Армии генерал армии А.В.Хрулев по поручению И.В.Сталина

создал специальную группу по разработке эскизов новых орденов и медалей, которые должны были бы отражать отвагу и мужество защитников нашей Отчизны и вселять веру в победу. Организация всей этой работы была возложена на Технический комитет Главного интендантского управления Красной Армии. Председателем этого Комитета был генерал – майор интендантской службы С. В. Агинский, но непосредственно всеми работами по подготовке проектов наград и необходимой документации руководил Главный интендант Красной Армии генерал – лейтенант интендантской службы П. И. Драчев. Задания на разработку орденов и медалей от И. В. Сталина получал лично генерал А. В. Хрулев. Представления на утверждение Верховному Главнокомандующему отобранных проектов наград, разработанных для них статуты и положений делались совместно А. В. Хрулевым и П. И. Драчевым. В официальной справке указывается, что началась работа над проектами с 24 ноября 1942 г., но художник-

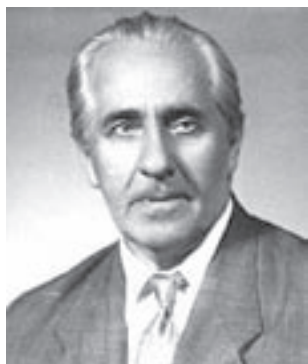

А. В. Хрулев

П. И. Драчев

Н.И.Москалев

консультант Центрального дома Красной Армии Н.И.Москалев в своей Пояснительной записке пишет что: «Работать над проектами медалей четырех городов – героев я начал с июля месяца

1942 года. Я не имел в это время специальных заданий или указаний для этой работы, и первые мои наброски относились исключительно к стремлению художника нащупать формы и образы, которые могли бы послужить мне материалом для труда над этими медалями. Своими мыслями и с первыми своими набросками я познакомил в августе месяце 1942 года председателя Технического комитета ГИУ Красной Армии генерал – майора Агинского С.В. и главного интенданта Красной Армии генерал – лейтенанта Драчева П.И. Они одобрили мое

желание работать с медалями четырех городов – героев и дали предварительные тексты для лицевых и оборотных сторон медалей. К разработке медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Сталинграда» были привлечены уже известные мастера, принимавшие ранее участие в разработке орденов Александра Невского, А.В.Суворова и М.И.Кутузова. Это художник – консультант Центрального дома Красной Армии, автор ордена М.И.Кутузова Н.И.Москалев, художник Военпроекта КЭУ ГИУ КА, автор ордена Александра Невского И.С.Телятников, художники Бархин и Кабаков, целая бригада художественной мастерской «Бюробин» и скульптор Конгисер. Правительственное задание на выполнение рисунков медалей и их представление было получено 25 ноября 1942 г. Сроки были определены очень жесткие - 5 декабря 1942 г. Уже 28 ноября художники Москалев, Кабаков и Телятников представили первые 12 проектов. Остальные были

Проектные рисунки Н. И. Москалева

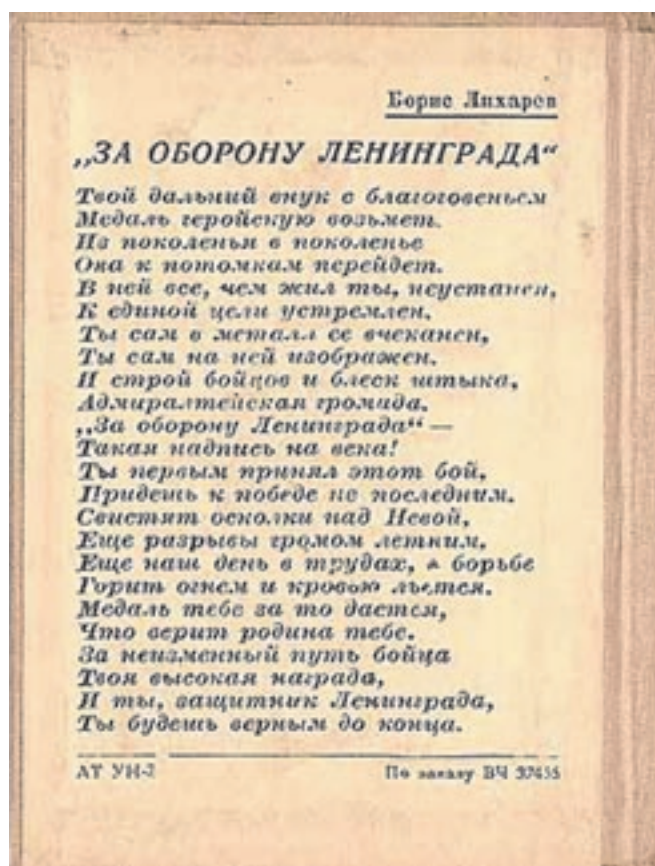
представлены в срок. Всего было 43 проекта. Предварительный просмотр первых проектов позволил отобрать 6 эскизов, а художникам было предложено заняться их отделкой и продолжить работу над новыми проектами. 5 декабря начальник тыла Красной Армии дополнительно отобрал еще 6 эскизов Москалева и 2 эскиза бригады художников «Биробин».

21 декабря 1942 г. генерал армии А. В. Хрулев представил отобранные 14 проектов И. В. Сталину для их утверждения. Среди представленных работ были и варианты проектов медалей за оборону Ленинграда и Сталинграда с портретами. Руководители Технического комитета ГИУ и некоторые авторы считали уместным, с учетом названий городов, поместить на медалях портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина. На других проектах портреты руководителей отсутствовали. Верховный Главнокомандующий очень внимательно рассмотрел все проекты. Ему понравились проекты только одного художника Николая Ивановича Москалева. В своей Пояснительной записке художник, таким образом описывает итоги просмотра и утверждения: «В папке фотокопий находятся четыре фото – листа с проектов медалей с собственными пометками тов. Сталина. Медали «За оборону Севастополя» и «За оборону Одессы» были утверждены им без изменения. В медалях же «За оборону Ленинграда» и «За оборону Сталинграда» тов. Сталиным были внесены изменения... После этого проекты были мною выполнены

вторично в духе указаний тов. Сталина и сданы в Технический комитет ГИУ КА для передачи Монетному двору Гознака на предмет чеканки и опубликования в печати 24 декабря 1942 года». Какие изменения внес И. В. Сталин? В проекте медали «За оборону Ленинграда» он убрал знамя с портретом В. И. Ленина, древком которого служил шпиль Адмиралтейства. Н. И. Москадев выполнил это «указание» и сдвинул шпиль Адмиралтейства к центру. Медаль обрела симметричность и стала лучше выглядеть, но на вершине вместо известного кораблика оказалась звезда. Композиция получилась очень удачной, хотя и сегодня есть критики такого решения.

Что касается медали «За оборону Сталинграда» то здесь И. В. Сталин сделал больше изменений на лицевой и оборотной сторонах медали. На лицевой стороне он решительно зачеркнул свой портрет и девиз «Ни шагу назад» и предложил вместо него разместить надпись «За оборону Сталинграда», а на обороте вместо слов «За оборону Сталинграда» дать текст «За нашу Советскую Родину», уже имевшийся на оборотных сторонах других медалей. Так все четыре медали приобрели единый стиль, сохраненный в будущем для аналогичных медалей.

Есть еще одна особенность, на которую хочется обратить внимание. Медали за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда стали первыми медалями Советского Союза, носимыми на пятиугольных колодках. Это была новин-

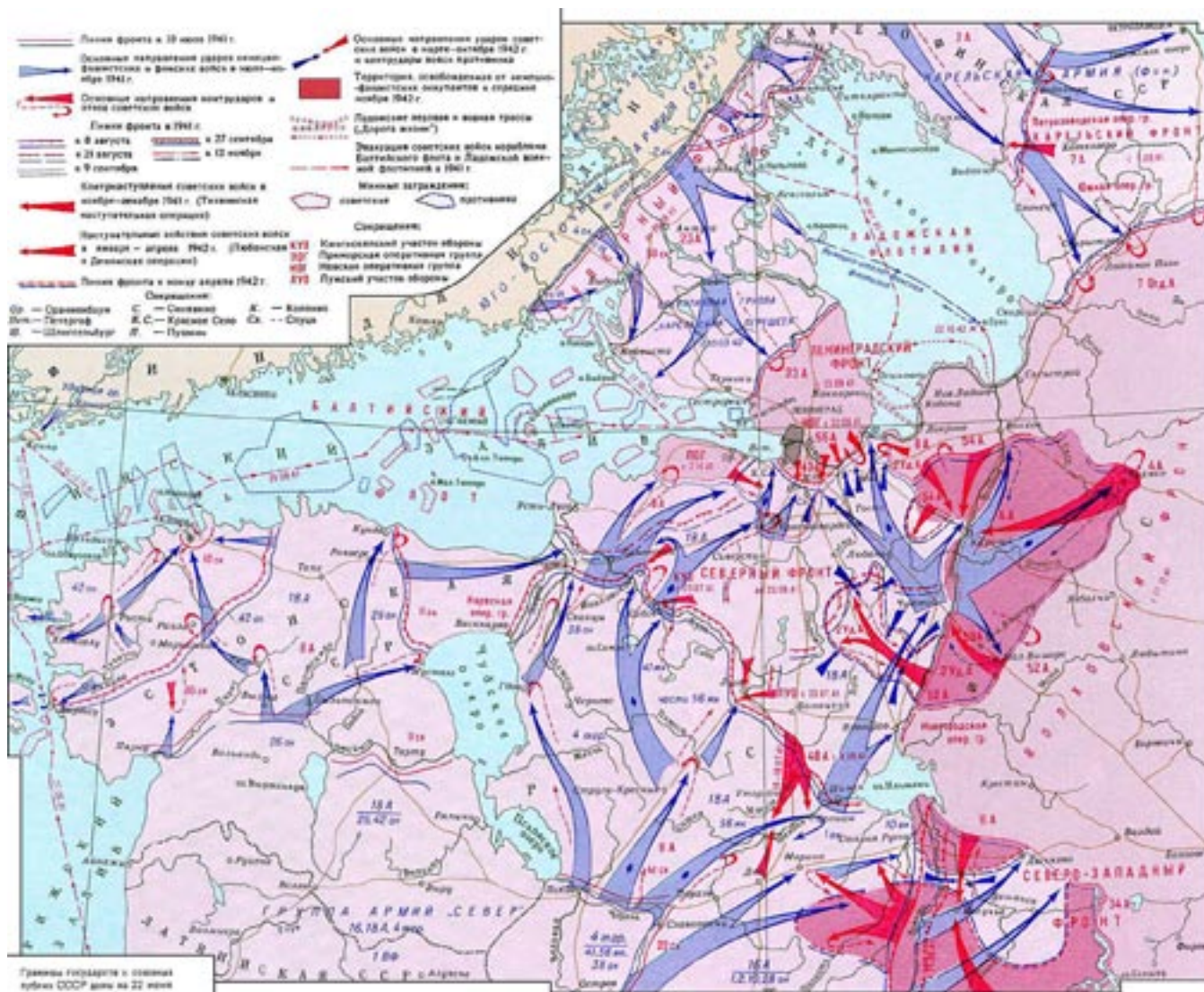
ка. Тогда, в 1942 году появился новый облик наших государственных наград, привычный сегодня.

22 декабря 1942 года последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР. В первом пункте Указа записано: «Удовлетворить ходатайство Народного Комиссариата Оборона СССР и учредить специальные медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Сталинграда». Этим же Указом утверждались Положения о медалях, их образцы и описания. Второй пункт Указа требовал: «Наградить медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Сталинграда» всех участников героической обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда». Этот пункт восстанавливал древнюю русскую традицию выдачи особой медали всем участникам решающего сражения или победной кампании, сохраненную Петром I и утраченную после его смерти.

Впоследствии в Указ от 22 декабря пришлось внести некоторые изменения в части металла, используемого для медалей, точного размера диаметра правильного круга, точного описания двух сторон медалей и надписей на них, цветов муаровой ленты и ее размеров, а также правил ношения. В первоначальном описании медали «За оборону Ленинграда» сказано что: «На лицевой стороне медали, на фоне виднеющегося очертания здания Адмиралтейства, изображе-

на группа красноармейцев, краснофлотцев, рабочих и работниц с винтовками наперевес. В верхней части медали - пятиконечная звездочка и надпись по краю медали «За оборону Ленинграда». Медаль окаймлена выпуклым бортиком. Все надписи и изображения – выпуклые. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с металлической пятиугольной колодкой, покрытой шелковой красной муаровой лентой с серебристыми полосками по краям. Ширина ленты 24 мм, ширина красной полосы 16 мм и серебристых полосок по 4 мм.» Позднее пришлось внести еще кое – какие изменения. Это было связано с упорядочением наградного дела в стране и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня «Об утверждении образцов и описания лент к орденам и медалям СССР и правил ношения орденов и медалей, орденских лент и знаков отличия». Этим Указом для медали «За оборону Ленинграда» устанавливалась лента оливкового цвета с зеленой полоской шириной 2 мм посередине, а носить её полагалось на левой стороне груди.

24 декабря 1942 г. «Ленинградская правда» опубликовала Указ. В связи с этим на всех предприятиях и в учреждениях Ленинграда прошли митинги, а «Правда» свою передовую статью, посвященную этому событию, назвала: «Города-герои». Так в то время называли в народе эти города за беспримерный подвиг их защитников. Официально такого статуса еще не было. «Правда» писала: «Ленинграду

Битва за Ленинград. Оборонительные действия советских войск (1941-1942 гг)

принадлежит виднейшее место в Отечественной войне. Он приковал к себе значительные силы гитлеровской армии и превратил свои окрестности в обширное кладбище немецкой разбойничьей своры. Ленинград внес свою долю в освобождение Сталинграда, в разгром немцев под Москвой, на Украине, на Кавказе...»

Самоотверженная оборона Ленинграда в первые же недели войны стала неожиданностью для врага. Под Ленин-

градом впервые во Второй мировой войне фашистские армии были 25 сентября 1941 года остановлены и простояли, не продвигаясь вперед, до января 1944 года. Как пишет офицер вермахта Вернер Хаупт, сам принимавший участие в боевых действиях группы «Север», «потери росли невероятно», «германское наступление выдохлось»

В битве за Ленинград в результате нашего контрнаступления под Тихвином 10

ноября – 30 декабря 1941 года впервые во Второй мировой войне враг был не только остановлен, но и отогнан обратно на 100-120 километров. Тот же В. Хаупт отмечает, что «первое отступление группы армий «Север» свершилось!». Это создало благоприятные условия для перехода к контрнаступлению под Москвой, где «для немцев начинается катастрофа». Так оценивает ситуацию другой немецкий солдат, воевавший под Ленинградом, Хассо Г. Стахов.

Падение Ленинграда автоматически открывало врагу прямую дорогу на Москву. Вот почему, посылая в Ленинград в сентябре 1941 года Г. К. Жукова, И. В. Сталин сказал: «Вашей задачей является не допустить врага в Ленинград, чего бы это вам ни стоило». Таким образом, можно утверждать, что от обороны нашего города зависела судьба столицы и всей войны в конечном итоге. Ленинградцы с этой задачей справились.

Оборона Ленинграда с первых дней войны стала всенародным делом. Ленинград защищали представители всех народов нашей страны.

Оборона Ленинграда стала символом единства и верности Родине. Она стала основой патриотического единства воинов и горожан: рабочих и интеллигенции, ветеранов труда и молодежи, мужчин и женщин, коммунистов и беспартийных, атеистов и верующих. Это единство прекрасно отражено художником Н. И. Москалевым в медали «За оборону Ленинграда».

1 февраля 1943 г. заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М.Молотов подписал распоряжение № 2173-р, в котором давались конкретные поручения с указанием фамилий народных комиссаров и руководителей ведомств по выполнению заказа Президиума Верховного Совета СССР на изготовление Монетным двором в срок с 15 февраля по 15 августа 1943 года 1 миллиона медалей для участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда. Основным изготовителем всех советских знаков отличия, Ленинградский Монетный двор, в 1941 г. был эвакуирован в Краснокамск Пермской области, а часть оборудования уехала в Москву. С 24 августа завод находился на консервации. На нем осталось всего 10 человек охраны. Практически все кадры находились в армии, народном ополчении или эвакуации. В Краснокамске уже началось освоение производства новых орденов Отечественной войны. Однако в Ленинград пришла срочная телеграмма заместителя управляющего Гознаком П. А. Пирогова в которой предлагалось рассмотреть вопрос о возможности и целесообразности изготовления медалей «За оборону» в Ленинграде. Уже 29 декабря, через пять дней после опубликования Указа в Петроградский РК ВКП(б) был приглашен исполняющий обязанности директора Монетного двора Г.В.Васильев. 31 декабря появилась «Докладная записка по вопросу организации изготовления медали «За оборону Ленинграда» на Ленинград-

ском Монетном дворе». Весь февраль прошел в интенсивной переписке и согласовании технологии изготовления медалей. В этой работе принимали участие секретарь Ленинградского ГК ВКП(б) Я.Ф.Капустин, секретарь Петроградского РК ВКП(б) Королев, заместитель Наркомфина СССР П. Малетин, заместитель управляющего Гознаком П. А. Пирогов и другие. Одновременно началось возрождение Монетного двора в осажденном городе. Петроградский райком партии мобилизовал 100 человек для выполнения первоочередных работ по расконсервации. Начались ремонтно – восстановительные работы в цехах, установка оборудования, наладка прессов. Решались вопросы снабжения топливом и электроэнергией, получения необходимых материалов, укомплектования рабочей силой и обучения рабочих необходимым специальностям. С фронта были отозваны специалисты технологи Н. В. Журкин, А. Н. Клярфельд и другие. В помощь им была направлена бригада из инженеров экспериментально – ремонтного завода Дома техники машиностроения. Ленинградский художник С. Л. Тульчинский при нехватке инструмента и необходимого оборудования выполнил важную трудоемкую работу по изготовлению штампов. В конце 1942 года эскизы всех четырех медалей были доставлены в Краснокамск для изготовления штампов по единой технологии. В изготовлении штампов и другой оснастки для вырубке основы медали и колодок активно участвовали ле-

нинградские подростки токарь завода им. Карла Маркса К. Д. Легоньков и слесарь В. А. Лукин. Началось изготовление опытной партии медалей.

Решением Ленинградского городского комитета ВКП(б) заводу «Красный выборжец» был поручен прокат латунной ленты и вырубка основы медали. Стале-прокатный и проволочно - канатный завод получил заказ на прокат ленты для колодок и на производство латунной проволоки для крепления колодки с медалью а также на изготовление стальной проволоки для булавок. Предприятия местной промышленности готовили булавки и кольца для соединения медали с колодкой.

Чеканка и окончательная полная сборка медалей выполнялась на самом Монетном дворе.

На второй квартал 1943 года управление Гознака Наркомфина СССР устано-

вило Монетному двору первый государственный план по производству медалей «За оборону Ленинграда» в количестве 350 000 штук. Он был перевыполнен. Вся работа по заказу была выполнена в декабре, изготовлено 2 200 000 медалей. 8 декабря прекратили работу монтировщики, а с 28 по 31 декабря работа была закончена на всех участках.

Исполком Ленгорсовета 29 декабря 1943 г. наградил грамотами за досрочное выполнение правительственного задания 58 инженерно – технических работников, рабочих и служащих Монетного двора.

Первое вручение медали «За оборону Ленинграда», согласно Протокола № 92 Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов тру-

Е.А. КОРНЕЕВ. Фрагмент диорамы «Блокада Ленинграда»

дящихся состоялось 3 июня 1943 года. Протоколом утверждались первые списки награждаемых на 100 000 человек, в том числе 15 249 подростков, юных участников обороны города.

В тот же день, 3 июня 1943 года в Смольном, среди получивших медаль были генерал-лейтенант А.А.Жданов, генерал – полковник Л.А.Говоров, генерал – майор А.А.Кузнецов, адмирал В.Ф.Трибуц, летчик – истребитель П.А.Покрышев, директор Балтийского завода В.С. Боженко, врач И.П. Виноградов, писатель В.В. Вишневский, поэтесса О.Ф. Берггольц, художник В.А. Серов, народная артистка СССР В.А. Мичурина – Самойлова, председатель Исполкома Ленгорсовета П.С. Попков, школьник Ю.Артюхин... Тогда же состоялись вручения медалей в Володарском, Выборгском, Кировском, Красногвардейском, Московском и Октябрьском районах города, а 4 июня во всех остальных районах. 14 июня 1943 года в Москве медали «За оборону Ленинграда» были вручены маршалам Советского Союза К.Е.Ворошилову и Г.К.Жукову, маршалу авиации А.А.Новикову, маршалу артиллерии Н.Н.Воронову, генерал – лейтенанту И.И.Федюнинскому и генерал – полковнику М.С.Хозину.

В Центральном Государственном архиве Санкт – Петербурга хранятся многочисленные документы о награждении медалью граждан Ленинграда: списки с краткими характеристиками, личные карточки награждаемых. Решения Исполко-

ма Ленгорсовета и акты вручения медали.

В августе 1943 года медаль вручалась непосредственно на передовой и даже на поле боя, в партизанских отрядах и на кораблях Балтийского флота. Вместе с медалью и удостоверением каждому бойцу вручалась книжечка стихов Бориса Лазарева.

По данным статистики на 1 января 1980 года медалью «За оборону Ленинграда» было награждено 1 470 000 человек, в том числе 522 380 гражданских лиц. Сегодня в нашем городе проживает около 19 000 кавалеров этой медали.

Высокая награда ко многому обязывает. Как писала Вера Инбер для одного из плакатов известной серии «Окон ТАСС»:

*«Медаль «За оборону Ленинграда»
Не только гордость и большая честь,
Не только драгоценная награда
За то, что было, и за то, что есть.
Не только в прошлом слава боевая,
Но главное - движение вперед»...*

*Юрий Иванович КОЛОСОВ,
ветеран Великой Отечественной войны,
академик Международной академии
академических наук и Академии военно-
исторических наук, Президент ассоциации
историков блокады и битвы за Ленинград
София Геннадьевна КОЛОСОВА,
член-корреспондент Академии военно-
исторических наук, заведующая библиотекой
«Музей книги блокадного города».*

In the name of the people of the
 United States of America,
 I present this scroll to the
 City of Leningrad
 as a memorial to its gallant soldiers and
 to its loyal men, women and children who,
 isolated from the rest of their nation by the
 invader and despite constant bombardment
 and untold sufferings from cold, hunger
 and sickness, successfully defended their
 beloved city throughout the critical period
 September 8, 1941 to January 18, 1943, and
 thus symbolized the undaunted spirit of the
 peoples of the Union of Soviet Socialist
 Republics and of all the nations of the
 world resisting forces of aggression.

May 17th 1944
 Washington, D. C.

Franklin D. Roosevelt

От имени народа
Соединенных Штатов Америки
я вручаю эту грамоту
городу Ленинграду

в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустранимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии.

Франклин Д. Рузвельт
17 мая 1944 года. Вашингтон

Грамота была вручена Сталину 26 июня 1944 г. вместе с письмом, в котором Рузвельт писал:

*"Уважаемый Маршал Сталин,
Я посылаю Вам две грамоты для Сталинграда и Ленинграда — городов, которые завоевали искреннее восхищение американского народа. Героизм граждан этих двух городов и воинов, так умело их защищавших, не только воодушевил народ Соединенных Штатов, но помог еще сильнее скрепить дружбу наших двух народов. Сталинград и Ленинград стали синонимами силы духа и стойкости, которые дали нам возможность сопротивляться и которые в конечном счете дадут нам возможность преодолеть агрессию наших врагов.*

Я надеюсь, что, преподнося эти грамоты этим двум городам, Вы сочтете возможным передать их гражданам мое личное выражение дружбы и восхищения и мою надежду, что наши народы будут и дальше развивать то глубокое взаимопонимание, которое отметило наши совместные усилия."

Посол США А.Гарриман передает грамоты президента Ф.Рузвельта Ленинграду и Сталинграду.
1944 г

История танка «Малютка»

В деревне Усовка жила семья офицера-фронтовика Занегина, эвакуированная из Смоленской области. Как-то раз девочка Ада узнала, что у мамы на работе собирают деньги на танк, и решила отдать на это дело свои сбережения, накопленные на покупку куклы. Это она придумала сама. И вот в 1942 году многие газеты вслед за «Омской правдой» напечатали такое письмо:

«Я Ада Занегина. Мне 6 лет. Пишу по-печатному. Гитлер выгнал меня из города Сычевки Смоленской области. Маленькая я, а знаю, что надо разбить Гитлера и тогда мы поедem домой. Мама отдала свои сбережения на танк. Я собрала деньги на куклу, а теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор! Напиши в своей газете всем маленьким детям, чтобы они отдавали деньги на танк. И назовем его «Малютка». Когда наш танк разобьет врага, мы вернемся домой.

Ада Занегина».

И дети отозвались.

«Я хочу вернуться в Киев. Вношу собранные на сапоги деньги — 135 рублей 56 копеек — на строительство танка «Малютка».

Адик Солодов, 6 лет:

«Мама хотела купить мне новое пальто и накопила 150 рублей. Я поношу старое пальтишко».

Тамара Лоскутова:

«Дорогая незнакомая девочка Ада! Мне только пять лет, а я уже год жила без мамы. Я очень хочу домой, а потому с радостью даю деньги на постройку нашего танка. Скорей бы наш танк разбил врага».

Таня Чистякова:

«Мне рассказали о письме Ады Занегиной, и я внёс все свои сбережения — 100 рублей и сдал на 400 рублей облигаций на постройку танка «Малютка». Мой товарищ Витя Тынянов вносит 20 рублей. Пусть

наши папы громят фашистов танками, построенными на наши сбережения».

Шура Хоменко из Ишима:

В областном отделении Госбанка был открыт счет № 350035. Дети - дошкольники, учащиеся школ города и области начали сбор средств на танк «Малютка». Деньги поступали почти ежедневно - рубли, даже мелочь, что была в ребячьих кошельках.

Дети детского сада совхоза «Ново-Уральский» подготовили концерт и перечислили заработанные 20 рублей в Госбанк. Средства, собранные детьми Омской области, перевели в фонд обороны.

Так, всем детским миром, была собрана далеко не детская сумма, которую омские власти перечислили в Фонд обороны.

«Прошу передать дошкольникам города Омска, собравшим на строительство танка «Малютка» 160886 рублей, мой горячий привет и благодарность Красной Армии.

*Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин».*

На детские деньги был выпущен лёгкий танк Т-60. Механиком-водителем его стала одна из 19 советских женщин-танкистов Екатерина Петлюк. Она и сама была невысокой, что служило в части источником постоянных шуток. Однако воевала героически, что было отмечено орденами Красной Звезды и Отечественной войны.

Танк «Малютка» сражался под Сталинградом, стал свидетелем сдачи в плен фельдмаршала Паулюса.

Перед Курской дугой его боевая служба закончилась, и, как и вся остальная отслужившая бронетехника, он был отправлен в переплавку. Екатерина оставила себе на память танковые часы (они сейчас экспонируются в Музее обороны Сталинграда) и пересела на более совершенную, хотя и тоже небольшую машину Т-70.

На Курской дуге, как оказалось впоследствии, Екатерина воевала где-то рядом с отцом Ады. Но, увы, для танкиста Александра Занегина бои под Курском оказались последними.

СПРАВКА

Массовый сбор средств в Фонд Красной Армии на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, боевых кораблей, бронепоездов, артиллерийских батарей, стрелкового оружия, миномётов, радиостанций, снаряжения, обмундирования, боеприпасов начался с декабря 1942 года.

Всего в Фонд обороны и Фонд Красной Армии поступило свыше

- 17 миллиардов рублей наличными,
- 13 кг платины,
- 131 кг золота,
- 9519 кг серебра,
- на 1,7 миллиардов рублей драгоценностей,
- свыше 4,5 миллиардов рублей облигаций государственных займов и др.

На добровольные пожертвования населения было построено более 2,5 тысяч боевых самолётов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок и 16 различных военных катеров

**Из архива Пискаревского
мемориального кладбища**

На Пискаревском кладбище

*На встречу старых фронтовых друзей
Меня с собой взяла впервые мама.
Мне восемь лет. Мы все вошли в музей.
Я у витрины замерла упрямо.*

*И в памяти с тех пор живут со мной
Хлеб и котлеты из обойной пыли,
Что той холодной страшною зимой
Лишь для ослабленных детишек были.*

*А у могильных плит прочту слова,
Прижатый хлебом маленький листочек:
«Осталась мама точно бы жива,
Когда бы ей ТОГДА такой кусочек»*

*Они стояли за моей спиной.
Те, кто врагу не отдал Ленинграда,
Кто выдержал кровавый страшный бой
И для кого судьбой была блокада.*

*- Запомни, девочка – о том нельзя забыть –
За этот день нам всем пришлось сражаться.
Кто дал возможность нам сегодня жить,
Лежат под плитами. Простые ЛЕНИНГРАДЦЫ.*

Е. И. Палина

БЕРМАН Анна Рувимовна

Война

22 июня 1941 г.

Война, Война, Война! И, должно быть, самая страшная из войн, какие переживал когда-либо наш народ, а может быть, и все человечество.

Вчера еще радостно и волнующе лились звуки бальной музыки, люди танцевали, пели, веселились, спокойно отдыхали... А сегодня – слезы, страдания, смерть.

С утра была на избирательном участке. Здесь были и все наши активистки-домохозяйки. И вдруг – это сообщение по радио. Встревоженные лица, ужас в глазах и среди жуткой тишины – неожиданный истошный вопль.

– Ой, сынки мои дорогие!

Это Белевич, мать четырех взрослых сыновей, заломив руки, выкрикивала на взрыд.

Кое-кто из женщин даже возмутился:

– Как не стыдно впадать в панику! Ведь не только у вас сыновья.

Я позвонила секретарю Райсовета Гладициной. Она сказала, чтобы я закрыла избирательный участок и шла в Райсовет.

Когда я вышла во двор, уже гремели выстрелы зенитных орудий, летали наши самолеты.

Страшные и тяжелые дни наступили для нашего народа.

Когда я была у Гладициной позвонила Зав. Роно Ильичева. Вызывала в Роно на совещание, которое назначено... на 3 часа ночи. Будет представитель от Райкома партии. Что нам скажут?

17 июля 1941 г.

Ликвидируем педкабинет. Больно его закрывать, разрушать. Я так

полюбила его! Почти каждый гвоздь вбивала собственными руками, выбирая место, как бы получше развесить тот или иной экспонат или стенд. Здесь мы накапливали опыт учителей. В этой работе нашла свое проявление и моя тяга к исследовательской работе, и любовь к коллекционированию, и к работе с массами. Собирали все эти крупинки драгоценного опыта по каплям. Но... война. Педкабинеты сейчас не нужны. То ли будем еще закрывать и свертывать!

Тщательно все запаковала, составила опись и сдала в Роно. А Памфилов уже на фронте и многие другие наши директора и преподаватели.

Меня ввели в комиссию по формированию добровольческого ополчения по Куйбышевскому району.

Уже начались налеты вражеской авиации на Ленинград, но пока еще ни одному самолету не удалось прорваться в наш город. Ленинградское небо покрыто заградительными аэростатами. Бдительно сидят за врагом зенитчики.

Где буду работать, еще не знаю. Сейчас каждый человек, как на ладони. Неужели есть такие что ждут?.. Ждут, потому что жаждут перемен; только временно перекрасились, скрыв свое поганое, вражеское лицо. Есть, конечно, такие. Их мало, но они есть.

20 июля 1941 г.

Работаем дни и ночи без сна. Порой кружится голова от усталости. В помещении первой образцовой школы района, где помещался педкабинет, работает районный эвакуопункт. Я оформляю документы эвакуируемых и выдаю талоны на хлеб и продукты. Шумно. У моего стола огромная очередь. Матери с детишками все идут и идут. Разорены семейные очаги, весь налаженный, устоявшийся быт!

Эвакуация детей... Ничего более тяжелого, жуткого не видела до сих пор – разве только смерть голодных детишек раскулаченных семей, отправляемых из Башкирии в Сибирь...

...По всему Ленинграду мчатся автобусы – к вокзалам. Их много. Так много, что на улицах задерживается движение остального транспорта и пешеходов. В автобусах – матери с детишками. Эвакуируют детей без матерей. На вокзалах, у вагонов – слезы, вопли, истерика. Воспитатели

бережно берут из рук матерей (отцы уже на фронте) ревущих детишек. Есть и полуторагодовалые. Из окон вагонов машут ручонками школьники. «Мама, мамочка!» Этот вопль все время стоит в ушах. Думаешь, - а все ли доедут до места назначения? Ведь железнодорожные узлы бомбят. Все ли матери дождутся своих детей? Ведь в смутные военные годы все может случиться. Многие матери могут потерять следы своих детей на всю жизнь.

Вот выдаю сегодня талоны на детишек, которых предстоит эвакуировать, и перед глазами Яна и Наденька, мои дорогие племяши. Дочь Сони и дочь Сарры. Наденька уже эвакуирована с детсадом в Боровичи, а Яна – в Вишеру. Беспokoюсь о них. Здесь они еще не знали ни одной бомбежки, а такие крупные железнодорожные узлы, как Вишера и Боровичи, уже бомбили не раз.

* * *

Сегодня вдруг услышала у своего стола знакомый мужской голос:

– А такого ребеночка принимаете?

Вздрогнула: голос Эльмара. И действительно – он. В офицерской форме. От волнения не разглядела в каком он чине.

Сказал, что жена и дочь эвакуированы из Риги а он едет на фронт. Пришел повидать меня. Торопился. Мы пожали друг другу руки, простились. Это была наша последняя встреча в жизни. После этой встречи были только письма.

* * *

Мне дали 2 часа на отдых. Поехала к сестрам – на Выборгскую, в Бабу-

рин переулок. Здесь пахнет землей, травой. Воздух свеж, небо чудесно-голубое. Длинный ряд рабочих корпусов. Широкий двор. Молодые деревца. Солнце заливает асфальт панели, стены домов. У крыльца ближайшего к воротам дома на узкой деревянной скамье сидят два молодых паренька, один из них рассеянно перебирает струны балалайки. Какая дорогая сердцу, всю жизнь хорошо известная русская картинка! Деревянная скамья у крыльца, под солнцем босоногие русоволосые мальчишки; два тоненьких деревца у скамьи и молодые парни, и балалайка, и «во поле березонька стояла»... Вот и резкий запах полевой ромашки.

Соню не застала дома, а Сарра уже давно в действующей армии. Посидела недолго на той же скамье, где пареньки с балалайкой, и поехала обратно – в эвакуационный пункт, где меня ждали матери с детьми! На время моего отсутствия меня заменила одна из сотрудниц Роно.

* * *

...Давно уже кончился рабочий день. Окно раскрыто настежь. Михаил дежурит у ворот нашего дома. Он давно записался в ополчение, но пока еще выполняет обязанности бойца МПВО по п/дому и по району. В комнату врывается гул ночного города, голоса людей, проходящих мимо наших окон.

Теперь днем и ночью раздается голос диктора или мерное тиканье метронома; это тиканье напоминает крупные дождевые капли, падающие с крыши на крыльцо или на панель.

Все кричит в тебе: жить, жить! И чем больше осознаешь всю опасность, нависшую над жизнью народа, над Отчизной, тем острее эта жажда жизни.

Нет, не просто жить, как трава растет, а жить, чтобы бороться и побеждать, творить и строить. И живет в тебе глубокая уверенность, что мы победим в этой войне. Не может быть, чтобы черные силы взяли верх в этой смертельной схватке. Но сколько жизней унесет эта встреча! Как жаль людей – так бы и взяла бережно в свои руки каждую человеческую жизнь и вынесла бы ее из огня, из смертельной опасности – пронесла бы туда, где яркое голубое небо, где нет никаких горестей, страданий, где только радости и счастье.

В осажденном городе

9 декабря 1941 г.

С каждым днем ходить становится все труднее и труднее. В Ленинграде установлена норма хлеба в 250 гр. для рабочих и 125 гр. для служащих, иждивенцев и детей. Мяса – 200 гр., крупы – столько же. В столовых вырезают талоны на мясо, крупу и масло. По карточке служащего можно питаться в столовой только 8 дней в декаду – получать по тарелке жиденького, почти пустого супа и кашу. Это мы узнали только 8 декабря, когда мы с Михаилом уже проели на супы и кашу все наши крупяные талоны за декаду. Вот уже два дня, как сидим только на 125 граммах хлеба. Хлеб замачиваем горячим чаем – вернее, не чаем, а просто кипятком, пустой водицей.

Позвонила сегодня Сарре – она теперь в Ленинграде, ее перебросили на Ленинградский фронт, она работает в одном из госпиталей на Петроградской стороне. Сарра сказала, чтобы Михаил приехал к ней в госпиталь, она даст кое-что из своего пайка. Михаил пешком потянулся сегодня на набережную Карповки. Сарра дала ему свой хлебный паек в 250 гр., 100 гр. сахарного песку и банку супа – одну тарелку. Когда Михаил пришел домой, мы из одной тарелки супа сделали две.

В городе съедены все кошки. Люди еле-еле ходят. Вчера на моих глазах на улице свалился человек средних лет и тут же умер. Смертность среди ленинградцев растет с каждым днем – от бомбежек и голода. Голод страшнее налетов с воздуха. Да, многие из нас не доживут до светлого дня победы. А в победу мы верим! Ленинградцы живут и работают с этой светлой верой в победу над фашизмом. Пока мы на ногах, мы работаем с утра и до позднего вечера, без выходных дней. Живем тут же – в своем учреждении, на предприятии. Ленинград – фронт, и все ленинградцы как бойцы на передовой линии огня.

Я работаю контролером по учету и выдаче продовольственных хлебных и промтоварных карточек. На эту работу райкомы отбирали самых стойких и проверенных людей.

Еще до создания участковых бюро по учету и выдаче продкарточек, всех работников учбюро и контролеров вызвали в Горком партии. Там с ними беседовал А.А. Жданов. Он говорил, что во все време-

Чернявский Михаил Александрович

на, когда над страной нависала опасность, большевики были «проверщиками хлеба», напомнил о продотрядах в годы гражданской войны. Сказал, что на каждом из нас лежит ответственность за каждый грамм израсходованного хлеба, продовольствия.

Я не была на этом совещании, передаю о нем со слов товарищей.

Моя работа в учбюро многогранна. Приходится ходить по домохозяйствам и учреждениям, проверять правильно ли выдаются карточки. И ходить с обследованиями по квартирам граждан, потерявших продкарточки.

Сколько горя, сколько тяжелого приходится видеть. Люди лежат вповалку –

взрослые и дети... Уже еле живые. Сердце обливается слезами и кровью.

Ни один город не испытывает того, что выпало на долю Ленинграда и ленинградцев. Вот уже три месяца, как мы в кольце блокады, даже больше.

Я помню тот жуткий день. Мы с Михаилом пошли в магазин – на Невский проспект. Вдруг сигнал воздушной тревоги. Вместе с другими мы забрались под арку ворот большого дома. В тот день фашистские самолеты прорвались в город. Стоя под аркой, мы увидели на горизонте яркое пламя и клубы дыма. Кто-то крикнул:

- Бадаевские склады горят.

- Ну, братцы – сказал один старик. – Теперь наголодаемся. Все запасы сгорят.

...Каждый день налеты. Помнится мне день, когда было 24 налета» А теперь еще и обстрелы по городу из артиллерий.

Я не пожелала эвакуироваться, оставлять город в такую тяжкую пору. Решила быть с ленинградцами, бороться на том ответственном участке, куда направила меня партия. Михаил сказал: «Без тебя не уеду», и он тоже остался в Ленинграде, хотя весь их театр эвакуировался, кроме 13 актеров.

Все мы работаем сверхнапряженно. Иногда мне кажется, что совсем умираю – все плывет перед глазами, кружится голова, теряю равновесие. Но напрягаешь все силы – и работаешь. Всю жизнь я «тренировалась» на голоде и холоде, лишениях. Этот навык меня держит на ногах. Михаил совсем ослабел. Боюсь за него и хочу, чтобы он уехал.

Вчера Михаил заметил, что мое лицо распухло, сплошные отеки. Много пью воды, как будто водой можно утолить голод.

Вот уже два дня, как мы с Михаилом ничего не едим, кроме хлеба. Делим наш суточный паек в 125 гр. на три части (а там и делить нечего) – на завтрак, обед и ужин. Утром и вечером поджариваем его на сковороде, без масла – едим гренки. А в обед – делаем тюрю: крошим хлеб в кипяток и едим, как суп.

Завтра Михаил понесет на рынок последнее, что осталось из вещей – менять на хлеб или крупу.

Не знаю, как дотащилась сегодня до дома. Всю дорогу твердила себе: «Будь, как Каляев». Возможно, что перепутала фамилию летчика.

Каляев – летчик, сбивший три фашистских самолета, напавших на него. В этом воздушном бою он получил 11 ранений, из них – 6 смертельных. И все же провел свой самолет на советский аэродром.

Голодно и нашим девушкам из учбюро. Целыми днями они толкуют о еде и об эвакуации.

Мы приставлены к величайшим ценностям – нам доверили беречь каждый грамм хлеба, распределять продкарточки. Я вижу, что кое-кто из наших работников, под влиянием трудностей, дошел до грани спада – морального спада; таких – единицы, но они есть. Ловчат с талонами и карточками, присваивая себе...

10 декабря

Поднялась на 7-й этаж старого петербургского дома – типичного. Даже вспомнился Достоевский. Обнаружила, что все 8 человек – члены рабочей семьи умирают от дистрофии. Карточки потеряны.

Мне, контролеру, приходится составлять акты о положении граждан подавших заявления об утере карточек. Без предварительного обследования и акта, подтверждающего утерю, новых не выдают. Иначе нельзя – ведь на учете каждый грамм хлеба. Вот я и хожу из дома в дом. Поднимаясь по лестницам, держусь за перила и останавливаюсь почти на каждой площадке.

Вот и сегодня я составила акт, потом пошла в столовую и выпросила по своим талонам за вторую декаду три тарелки супа и принесла их в стеклянной банке. Но хлеба у меня не было, потому что вперед не дают, а сегодняшнюю норму я уже съела. Рано утром завтра принесу им свои 125 гр. Но что это для семьи в 8 человек?

Поеду завтра к Сарре и у нее возьму хлеб для себя. Уходя от этой семьи, думаю о том, что никто из них не знает и не предполагает, что хлебный инспектор сам еле волочит ноги и скоро свалится от голода...

Но какие есть мелкие души! Некоторые из наших инспекторов-контролеров до того забюрократились – что даже кричат на клиентов, приходящих за хлебными карточками.

Есть в нашем городе и такие, что настроены враждебно, ждут немцев. Вино-

вницей голода и войны считают Советскую власть.

Наш сосед Васильев даже изрек:

- Ну, теперь вопрос скоро решится. Немцы прут на Москву. Возьмут Москву – и войне конец.

Ждет немцев.

Но ленинградцы, невзирая на голод и налеты, ведут себя героически, делают все для победы. Под Москвой фашисты получили сокрушительный удар.

Но Ленинград все еще в кольце блокады. В январе и феврале будет еще труднее – сейчас организм еще держится кое-как старыми запасами.

Нет света, нет воды. Мы сидим на жестком электролимите. Поочередно выключается на неделю то один, то другой район. Уже два месяца, как нет керосина. У нас нет дров. А морозы стоят такие, что трамваи и троллейбусы стоят. Ленинградцы тянутся пешком с Охты и с других окраин в центр города. По дорогам, по рельсам, не считаясь с правилами уличного движения, тянется народ пешком, волоча за собой детские саночки с домашним скарбом, либо с больными, ослабевшими людьми, либо... с мертвецами, зашитыми в простыни или одеяла. Санки – это теперь самый распространенный вид транспорта в Ленинграде.

Ленинград – фронт. Люди, голодные, стоят у станков и работают – делают снаряды и многое другое для победы над врагом. А сколько гибнет от голода, и снарядов...

11 декабря 1941 г.

С сегодняшнего дня нам, контролерам, установлена 1-я категория – будем получать 250 гр. хлеба. Значит, нам с Михаилом будет полегче: вместе с его 125 граммами будем иметь 375 гр. хлеба в день.

25 декабря

Боюсь за Михаила. Как хорошо, что Соня с Яной и Наденька эвакуированы.

Мне уже трудно работать. Очень хочется есть – до тошноты, до обморочного состояния. Но я еще в строю. Михаил тоже. Он с бригадой актеров обслуживает армию, фронт. Кроме того, выполняет обязанности бойца МПВО.

Ленинградцы уже привыкли к обстрелам и бомбежкам. Их даже в бомбоубежище не загонишь – стоят в очередях за хлебом, бродят по улицам. Иногда во время налета или обстрела стоят под воротами какого-нибудь дома, пока не дадут сигнал отбоя.

13 января 1942 г.

Сегодня Михаил собрал с подоконника оставшиеся с осени промерзшие зерна овса и пшена, которыми он кормил голубей. Маленькая, совсем крохотная горсточка – не больше столовой ложки. Они, эти зерна, были вперемежку со снегом и голубиным пометом. Он промыл их и сварил суп «с крупой». И сварил студень из столярного клея, который получил на рынке в обмен на пару своего трикотажного белья. Кроме столярного клея получил горсточку табаку. Он очень страдает

из-за отсутствия курева. Пару раз даже отдал свои ломтики хлеба за табак.

10 апреля 1942 г.

22 марта умер Михаил. Я тоже была уже в состоянии полнейшей прострации. Лежала на своей кровати, а Михаил – на своей, три дня лежала с покойником. Только 25 марта пришли девушки из МПВО, зашили его в простыню и сохранившуюся зеленую гардину.

Моргов в Ленинграде было много – тот, куда свезли Михаила, помещался где-то возле завода имени Марта. Помню, что я даже не ужаснулась, когда увидела штабелями сложенные трупы, как дрова. Те же девушки – их звали Тося и Ната – поволокли меня домой и уложили в постель. А вечером вдруг явилась Сарра. Увидела пустую кровать Михаила и сказала: «Ох, кажется, я опоздала». Да, если бы хоть на неделю раньше появилась она, возможно, она бы спасла не только меня, но и Михаила.

25 марта, когда бойцы МПВО положили его останки на большие деревянные сани-розвальни, я пожелала сопроводить его до морга. Посадили на сани и меня: закутали в шали и множество платков поверх моего ветхого зимнего пальто.

Люди не долговечны. Мы должны помнить об этом и внимательно, справедливо к ним относиться, не нанося ненужных обид. Я всегда твержу себе эту простую истину, но жизнь так сложна, что мы, вольно и невольно, обижаем людей, особенно родных и близких, с кото-

рыми живешь под одной крышей, бок о бок, повседневно, годами; часто теряем такт в пылу спора и говорим друг другу много обидных вещей, о чем жалеем впоследствии. И как это тяжело теперь, когда человека уже нет. Остается только невыявленная нежность к нему и горечь от невозможности загладить невольно нанесенные обиды.

В основном, мы с Михаилом жили дружно, ссорились редко, но временами бывали споры – иногда между нами вставала стена непонимания, тогда в пылу дискуссии, доходили до раздражения и несправедливых укоров. Такова жизнь – и от этого никуда не уйдешь – от таких стычек и столкновений даже между очень близкими и горячо любимыми людьми.

Михаил умер и меня не покидает горечь от сознания, что он не эвакуировался в первые дни войны со своим театром, потому что я решила остаться в Ленинграде; тогда и он заявил, что один не уедет. А когда он уже стал валиться с ног и пожелал эвакуироваться, и я оформила все документы на его эвакуацию, - уже было поздно, он совсем слег, а вслед за ним – и я. Теперь ничего не вычеркнешь и не вернешь. Успокаивает одно: ты знал, что за 18 лет нашей совместной жизни я была тебе верна, как жена. Ты мне глупо верил в этом и даже не ревновал к моей дружбе с Эльмаром. Я тебе показывала все его письма и мои письма к нему. О, как бы мучило меня сознание, что я переступила через супружескую верность, если бы это случилось! Нет, я не ханжа, я

допускаю возможность подобных случаев, но Михаил был таким верным другом, заботливым и любящим, что это было бы низостью с моей стороны, если бы я совершила подобное – изменила бы ему. Я не могла бы причинить ему подобное горе. И вообще, я принадлежу к категории людей, которые не умеют шагать по головам других; для меня это исключено – добиваться личного счастья или личных благ, не считаясь с человеком, которому ты дорога, который тебе верен. И вообще – с любым человеком, если знаю, что это доставит ему горе, страдания.

17 апреля 1942 г.

Михаил похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище – такую справку мне прислали.

А город Ленина – совсем весенний. Восстановлены чистота и порядок – сами ленинградцы это сделали, работали с лопатами, кирками и метлами. Уже по некоторым маршрутам идут трамваи. У ворот играют дети – те, что уцелели. Женщины дежурят у своих домов, читают, вяжут, переговариваются.

Большое солнце. Весна в разгаре. Все залито ярким светом. Радио разносит по городу веселые песни, вальсы, арии из опер.

После смерти Михаила я, кажется, начинаю только теперь оживать. Только у Сарры в госпитале, где я лежала около двух недель, и теперь здесь, в стационаре (стационары – лечебные учреждения полусанаторного типа для дистрофиков)

на Фонтанке я начала приходить в себя – после перенесенного кошмара, причиненного смертью Михаила. Стала спокойнее относиться к людям, ко многим вещам.

Ведь далеко не все так хорошо, как представлялось мне в начале войны.

Там, на фронте – героизм, подвиги, проявления прекрасной человеческой сущности, выкованной в наших людях за годы Советской власти. И здесь, в Ленинграде, в тылу – тот же героизм и подвиги, которые золотыми буквами будут вписаны в историю Человечества – массовый героизм ленинградцев. Но вместе с тем война обнажила не только все светлые стороны в личности советского человека, в нашей жизни, но и темное, гнусное, поганенькое, что пряталось по углам, приспособляясь к нашему строю, а сейчас выползло на свет божий.

Теперь, когда в стационаре, я понабралась сил, стал выравниваться взгляд на многие вещи, ровнее стало отношение к людям. Здесь я увидела матерей, которые отдают последние крохи хлеба детям; детей, которые откладывают часть своего суточного пайка, чтобы отдать отцу или матери, они делятся даже с чужими. Я увидела людей, готовых протянуть руку помощи любому, кто в ней нуждается – поделиться последними убогими крохами.

Здесь много больных детишек. Они – мои друзья. Читаю им книжки, рассказываю сказки. Вместе рисуем, выпускаем стенгазету. Теперь готовим первомайский номер.

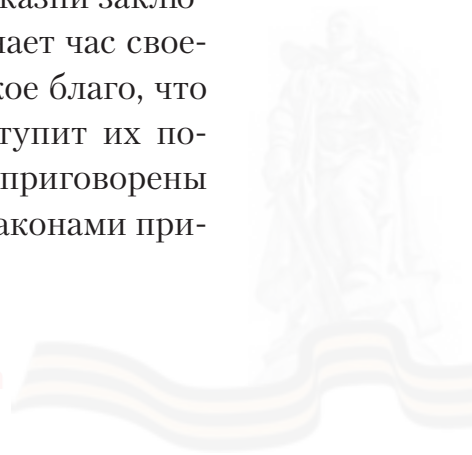
18 апреля 1942 г.

Степень наших радостей и нашего горя, мне кажется, зависит и от нашего умения видеть явления и вези не однобоко, а в их сверкающей многогранности.

Сегодня мне разрешили выйти в город. Решила навеститься домой – пошла, конечно, пешком – по этому маршруту – по Невскому – трамваи еще не идут. Дома все так же неуютно, пусто и холодно. Побеседовала с Лизериной и пошла домой. Лизерины – это новые соседи, вселенные в нашу квартиру – там, где жили Рихтеры.

Потом я пошла посмотреть, как выглядит сквер у Исаакиевского собора. Вспомнила, как ходили мы здесь с Мишей до войны и годы войны. Тогда вдоль ограды сквера стояли танки и грузовые машины с орудиями под брезентовыми чехлами. Нам было уже тяжело ходить, но мы не унывали, были полны надежд на скорую победу. Михаил даже весело смеялся своим добрым, детским, заразительным смехом – смехом большого размаха. Он не знал, что через полгода уже не будет ступать по земле и смеяться...

О, во что превратилась бы жизнь человека, если бы он знал день и час своей смерти! Ведь весь ужас выносимого судом приговора к смертно казни заключается в том, что человек знает час своего конца. И какое это великое благо, что люди не ведают, когда наступит их последний час, хотя они тоже приговорены к смерти – самой жизнью, законами природы.

* * *

Михаил навсегда останется в моей памяти большим ребенком, жизнерадостным, веселым, иногда наивным, но всегда глубоко наблюдательным и на редкость остроумным.

Многое удивляло и умиляло его, как ребенка. Я не встречала человека, который так любил бы животных, особенно, собак. Но его умиляла и гусеница, ползущая по траве:

- Анечка, посмотри, какая у нее чудесная шубка!

24 апреля 1942 г.

Скоро кончается мой вынужденный отдых, вызванный дистрофией. Буду работать на той же работе – в учбюро. Постараюсь никогда не уподобляться тем работникам, которые забывают, что они – для трудящихся, а не наоборот. Как разговаривают они с просителями – даже в наше трудное, военное время! Каждое дело, каждая сводка, каждая бумажка превращается у таких работников в нечто самодовлеющее, они не видят за сводками людей.

2 мая 1942 г.

Я уже работаю. С 1 по 20 мая мне дали усиленное питание и прикрепили к специальной столовой, где выдают такое питание людям, вышедшим из стационаров. Я прикреплена к ресторану «Москва». Сегодня, за завтраком, опять вспомнила тех, кто не дожил. Михаил, Миша... Бедный Миша!

*Михаил в роли Капитоньча.
Спектакль «Анна Каренина»*

Сарра написала нам, что в кухонном шкафчике, что стоял в ее комнате, осталось немного круп.

Мороз. Плетемся пешком. Ты волочишь за собой детские санки – теперь это обычный вид транспорта ленинградцев. Вышли утром, а притазились только через 7 часов. Ничего из круп не нашли, только в стенном шкафу – коробку с елочными игрушками Катеньки, а в ней – два позолоченных елочных ореха. Михаил расколочил их, и мы их съели. И в тот день это был наш завтрак, обед и ужин,

потому что все талоны за декаду на жиры и крупы были съедены, а до конца декады оставалось еще несколько дней.

Когда мы пришли в пустую, разоренную Саррину комнату, Михаил заплакал:

- Анечка, здесь была жизнь, были дети, все было обжито и мило, а сейчас – пусто.

Да, смерть Михаила – большая травма. Когда я пришла в учбюро и увидела небольшой диванчик, на котором так часто сидел Миша, утомленный бегом по столовым – то за кашей, то за супом – в своей плохонькой, уже совсем износившейся шубе, с рюкзаком на спине, а в рюкзаке несколько банок для каш, – стало нестерпимо больно.

Вчера официантка Дина из столовой Райисполкома вспомнила Михаил:

– Он всегда брал свой обед домой; говорил, что жена больна и должен отнести свой обед домой.

И когда он с бригадой актеров выезжал на передовую – обслуживать армию, фронт, - он и оттуда все приносил домой. Товарищи говорили ему:

- Мишка, ешь, ты уже совсем плох.

А он не съедал, носил домой, чтобы со мной поделиться.

Вот и остановилось навсегда горячее сердце человека, которое было так предано мне, так любило жизнь и все живое. А ведь он был такой крепыш – мог бы жить 100 лет. У него в роду все жили по 90-100 лет.

Он так боялся смерти, а умер в одиночестве – в мое отсутствие, когда я почти на четвереньках потащилась, встав со смертного ложа, в ближайшую столовую

за порцией каши. Была большая очередь. Когда притащилась домой с помощью Паши, бойца СПВО, что жила в нашем доме, Михаил был уже мертв. Представляю себе его ужас, когда он почувствовал, что умирает, а меня нет. Он крикнул пару раз «Аня, Аня» - это слышал кто-то, проходя по лестнице – кто-то из соседей. А я была в столовой, что на углу Невского и ул. Герцена. Хотела для тебя принести кашу, но каш не хватило, пришлось ждать. Я плакала, но прийти домой без каши и видеть твои голодные, вопрошающие глаза я не могла.

Мне было ясно, какая здесь без меня происходила борьба с наступающей смертью! Он протянул руку к стакану воды, что стоял на стуле – и не дотянулся. Это было его последнее желание в жизни – глоток воды, чтобы успокоить сердечный приступ. Стул был опрокинут, стакан лежал на полу и из него растеклась на полу вода, его рука была протянута к стулу, уцепилась за его спинку.

Михаил уже ничего не чувствует. А я не могу отделаться от ощущения, от странного чувства, - как будто конденсированный стусок его страданий в предсмертный час, усугубленный моим отсутствием, повис в воздухе, как нечто материальное, весомое, овеществленное и продолжает существовать во времени и в пространстве.

Кто говорит, что страдания преходящи, что страдания, причиненные человеку, можно искупить, загладить? Ложь. Ничего – ни одно из страданий – не ис-

купимо, не исправимо. Оно продолжает жить, впаянное в общий комплекс наших жизненных, житейских явлений, как элемент жизни, как ее придаток. Нет, больше чем придаток...

4 мая 1942 г.

Я не хочу вдумываться в этот факт, – но все же никто из работников нашего учбюро, никто из контролеров не потерял никого из членов семьи, никто у них не умер от дистрофии, и сами они не выбыли из строя, как я, - от голода.

7 мая 1942 г.

- Анечка, ведь я не умру? Ты мне не дашь умереть? Ты спасешь меня?

Это Михаил твердил, когда я стала настаивать на его эвакуации. Он просил быстрее все оформить. И я оформила быстро. Но его нарастающая слабость опередила меня. Смерть всегда торопится.

Совесть – это тончайший инструмент высокой чувствительности, способный выворотить, вымучить всю душу. Почему меня не покидает сознание вины перед Михаилом? Ведь только потому, что я выжила, а он – нет; потому, что я не была достаточно настойчивой и не настояла на его эвакуации в начале блокады.

11 мая 1942 г.

Бродил по земле, топал своими ножками-коротышками маленький мальчик, дитя человеческое. Потом вырос в большого ребенка. Так и остался ребенком на всю жизнь. У него был особый

путь – трудный и сложный. Своя жизнь. И теперь все оборвалось. Ой, как тяжело. Когда думаю о трудном часе его смерти – и мое сердце останавливается.

15 мая 1942 г.

Я так и не разобралась: или Миша не знал, не предполагал, что близок конец и потому был сравнительно спокоен перед неизбежным концом, или же он понимал, что это конец, но из большой любви ко мне скрывал свои страдания?

- Анечка, - сказал он однажды, будучи уже больным, - разреши мне поплакать.

А в другой раз он сказал:

- Я лежал спокойно, даже не стонал, чтобы ты спала. Я старался не беспокоить тебя до самого утра.

А ведь и я лежала, и мне было худо, но и я не стонала.

А Михаила, кроме дистрофии, начиналась цинга. Ему было труднее.

16 мая 1942 г.

Дни наполнены большим содержанием – работой, сознанием важности этой работы, любовью к сестрам и двум племянкам – Яне и Наде, партийной работой, верой в нашу победу, письмами Эльмара. Он опять написал в одном письме: «Аня, ты – восхитительна, блистательна». Он латыш и иногда выражается не в соответствии со строем русской речи, хотя русский язык знает достаточно хорошо и вполне грамотно пишет. А я не могу отделаться от большой тоски по Мише.

17 мая 1942 г.

Упала женщина, когда я шла на работу. А потом упал старик. Чья-то мать, чей-то отец...

Но жить в Ленинграде стало полегче. Смертность от дистрофии снизилась. Помогла «дорога жизни» и забота всей страны о блокадном Ленинграде. К тому же и надвигающееся лето – ждем продукции от своих огородов.

Трудно передать, с каким, буквально священным, трепетом беру я в руки каждую продкарточку – ведь за нею стоит живой человек и больше – наша победа над врагом. Я говорю о продкарточках, которые учбюро выдает ленинградцам.

22 мая 1942 г.

То, что Михаил умер в мое отсутствие – это величайшее предательство с моей стороны – по отношению к нему. И Розочка умерла в мое отсутствие. Не ждет ли и меня такой одинокий конец?

22 мая 1942 г.

Обследуя домохозяйства и учреждения (правильность выдачи продкарточек), встречаюсь с интересными людьми, с подлинными героями. Но есть и такие, как управляющая домохозяйством № 110 – Зубакова. Приходится иногда превращаться в следователя и передавать дела прокурору. Зубакова уже арестована. Ведется следствие, мой материал о злоупотреблении ею продкарточками полностью подтверждается. Воровала у голодных ленинградцев крохи хлеба и продуктов –

для себя и своих родичей, продавала карточки, спекулировала.

27 мая 1942 г.

Я нетерпимо отношусь к недостаткам и порой забываю, что человек не может прыгнуть выше своей головы.

...Тоска по Мише не проходит. О, горе мне, горе! Никогда не успокоюсь. В руках моих была большая ценность – человеческая жизнь, а я не уберегла ее, упустила, и она разбилась вдребезги, навеки и безвозвратно. Ох, это чувство безвозвратности!

Но что я могла сделать? Не могла же я идти по стопам Зубаковой? Я ведь и сама умирала...

15 июня 1942 г.

Обращаешься с людьми, ходишь по квартирам и делаешь новые выводы: замечаешь и делаешь то, что не замечала раньше. Мне теперь совершенно ясно, что мы, коммунисты, в последние годы недооценивали значение антирелигиозной пропаганды. Решили, что в СССР – все атеисты, безбожники. А теперь, обходя квартиры граждан (составляю акты об утере хлебных и продкарточек), убеждаюсь в том, что религия занимает еще прочное место в быту у многих.

Пулькина – ответственный редактор Гостехиздата, а сестра ее корректор. У обеих за плечами – два-три ВУЗа. Пулькина – математик, немало книг технических прошло через ее руки. Сейчас выпускает оборонную литературу. Часто бывает по вызовам в Горкоме партии. А дома – все

Анна Берман на фото справа

углы в иконах. То же и у Коварской, нашей активистки (из управхозов).

Была у Побединских. Это культурнейшие люди, у матери тоже за плечами два ВУЗа. И у них иконы. И у тети Наташи, уборщицы Райбюро. Но ей простительно – полуграмотная старая женщина. А первые? Люди с большим образованием, причастны к «точным» наукам, работают в советских органах. Или эти иконы появились, как маскировка, - на случай прихода немцев? «Мы, мол, не коммунисты и не советски настроенные люди. Видите – в бога верим, иконы».

Значит, ждут немцев? Не верят в нашу победу?

Я опять делаюсь рабом своей сверхдеятельной природы. Перестаю управлять собой – совершенно не отдыхаю, не сплю.

20 июня 1942 г.

Весь день стоит перед глазами актер гостеатра драмы и комедии, где работал Миша – Невражин. Мы шли как-то на Клинский рынок, собирались что-то менять на хлеб. И тем увидели Невражина. Тощий, с протянутой рукой, в которой он держал две шоколадные конфетки, - пытался выменять на 200 гр. хлеба. Я видела, что он уже на грани, скоро умрет. И ничего не могла ему дать.

И он действительно вскоре умер. И жена. И трехлетний ребенок. У Невражина и жены не было детей. И вдруг, когда им было уже около 48 лет, у них родился сын. Какая это была радость! Как они ликовали, как лелеяли его! А теперь – нет сына. Что осталось от этой радости? От целой семьи?

16 июля 1942 г.

Как только получаю письмо от Эльмара, перед глазами возникает смертное ложе Михаила и он, умирающий, с черными запекшимися губами, невероятно утончившимся, с тоскующими глазами.

Из 14 актеров театра, где работал Михаил, 13 умерли (те, кто не эвакуировались). Михаил умирал тринадцатым. Когда хоронили двенадцатого – Альберти или Толубеева, брата известного актера драмы имени Пушкина, Миша сразу поник.

- Неужели тринадцатым буду я? – сказал он.

Так и случилось.

* * *

Видела на рынке 12-летнего мальчика с красным пионерским галстуком. В костлявой ручонке (только кожа да кости – дальше некуда, дальше – смерть) держал свое сокровище – «Дети капитана Гранта». Он просит только 150 гр. хлеба. Он голоден. При мне был только кусочек хлеба – от моего пайка – 50 гр. Отдала ему; книгу, конечно, не взяла.

И видела другого мальчика. Он сидел на ступеньках парадной двери большого дома, перед ним – две стеклянные вазы,

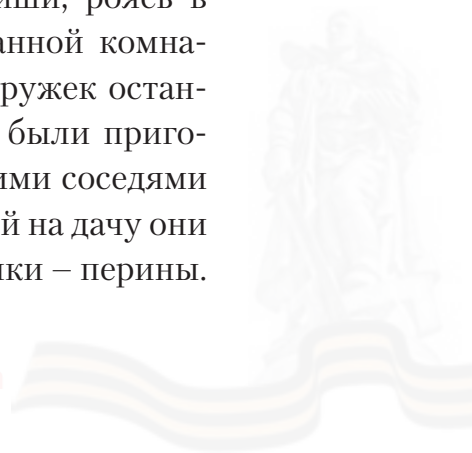
два блюдца, Дед Мороз и несколько елочных игрушек. Срочная эвакуация. Распродается последнее, что осталось. Этот, возможно, выживет.

О, проклятье тому, кто разорил твой дом, малыш, твое гнездо, твою семью, кто разбросал по миру твоих сестер и братьев, замучил твоего отца! Остались только мать да ты. Это все он успел мне рассказать.

15 июля 1942 г.

По комнате, залитой солнцем, бегают, топает ножками маленький ежик в колючей игольчатой шубке. Ежик принадлежал Надюшке. Когда она эвакуировалась с детским садиком, а Сарра ушла на фронт, Миша забрал ежика. Он так любил его, возился с ним, поил молоком. Звал его «ёжа», «ёжка», а затем – «Иоська». Миша так любил животных. В дни нашего с ним знакомства в Джанкое, когда он шел на работу, его сопровождала буквально свора собак – и даже коты и кошки. Он давал им всем прозвища: среди собак была Джулька, и «Эуген несчастный» (из пьесы того же названия), и Барбос. Среди котов – Васька, Беляк; была и кошка Мурка с котятами.

Этот наш ежик вдруг неожиданно исчез, когда нечем было его кормить. И только после смерти Миши, роясь в сварке мусора в бывшей ванной комнате, я обнаружила в грудке стружек останки «Иоськи». Эти стружки были приготовлены еще до войны нашими соседями – Рихтерами. Перед поездкой на дачу они набивали ими спальные мешки – перины.

Но началась война, Рихтеры эвакуировались, стружки остались. В них-то и зарылся голодный ежик.

Каждый день вспоминается что-нибудь из нашей совместной жизни. Какая была у нас ладная совместная жизнь. Жили «душа в душу».

Михаила нет. Вещи переживают людей. Вот на письменном столе – развалюха - потому его никто не взял в обмен на продукты - негритенок, неуклюжая, топорная статуэтка на крышке фарфоровой коробки. Голова негритенка давно отвалилась, она приклеена к корпусу и часто слетает. Эта коробка с негритенком была ему дорога, он говорил:

- Этому негритенку столько же лет, сколько и мне. Его мне подарили в день, когда я родился, принес мой дед.

Воспоминания на каждом шагу. Вот у этого магазина мы с тобой жадно набрались на детские медовые пряники, полученные по сахарным талонам. И все съели тут же – у магазина.

А здесь, у этого камня, утоляли жажду снегом. Было это у Казанского собора. Брали снег пригоршнями и слизывали языком.

18 июля 1942 г.

Приятно теперь бродить по городу. Воздух чист. Нет фабричной копоти. Только острый запах моря, когда ветер дует с залива. И легкий белый пух в воздухе – разлетающийся тополиный цвет.

Ленинградцы немного ожили – с наступлением лета. Появился добавочный

продукт питания – травы. Делала крапивные щи, из трав – котлеты. Пропускаем их через мясорубку, а у кого нет мясорубок – просто рубим ножом. Из пригородов, не занятых немцами, вернее – с окраин Ленинграда – привозят картошку. Да и сами ленинградцы обзавелись своей картошкой: все сады, скверы, парки, где нашелся свободный клочок земли, распаханы под огороды. Даже в центре города, в сквере у Исаакиевского собора – огородные грядки.

19 июля 1942 г.

Однажды Миша сказал:

- Анечка, мы с тобой погибнем из-за нашей щепетильности.

Нет, он не толкал меня на путь преступления. Через мои руки проходили несметные сокровища – хлебные и продуктовые карточки. А у меня умер муж от дистрофии, и я сама еле выжила, благодаря Сарре.

Обследуя частных граждан, я вижу, что кое-кто живет по двум карточкам: или от умерших остались и не сданы, или достались другим путем. Ведь к нам часто поступают заявления об утере карточек. А как проверишь? Выдаем дубликаты. Не выдать – можно загубить человека, если действительно потерял. А ведь есть и ловкачи, которые карточек не утеряти, просто захотели получить вторые.

Появилась в Ленинграде и специальная категория «ухаживателей». Это люди, которые «ухаживают» за соседями, кто на ладан дышит; они выкупают их хлеб, продукты, присваивают львиную долю себе,

и тем ускоряют смерть того, за кем «ухаживают».

За мной и Михаилом ухаживали две девушки – бойцы МПВО, бывшие домработницы соседей, живущих ниже нас этажом (соседи эвакуировались). Ухаживали честно. А в день Мишиной смерти были заняты, вот почему мне пришлось ползти за кашей, и Миша умер в одиночестве.

Война ужасна и тем, что она деморализует неустойчивых людей, калечит их сознание. В мирных условиях морально не очень устойчивый человек может до самой смерти оставаться честным человеком, добропорядочным. А в условиях войны, когда он сталкивается с лишениями и если нет на него влияния порядочных людей – благотворного влияния – такой человек может дойти и до преступления.

Да, сейчас каждый, как на ладони. Война выворачивает наизнанку все нутро человека – все светлое и благородное, что таилось в нем, и все низкое, уродливое.

6 августа 1942 г.

Дома почти не бываю. После смерти Миши перешла на казарменное положение: ночую в учбюро, здесь тепло, а дома неуютно, сыро. И совсем не тянет в пустую комнату, где никто тебя не ждет.

Трое суток была непрерывная канонада – стреляли с финского берега по городу. Да, мы – на фронте.

Как мне дорог наш Ленинград – эта симфония из камня и воды. И какая стройность линий.

Повсюду теперь огороды. Над грядками летают, порхают мотыльки.

Готовимся ко второй блокадной зиме.

7 августа 1942 г.

Сегодня я представила Емельяновой, нач-це учбюро акт об одном домохозяйстве, где я обнаружила явные злоупотребления. Мне был брошен упрек, что я «из мухи делаю слона». Вот как! Я борюсь за каждый грамм хлеба, а когда обнаруживают уворованный у голодающего населения грамм, расцениваю это, как мародерство на фронте. Иначе не могу и не буду, если это даже кое-кому не нравится.

У меня явилась сегодня мысль: контроль и контролеров надо убрать из участковых бюро и из райотделения; оставить за учбюро РО только функции выдачи карточек и учета. Тогда не будет сращивания контролеров с учбюро, контроль будет острее и действеннее. Разве это правильно: инспектор учбюро выдает карточки и продталоны и он же контролер? Это все равно что продавца магазина сделать контролером.

10 августа 1942 г.

Вот уже год, как я проработала на этом важном фронте – хлебном, продуктивном. И в холод, и в голод, и под бомбежками, обстрелами.

13 августа 1942 г.

По городу расклеено стихотворение К. Симонова «Убей его!» Правильно.

Убей его! Стихотворение написано проникновенно и страстно.

...А в городе налаживается революционный порядок. Разрушенные дома замаскированы.

* * *

В мае этого года всех контролеров учбюро направило в типографию имени Володарского – дежурить у машин, когда печатаются прод. и пром. карточки. Нас направило Горуправление. И тогда меня поразило, что мы, контролеры, не знали – нам не говорили – сколько листов бумаги идет на каждую машину. Мы зорко следили, стояли у машин, глядели в оба глаза, сами меняли каждый забракованный лист бумаги, передавали на машину чистый лист; брак активировали, подбирали все клочки госзнаковской бумаги, сжигали. Но тут мало одной только надежды на зоркость твоих глаз. Какой толк в контроле, если мы не знали, сколько листов дано на машину? Мы не могли быть гарантированы, что нет утечки на сторону – утечки отпечатанных карточек.

Я подняла по этому поводу шум. Мое предложение учли: теперь – мы хозяева бумаги, все листы, идущие на машину, пронумерованы и проштемпелеваны.

Сегодня мы дежури́м в типографии, положение изменилось: контролеры записывают каждую пачку, что идет на машину (записываем номера – от и до), записываем номера бракованных листов и их замены. Обнаруживая в пачке недостающий номер, записываем его и составляем акт.

Но добраться до причин недостачи и где получилась эта недостача, из чьих рук вышла пачка с нехваткой – не можем. Просчет ли это счетчицы или злоупотребление? Среди счетчиц типографии – обезличка. Счетчица не ставит свою фамилию на ярлычке (на пачке), как браковщица на фабрике или заводе. Отсюда и безответственность у счетчиц: можно просчитаться или унести пачку – и неизвестно, с кого спросить. Может быть, это не вина счетчицы, отпускающей со склада чистую бумагу, а вина того, кто в цехе подсчитывал съём с машины. Я внесла предложение: ликвидировать обезличку в работе счетчиц. Оно принято.

20 августа 1942 г.

Вот и наступила годовщина блокады Ленинграда. Вступаем во второй год. Какое будет нам нынешней зимой?

22 августа 1942 г.

Видела сегодня молодую женщину, которая с жадностью, тут же на улице, возле сквера у Казанского собора, поглощала свои лепешки... из травы. Она ждала трамвая. На остановке было много народу: молодые, старики и дети. Все были по-деловому сосредоточены. Я тоже ждала трамвая. Стояла и думала: а ведь другой народ – не советский – если бы попал в условия ленинградцев, вел бы себя не так. Какой это был бы разгул хищений, разбоя, алчности, преступлений, падения всех моральных устоев! А у нас – революционный порядок, революционный дух и

беспредельная воля к победе, строгая подобранность и человечность и товарищеская взаимопомощь.

23 августа 1942 г.

Сегодня дежурю в райотделении. Шла на дежурство мимо Публичной библиотеки. В Екатерининском сквере на одной из клумб несколько ярко-желтых ноготков. Их бархатные венчики, как огоньки, как язычки желтого пламени, выглядывают из зелени трав. И больше никаких цветов. Но верится, что скоро здесь все опять расцветет и возликует жизнь. Но, пока мы еще в кольце блокады. И каждый день – обстрелы, частые – с короткими промежутками передышки. Из тяжелых артиллерий. Мы к ним уже привыкли, как и к налетам с воздуха. Налеты стали реже, но обстрелы – ежедневно. Это теперь постоянный компонент нашей блокадной жизни. Они страшнее налетов: о надвигающемся на город вражеском самолете всегда предупреждает сигнал воздушной тревоги, а обстрелы – никаких сигналов нет, да они и невозможны, население узнает о них по жуткому свисту в воздухе, когда уже летит снаряд, и не может укрыться своевременно в бомбоубежище. На некоторых улицах появились предупреждающие плакаты: «Во время обстрелов эта сторона улицы наиболее опасна!»

Регулярно выходит «Боевой карандаш» - листки ленинградских художников. Они вывешиваются на окнах Правления Союза художников – на улице Герцена, рядом с домом, где я живу. У этих

окон всегда много людей – читают листки. Они напоминают листки РОСТА, которые выпускал В. Маяковский!

27 августа 1942 г.

Было совещание контролеров в Горуправлении. Начальник ГУ Трифонов напомнил нам, что контролерами должны работать люди грамотные, энергичные, острые, неподкупные, предельно преданные нашему строю и кристально честные.

Я подумала: а он руководствуется этим принципом, подбирая кадры в Горуправлении? Секретарем у него работает Здобнова. Я знала ее в 1930-31 гг., когда она работала техническим секретарем в Московско-Нарвском РайКК-РКИ. Когда я увидела там впервые эту маленькую горластую женщину, мне сразу захотелось повернуть обратно и отложить свои вопросы до прихода председателя Мещерского, который был в тот день на заседании бюро Райкома партии. Секретарем РК был в те годы легендарный герой гражданской войны Иван Иванович Газа.

В 1931 г. Здобнова ушла на другую работу, и больше я ее не видела. И вдруг встретила здесь: такая же грубая, крикливая. Говорят, что просители боятся заходить к ней со своими насущными вопросами. И еще говорят, что она далеко не неподкупный работник.

28 августа 1942 г.

О Мише думаю непрестанно. Мне кажется порой, что я недостаточно любила его, он заслуживал большей любви.

Мне вспоминается рассказ А.П. Чехова, названия не помню. В сильную бурю, когда море бушевало и клочкотало, человек сел в лодку и оттолкнулся от берега. Куда и зачем он ехал, не помню. Очевидно, кого-то спасать. Жена, которую он крепко любил, была холодна к нему. Она стояла на берегу и, когда увидела, что он постепенно стал удаляться в страшную, бушующую пучину, она вдруг прониклась к нему глубокой любовью, стала звать его, протягивать к нему руки, но было уже поздно: пучина поглотила его.

Нет, я любила Мишу, не была холодной, нечуткой женой; была верным другом, но сейчас мне многое представляется в ином свете.

Михаил, Миша... Он навсегда уплыл в небытие, а я осталась на этом берегу с моей безысходной тоской.

Вся его жизнь – это мучительные попытки освободиться от пут войны – империалистической 1914 года, в которой он участвовал, потом – войны с германским фашизмом. С детских его лет война, как Дамоклов меч, маячила перед ним и предопределила все дальнейшее течение его жизни, исковеркала ее. В первую мировую войну он был солдатом, валялся в окопах – и на всю жизнь схватил жесточайший ревматизм, во время приступов боли в ногах, он кричал на весь дом. После первого боя, когда он вышел из окопа, товарищи сказали: «Мишка, ты весь белый – совсем седой». Он поседел в 20 с лишним лет. Лицо молодое, а седой. Война разбросала по всей стране его семью.

Война и голод. Отец его умер от голода, а мать с детьми уехала из родного Екатеринослава в Крым, Михаил ничего не знал о семье.

Потом – новая война, которая унесла и его, Мишу.

Война – как меч над головами людей нашего поколения. Живем, как на вулкане. Она наложила отпечаток на каждого человека нашего времени. Японская, первая мировая, вторая...

Когда я уже совсем распухла от голода и еле волочила ноги (а Михаил уже лежал, не мог вставать) я дотащилась до поликлиники. Там увидела немолодого человека, вернее – старика, с протезом вместо ноги. Он ждал своей очереди к врачу. Завязался разговор о войне, блокаде, голоде.

- Да, сказал человек с протезом, - одну мою ногу немец забрал в 1914 году; теперь, очевидно, за другой пришел.

29 августа 1942 г.

Эльмар перестал писать. Как будто Михаил, уходя из жизни, крепко пожелал, чтобы я потеряла и его – Эльмара Керре. Как у донны Анны в «Каменном госте». После смерти Миши я чаще стала думать об Эльмаре, о дружбе с ним. Это чисто платонические отношения – ведь у Эльмара семья, а у меня был Михаил.

Как только вспоминается Эльмар, передо мной возникает образ Михаила, умирающего в холоде, голоде и одиночестве. Это – как тяжелая длань Командора, разрушающая любовь донны Анны.

3 сентября 1942 г.

От Сони получила телеграмму, от Яночки – тревожное письмо. Им плохо, они голодают, не осталось одежды на зиму, ходят почти босиком. Яночка, золотой мой цветочек! Вот и ты с ранних лет уже познала все ужасы войны – бомбежки, холод, голод, скитания по дорогам войны.

Я посылаю им регулярно часть своей зарплаты, но они получают ее с большим опозданием. Что делать? Как им помочь?

9 сентября 1942 г.

От Эльмара получена открытка – после большого перерыва. Может быть, он был в таком месте, в таких условиях, что не мог писать?

* * *

Многие не эвакуировались из Ленинграда, потому что не хотели срывать с насиженных мест, оставлять нажитые за долгую жизнь вещи. Думали: «авось уцелеем, выживем». Привязанность к обжитому углу, к вещам – погубила многих. Нет, их нельзя осуждать! Это такое естественное человеческое чувство – привязанность к обжитому месту, к родному дому, к дорогим тебе вещам, с которыми связано так много воспоминаний.

20 сентября 1942 г.

Как омерзительны эти сытые, пышно-тельные «талонщицы», вырезающие в столовых и магазинах карточные талоны у голодных людей и ворующие у них хлеб и продукты. Это делается просто: «по

ошибке» вырезают больше положенного, а голодный человек обнаруживает это только дома, когда никому уже ничего доказать нельзя.

7 октября 1942 г.

Вот уже полтора месяца, как получаю от Сони и Яны тревожные письма. Как им помочь? Или поехать в Рыбинск?

8 октября 1942 г.

Кажется, надо ехать. Но не могу покинуть Ленинград в беде. Это все равно, что бежать с передовой – в тыл.

9 октября 1942 г.

Война – как гигантское хакакири, в результате которого вышло наружу все уродливое – из человеческого нутра.

* * *

Неужели придется ехать в Рыбинск? Нет, нет! Это было бы величайшим насилием над собой. Меня связывает с Ленинградом наша общая борьба, все пережитые здесь трудности. И Миша, Миша. Уезжать надо было тогда, когда он этого хотел, а я упорствовала. Он бы уцелел. А теперь, когда он погиб, уезжать? И сразу – мысль: а если сейчас не поедешь, могут погибнуть Соня и Яна. Надо ехать, пока они живы. Ведь можешь и их потерять.

Но уехать сейчас – это равносильно дезертирству с фронта. Я коммунист, одиночка, у меня нет детей. А Соня и Яна? Ведь многие коммунисты эвакуировались, райком их отпустил. Среди них были молодые и здоровые женщины, не

имеющие детей. И не все ли тебе равно, как будут расценивать твой отъезд те, кто не знает всех сложившихся обстоятельств, вынуждающих тебя уехать. Пожертвуй их мнением.

- Ах, вот как! – твержу я себе, - значит, во имя спасения Михаила ты не смогла решиться на такую жертву, а ради Сони и Яны – можешь?

И сразу – другая мысль: да какая это жертва, если я сейчас покину Ленинград? Жизнь здесь уже налаживается, народу стало легче. Благодаря «Дороге жизни» (через Ладогу), условия жизни ленинградцев нельзя и сравнить с условиями первой блокадной зимы. Я уверена, что Рыбинске у Сони и Яны условия хуже, чем у меня, здесь, в Ленинграде. Значит, выходит, что из лучших условий я еду в худшие. Здесь – враг у ворот города, но мы – как за каменной стеной. Вопросы питания здесь разрешаются теперь намного лучше, почти нет смерти от дистрофии. Налеты с воздуха редки. А в Рыбинске есть и налеты, и голод, лишения.

- Ты должна ехать, - твержу я себе. – Ленинград и без тебя будет продолжать свою борьбу. С твоим отъездом здесь ничто не ухудшится. Езжай туда, где ты сейчас нужнее.

Вот так: то принимаю решение ехать, то – не ехать. Когда решаю не ехать, ощущение такое, словно я занесла меч над головами Сони и Яны. Я медлю, тяну с этим решением. Как бы не повторилось со мною то, что уже было не раз: горячее желание облегчить жизнь близких

мне людей, осчастливить их и постоянное запаздывание с осуществлением этой мечты: они гибнут раньше, чем я успеваю сделать для них то важное, что предотвратило бы их гибель. Не опоздать бы мне и сейчас.

В своей всегдашней привычке все анализировать до конца я задаю себе вопрос: а нет ли в твоём нежелании уезжать из Ленинграда чего-то другого: не от героизма и доблести, а от эгоизма? Нежелания покинуть насиженный угол, боязнь потерять комнату в Ленинграде, потерять хорошее мнение товарищей о тебе?

Там будет труднее. Даже в бомбежку здесь безопаснее, чем в Рыбинске. Там будет больше трудностей в бытовом плане. Твое решение остаться здесь – эгоистично, менее человечно, чем выезд туда для спасения Сони и Яны.

- Ты хочешь сохранить в Ленинграде угол для Сони и Яны (их квартира сгорела от «зажигалки»), но важнее – сохранить им жизнь. Человечнее – выехать к ним, помочь им. Тебя останавливает мысль, что товарищи осудят; но они будут неправы, потому что вся наша страна – фронт. Фактически – ты просто переедешь с одного участка фронта на другой. Докажи своей работой в Рыбинске, что ты – боец, что помогаешь фронту, армии, что вместе со всем народом куешь победу.

Нет, ничего не могу решить.

...А когда буду уезжать, возьму с собой золотой, увядший листок с мокрой ленинградской панели. Сколько лежало их там, на мостовой возле Дворца пионеров – жел-

тых и розовых, и красных, прибитых осенним дождем!

* * *

Забегала сегодня «на минутку» к Ольге Гржибовской, с которой работала до войны в Культпросветотделе Горисполкома. Ольга читала мне стихи из китайской и японской антологии – и даже из негритянской прочла один отрывок: «Когда ты ласкаешь меня, мне хочется сжаться и поместиться в твоей ладони, и кажется мне, что я помещусь». Записываю на память, за точность не ручаюсь.

10 октября 1942 г.

Разрешились все мои колебания. Райком договорился с Горкомом партии и в Горно – мне дают командировку в Рыбинск, на три недели. Еду, как сопровождающая эшелон с учебниками, тетрадями и теплыми вещевыми посылками (валенки и т.п.) для ленинградских ребят, эвакуированных в Ярославскую область. Через пару дней уезжаю. Оставшиеся до отъезда два дня буду менять, что можно – из оставшихся вещей – на продукты. А остались, в основном, только Мишины вещи – его поношенный костюм, старая шуба, белье. После его смерти уже отпала надобность в обмене, т.к. снабжение ленинградцев намного улучшилось. Хорошо, что я их сохранила. Отдам соседу Мезерину дубовый стол и комод из карельской березы, наше первое с Мишей приобретение в Ленинграде; сосед даст за них немного крупы. Вещи теперь стоят дешево, вернее – ничего не стоят.

Привезу Соне и Яне теплые вещи, немного круп, масло, колбасу – от своего пайка и по командировочному талону, а также от продажи некоторых вещей.

* * *

Сегодня узнала, что при торговле Исполкомов создаются бюро учета нормированных товаров» (БУНТ) и туда заберут всех контролеров из учбюро. Это правильно. Я давно пришла к выводу, что они не должны работать при учбюро – получается сращивание, а не действенный контроль.

10 ноября 1942 г.

Рыбинск.

Я с Соней и Яной. Ей уже 15 лет, сегодня исполнилось. Все, что я привезла с собой, мы уже проели. Все время хочу есть – как в самое трудное время в Ленинграде. Денег почти не осталось. Решила устроиться на работу – хотя бы на 20 дней, а потом – в Ленинград.

12 ноября 1942 г.

Рыбинск.

Горком направил меня в редакцию «Рыбинской правды», там нужен литработник.

20 ноября 1942 г.

Рыбинск.

Соня уже поправилась и опять работает. Я обеспечила их на зиму ватниками, теплыми чулками, валенками, шерстяными чулками, старыми фланелевыми платьями. Значительную часть этих вещей дала Вера Либерман, сестра Сарринового мужа. Остав-

лю им свою зарплату за 20 дней работы в редакции – и уеду в Ленинград.

15 декабря 1942 г.

В пути.

Возвращаюсь в Ленинград. Без денег и без вещей. В Рыбинске продала свое единственное шерстяное платье и еду в легком, маркизетовом. Зима. Холодно. Но снег рыхлый, сырой. Валенки насквозь промокли. Ладога еще не покрыта льдом, на машинах не проедешь. Но я готова идти хоть пешком по хрупкому, неустоявшемуся льду. Хоть по воде.

25 декабря 1942 г.

Ленинград.

Вон он, наш красавец Ленинград, наша гордость. Весь день сердце ликует. Я опять в Ленинграде!

31 декабря 1942 г.

Ленинград.

Наступает новый, 1943 год. Что принесет он нам?

Эльмар мне пишет. Это уже 3-й год нашей дружбы. И пусть ничто ее не разрушит – ни годы, ни старость. Нас связала наша общая борьба, партийная работа, общие идеалы и общая духовная настроенность. Это – прочные узы. И ничего больше мне от Эльмара не нужно, ничего, кроме дружбы. Другого не было и не будет.

Михаилу, даже мертвому, я никогда не изменю. Мне дорого уважение Эльмара. Он – как моя совесть. Моя партийная совесть. Эльмар, будь здоров и счастлив.

Пусть Новый год принесет нам победу над ненавистным врагом.

Прощай, любимый город!

21 февраля 1943 года.

Ленинград

У ленинградцев большая радость: только что объявили по радио об увеличении хлебного пайка на 100 граммов. Новое увеличение, одно уже было.

Я дежурю сегодня в Райотделении. Вместе со мной дежурит Маруся – наша уборщица и курьер. Никогда в жизни не забыть мне ее лица: оно озарилось молитвенной торжественностью, глаза сияли. Она слушала и тихо плакала. Кто-то обратился к ней с просьбой отнести срочные донесения в участковые бюро по выдаче продуктовых и промтоварных карточек. Она не тронулась с места, только прошептала: «Подождите минутку!» Боялась что-нибудь упустить из этого важного сообщения. Потом перекрестилась.

Хлеб! Хлеб наш насущный! Как хорошо мы познали теперь тебе цену! И не только мы, ленинградцы – весь народ познал.

В приемной райотделения уже толпились посетители. Их много, но надо обслужить всех до единого – в течение рабочего дня. Рабочий день... Он у нас начинается с раннего утра и кончается в 11 часов ночи, а иногда и позже. Работаем, не помышляя о часах, об отдыхе. Работаем без выходных дней. Домой не уходим – живем на казарменном положении: ночь проводим в учреждении, где работаем – кто на

узких солдатских койках или диванах, а кто просто на столах, подложив под голову газеты.

Ко мне подошла женщина в шинели, лицо молодое, а волосы седые. Она уходит на фронт. Пришла сдать свои продкарточки и получить взамен «форму номер семь».

Теперь каждый взрослый и каждый ребенок знает великую силу этого документа. Без него нигде не возьмут на довольствие, не включают в списки на получение хлебных, прод. и промкарточек.

Пока я заполняла «форму № 7», у нас завязалась беседа. Фамилия посетительницы – Дынкевич. Она работала врачом в госпитале за Московской заставой.

- Какие люди умирали! – сказала она. – Какие люди!

Рассказала о директоре крупного промышленного предприятия всесоюзного значения. Старый член партии. Участник гражданской войны, орденносец. В госпиталь его привезли в тяжелом состоянии, вместе с ним и шофера его персональной машины. У обоих – последняя стадия дистрофии. Лежали в одной палате.

Директора навестил секретарь райкома. Вытащил фляжку с вином, чтобы глотнул, - увидел, что ему уже совсем плохо.

- Нет, дайте ему, - заволновался умирающий, показывая на шофера. – Он четыре раза спасал мне жизнь. Во время гражданской войны и войны с белофиннами. А на пятый – не удалось. Вместе умираем.

- Это он выговорил через силу, почти шепотом. Секретарь РК еле разобрал. Я

присутствовала при этом. – сказала Дынкевич.

В Ленинграде у нее остается 12-летний сын. Не эвакуировала его, теперь жалеет. Сын будет жить у тетки.

Я спросила адрес тетки и сказала, что буду навещать ее сына.

- Вы знаете, - сказала она, - он у меня совсем умирал. Как-то пришла с работы и вижу – ему совсем плохо. Весь похолодел. И такое отчаяние, такой страх охватили меня. Металась по комнате, волосы рвала на себе. Совсем ошалела. Потом схватила коверкотовое пальто, старенькое совсем ветхое. Помчалась на рынок, получила за него кусочек дуранды, величиной с ладонь, немного сахару и какой-то жир. Дома сварила похлебку. Хорошо, что рынок был близко. Потом люди помогли. Выжил сынишка.

- А было и такое, - продолжала она. Однажды мучительно захотелось курить, а табак давно кончился. В комнате стоял обжелтевший фикус. Сорвала лист и перетерла на табак. И так постепенно выкурила весь фикус, а потом принялась за олеандру, и ее прикончила, хоть говорят, что ядовита. Ничего со мной не случилось.

В приемной ждали посетители, но я не могла оборвать поток ее воспоминаний. Женщина-мать уходит на фронт, оставляя сына в осажденном городе. Ей нелегко. Я понимала, что рассказать о сыне, о своем страхе за его судьбу – это для нее важнее формы № 7 на право получения хлеба. И не беда, что мы впервые видим друг друга. Мы не чужие. Мы все теперь, как одна большая семья.

Ко мне подошла Кузнецова, начальник райотделения. Она пришла не одна, а с дочуркой. Попросила, чтобы я приглядела за нею, пока она отлучится в Райком – на часок, не больше. Недавно она потеряла старушку-мать и 6-летнюю дочь, их убило снарядом, когда они выходили из булочной. И муж – партизан погиб где-то в ленинградских лесах, в зоне, оккупированной немцами.

По графику дежурств меня должны были сменить в 7 часов вечера, но Кузнецова сказала, что моя сменщица заболела и попросила меня дежурить до утра.

Какая разница – до вечера или до утра? Ведь все равно домой не ходим. Поработаю сегодняшней вечер в райотделении, а не в своем участковом бюро. Ведь все мы на казарменном положении. Даже койки не убираются. Покрытые суровыми одеялами военного образца, они стоят тут же, в кабинетах, где мы принимаем посетителей.

24 февраля.

Письмо от Сони. Ее письма глубоко тревожат меня. В феврале послала ей 300 руб., потом еще 200, но она их еще не получила. Время военное, деньги долго добираются до адресата, письма тоже.

Эх, нужно было ей эвакуироваться не в Рыбинск, а вглубь страны.

Соня вообще не хотела уезжать из Ленинграда. Как коммунист, она считала, что ее место здесь, на переднем крае фронта. Она участвовала в оборонных работах на подступах к городу. Потом вме-

сте с другими ленинградцами рыла окопы под Кингисеппом. Их усиленно бомбили. Там они чуть не попали в окружение. Когда началось большое наступление немцев. Несколько дней блуждали они в лесах, голодные, пока не добрались до Ленинграда.

Соня пришла домой измученная, с заострившимся от голода лицом, босая, с распухшими ногами.

Только когда начались непрерывные налеты фашистской авиации и было объявлено о срочной и обязательной эвакуации матерей с детьми, - нам удалось уговорить ее эвакуироваться с Яной и Наденькой, Сарриной дочкой, в Рыбинск. Сарра с первых дней войны была на фронте.

Выбрали Рыбинск, потому что туда переводилось одно ленинградское военное училище, в котором работала преподавателем Рахиль Видершайн, закадычный друг Сарры и всей нашей семьи. Рахиль, кадровый военный работник, вписала Соню с детишками в список уезжающего училища. Я была спокойна за Соню и детей. Рахиль получала командирский паек, и они были бы обеспечены всем необходимым.

Но война есть война, и одна из ее особенностей – срывать людей с насиженного места, выбивать из колеи и безжалостно расправляться с их чаяниями и планами.

В первый же день приезда в Рыбинск, они попали в бомбежку – в их комнате сбило штукатурку с потолка, только чудом их не убило. Очевидно, фашистские

стервятники узнали, что там находится военное училище из Ленинграда.

А два-три месяца спустя – после отъезда из Ленинграда Соня и Яна остались одни. Рахиль решила, что ей, как коммунисту и кадровому воен. работнику, не к лицу отсиживаться в стенах училища; она попросилась на фронт, а чтобы Соне было полегче, она отправила Надюшку в Пермь (тогда – город Молотов), сама увезла ее и отдала в детдом. В Перми жила ее сестра с семьей и старики – родители, эвакуировавшиеся из Симферополя.

Положение Сони и Яны резко ухудшилось. Они переехали на другую квартиру. Соня устроилась уборщицей в школе, где училась Яна, чтобы получать рабочую карточку.

Они выменяли на хлеб все, что у них было. Я посылала им часть моей зарплаты, но что это значило, если килограмм хлеба на рынке в Рыбинске стоил триста рублей.

В ноябре прошлого года Соня заболела, прислала телеграмму. Райком выхлопотал для меня командировку в ГорРО-НО. Я сопровождала эшелон с учебниками и теплыми вещами для ленинградских школьников, эвакуированных в Ярославскую область.

Когда приехала в Рыбинск, ужаснулась – так плохо жилось там Соне и Яне. Они выжили только чудом: Соня получала карточку первой категории, как уборщица, а Яна – обед в столовой школы. Они его делили на двоих.

Я уехала из Рыбинска с твердым намерением вызвать Соню и Яну в Ленинград – на работу. Но это оказалось невозможным.

В Рыбинске я жила месяц, работала литсотрудником при Рыбинской правде. Потом вернулась в Ленинград. Соне оставила деньги и вещи, что привезла с собой – тюлевые гардины, посуду и многое другое – для обмена на хлеб. Эти вещи мне дала Вера Либерман, золовка Сарры.

В Ленинград возвратилась чуть ли не по льду Ладожского озера. Но сердце ликовало: я опять в Ленинграде. Однако я живу в постоянной тревоге за Соню и Яну.

Беседовала с секретарем парторганизации Морозовой. Она сказала:

- Сестру вызвать сюда невозможно, потому что при ней ребенок-школьница. Это – преступление. Может быть, тебе следует эвакуироваться из Ленинграда?

Ох, какое страшное слово она произнесла! Почти в каждом письме Соня пишет: «Приезжай!» Но я даже думать об этом не могу и не хочу. Так я и сказала Морозовой. Но как быть? Второй раз по командировке не пошлют: не такое сейчас время, чтобы кататься взад-вперед по командировкам. И почему я должна быть исключением из общего правила? Ведь не у меня одной семья очутилась в таком бедственном положении.

28 февраля

Солнце уже пригревает совсем повесеннему. Под его лучами трещит и ло-

мается пышное кружево сосуллек, свисающих с крыш и карнизов домов.

Весна будет ранняя. Хочется, чтобы поскорее наступили теплые дни, хотя тетя Наташа, уборщица райотделения, уверяет, что «весна не ко времени – это тоже нехорошо».

Тетя Наташа – кладезь народной мудрости. И как правильно она все понимает чутьем, нутром. И умом постигает многое. У нее ясная голова и богатый житейский опыт. Люблю слушать ее рассказы и суждения о людях. Встречаемся мы только в те дни, когда дежурю в райотделении.

* * *

Сегодня выменяла бутылку водки на килограмм картошки. С прошлого года нам регулярно выдают по карточкам по 1/2 литра красного вина или водки. Я не пью, на эти «земные блага» можно получить на рынке хлеб и кое-какие продукты.

В этом году ленинградцам стало полегче. Наладился подвоз продуктов по Дороге жизни. На рынке появились кое-какие овощи с ленинградских огородов.

Огородничеством у нас стали заниматься с весны прошлого года. Распахали каждый свободный клочок земли. Все лужайки в садах и парках использовали под огороды, даже в центре города – в сквере у Исаакиевского собора. И так странно было видеть здесь летом поднимающуюся над землей картофельную ботву и порхающих белых бабочек.

Уже с лета прошлого года меню ленинградцев пополнилось блюдами из зеле-

ни. В ход пошли травы – крапива и лебеда. Крапивные щи, супы из лебеды, даже травяные котлеты – из разных съедобных трав.

Постепенно стали исчезать со стола ленинградцев студни из столярного клея и лепешки из дуранды. Теперь пошла соя – соевые сыры, молоко, конфеты.

Почти совсем прекратились налеты фашистских самолетов – особенно после первого прорыва блокады в январе этого года – под Ораниенбаумом. Чувствуется по всему, что дела у немцев идут не блестяще, что наша армия наносит по ним сокрушительные удары. Но обстрелы из тяжелых артиллерий еще довольно часты.

Снизилась смертность от дистрофии и цинги. Стало больше столовых усиленного питания и стационаров – больниц полусанаторного типа, где дистрофики могут подлечиться и набраться сил.

Конечно, еще нельзя сказать, что мы сыты. Голодание основательно расшатало организм. Впоследствии – когда кончится война – это скажется на здоровье многих ленинградцев. Это будут – неучтенные жертвы блокады. Я чувствую, что голод еще крепко сидит во мне. Я еще и сейчас могу, как в прошлую блокадную зиму, съесть в один присест целую буханку хлеба. Могу проглотить, не выходя из магазина, полкино сахару, полученного по карточке.

* * *

Когда пришла домой, почтальон принес телеграмму: «Мне плохо, деньги не получила. Соня».

Помчалась на почту, показала квитанцию на отправку денег и попросила выяснить, почему они не дошли до адресата.

Домой побрела в весьма удрученном состоянии.

1 марта 1943 г.

Сегодня готовим отчеты за февраль. Но меня отвлекли от этого дела, вызвали дежурить в Райотделение. Здесь тоже суета и возня с отчетами. Весь день трещали телефоны, щелкали костяшки на счетах. Работники РО считали, записывали результаты, потом рвали написанное на мелкие клочки, вновь считали. Только тетя Наташа не суетилась. Она степенно ходила между столами, выносила корзины с бумажным мусором, подливала чернила в опустевшие чернила.

А когда все ушли, и мы остались вдвоем, она сказала:

- Если бы все честно было, так двадцать раз не считали бы по шпаргалкам: «Ах, не то!», «Ах, не сходится!». Я малограмотная, а это уж понимаю.

Я ответила ей, что у меня все честно, но и я сначала составляю черновик, шпаргалку; ведь в цифрах можно ошибиться при подсчете, нельзя сразу писать отчет начисто.

Но все же я давно убедилась, что далеко не все работники учбюро работают честно. Начальнику нашего учбюро № 2 это не нравится – моя критика недостатков. Но есть у меня более высокий начальник и наставник – моя партийная совесть.

Конечно, начальники бывают разные. Если это подлинный вожак масс, руководитель ленинского типа, то он будет ценить в работнике это беспокойство, толкающее его на борьбу с недостатками, и будет воспитывать у подчиненных качества бойца, не мирящегося с неполадками. Но наша Емельянова – работник не такого типа.

2 марта 1943 г.

В начале каждого месяца мы не только сами составляем отчеты, но и принимаем отчеты от организаций, которые находятся в нашем ведении. Наши отчеты мы сдаем в райотделение.

Мне не трудно составлять отчеты, потому что я веду тетрадки-дневники по учбюро – за каждый день. Там записаны все цифры.

Мы, контролеры, проверяем в учреждениях и домохозяйствах, на предприятиях наличие людей и правильность списков, по которым выдаются карточки. Проводим ревизии. Следим, чтобы организации строго придерживались штатного расписания, чтобы люди получали все, что им положено по закону, чтобы драгоценные граммы хлеба и др. продукты шли по назначению. У нас большие полномочия, мы можем передавать дело прокурору при обнаружении беззакония.

В феврале я проверила 23 организации, из них – 11 столовых и районный трест общественного питания со всеми подсобными предприятиями. Обнаружила нарушения.

Много времени потратила на ревизию филармонии и обл. управления Гострудсберкасс. Эти организации проверялись по сигналам.

Две организации пришлось передать прокурору.

С 1 по 2-е марта я приняла 160 отчетов от организаций. Тщательно проверяла расписки в получении карточек, сверяла подписи с предыдущими отчетами и списками, считала талоны от учетных листов.

Потом занялась составлением своего отчета. Закончила его только в 1 час ночи – и словно гора свалилась с плеч. От цифр и росписей рябило в глазах.

9 марта 1943 г.

Письмо от Сони. Она заболела. Это письмо – душераздирающий вопль о помощи. «Что будет с Яной, если я совсем свалюсь? Приезжай, иначе пропадем».

Соня никогда не была паникером. Если так пишет, значит совсем плохо.

Секретарь партбюро – Морозова – сказала:

- Тебе надо ехать. Райком отпустит. Ты работала честно и преданно. Самое трудное время была с ленинградцами. А сейчас, когда уже налицо первый прорыв блокады и жизнь стала налаживаться, езжай спокойно. Считай, что ты выполнила свой долг, как коммунист и ленинградка.

Я послала на тебя характеристику в Райком – ты будешь включена в первые списки на получение медали «За оборону Ленинграда». Когда приедешь после по-

беды нашей – или раньше – получишь медаль.

- Такой работник, как ты, нам нужен. Но мы не можем не считаться с создавшейся у тебя ситуацией. Не терзайся, спокойно уезжай.

10 марта 1943 г.

Два дня невыносимых терзаний: ехать или не ехать?

Вдруг Райком партии и товарищи по работе подумают, что я сбежала от трудностей?

Но разве в Рыбинске условия лучше? Судя по всему, там не сладко.

Они испытали там и голод, и бомбежки. От фугасной бомбы в земле, недалеко от дома, где они жили в первые дни приезда, образовалась воронка, дом дал трещину, от удара воздушной волны распахнулись все окна, с потолков посыпалась штукатурка. Всех переселили в другой дом.

Сонина болезнь меня тревожит, но больше всего беспокоюсь за Яну. В ноябре прошлого года ей исполнилось 15 лет. Возраст опасный, хотя в нее крепко заложены моральные устои.

Нет, не осуждение товарищей меня пугает; просто я не могу отделаться от мысли, что отъезд из Ленинграда сейчас, когда он в кольце блокады, равносильен дезертирству с фронта. Выпасть из борьбы, которую сейчас ведут ленинградцы, – это выше моих сил. Я всегда любила Ленинград, но за время войны он стал намного дороже, и я всей душой приросла к нему.

Покинуть его сейчас – это все равно, что оставить раненого бойца на поле битвы.

Вечером в учбюро пришла Морозова. Посмотрела на меня и сказала:

- Ты даже похудела за эти три дня. Напрасно так мучаешься. Никто не расценит твой отъезд, как бегство от трудностей.

- Да, уже сейчас многие расценивают эвакуацию ленинградцев в начале войны и последующие месяцы, как дезертирство. Не разбираются в причинах отъезда, всех стригут под одну гребенку: «Испугались, сбежали из Ленинграда». А когда кончится война и станут забываться ее бедствия, еще меньше станут разбираться в причинах эвакуации. И начнут делить ленинградцев на людей первого сорта и второго – на тех, кто эвакуировался и кто остался в городе. Я уже мысленно представляю себе этот вопрос: «Где были во время блокады Ленинграда»

Да, и обидно мне уезжать, когда почти все трудности пережиты и столько принесено жертв – личных и не личных. Уезжать после того, как потеряла здесь мужа, да и сама еле выжила – чуть не умерла от дистрофии – глупо. Нужно было уезжать, когда Михаил был жив, он бы не погиб от голода.

- Твой Михаил умер, как боец на посту. Каждый ленинградец, погибший от голода, обстрела или бомбежки – это солдат, сраженный на фронте. И ни одна смерть не прошла бесследно – каждая внесла свой вклад в победу. Ты говоришь, что Михаил уцелел бы, если бы не остался в Ленинграде. А сейчас разве ты можешь поручить-

ся, что если не уедешь в Рыбинск, уцелеют твоя сестра и племянница?

И учти – уже отдушина в прорыве блокады есть, теперь жизнь налаживается. Ты выполнила свой долг мужественно и честно. Уезжай, не мучайся.

И все же мои гамлетовские муки и сомнения не уменьшились. Ехать или не ехать?

Как только принимаю решение ехать, тоска клещами сжимает сердце. А когда решаю не ехать, ощущение такое, словно я занесла меч над головами Сони и Яны.

Я уже отбросила вопрос о дезертирстве: я из лучших условий еду в худшие. Здесь теперь все вопросы питания разрешаются легче и проще, чем в первую блокадную зиму. Здесь у меня есть работа. Но комнату я могу потерять, если эвакуируюсь.

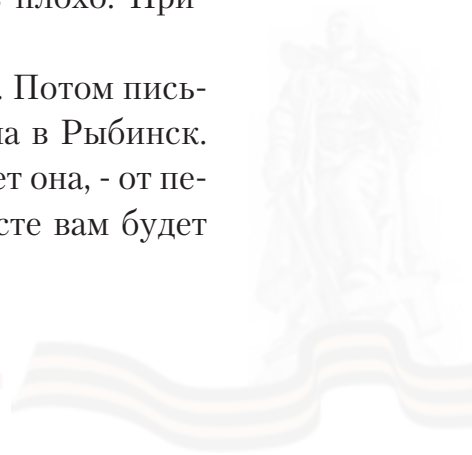
Да аллах с нею – с комнатой. Не в ней все дело. Хотя и она нужна – не только мне, но и Соне с Яной. Их комната в Финском переулке сгорела от зажигалки – два этажа – первый и шестой.

Да, надо сохранить их жизни, надо ехать. Сарре тоже не сладко живется – она в постоянной тревоге за Надю. Но Надя в лучших условиях, чем Соня и Яна.

11 марта 1943 г.

Телеграмма: «Мне очень плохо. Приезжай немедленно».

Да, больше ждать нельзя. Потом письмо от Сарры – чтобы я ехала в Рыбинск. «Ты и сама еле живая, - пишет она, - от перенесенной дистрофии, вместе вам будет легче».

А меня уже оформили редактором в Горлит по направлению Горкома партии. К тому же вся наша страна – фронт. И Рыбинск тоже. Фактически я только перееду с одного участка фронта на другой. Я и там буду работать для фронта, для победы.

13 марта 1943 г.

Уже все оформила в Райкоме. И в учбюро закончила все дела.

Давно не была дома – на ул. Герцена. Наталья Константиновна обрадовалась. Побеседовали. Она стала говорить о своих горестях, потом спохватилась. «У тебя самой горя – целая охапка». И заплакала.

Вечером пошла к Вере Либерман. Она растопила «буржуйку» - самодельную печурку (такие теперь в Ленинграде в каждом доме). «Буржуйка» - это название еще со времен гражданской войны.

Попили чайку с сахарином. Съели два ломтика черного, поджаренного хлеба при коптилке. Рано легли спать.

14 марта 1943 г.

Готовлюсь в дальнюю дорогу. После двух блокадных зим ничего из вещей не осталось – все обменено на продукты, а кое-что из мебели изрублено на дрова.

Ликвидирую последние жалкие остатки того, что когда-то придавало жилой вид и уют человеческому жилью, и воспринималось, как неотъемлемые атрибуты устойчивости и незыблемости нашего быта.

Дома у нас всегда было только самое необходимое. Я никогда не цеплялась за вещи, легко раздавала их, дарила. И все же мне жалко и грустно расставаться с тем, что составляло мой повседневный и обычный антураж. Ведь к некоторым вещам мы прирастаем всем сердцем – как к дому, в котором живем. Особенно трудно расставаться с книгами.

Мне все еще не верится, что уезжаю из Ленинграда.

Тяжело покидать его – до острой физической боли тяжело.

Послала Соне телеграмму, что приеду. Уезжая, возьму с собой золотой, увядший кленовый листок, подобранный на мокрой ленинградской мостовой. Подобрала в октябре прошлого года на панели у Дворца пионеров. Сколько лежало их там – желтых, красных и розовых, прибитых осенним дождем. В тот день я попала под бомбежку. Постояла до сигнала отбоя под аркой ворот Дворца пионеров, что со стороны Фонтанки. Мимо меня пронесли кого-то на носилках.

Когда все кончилось, я выбралась из своего «убежища» и побрела по Невскому. Все показалось мне необычайно милым и дорогим: и морозящий дождичек, и серые стены Дворца пионеров, и камни мостовой. и осенние листья под ногами. Один из них уже лежал в книге, которая была при мне.

Сегодня случайно наткнулась на эту дорожную реликвию, когда перебирала свои дневники и бумаги.

По путевке Горкома партии

5 апреля 1943 г.

Рыбинск

Вот я и в Рыбинске. В два дня разорила свое гнездо, помчалась спасать Соню и Яну. Хлопоты по поводу эвакуодостоверения заняли несколько дней. Выехала 23 марта и приехала 4 апреля.

Переход через Ладожское озеро был очень тяжелым. Ездили на грузовых автомашинах; было очень холодно и голодно. День стоял солнечный, но дул пронизывающий северо-восточный ветер. Обстрелов не было.

Как много нового раскрыла передо мной эта дорога! Каждому из нас не мешает время от времени выскакивать из своей обычной оболочки, хоть разок сняться с якоря и тронуться в путь. Это дает возможность многое сравнить, а ведь вещи познаются в сравнении. О многом перестаешь судить однобоко – только с колокольни своего города, насиженного угла.

Великое переселение людей, бездомность, как одно из следствий войны, потрясло душу, опалило сердце жгучей болью.

Еще в далекие дни детства меня всегда поражало это большое скопление людей, преимущественно крестьян, на больших станциях. Ими бывали забиты все углы и проходы в залах третьего класса. Узлы, мешки, котомки, растянувшиеся на полу тела, храп спящих, плач детей. Как видно не одну ночь томились они с детьми и стариками в ожидании билета или посадки. Меня, ребенка, всегда занимал вопрос:

куда едет народ? Почему сорвался с места и колесит по всей стране? Помню, что кто-то из взрослых ответил мне (отец, должно быть): «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше».

Когда я стала постарше и познакомилась с творчеством Некрасова, я поняла, что гонит эти толпы крестьян и мастеровых людей с места на место, какая сила превратила наш умный и добрый народ в скитальца, страдающего непомерно.

И вот теперь – опять! Война сорвала его с места и, как щепу, понесла по дорогам родины – с котомками за плечами, с грудными детьми и больными стариками, с буренушками и всем домашним скарбом.

Я увидела – собственными глазами – все бедствия эвакуации, тяжелые страдания людей, лишившихся крова. И я сделала вывод: кто знает одни только бомбежки и обстрелы, голод и страх за близких, сражающихся на фронтах, – тот еще не постиг до конца, что такое война. Только тот познал ее в полной мере, кто испытал это скитание по большим дорогам, спешную эвакуацию, бегство под натиском наступающего врага, потерю крова, выбитость из колеи, бездомность!

Дом... дом... Это ведь не только крыша над головой, не только стены и вещи, с которыми мы сжились, которые были свидетелями и соучастниками всех наших житейских дел, наших усилий, горестей и радостей, взлетов и падений, успехов и неудач. Дом – это и улица, на которой мы живем, и все, что прилегает к этой улице; это город, где протекает наша жизнь; это

люди, которые живут бок о бок с нами и с которыми мы связаны не столько узами кровного родства, сколько общностью идеалов и устремлений. Иметь свой дом – это значит чувствовать себя уверенно, знать, что крепко стоишь обеими ногами на земле. Лишиться своего дома – это все равно, что лишиться твердой почвы под ногами.

...Вместе народом тащила и я От Осиновца до Ладоги пришлось идти пешком. Я тащила на себе два огромных тюка, связанных веревкой: один, самый большой, на спине, другой – в перекидку, на груди. Шла, согнувшись под их тяжестью. А что в них было? В основном – мои дневники, письма семьи и фотокарточки – священные реликвии, с которыми я не могла расстаться; кое-что из носильных вещей и посуды; теплые вещи для Сони и Яны, которые я выменяла на полученные продукты по карточкам, немного пшенной крупы и сухой колбасы, сахар.

Кроме двух узлов на себе я еще волокла саночки, на которых стояла ручная швейная машина, крепко притороченная веревками, чтобы дорогой не свалилась. Я ее приобрела за книги – отдала мою и Мишину библиотеки, состоявшие из уникальных книг. Машину везла для Сони. Она умеет шить, может быть пригодится там ей.

Я и не думала, что наберется столько вещей. Казалось уже ничего не осталось – никакой мебели, пустые стены. А все же наскребла два тяжелых тюка – больше всего места заняли две подушки, да ватное одеяло, да вещи, которые мне дала Вера Либерман.

Из этого путешествия я вынесла кое-какие практические знания: я постигла на собственном опыте, что у человека больше сего силы в спине, в спинном хребте.

...В Рыбинск прибыла утром. Тепло. Яркое солнце слепило глаза.

Вокзал был набит военными – в полушубках и шинелях, с котелками в руках и с планшетками через плечо. Вид у них был походный, фронтовой.

Если бы не военные и не самолеты, рокотавшие в безоблачном небе, можно было бы подумать, что сейчас обычное, мирное время, что нет никакой войны, – такое было разлито в природе ликование. Радость жизни исходила и от потоков солнца, заливающих все вокруг, и от сизых дымков над трубами и даже от хлюпающих под ногами луж, образовавшихся от талого снега.

На вокзале нашла паренька с тележкой. Погрузила на нее свои пожитки, и он довез их до Северного поселка, где живут Соня и Яна.

Соню застала в постели. Она дошла до крайне степени истощения. Очевидно, последние куски отдавала Яне, а сама питалась кое-как, еле-еле.

Дома хозяйничала Яна: выкупала по карточкам хлеб и продукты, приносила из школы обед – один на двоих. Яна выглядит плохо: очень похудела, в лице – ни кровинки.

Хорошо, что я приехала. Как они обрадовались, повеселели сразу. Но мне не весело. Все еще давит тяжесть расставания с Ленинградом.

Вспоминают ветераны

День Победы

(посвящается 65-летию Победы в Великой Отечественной Войне)

Давай с тобой, сестренка, вытъем за Победу!
Она нам подарила счастье долго жить.
Прошли мы сквозь войну, страдания и беды,
И научились каждым годом жизни дорожить.

Помянем тех, кого сегодня нет уж с нами,
Кто отдал жизнь свою в сражениях в огне,
Кто поднял над Рейхстагом наше Знамя
И белой кистью написал «Победа» на стене.

Вцепились в нашу память: дни блокады,
Глаза людей, к реке бредущих за «живительной» водой,
И сквозь года мы слышим грохот канонады,
Зловещий рев моторов «мессеров», летящих над Невой.

Не горюй о том, что детство затерялось на войне,
И за юностью разруха неотступно шла по следу.
Зато мы видели Салют в честь дня Победы-
Салют началу мирной жизни на родной земле.

Нас не тревожит совесть за «бесцельно прожитые годы»-
Мы, не жалея сил, трудились, как могли,
И терпеливо вынося все трудности, лишения невзгоды,
Мы из руин стране подняться помогли.

Так не скрывай же слез и радостных волнений.
Для нас дороже праздника и не было, и нет,
И пусть никто из всех грядущих поколений
Не сможет бросить нам упрек вослед!

Р.М. Арбинская

АБРАМОВА Зоя Станиславовна

Я родилась в 1929 году. До пяти лет я жила вместе с родителями в Сосновом Бору, станция Калище. В семье случилось горе: утонул старший брат, ему было семь лет. После этого мама заболела, ее увезли в больницу Мечникова. Ко мне приехали бабушка и дедушкой, но так как мы жили в пограничной зоне, остаться им не разрешили. Так я уехала с ними в Псков.

Когда мать выздоровела, она стала жить в Ленинграде, на Озерной улице в Московском районе. В Пскове я закончила только первый класс, со второго класса переехала в Ленинград и стала учиться в школе № 356.

Про блокадные дни я вспоминаю часто.

Восьмого сентября 1941 года началась страшная бомбежка Бадаевских складов. Наша улица как раз шла параллельно Московскому проспекту и упиралась в склады. После пожара мы ходили и черпали землю, в которой было много сгоревшего сахара.

Мой младший брат родился 21 января 1941 года. Нашу семью хотели эвакуировать, и поэтому долго не давали карточки. Мама отказалась куда-либо ехать. Оста-

лись в городе. Карточки нам все же дали.

На нашей лестнице было бомбоубежище. Отчим работал в ПВО – разряжал бомбы снаряды.

У мамы была комната в коммунальной квартире. Все соседи разъехались, а мы стали жить на кухне: там была печка. Позднее, когда в дом попал снаряд, нас переселили в квартиру ниже этажом.

Чтобы обогреться, жгли книги и мебель. Хорошо, что недалеко от дома была электростанция. Я брала мешок и ходила за углем. Морозы тогда были сильные, сугробы высоченные, а сил не было. Так я кину, бывало, мешок и по-пластунски ползу за ним. Кое-как доходила до дома, а там брат сидит на плите и бормочет, качаясь из стороны в сторону: «Кушать, кушать, кушать...».

Мать обменяла все ценные вещи, которые только были. Отчим говорил, что будет война. Пытался сделать запас продуктов, успел засушить немного сухарей. Этого хватило до декабря. С январем пришел голод.

Начиная с 6-го класса всех отправляли в Совхоз «Ударник», что на станции Шувалово. Целое лето там сажали капу-

сту, пололи, собирали урожай. Тех кто хорошо работал посылали на морковку, потому что ее можно было поесть. Иногда приезжала мать, суп привозила какой-нибудь. За работу в колхозе, уже в 1943 году меня наградили медалью «За оборону Ленинграда».

Так и прожили 900 дней. Брат ходил в детский сад. Как-то мама не смогла к нему прийти и отправила меня, отнеси ему баночку с супом. Иду по улице, захожу в арку, и вдруг начинается обстрел. Думаю, бежать из арки или не бежать, и тут практически под ноги падает снаряд. Меня волной отбросило в канаву, но я сильно не покалечилась. Убило женщину с ребенком и двух мужчин, которые заходили в арку вместе со мной. От испуга я вскочила, и со всех ног побежала оттуда! Счастье, что я осталась жива.

Чудом я спаслась и во второй раз. Мне надо было проехать к магазину, напротив Фрунзенского универмага шел трамвай. Я в него села и вдруг объявили воздушную тревогу. Выскочила из трамвая, побежала к дому напротив и вдруг сзади меня падает снаряд и разрывается. Он попал в тот самый трамвай. Бог меня спас, не иначе.

Рядом с нашим домом стояла зенитка, поэтому бомбили наш дом часто. Детей организовали гасить зажигалки. Как-то я дежурила на чердаке, началась бомбежка. Вдруг, вижу фигуру в окне – мужчина активно машет руками. Понимаю, что дает наводку для обстрела, чтобы попали точно в зенитку. Заявила в милицию. Не знаю, нашли его или нет.

Моей подруги Марии Ивановны Гаукиной уже нет с нами. Мы были вместе в блокаду, а потом и долгую жизнь.

На один из праздников она подарила мне стихотворение. Это отрывок:

*«... Но наше детство омрачило горе
Война, блокада, суровая зима
Сорок первого года
Что говорить мы будем о войне?
Не дай-то Бог её и детям нашим, внукам.
Что пережили мы в свои двенадцать лет?
Лишь голод и разруху.
Война была и мы росли,
И дружба наша не прервалась
А в горе сблизила лишь нас».*

АРБИНСКАЯ Раиса Михайловна

*«...Вцепились в нашу память: дни блокады,
Глаза людей, к реке бредущих за «живительной водой»,
И сквозь года мы слышим грохот канонады,
Зловещий вой моторов «мессеров», летящих над Невой...»*

Р.М. Арбинская

«Мой тернистый путь длиною в жизнь»

Я появилась на свет 19 ноября 1930 года — трудного года для страны в политическом, экономическом и социальном отношениях. Это было время зарождения и развития промышленности в стране и в особенности в Ленинграде, в городе, в котором я родилась. Городу нужны были рабочие руки, и вскоре сюда потянулись молодые люди из близлежащих городов и сел в поисках постоянной работы.

Мои родители не были исключением. Отец, Катанов Михаил Давыдович, родился в небольшом провинциальном городе Остров Псковской области в 1906 году. Когда отцу исполнилось 22 года, он приехал в Ленинград на постоянное место жительства. В начале своей рабочей карьеры он работал постовым милиционером — в то время работникам милиции давали жилье в первую очередь.

Мама, Катанова Анна Ивановна, (девичья фамилия — Барканова) родилась в деревне Остапково Невельского района Псковской области в 1906 году, а в 1928 году она приехала в Ленинград и первое время, до встречи с моим отцом, жила и работала в какой-то богатой семье в качестве домработницы. В 1929 году мои родители поженились, а через год, то есть в 1930 году родилась я, их пер-

вая дочь. В то время родители занимали небольшую комнату в одноэтажном деревянном доме, в коммунальной квартире. Дом стоял в начале Лесного проспекта Выборгской стороны. Спустя два года после моего рождения семья переехала в коммунальную квартиру двухэтажного деревянного барака на Костромском проспекте (Удельная). Строительство таких бараков (без удобств) было широко развернуто в то время в Выборгском районе. Моему отцу, который к тому времени уже

работал управдомом, дали комнату (20 м²). Через год, то есть в 1933 году родилась моя младшая сестра, Галина Михайловна. Позднее к нам из деревни приехала бабушка, мамина мать. Пелагея Егоровна, вместе с моей старшей сестрой, (дочь от первого брака моей мамы), Лидией Федоровной Баркановой, 1926 года рождения. Таким образом, в нашей семье стало шесть человек. Отцу было трудно одному прокормить большую семью, да и зарплата управдома была невелика, поэтому маме пришлось устроиться на работу мотальщицей в прядильно-ниточном комбинате, который располагался рядом с магазином «Башкиров» на проспекте Энгельса (сейчас в нём находится коммерческий банк «Санкт-Петербург»).

За два года до начала войны (1941 г.) отец оставил прежнюю работу и устроился охранником на завод «Красная Заря». В июне 1941 года отец ушел на фронт, а в конце октября этого года — погиб. Отец служил на флоте, на одном из военных кораблей, стоявших на острове Эзель (Эстония), которые были уничтожены фашистами в октябре 1941 года.

Когда мне было шесть с половиной лет, я уговорила родителей определить меня в школу; к тому времени я свободно (не по слогам) читала газету, хотя ничего не понимала в прочитанном, и страстно желала пойти учиться вместе с ребятами нашего двора. Эта удивительная «тяга» к учебе сохранилась во мне на всю жизнь.

Однако, едва закончив 3-й класс, я лишилась возможности продолжать учебу в школе — бомбежки осенью 1941 года, суровая голодная зима 1942 года не позволили мне учиться в четвертом классе. В далекой сибирской глубинке, где я с семьей жила во время эвакуации (1943-1944) мне также не удалось учиться, так как единственная школа в поселке была занята — в ней жили эвакуированные семьи из Ленинграда.

В 1944 году (в ноябре) мама, я и моя младшая сестра (старшая сестра была завербована на работу на завод в городе Новосибирске) вернулись, наконец, домой, однако дома уже не было — он был снесен на дрова.

Маму и младшую сестру приютила тетя (мамина сестра) Прасковья Ивановна Багрова, которая жила одна в 10-метровой комнате; муж и сын были на фронте, а меня взял к себе сосед по дому, в котором мы прожили вместе самые страшные годы блокады. Я должна была помогать жене дяди Гриши Чежина (так звали соседа) нянчить новорожденного ребенка. За мою работу дядя Гриша выхлопотал для меня прописку на его площадь, что давало мне возможность получить продуктовую карточку и устроил в школу; меня зачислили в 5 класс 118 средней школы, что стоит на проспекте Энгельса. Я начала учиться со второй четверти, 1944 года. Таким образом, в моем среднем образовании навсегда остался «пробел» — я никогда не училась в четвертом классе. Окончив седьмой класс, я посту-

пила в Педагогическое училище №3, которое находилось на проспекте Энгельса (сейчас там расположилась Детская школа живописи). В педучилище из 4-х обязательных курсов я закончила только два и вынуждена была оставить дальнейшую учебу в нем по причине, которая была для меня весьма серьезной — я вышла замуж. Мой будущий муж заканчивал учебу в Арктическом училище, его должны были отправить в Арктику на работу на три года. Мы решили пожениться и поехать туда вместе. Однако, этому не суждено было случиться, так как в 1950 году родился наш сын, и мужу пришлось отправиться в Арктику (порт Тикси) одному. Через два года разлуки с семьей, мой муж встретил другую женщину, и моя семья распалась — мне пришлось воспитывать сына одной, конечно, не без помощи моей мамы, которая помогла мне не только вырастить сына, но и сделала все возможное, чтобы я продолжила учебу.

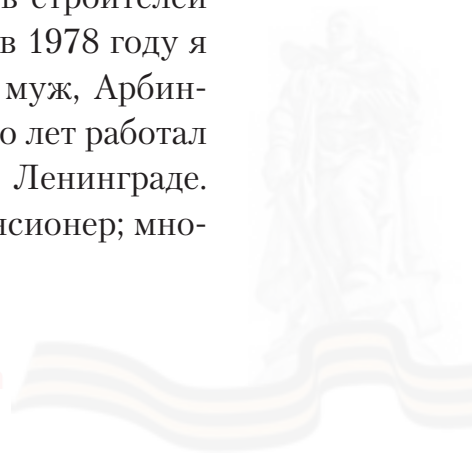
Сейчас у меня две внучки (дочери сына) Антонина и Елена, обе — врачи по специальности, и правнуки: Иван, ученик 6 класса и Настя — ученица 4 класса средней школы.

В моей жизни был короткий период вдохновения и радости, когда я, будучи студенткой второго курса, пришла однажды к руководителю знаменитого в ту пору студенческого хора, Григорию Моисеевичу Сандлеру и попросила его принять меня в его огромный хоровой коллектив. Он, прослушав меня, к моей огромной радости определил мне место в хоре

(альтовая партия). Для меня участие в хоре, руководимом талантливым человеком, заслуженным деятелем искусств, было огромной радостью, это был мой второй дом, который помогал мне формировать мою духовную жизнь и всегда держал меня в форме. Будучи хористкой, я выступала на сценах различных театров города и на сцене Большого зала Филармонии. До сих пор помню концерт, в котором хор и солисты исполняли оперу «Орфей и Эвридика» с первым составом оркестра филармонии Ленинграда.

К сожалению по семейным обстоятельствам мне не довелось участвовать в выездных концертах хора, которые проходили в разных городах Советского Союза. Мое пребывание в хоре длилось три года. На пятом курсе мне предстояли гос. экзамены и защита диплома. Кроме того, надо было готовить сына к школе — все эти обстоятельства вынуждали меня оставить хор, что было для меня тяжелым испытанием.

В 1977 году после окончания аспирантуры меня мои друзья познакомили с очень порядочным и добрым человеком, который приехал в Ленинград из г. Дзержинска навестить своего друга после трехлетнего пребывания в Афганистане, где он обучал афганцев-строителей сварочному делу. Через год в 1978 году я вышла за него замуж. Мой муж, Арбинский Вадим Иванович, много лет работал на Металлическом заводе в Ленинграде. В настоящее время он — пенсионер; мно-

го работает по дому, по хозяйству, создает уют и здоровый климат в семье.

Я люблю литературу, особенно поэзию, люблю классическую музыку и джаз. Когда ко мне приходит вдохновение, я пишу стихи для детей и взрослых.

Первый день Великой Отечественной войны

Двадцать второго июня 2011 года исполнилось 70 лет с того дня, когда фашистская Германия, предательски нарушив мирный договор, заключенный с СССР, направила вооруженные до зубов войска к границам нашей страны. Ранним утром того дня уже шел ожесточенный бой у Брестской крепости, а «мессеры» нещадно бомбили города: Киев, Житомир, Севастополь и Каунас — так началась самая жестокая и кровавая война на планете, унесшая жизни десятков миллионов людей, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Люди гибли повсюду: на фронтах, в фашистских лагерях, тысячи людей были заживо сожжены в печах, среди них были женщины, старики, дети, и даже младенцы.

Ленинградцам фашистами было уготовано другое испытание, ранее неизвестное истории — медленную смерть от голода, холода, болезней в условиях ежедневных бомбежек и артобстрелов Ленинграда, зажатого в кольцо блокады, начиная с сентября 1941 года до полного освобождения города 27 января 1944 года. За этот период погибли сотни тысяч Ленинградцев, среди которых были женщины, дети

и старики. Об этом нам напоминают надгробные надписи не только на Пискаревском Мемориальном кладбище, но и надписи на других кладбищах города.

Моя цепкая детская память сохранила все подробности первого дня войны. Это был солнечный, теплый день — выходной день в нашей стране после шестидневной трудовой недели. Покончив с завтраком все члены семьи занялись своими делами: отец укладывал в сарае подготовленные на зиму дрова, старшая сестра с подругой ушла в кино (кинотеатр «Уран» на Ярославском проспекте), мама и бабушка были дома, они готовили обед; я и моя младшая сестра играли на зеленой лужайке возле дома в популярную тогда среди девочек игру — «магазин», где товаром служили уже распустившиеся цветы одуванчиков и травы. По голубому небу скользили редкие облака, а воздух был напоен запахом сирени. Из открытых окон домов доносилась эстрадная, «патефонная» музыка, мальчишки играли в футбол, и во всем царило какое-то особенное спокойствие. Казалось, что никакая беда не сможет его нарушить.

Да и откуда ей, этой беде, было взяться? Уже ушла в прошлое война с Финляндией, длившаяся всего несколько месяцев, а сообщения, передаваемые ежедневно по радио, были вполне оптимистичны. Правительство страны заверяло нас в том, что никакой войны больше не будет, что с Германией заключен мирный договор. По радио часто передавали советские, патриотические песни, например: «Широка

страна моя родная» или «Если завтра война» и другие, которые настраивали всех нас на оптимизм. Но неожиданно для нас, увлекшихся игрой, настала какая-то странная тревожная тишина, и из уличного репродуктора мы слышали знакомый голос Юрия Левитана (диктора всесоюзного радио) сообщившего о предстоящем важном заявлении правительства СССР. Мы, дети, сначала не придавали этому значения, но неожиданно мама одной из игравших девочек срочно позвала ее домой; игра расстроилась и мы, вспомнив о том, что уже пора обедать, а мама почему-то нас не зовет, пошли домой.

Войдя в комнату, я почувствовала какую-то напряженность: бабушка лежала на кровати и что-то шептала, наверное, молитву, мама плакала, а отец сидел у стола и о чем-то напряженно думал, время от времени успокаивая маму. Вскоре по радио повторили выступление В.М. Молотова, из которого мы узнали, что началась война. Вечером все немного успокоились, кроме моей мамы, она то немного успокаивалась, то снова принималась плакать — наверное она предчувствовала, какое бремя забот ляжет на ее плечи, когда отца призовут в армию. Но вряд ли моя мама могла даже предположить, что ей предстояло пережить, через какие страдания и муки ей придется пройти: смерть бабушки в самый разгар бомбежек, оборонные работы под Лугой в условиях непрекращающихся бомбежек и артобстрелов, где единственным убежищем от них служили те же, вырытые самими женщинами

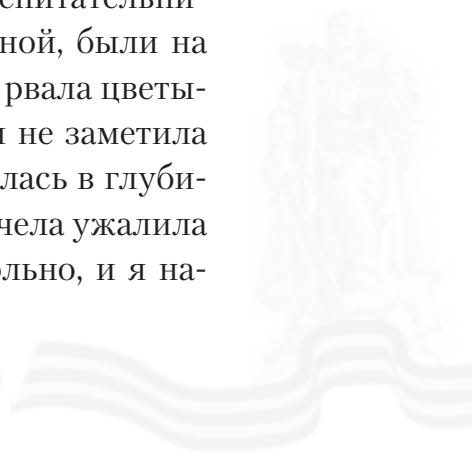
окопы, извещение о смерти отца, блокада и отчаянная борьба за выживание семьи; скитания по «чужбине» во время эвакуации (1943-1944 г.), трудное возвращение в родной город. Да все это было потом, а вечером моя семья долго не ложилась спать. И когда я утром проснулась, то увидела своих родителей, сидящих у стола, в той же позе, в которой они сидели вечером — по-видимому, у них было многое, что сказать друг другу в ту для них последнюю, самую короткую белую ночь. В конце июня отец уехал на фронт (на Балтийский Флот), откуда ему не суждено было вернуться.

Первая эвакуация

В конце июня 1941 года, сразу же после объявления войны, нас малолетних детей отправили на все лето в г. Боровичи, Новгородской области, а в июле фашисты уже начали бомбить Новгород.

В лагере мы жили хорошо, наши воспитатели были к нам добры и внимательны, и мы не ощущали никакого страха: по-прежнему ходили в лес, играли в игры, занимались поделками; моя младшая сестра, с которой я приехала в лагерь, посещала кружок рисования.

Как-то раз в один из солнечных теплых июльских дней мы с воспитательницей, уже немолодой женщиной, были на прогулке, на опушке леса. Я рвала цветочки и колокольчики, и не заметила пчелу, которая, замаскировалась в глубине цветка. Потревоженная пчела ужалила меня в щеку, было очень больно, и я на-

чала плакать. В этот момент я вспомнила свою бабушку, маму, отца, и мне очень захотелось домой, хотя мы — дети знали, что город подвергался налетом бомбардировщиков — «мессеров».

Воспитательница пыталась меня утешить, но я настоятельно просила отправить меня домой. Видя мое состояние, она, взяла меня за руку и повела к лесу. Там в тени у канавы, она подняла кусок прохладной земли и приложила к моей раздутой щеке. Удивительно, но через какое-то время боль стала отступать, и опухоль спадать очень быстро. Когда мы пришли в лагерь, все мои детские «горести» были позади. Теперь, вспоминая этот эпизод моего военного детства, я невольно прихожу к выводу, что в то лихолетие казалось даже сама наша земля в буквальном и переносном смысле помогала «своим» детям переживать то трудное время.

Вскоре пришел приказ — срочно эвакуировать детей обратно в Ленинград. Мы еще не знали, что нас ждет впереди, какие нечеловеческие испытания нам предстояло пережить, но мы были счастливы — мы возвращались домой.

Я и моя сестра попали по распределению во второй эшелон, который должен был отправиться через два часа после первого. На подступах к Ленинграду мы вдруг остановились и долго стояли, измученные жарой и жаждой, но это были мелочи по сравнению с тем, что пришлось испытать детям первого эшелона. Фашистские бомбардировщики устроили «налет» на мирный, беззащитный эшелон,

и сбросили огромное количество бомб на детей. Наши самолеты с трудом могли отбить «черных ястребов» с большими потерями. Но что они были по сравнению с тем, что потеряли родители, город и страна — почти все дети первого эшелона погибли.

Вспоминая теперь свою первую эвакуацию, я прихожу к выводу что паника, которая тогда царила в умах Ленинградского правительства, была причиной неправильного, ошибочного решения — послать два эшелона детей на «отдых» в том направлении, откуда фашисты «победным» маршем подходили к Ленинграду.

Дома нас ждали взволнованные женщины (опоздание нашего эшелона на 6 часов приводило их в отчаяние): мама, больная бабушка и старшая сестра; отца к тому времени уже отправили на фронт на остров Эзель (Эстония), где стояли наши военные корабли, которые в октябре этого года были полностью уничтожены фашистской авиацией: там погиб и мой отец.

Я помню его прощальный взмах руки, когда трамвай, (в котором нас везли к пункту эвакуации) поворачивая за угол, медленно увозил нас от отца, чтобы мы уже никогда не могли встретиться.

«Бабушкин сундук»

Осень 1941 года была для ленинградцев особенно тяжелым периодом — непрерывные бомбежки и начало блокады, которая растянулась на целых 900 дней.

Фашисты нещадно бомбили город. Люди не успевали добраться до дома —

приходилось бежать в ближайшие бомбоубежища. Наша семья и соседи уже больше не прятались в окопах, вырытых в нескольких метрах от дома — там было сыро и холодно.

В центре города то здесь, то там вспыхивали пожары, которые продолжались несколько часов, а то и несколько дней — в городе не хватало ни технических, ни людских ресурсов.

В середине октября скончалась моя бабушка, которая не раз спасала меня в своих длинных юбках от «наказания» за какую-либо провинность. Я была очень шустрым и любопытным ребенком, и мне частенько «доставалось» от мамы.

Наши близкие родственники жили в центре города. Кто-то должен был сообщить им о похоронах бабушки. Эту миссию взял на себя мой двоюродный брат Анатолий, которому тогда едва исполнилось 16 лет. Я увязалась за ним, и мама, после долгих раздумий разрешила мне с ним поехать в центр, который был постоянной мишенью для фашистских бомбардировщиков. Мы долго ехали: трамвай часто останавливался, чтобы переждать период «воздушной тревоги». Наконец, мы добрались до Витебского вокзала, рядом с которым жила мамина старшая сестра. Однако до нее мы не успели дойти, сирена воздушной тревоги заставила нас остановиться. Где-то рядом взорвалась бомба, и я увидела, как многоэтажный дом, стоявший на противоположной стороне от вокзала, стал быстро оседать, а верхние этажи поползли вниз, обнажая

все содержимое «коммуналок»: столы, стулья, кухонную утварь под отчаянные крики жителей дома.

Брат затащил меня в парадную какого-то трехэтажного дома, поставил меня в угол и закрыл мою голову руками. Так мы простояли до «отбоя воздушной тревоги».

Я вспоминаю случай, когда фашисты толи в шутку, толи всерьез начали бомбить наш любимый Зоосад — мы долго ощущали запах горелой шерсти погибших животных.

Однако, самым ужасным для нас, ленинградцев, оказался день, когда фашисты целенаправленно бомбили «Бадаевские склады» — главные и единственные продовольственные склады всего города. Фашисты были хорошо осведомлены об этом, и они сбросили на этот «объект» десятки бомб. Я вспоминаю красное зарево, которое стояло в течение нескольких дней над горящими складами. Особенно остро ощущался запах сгоревшего сахара, который имел «горький» привкус в прямом и переносном смысле, ибо сгоревшие склады, где хранились продукты питания не на один год — означали смерть сотен тысяч ленинградцев, тела которых покоятся на многих кладбищах города.

Бабушку похоронили 14 октября («Покров День» — по церковному календарю), и мы не трогали ее единственную «личную собственность» — сундук, в котором бабушка хранила свои вещи.

Сундук стоял у печки и был всегда на замке. Спустя сорок дней после смерти бабушки мы открыли сундук и не поверили

своим глазам — под вещами лежал «запас» продуктов, которых хватило нашей семье на целый месяц, чтобы не умереть от голода.

Перед началом войны бабушка собиралась уехать в деревню, где прожила почти всю свою жизнь; ей хотелось, как она всегда говорила «умереть на своей земле». Она, наверное, предчувствовала эту страшную трагедию, которую пришлось пережить (далеко не всем) людям, лишенным самого элементарного и самого необходимого для жизни — питания.

В сундуке мы нашли мешок сухарей, несколько кульков крупы и несколько кусков сахара.

Моя любимая бабушка Пелагея, отсыпая украдкой крупу, пряча куски хлеба и сахара, вряд ли могла знать, что, совершив это «деяние», она помогла нам выжить в те страшные блокадные месяцы.

Соседка Зина

В коммунальной квартире на одной лестничной площадке с нами жила одинокая молодая женщина, украинка по национальности, которая приходила к нам каждый день. Она приходила утром и уходила поздним вечером, питаясь, как и мы, тем, что было — кружка горячего кипятка и 125 г. хлеба. Соседка Зина — так называла ее мама, редко выходила на улицу (хлеб ей приносила моя старшая сестра, причем хлеб для Зины взвешивался отдельно от нашего общего «пайка»). Зина была инвалидом: у нее была ампутирована нога, и она с трудом волочила деревянный протез, сильно наклоняясь на бок

при ходьбе, и вызывая жалость и сочувствие окружающих.

Я запомнила ее по красивым карим глазам и ее песням, которые она пела в полголоса в дни, когда она особенно тосковала по своей родине — «Ридной України». Она бывало, сидела у большого окна нашей небольшой комнаты и плела свои бесконечные кружева из катушечных ниток, рассказывая нам некоторые эпизоды из жизни ее на Украине. Больше всего мне нравились ее песни, которые она выбирала нарочито (как мне тогда казалось — ребенку в 12 лет) самые грустные из своего «репертуара». Иногда я ей подпевала, не всегда понимая значение некоторых украинских слов. Я часто удивлялась, почему Зина называла красивую девушку, о которой она пела с какой-то особенной интонацией, странными для меня словами: «гарна дывчына», произнося звук «г», похожий на тот звук, который произносила моя бабушка. Зина объяснила мне, что украинский и русский языки — это похожие славянские языки, которые имеют свои особенности. Так я получала от нее свои первые «уроки по языкознанию».

Однажды Зина пришла к нам позже обычного, взволнованная и чем-то очень расстроенная. Она долго о чем-то шепталась с мамой, поглядывая в мою сторону. Мама долго не хотела рассказывать об этом «тайном» разговоре с Зиной, но, уступив просьбам, поведала нам страшную тайну, так взволновавшую маму.

Зина иногда «протапливала» свою комнату дровами, которые лежали за печкой.

Вскоре дрова закончились, и ей пришлось идти в сарай. Сарай для жильцов нашего дома находились рядом с домом в пятидесяти шагах от дома (так мне тогда казалось). Возле сараев стояли бочки, наполненные песком для тушения «зажигалок» — так мы называли фугасные бомбы, которые фашисты тоннами сбрасывали на наш город, в особенности, осенью 1941 года. Когда Зина, набрав поленец, выходила из сарая, она протезом зацепилась за порог и уронила дрова на снег. Поднимая последний поленец, лежавший у бочки с песком, Зина невольно обратила внимание на «предмет», который поверг ее в ужас — это были сложенные кисти рук новорожденного ребенка.

В то время было трудно объяснить этот факт, но позднее, когда я была студенткой университета и изучала иностранные языки, я столкнулась с незнакомым мне словом. Я нашла перевод этого слова в словаре и сразу вспомнила эпизод, о котором тайно поведала соседка Зина. В человеческом обществе это явление называется каннибализм.

После этого случая Зина перестала петь свои песни и, склонив голову, с утра до вечера плела свои «нескончаемые» кружева.

В марте этого же года началось расселение жильцов нашего барака (дом подлежал сносу — на дрова), Зина попала в первый список тех, кто уже в конце марта переехали в деревянный дом, только на другой улице. Зина к нам больше не приходила, а в конце августа нашу семью эвакуировали в Сибирь. Для меня это была

вторая эвакуация. После возвращения из эвакуации в 1944 году, мы стали искать нашу «певунью», но, к нашему огорчению, новые соседи Зины сообщили, что она умерла в конце 1942 года. Наверное, Зина умерла не только от голода, но и от одиночества и тоски по своей родине.

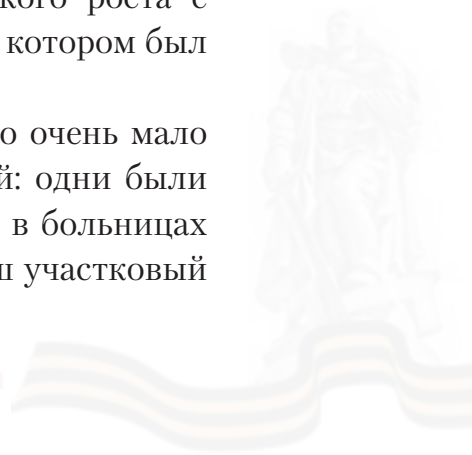
Участковый доктор

В феврале 1942 года моя мама после очередного похода в совхоз «Коломяги» в поисках открытых ям, в которых находились остатки сгнившего картофеля, припасенного когда-то до войны для откорма свиней, простудилась и слегла с очень высокой температурой.

В то время у нас, простых людей, телефонов не было и в помине, и старшей сестре пришлось идти в поликлинику, чтобы вызвать врача на дом. Мы не очень надеялись на то, что врач придет — на улице еще стояла холодная, морозная погода, еще сугробами лежал снег, и трудно было передвигаться по нехоженным и неубранным дорогам. Город еще переживал блокаду: голод, холод, и артобстрелы.

Однако, вопреки нашим опасениям, врач пришел на следующий день. Мы ожидали, что придет женщина-врач, но, к нашему великому удивлению, пришел мужчина — худой, невысокого роста с врачебным «сундучком», на котором был красный крест.

В то время мужчин было очень мало в городе и тем более врачей: одни были на фронте, другие работали в больницах и госпиталях; но почему наш участковый

врач остался работать в поликлинике, мы так и не узнали. Врач долго прикладывал «трубочку» к маминой спине, а потом заключил: «воспаление легких» — в то время эти слова звучали, как смертельный приговор. Он поставил маме «банки» объяснил сестре, как надо ставить горчичники и прописал лекарство.

Мы ничего не могли предложить врачу, кроме кружки горячей воды, которую он с удовольствием выпил.

Я очень переживала болезнь мамы и не отходила от ее кровати, напряженно думая, как ей помочь оправиться от болезни.

На первом этаже по нашей парадной жила семья Даниловых: муж, уже пожилой человек, его жена, уже тоже немолодая женщина и сын, который ушел на фронт в начале войны, и от него не было никаких известий. Тетя Аня Данилова работала до войны продавцом в булочной, и соседи поговаривали, что эта семья «не голодала», у них был «мешок сухарей». Я решила пойти к тете Ане, хотя долго не решалась на этот шаг: о них говорили, что «эти люди очень жадные».

Я рассказала о нашей беде тете Ане и разрыдалась. Тетя Аня достала наволочку, лишь наполовину наполненную белыми сухарями, и протянула мне несколько штук для «лечения» мамы.

У мамы стала спадать температура, стал реже кашель, и она уже могла есть. На третий день к нам снова пришел наш участковый врач. Прослушав маму, он

сказал, что «болезнь отступает, кризис миновал».

Радости нашей не было конца. Когда врач, окончив осмотр, выписал очередное лекарство, старшая сестра приготовила ему «угощение»: кружку горячего кипятка и белый сухарь, который предназначался старшей сестре за «хлопоты» по уходу за мамой.

Спустя много лет после войны я случайно оказалась на Удельнинском проспекте, где стояла поликлиника, и неожиданно встретила того самого врача, который приходил к маме дважды, (сам едва держался на ногах от голода и холода) чтобы спасти детям мать. Он шел бодрым шагом, неся свой врачебный чемоданчик с красным крестом — вероятно, где-то требовалась его помощь.

«Без суда и следствия»

Моя семья, как и многие соседи нашего двухэтажного деревянного барака, жили в коммунальных квартирах. Наша «коммуналка» состояла из 3-х комнат: одну комнату занимала моя семья: мама, папа, бабушка, старшая и младшая сестры и я. Две другие комнаты принадлежали соседям: это была семья, состоящая из 3-х человек: хозяин — уже немолодой человек, его жена и сын, которому было 16 лет. У нас с соседями были чисто формальные отношения. Они каждый год покупали весной поросенка и целое лето откармливали его, а осенью его «закалывали» на мясо. Я и моя младшая сестра стояли часами у сарая, где держали ма-

ленькое розовое существо и наблюдали за ним с восхищением, а осенью, когда поросята закалывали, мы плакали, упрекая Ксению Ефимовну (так звали соседку) за то, что она убивала маленьких животных. Моя мама была тоже недовольна тем, что в небольшой общей кухне постоянно стоял дым и чад от жаренного мяса.

Весной 1941 года соседи почему-то не приобрели поросята, а вскоре началась война. Сын соседей Анатолий рвался на фронт, но ему Военкомат отказывал. А когда ему все же разрешили пойти добровольцем на фронт, Ксения Ефимовна уговорила сына остаться дома — сильно болел отец (дядя Павел).

Когда началась блокада, дядя Павел совсем занемог и вынужден был оставить работу (он работал в трамвайном парке им. М. И. Калинина). Однажды в ноябре к ним пришли два милиционера, долго их о чем-то допрашивали, а потом увезли обоих мужчин, как говорила моя мама, в тюрьму (в «Кресты»). В доме осталась одна, насмерть перепуганная Ксения Ефимовна, которая надеялась, что ее мужа и сына скоропустят, как только все выяснится.

Дело в том, что рядом с нашим домом, где было печное отопление, стояли длинные деревянные сараи, поделенные на секции; каждая секция принадлежала какой-то отдельной семье. Сарай (секция) моих соседей был крайним, и они делили общую стенку этого сарая с другими соседями. В стенке была дыра, но этому никто не придавал значения, поскольку каждая се-

мья заготавливала на зиму достаточное количество колотых дров. В декабре соседи дяди Павла обнаружили кражу в своей секции — было украдено какое-то количество квашеной капусты из бочки, которую соседи держали «на морозе». Поскольку была дыра в стенке между секциями, то подозрение пало на дядю Павла и Анатолия. Прошел месяц, но их не отпускали, хотя обыск не дал никаких улик, и не было свидетелей. Ксения Ефимовна долго хлопотала, ходила в «Кресты», хотя ей голодной и расстроенной, было довольно трудно ходить пешком от Удельной до Финляндского вокзала. И только весной 1942 года родственникам Ксении Ефимовны удалось узнать, что дядя Павел и его сын Анатолий умерли в тюрьме в январе 1942 года от голода, не дождавшись ни суда, ни следствия. Ксения Ефимовна очень горевала, кричала по ночам, звала сына. Весной родственники взяли ее к себе, совершенно обезумевшую от горя, голода и несправедливости. Больше мы ее никогда не видели.

Товарищ майор

В январе 1942 года, в самый разгар суровой зимы к нам пришел человек, еще совсем молодой в военной форме и, как мы позже узнали, в чине майора.

Кто рекомендовал ему обратиться именно к нам, до сих пор остается неразгаданной тайной. «Товарищ майор», (так называла его наша семья) попросил маму разрешить ему переночевать у нас три ночи подряд, объяснив, что через трое суток часть, в которой он служил, отправляется на фронт.

О причине, по которой он обратился к нам с этой просьбой, мы узнали уже на следующий вечер, когда наш «жилец» пришел к нам не один, а с молодой женщиной. В то время кровать бабушки была пуста — бабушка умерла в середине октября 1941 г. от сердечной недостаточности. За «неудобство» которое он мог причинить нашей семье, майор обещал поделиться с нами своим пайком — солдатский котелок каши, которую мама разбавляла водой, чтобы все могли немного утолить голод. В тот вечер майор и его знакомая долго не ложились спать — шепотом разговаривали, и я иногда слышала сдержанные рыдания молодой женщины.

По всей видимости, это была их последняя встреча перед жаркой схваткой с фашистами.

Когда утром я проснулась, майора и его знакомой уже не было. На столе я увидела тот самый солдатский котелок, наполненный кашей — последний прощальный привет от нашего «товарища майора». Мама стояла у иконы, изображающей Иисуса Христа (память о нашей верующей бабушке) и долго молилась, и, как потом она мне объяснила, — просила Бога, чтобы он сохранил жизнь нашего, неизвестно откуда взявшегося «жильца».

Дядя Коля Вальков¹

¹ Вальков Николай Алексеевич (1895-1942 гг.). Умер в январе 1942 года в блокадном Ленинграде. Архив Выборского района Санкт-Петербурга. Домовая книга по адресу Костромской пр-т, д. 64, стр. 32.

В начале февраля 1942 года моя старшая сестра Лидия (ей было 15 лет), в обязанности которой входила доставка нашего семейного хлебного пайка, вернулась из магазина (особняк на проспекте Энгельса, в котором сейчас располагается коммерческий банк, а ранее принадлежавший купцу Башкирову) и сообщила, что слышала разговор двух женщин о том, что в совхозе, который находился где-то в Коломягах, отрыли ямы с картофелем, припасенным в мирное время для откорма свиней на зиму. Конечно, никаких свиней уже не было и в помине, а ямы с «картофелем» были давно всеми забыты. Присоединившись к кому-то из соседей, мама, взяв, санки и мешки, отправилась в совхоз. Шли они долго по нехоженным, заснеженным тропам, а когда пришли к ямам, то к своему огромному огорчению, вместо картофеля обнаружили обыкновенную землю с отдельными включениями картофельного крахмала. Помню, как мы старательно отделяли землю от крахмала, из которого мама готовила заварную похлебку землисто-серого цвета, оставлявшую на зубах неприятное ощущение частиц земли.

Во второй раз маме повезло больше — она привезла две большие глыбы земли с довольно крупными включениями крахмала. В тот счастливый день мама испекла в печке на маленькой сковородке пять лепешек, добавив крахмал в размоченные корки хлеба, (корки размачивались потому, что у нас болели и кровоточили десны

от недостатка витамина «С»: болезнь называется «цинга»).

В то время, как мы приступали к «трапезе», в дверь нашей комнаты постучали, и вошел дядя Коля Вальков из соседней парадной. Он сильно исхудал и с трудом выговаривал слова. Мама усадила его перед жарко натопленной печкой. Он смотрел на угасающие угли, протягивая худые, замерзшие руки.

Дядя Коля был интеллигентным человеком и весьма образованным. Он всегда был аккуратно одет и вежливо со всеми здоровался. У него была семья — жена и сын Олег — инвалид с рождения, он довольно быстро передвигался с помощью костыля, который не только помогал ему ходить, но и ловко забивать футбольный мяч в импровизированные ворота.

Ребята нашего двора уважали его за интересные рассказы, которые он читал вечерами.

Дядя Коля сообщил маме о смерти жены и сына; мама не могла сдерживать слезы, а он продолжал спокойно рассказывать о том, что жалеет, что его не взяли на фронт, и что не может закончить какую-то «очень важную книгу» — кончилась бумага и чернила.

Мама угостила дядю Колю горячим кипятком, отдав ему пятаю лепешку, нашу «надежду» на добавку.

Покончив с «ужином», он поблагодарил маму и ушел, и как, мы потом узнали — навсегда. Когда, на следующий день соседи по квартире открыли дверь его комнаты, они увидели следующую картину:

дядя Коля сидел на стуле у письменного стола, положив голову на руки, скрещенные на столе, на котором была груда исписанной бумаги. Наверное, это была его недописанная, «очень важная книга», о которой уже никто и никогда не узнает.

Спасительный мякиш ржаного хлеба

Незадолго до начала войны мой отец решил сменить место работы и устроился охранником на заводе «Красная Заря» (Сампсониевский проспект). Причиной, побудившей отца поменять место работы, были низкая зарплата на прежнем месте и, соответственно, скудный семейный бюджет. Оформление на новую работу потребовало достаточно большого количества времени, да и до первой «получки» было еще далеко, в результате на семейном столе в течение месяца не было белого хлеба. Моя старшая сестра регулярно приносила из булочной мягкий ржаной хлеб с хрустящей корочкой. Мама строго следила за тем, чтобы дети обязательно съедали за обедом хотя бы один кусок хлеба, однако у меня это не получалось — мне не нравился чуть кисловатый вкус мякиша и я всячески старалась спрятать его то в карман платья, то незаметно подкидывала его младшей сестре. Однако мама вскоре заметила это и пригрозила мне тем, что не разрешит гулять на улице, если я не съем хлеб, и мне пришлось пойти на другие хитрости. Когда мама во время обеда уходила на кухню, я быстро отделяла мякиш от корки, ловко быстры-

ми движениями пальцев сминала его и, просунув руку под стол (большой круглый стол стоял посреди комнаты) приклеивала его к крышке стола. Когда мама возвращалась из кухни, я демонстративно медленно доедала корку от спрятанного мякиша. Такие манипуляции с хлебом я проделывала до тех пор, пока отец не получил зарплату, а на столе опять не появился белый хлеб.

Шло время, я совсем забыла о своих «проказах», да и под стол уже никто не залезал, как это было раньше, когда я и моя младшая сестра прятались под столом от «наказаний» за какие-либо провинности, или просто играли под столом — единственным свободном месте в комнате.

В январе 1942 года, когда на семейном столе невозможно было найти даже крошки хлеба, я вспомнила о приклеенных мякишах ржаного хлеба. К моей большой радости я набрала почти полную детскую миску маленьких сухариков, из которых мама два дня варила жидкую «болтушку». Так, мои детские проказы помогли моей семье прожить два дня до получения нашего мизерного пайка (125 г. хлеба), выдача которого была задержана на 3 дня по причине отсутствия необходимых компонентов, из которых выпекался блокадный хлеб: муки, опилок, игл хвойных деревьев, дуранды (жмыха), причем процент муки был наименьшим из всех составляющих.

Ангел-хранитель

Шел к концу последний месяц зимы 1942 года. Февраль оказался таким же су-

ровым и беспощадным, как и январь: по-прежнему стояли сильные морозы, к ним добавились ветры и метели, которые заметали дороги и делали их почти непроходимыми в наших краях. Для того, чтобы добраться до булочной и получить свою «пайку» хлеба, ленинградцам приходилось тратить последние силы на преодоление неочищенных дорог.

«После прорыва блокады в январе 1943 года была небольшая прибавка к нашему блокадному хлебу, но эта прибавка была столь мизерной, что мы ее почти не чувствовали.

Однако прорыв блокады имел огромное психологическое значение для жителей города — мы получили надежду на то, что вот-вот, блокада будет снята, и наши мучения скоро закончатся. К сожалению, до полного освобождения Ленинграда оставался целый год, а следовательно, продление наших страданий еще на один год. Тем не менее, настроение наше улучшалось — стали «отоваривать» наши продовольственные карточки, регулярно, без каких-либо сбоев, привозили в булочную хлеб, который в то время был еще для нас единственным средством существования.» Так писала нам в письме мамина старшая сестра Прасковья Ивановна Багрова в далёкую Сибирь, куда нас эвакуировали.

В конце февраля 1942 года моя старшая сестра, Лидия, простудилась — накануне она долго стояла у булочной, ожидая машину с хлебом, которая застряла в снегу, и водителю было трудно столкнуть ее с места.

Помощь пришла с большим опозданием, и людям пришедшим за хлебом, пришлось решать дилемму: уходить домой без хлеба, которого с нетерпением ждали дома, или стоять на холоде в полной неизвестности.

Сестра вернулась домой в тот момент, когда мама уже собиралась идти к ней на помощь. Мы едва узнали Лидию: платок на голове был покрыт снегом, а на лице были видны глаза и распухший нос красного цвета. Никакие растирания не помогли, нос долго болел, а на переносице у Лидии до сих пор видна «метка», как напоминание о пережитых нами блокадных днях. Однако, как говорится в русской поговорке — «нет худа без добра» — продавщица, глядя на распухший красный нос сестры, сжалилась над ней и выдала ей хлеб на два дня вперед — что было весьма редким явлением в те дни.

Прошло два дня, сестра чувствовала себя уже лучше, но выходить на улицу ей было еще рискованно. Поскольку Лидия была в семье единственным «поставщиком» хлеба, то возникла проблема — кому идти в булочную. «Запасы» хлеба были уж на исходе, а просроченные хлебные талоны — не «отоваривались».

Мама решила, что в булочную пойдет она сама, хотя мы, дети, дружно возражали против ее решения, помня, как тяжело мама перенесла воспаление легких в январе. В самом разгаре нашего спора в дверь постучали, и на пороге появилась мамина средняя сестра, Мария Ивановна Майорова, от которой мы не получа-

ли никаких известий с середины октября 1941 года, после похорон моей бабушки. Наша радость была бесконечной, мы забрасывали тетю Марию вопросами, на которые она не успевала отвечать.

Мария Ивановна была старше мамы на четыре года. Она жила с мужем на Петроградской стороне, детей у них не было, и они часто брали меня к себе, чтобы дать маме немного отдохнуть от лишних забот. Тетя Мария работала на фабрике «Красное знамя». В начале войны ее муж ушел на фронт, и она осталась одна. Когда в Ленинграде закрылись все детские учреждения — ясли и детские сады, к Марии Ивановне обратилась с просьбой ее близкая подруга, которая с годовалым сыном жила на Крестовском острове (муж ее в это время был на фронте) и работала поваром в одном из проф.училищ города. У нее никого не было, и оставить сына было не с кем. Мария Ивановна переехала к подруге и стала нянчить ее сына вплоть до самой весны 1945 года.

Подруга Марии Ивановны ежедневно приносила домой еду, состоящую из блокадного хлеба и крупяного супа. Таким образом в доме всегда была горячая съедобная пища, и тетя Мария не испытала того страшного голода, который выпал на долю блокадников — ей удалось избежать «голодной дистрофии», что было характерной чертой многих Ленинградцев.

За четыре месяца работы в «няньках» тетя Мария смогла засушить сухарей из хлеба, который она выкраивала из своего пайка, и отложить часть крупы, которую

удавалось получить по карточке – иждивенца – благодаря своей подруге. Все эти драгоценнейшие в то время продукты, тетя Мария принесла нам в тот холодный февральский день, когда ее подруга, сумев договориться на работе о замене, отпустила тетю Марию на один день, чтобы навестить сестру и ее троих детей.

Дорога от Крестовского острова до Удельной была длинной трудной – весь транспорт в городе стоял без движения, и добраться к нам можно было только пешком. Тетя Мария вышла из дома, когда начинало светать, и добралась до Удельной только к 12 часам дня, чуть живая от усталости.

Перекусив и отогревшись, тетя Мария стала собираться в обратную дорогу, но, узнав о нашей проблеме, не задумываясь, пошла в булочную и выкупила наш хлебный паек на два дня вперед.

Когда тетя Мария, простившись с нами, ушла, мама стала перед иконой Спасителя и, молясь, просила его послать сестре помощь в дороге. В последствии, мы узнали, что Марии Ивановне повезло с обратной дорогой – водитель грузовика подвез ее почти до самого дома за пачку «Беломора» – папирос, оставшихся после ухода мужа на фронт.

Продукты, которые тетя Мария привезла, помогли нам дожить до конца марта, когда уже кое-где на проталинах стала появляться съедобная трава. Первый муж Марии Ивановны – Швайко Алексей Егорович – вернулся с фронта и вскоре тяжело заболел (туберкулез) и умер. Мария

Ивановна спустя два года вышла замуж во второй раз за Майорова Александра Кузьмича (обладателя двух боевых орденов). Семья Александра Кузьмича, жена и двое детей, умерли в 1942 году от голода.

Дальнейшая судьба была благосклонна к тете Марии – она подарила ей спокойную и долгую жизнь. Тетя Мария скончалась в 1993 году, в разгар перестройки, на 89 году жизни.

Теперь, когда я и моя сестра Лидия в беседах возвращаемся к дням блокады, мы благодарим судьбу за то, что она прислала нам тетю Марию, нашего «ангела-хранителя», в самые тяжелые дни нашей жизни.

«Одноклассница»

К нам в 3-й класс пришла «новенькая». Учительница представила ее – Эля Борисова. Девочка была некрасивой, но мы все ее полюбили за ее талант и чувство справедливости. Помнится, она неоднократно заступалась за меня, когда мне делала учительница «замечание» за то, что я часто поворачивалась назад. На задней парте сидели мальчишки – озорники, которые делали бумажные «пульки» и из рогатки стреляли в нас девчонок. Мне, почему-то, доставалось больше всех. Эля училась очень хорошо, и учительница ее любила и прислушивалась к ее мнению.

Однажды нам дали задание на дом – нарисовать каких-нибудь животных. Я не любила рисовать и у меня особенно плохо получались животные. Когда Эля показала в классе свои рисунки, все ахнули –

перед нами была лошадь с жеребенком, которые, как нам казалось, вот-вот сойдут с картины. Учительница тоже была удивлена и попросила Элю нарисовать что-нибудь на доске мелом — возможно, она подумала, что кто-то из домочадцев нарисовал для Эли этих дивных лошадок. Эля охотно согласилась и нарисовала «мой портрет», который очень напоминал мою физиономию. Когда Эля закончила рисунок, все захлопали, потому что узнали меня на портрете. Весной был организован школьный конкурс живописи, и Эля заняла там первое место. Мы очень гордились Элей, когда учителя других классов говорили, что Эля — будущий художник-анималист.

После окончания третьего класса все ученики разъехались, кто-куда. Эля оставалась в городе, так как она помогала матери нянчить своего годовалого братишку. В июне этого года началась война. Отца Эли взяли на фронт в танковые войска, и от него не было писем. Мать Эли не работала из-за ребенка, но она где-то убирала мусор, и ей давали «рабочую карточку». Однажды мать Эли простудилась, и Эле пришлось идти в булочную за хлебом.

Эля долго не возвращалась, но когда она пришла домой, то мать ее с трудом узнала — она почернела и была похожа на старушку. Вернулась Эля без хлеба — у нее кто-то вытащил из кармана все хлебные карточки, а это означало — смерть всей семьи. В то время карточки не «восстанавливались». Все «продуктовые запасы», которые были в семье, скоро за-

кончились, и начался голод. Эля ходила в булочную, просила «милостыню», рассказывала о своем горе, но люди, получившие 125 г. хлеба, не могли помочь ей, поскольку у всех дома ждали этого мизерного пайка с большими нетерпением. В конце января умер брат Эли, а за ним и мать — единственная опора семьи. Соседи выхлопотали место в больнице, и Элю полуживую увезли в «госпиталь». Эту печальную историю рассказала мне Маша Ляндина, моя и Элина одноклассница, которая жила в квартире, рядом с Элей. Что случилось с Элей потом, ни Маша, ни я так и не узнали.

Запах керосина

Март 1942 года выдался довольно теплым: снег быстро таял, обнажая страшные следы суровой, голодной зимы.

Моя мама, которая родилась в деревне и жила там до 20 лет, знала все подробности, связанные с ведением сельского хозяйства. Однажды она решила пойти на поля совхоза Бугры, будучи уверенной в том, что на полях после уборки урожая всегда можно найти оставшиеся стебли и колоски зерна. В солнечный мартовский день мама взяла меня с собой, и мы отправились на поиски какой-нибудь пищи. Дойдя до конца Костромского проспекта, где стоял наш дом, я увидела нечто, похожее на большую, завернутую в тряпки куклу, и потянула маму за руку. Когда мы подошли ближе, то увидели «сверток», в котором лежал младенец с плотно закрытыми глазами.

Казалось, что он крепко спал. Вероятно, его мать, обессилившая от голода и горя, не смогла донести его до места погребения (Шуваловское кладбище) в снежную морозную зиму 1942 года. Мертвый ребенок напомнил маме о сыне (моем долгожданном братишке, о котором так долго мечтал мой отец), которого она потеряла за год до начала войны. Брат мой умер, не дожив до года от болезни, которая в то время была еще мало известна в медицине (диспепсия).

Мама очень расстроилась, но голод заставил нас идти к намеченной цели. Шли мы долго, и, наконец, пришли на поля, где еще кое-где лежал снег. К нашему счастью, в бороздах мы нашли довольно много колосьев овса (колосья были короткими и не попали в косилку). Вечером мы разложили колосья на просушку, а на следующий день мама уже натолкла в ступке зерна и из полученной муки напекла оладьев. Оладьи были похожи на те, что мама пекла до войны, но мы их с трудом съели — заставил голод. Дело в том, что для того, чтобы напечь оладьев, нужен был жир для смазывания сковородки, но у нас ничего не было кроме «олифы», — бутылку которой припас отец для ремонта. В разогретую сковороду, стоящую на раскаленных углях, мама наливала олифу, сковорода занималась пламенем, а когда сгорал керосин — один из компонентов олифы, на сковороде оставалось растительное масло — второй компонент олифы, на котором мама пекла «оладьи».

С тех пор запах керосина вызывает у меня ассоциации со страшными и голодными годами (1941 - 1942).

Крик дикой утки

Весна 1943 года, ранняя и теплая, застала нас в Барабинских степях, куда нас привезли из блокадного Ленинграда. На полях совхоза, в котором мы поселились, уже шла посевная страда — сеяли пшеницу — важное стратегическое сырье для фронта и тыла. Кроме пшеницы проводился посев других злаковых культур, необходимых для корма крупного рогатого скота, на выращивании которого совхоз специализировался. С утра, до позднего вечера взрослые находились на полях, а мы дети были свободны, так как детский труд использовался только на сенокосе и на прополке зерновых. За работу детям, как и взрослым, начислялись трудодни, которые оплачивались натуральными продуктами.

Ежедневно совхоз выдавал эвакуированным по 0,5 л. молока и 500 г. хлеба на человека. Хлеб выпекался только для нас, ленинградцев, и имел форму круглых коричневатых, пухлых буханок, вызывающих аппетит. Однако он был мало съедобным, потому, что был горьким в прямом смысле этого слова. Причина этого досадного явления заключалась в том, что самым распространенным сорняком на пшеничных полях была полынь, а семена ее по весу были равны зернам пшеницы. Отделить эти семена было абсолютно невозможно никакими способами, к

тому же, совхозная техника была весьма примитивной и устарелой, а химических средств для борьбы с этим сорняком не было. В результате зерно, будучи в длительном соседстве с полынью, становилось горьким, как сама полынь. У нас, блокадников, отношение к хлебу было особенным — хлеб был всегда основой нашего питания, однако, в этой ситуации и взрослые и дети отказывались есть хлеб, предпочитая ему картофель, и потому всегда хотелось есть.

Чтобы заглушить постоянное чувство голода мы, подростки, уходили в «камышовое царство» — так назывались заросли камыша, который произрастал на огромном степном пространстве. Жители поселка использовали камыш в качестве основного вида топлива; его скашивали, сушили и складывали в сараи в форме готовых вязанок. Кроме того, камыш применялся как компонент строительного материала, необходимого для постройки одноэтажных глиняных изб (мазанок) и вспомогательных хозяйственных сооружений. Деревянных построек в поселке было не очень много — строительный лес был привозным и очень дорогим, а вырубка деревьев в карликовых лесах была строго запрещена; отсюда большую часть домов в поселке составляли мазанки.

Весной в камышах разные птицы, особенно дикие утки, вили гнезда, стараясь устроить их подальше от дороги.

Для нас, ребят — подростков, было огромной радостью отыскать утиное

гнездо со свежей кладкой; мы прокалывали яйца и с удовольствием высасывали их содержимое. Других лакомств у нас не было, кроме дикорастущего лука-порея, сладковатого на вкус, который мы съедали большими пучками, восполняя недостаток витаминов.

Мне запрещалось ходить в камыши, где можно было легко заблудиться — так густы и высоки были их заросли. К тому же, острые остатки скошенных стеблей вонзались в босые ноги ребят (обуви у нас не было), оставляя кровоточащие раны, а лечить их можно было только травой, в основном, подорожником, ибо других средств не было. Конечно, можно было обратиться за помощью к ветеринару, но он приходил в поселок довольно редко и только по вызову.

Однажды, в отсутствие моей мамы я увязалась за ребятами, которые с утра отправились в камыши. Мы долго бродили вокруг зарослей в поисках птичьих гнезд, но все наши усилия были напрасны — осторожная птица никак себя не выдавала. Внезапно я заметила утиное гнездо почти у самой дороги. В гнезде было много крупных яиц. Ребята тут же принялись разбивать яйца, но, к нашему большому огорчению, все яйца были уже с зародышами. Расстроенные неудачей мы поплелись к поселку. Пройдя камышовые заросли, мы вдруг услышали крик утки; вероятно, это была та несчастная птица, гнездо которой мы так безжалостно разорили. В крике этой птицы я услышала отчаяние и зов о помощи.

Мы уже подходили к поселку, а у меня в ушах все еще оставался утиный крик.

Я была очень расстроена и весь день и вечер находилась под впечатлением случившегося. Крик дикой утки заставил меня мысленно вернуться к тем страшным дням зимы 1942 года, когда ленинградцы, обессиленные от голода, едва передвигая ноги, с трудом тащили к кладбищу санки с умершими родственниками по заснеженным улицам города, молча, без слез и без крика о помощи.

Тогда же мне припомнился рассказ моей старшей сестры (в то время ей было 15 лет), которой приходилось каждое утро вставать очень рано, чтобы получить в булочной наш жалкий паек — 125 г. хлеба, которого часто не хватало на всех, стоящих в очереди голодных людей.

В то недоброе утро сестра отправилась в булочную, когда на улице еще никого не было. Пройдя пол дороги она остановилась, так как узкую протоптанную дорожку ей преградила женщина, лежащая на снегу. На ней была шуба; на ногах — валенки; голова была окутана платком так, что видны были только одни глаза. Сестра попыталась заговорить с женщиной, но она слабым жестом руки отказалась отвечать на вопросы. Вероятно, женщина, увидя перед собой подростка-дистрофика, поняла, что помощи ей не будет.

Придя в булочную, где уже стояли исхудалые женщины, сестра рассказала об этом случае, но никто не вызвался прийти на помощь женщине — каждый понимал, что оказание помощи требует дополни-

тельных сил, а их оставалось ровно столько, сколько требовалось на обратную дорогу к дому.

Возвращаясь из булочной, сестра снова увидела эту женщину. Она лежала на прежнем месте, на спине; глаза ее были широко раскрыты, и она не подавала каких-либо признаков жизни.

Я долго еще вспоминала те ужасные морозные январские дни, принесшие нечеловеческие страдания ленинградцам, которые стойко переносили их благодаря непоколебимой вере в то, что их страданиям скоро придет конец.

Ленинградское радио

У тех, кто пережил отечественную войну 1941-1945 годов, жизнь разделилась на два периода — довоенный и послевоенный. У ленинградцев, переживших блокаду, жизнь разделена на три периода: до войны, после войны и во время блокады, причем последний можно назвать периодом «выживания», когда слово «выжить» означало «совершить подвиг». В самый страшный период блокады — зимой 1942 года погибло наибольшее число ленинградцев от голода, холода и артобстрелов.

Число погибших могло быть еще больше, если бы не было Ленинградского Радио — едва ли не единственного источника моральной поддержки умирающему городу.

В моей семье радио никогда не выключалось. Мы прислушивались к голосу диктора, даже к его интонациям, слу-

шали сообщения с фронта с большим вниманием, особенно в период блокады. Я вспоминаю, как, заслышав голос Юрия Левитана, пробивавшегося сквозь черную «тарелку» репродуктора, мы, затаив дыхание, ловили каждое слово его сообщений, которые неизменно начинались со слов: «От Советского информбюро...». Этот уникальный голос до сих пор живет в нашей памяти; его невозможно забыть или передать, ему невозможно подражать — это явление в истории нашей страны. Он служил не только главным источником важной информации для всей страны, но и грозным оружием для фашистов. Мы жили с этим голосом до конца войны: грустили и переживали, когда в сти с фронта были неутешительными в первые годы войны, и радовались самым «малым» успехам наших войск. С этим голосом мы встретили День Победы. Отдельно хочется рассказать о ленинградском радио, значение которого трудно переоценить для нас, живших в блокадном кольце, особенно в зимний период 1942 года.

Ленинградское радио в нашей жизни было чем-то самым важным; это был наш главный «член семьи», который помогал нам выжить — утешал, радовал, давал ценные советы и огорчал, когда объявлял «воздушную тревогу» или, когда передавались сообщения о том, что «в результате ожесточенных боев наши войска понесли тяжелые потери» или — «в результате тяжелых боев»...был оставлен тот или иной город.

В январе 1942 года от голода и холода ежедневно умирали тысячи ленинградцев, и зная об этом, работники радио, сами едва держась на ногах от голода и недосыпания, день и ночь работали над программами передач с тем, чтобы морально поддержать нас и не дать умереть еще и от «отчаяния». Ленинградское радио вселяло в нас надежду, и даже уверенность в том, что враг, который стоял в нескольких километрах от города, никогда не войдет в город.

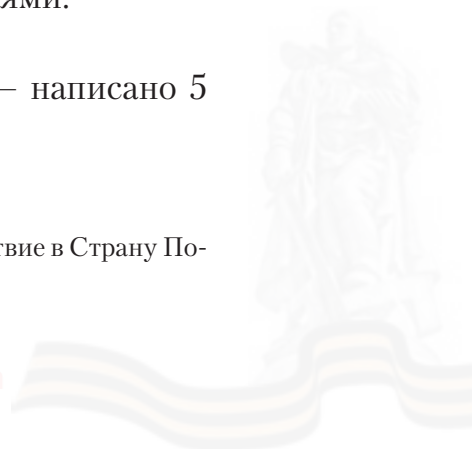
Просыпаясь, каждое утро я слышала, как диктор Ленинградского радио спокойным голосом читал программу передач на текущий день, и казалось, что ничего страшного не случилось — я жива, живы все члены моей семьи, и жизнь продолжается.

Работники радио приглашали к микрофону артистов, музыкантов, поэтов — фронтовиков, которые читали свои стихи, в том числе нашу незабвенную блокадную поэтессу, Ольгу Берггольц. Слушая стихи Ольги Берггольц, мы не плакали и не боялись смерти, потому, что они призывали нас, как солдат на фронте — бороться, выжить и победить смерть. В доказательство правдивости моих слов я привожу несколько отрывков из ее стихов, коих мы были первыми слушателями.

«Разговор с соседкой», — написано 5 декабря 1941 года.²

---

² Ольга Берггольц. «Путешествие в Страну Поэзия». Лениздат, 1988 год, стр. 274.

«О ночное воющее небо.
Дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба
— он почти не весит на руке...

Для того, чтоб жить в кольце блокады
ежедневно слышать смертный свист
— сколько силы нам, соседка, надо
— сколько ненависти и любви...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?»
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь!

Дарья Власьевна, — еще немного.
День придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой».

А вот строки из другого стихотворения Ольги Берггольц, где она описывает самоотверженный труд работников радио. Эти строки не нуждаются в комментарии.

Стихотворение «Твой путь»³, написано в 1945 году. В нем Ольга Берггольц вспоминает те дни, когда она в период блокады работала на Ленинградском радио.

... «Здесь, как в бреду, все смещено:
здесь умирали, стряпали и ели,
а те, кто мог еще вставать с постели,
пораньше утром, растемнив окно,
в кружок усевшись, перьями скрипели.

Отсюда передачи шли на город
— стихи и сводки и о хлебе весть.
Здесь жили дикторы и репортеры,
поэт, артисты — всех не перечить.

Они давно покинули жилища,
там, где-то в недрах города, вдали;
они одни из первых на кладбища
последних родственников отвезли.

И спаяны сильнее, чем кровью рода,
родней, чем дети одного отца,
сюда зимой сорок второго года
сошлись — сопротивляться до конца!»

Несколько слов о метрономе, который также сыграл свою важную роль в жизни ленинградцев. В короткие периоды затишья между бомбежками и артобстрелами, метроном давал взрослым возможность заняться неотложными делами, а мы, дети, могли спокойно выйти на улицу, где был установлен репродуктор, или уснуть под точные «отсчеты времени» метронома, который помогал нам погасить в себе страх после бомбежек и воздушных тревог.

Закljučая свой рассказ о ленинградском радио, я хочу еще раз подчеркнуть тот огромный вклад, который внесли работники радио в окончательную победу над фашистами.

По моему мнению, на доме радио следует установить памятную доску с изображением «черной тарелки», как символ мужества и самоотверженного труда в не-

³ Там же, стр. 277-280.

человеческих условиях, в которых работали ленинградские «труженики невидимого фронта».

Вынужденное переселение

Ленинградцам, жившим в районах, удаленных от центра, после самых суровых и голодных месяцев блокады, пришлось пережить еще одно тяжкое испытание. Как известно, жители Выборгского района, как и других, так называемых «спальных» районов, проживали в деревянных домах-коммуналках, состоящих либо из 4-х квартир, либо из восьми, как наш барак, причем в каждой квартире жили по две семьи. Дома были без удобств: общая кухня на две семьи, общий туалет, печное отопление и отсутствие водопровода. Каждая семья заготавливала дрова летом — покупали уже готовые распиленные дрова и хранили их в сараях. Воду брали из колонки, которая стояла рядом с домом и обслуживала жителей нескольких домов, а хранили воду в ведрах в кухне.

Однако, такое неудобство, как отсутствие водопровода в доме, в блокаду сыграло огромную роль в жизни многих людей отдаленных районов. Колонка, — знаменитая колонка, которая вместе с нами, блокадниками, выстояла и не замерзла в лютые морозы 1942 года, спасла жизнь сотен людей, давая всем без исключения свою «живительную» воду и помогая людям продержаться до весны.

К великому сожалению, колонка — «боец, участник войны», — не заслужила достойного внимания со стороны властей

района и была ликвидирована вместе с нашими домами весной 1942 года. На примере нашего дома хочу сказать еще об одном преимуществе деревянных, малонаселенных домов, в которых прошли самые страшные дни блокады — это коллектив жителей дома, сплоченных одной целью — во что бы то ни стало выстоять и выжить; взаимная моральная помощь и вера в то, что Ленинград никогда не будет отдан фашистам.

К сожалению, этот коллектив распался из-за вынужденного переселения, которое было уготовано нам властями города. С тех далеких блокадных дней прошло много лет, но до сих пор нам, ныне еще живущим и празднующим Великую Победу, трудно понять логику и смысл решения тогдашнего правительства города — начать весной 1942 года «великое переселение» блокадников, едва уцелевших от голода, больных и слабых, в такие же деревянные дома без удобств. Возможно, сама идея — заготовить дрова для отопления города заранее — была правильной, но она осуществлялась довольно жестокими методами — людей, переживших самые страшные дни блокады, насильно переселяли в те дома (без удобств), где квартиры были свободны после гибели целых семей от голода. Что касается наших прежних домов — деревянных барачков, — то их снесли на дрова, и это произошло в районе, который был окружен тремя огромными зелеными массивами: Сосновка, парк Челюскинцев, парк Лесотехнической Академии, которые в то вре-

мя не были парками в полном смысле этого слова, а представляли собой полудикие лесные территории. Если бы эти территории были освобождены от буреломов, сухостоев, старых деревьев и кустарников, то легко представить, сколько можно было бы заготовить на зиму хороших дров, не травмируя истощенных голодом людей!

Нас переселяли в последнюю очередь в начале апреля 1942 года. Мы со слезами прощались с домом (Костромской проспект дом 64), где прошло мое детство, где жила моя бабушка и откуда ушел на фронт мой отец.

Мы поселились в четырехквартирном, двухэтажном деревянном доме дачного типа, расположенном на соседней улице (Ярославский проспект) недалеко от кинотеатра «Уран». В этом доме (без удобств) три квартиры были опечатаны (все жители этих квартир умерли от голода), нас поселили в четвертую квартиру, где две комнаты были также опечатаны.

Однако, мы не радовались «новому» жилью, так как было трудно привыкать к жизни в пустом доме, сознавая, что здесь совсем недавно жили люди и здесь все они умерли от голода.

К тому же, к нам часто приходили представители районного совета и настоятельно «рекомендовали» эвакуироваться, пугая предстоящей зимой. В конце августа мы отправились через Ладогу в далекую Сибирь, рассчитывая вернуться, как нам обещали, через несколько месяцев. Однако, разлука с родными и лю-

бимым городом растянулась на целые два года. На следующий день, после нашего отъезда, мамина сестра приехала в наш дом, чтобы нас проводить (она перепутала дату нашего отъезда) и увидела следующую картину: крыша нашего второго дома была уже снесена, вещи из всех четырех квартир были вывезены неизвестно куда и как, нам позднее стало известно, просто разграблены.

Из наших вещей (некоторые вещи представляли собой антикварную ценность) чудом уцелел фарфоровый белый кувшин, который отец подарил маме в день рождения перед самой войной, и он до сих пор хранится у меня в доме как дорогая реликвия — память об отце, погибшем на фронте.

Сейчас, спустя много лет, невольно задаешься вопросом — к чему была такая спешка и в чем была «острая» необходимость идти на преступление — позволить мародерам разорять запечатанные квартиры и посягнуть на чужую собственность? Неужели этот дом мог решить довольно серьезную проблему — обогреть город? Свидетельством неправильного поспешного и непродуманного решения городских властей может служить дом, такой же деревянный, дачного типа, который стоял напротив нашего дома, этот дом стоит до сих пор, и в нем живут люди; Его можно увидеть сейчас на проспекте Энгельса в 50 метрах от трассы. Каждый, кто проходит мимо, невольно задает себе вопрос: Почему же людям, живущим до сих пор в деревянном доме без удобств,

не дают благоустроенное современное жилье?

Наверное, этот дом стоит как напоминание о том, что в любой ситуации, какой бы трудной и в какое бы трудное время она ни была, забота о людях должна быть первостепенной задачей любого правительства.

Встреча с любимой учительницей

Весной 1941 года, окончив третий класс, я и мои одноклассники расстались со своей любимой учительницей в надежде встретиться снова уже в четвертом «А» классе. Мы разбрелись кто-куда: на дачу, к бабушке в деревню, или пионерский лагерь, но, увы, ненадолго — началась война.

Я и моя младшая сестра оставались в городе и ждали, когда отцу дадут отпуск, и он отвезет нас, детей и бабушку, в деревню, но этому не суждено было случиться — война распорядилась по-своему: отца призвали на фронт, а нас, меня и младшую сестру, отправили в лагерь в город Боровичи, где было еще относительно спокойно, а в небе еще не появлялись «мессеры».

Многие мои одноклассники были срочно эвакуированы вместе с семьей, а из тех, кто остался зимовать в городе, лишь немногие пережили блокаду. После переселения в другой дом я потеряла связь со своими одноклассниками, но в июне (1942 года) я случайно встретила Машу Ляндину, которая сообщила мне, что видела нашу учительницу, Елизаве-

ту Матвеевну (умную женщину средних лет), которая предложила встретиться у нее дома и просила передать это приглашение всем, кого удастся встретить или как-то сообщить. У Елизаветы Матвеевны не было своих детей и ей, конечно, хотелось увидеть своих питомцев.

В назначенный день и час мы (я, Маша Ляндина и Толик Егоров) собрались в большой, просторной комнате Елизаветы Матвеевны; угол комнаты был отгорожен от всего пространства толстыми шторами, где, по словам Елизаветы Матвеевны, любила отдыхать ее старенькая мама.

В тот день угол комнаты был пуст — мама Елизаветы Матвеевны умерла в декабре 1941 года.

Муж Елизаветы Матвеевны воевал на Белорусском фронте, писал письма редко, а весной 1942 года с фронта пришло сообщение о том, что он «пропал без вести».

Посреди комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью, на котором были расставлены чайные приборы и большой фарфоровый чайник для заварки. Подождав минут двадцать и убедившись в том, что больше уже никто не придет, Елизавета Матвеевна пригласила нас к столу, поставив на стол нарядные букетики первых весенних цветов, которые мы ей принесли в подарок.

Кроме чайных приборов на столе стояли десертные тарелки, на каждой из которых лежали ломтик черного хлеба и небольшой кусочек сахара. Елизавета Матвеевна разливала чай, от которого

шел давно забытый нами аромат неповторимого довоенного чая. Хозяйка строго предупредила нас, чтобы мы съели и хлеб и сахар, вкус которого мы, дети блокады, успели забыть. Я украдкой зажала кусочек сахара в ладони и сохранила его до самого дома, разделив его поровну с моей младшей сестрой строго на две равные части. За столом Елизавета Матвеевна расспрашивала нас обо всех членах наших семей, горевала о судьбе Эли Борисовой, нашей «художницы» и рассказывала о себе. После смерти мамы Елизавета Матвеевна пришла в военный госпиталь на работу по уходу за ранеными и продолжала работать весной.

Прощаясь с нами хозяйка дома подарила нам каждому по тетрадке и карандашу и выразила надежду на встречу 1 сентября уже в 4-м классе.

Однако, встрече этой не суждено было состояться — война вносила свои коррективы в судьбы людей: из присутствующих гостей только Маша Ляндина пошла в школу первого сентября в 4 класс. Семья Толика Егорова переехала в центр города, а я и моя семья были эвакуированы в далекую Сибирь. Спустя много лет после окончания войны, когда волею судьбы я оказалась проживающей на одной улице вместе с Машей Ляндиной, я узнала от нее, что наша любимая учительница не вернулась в школу, она уехала вместе с госпиталем на фронт, где работала в санитарном поезде до конца войны. К сожалению, ни я, ни Маша так ничего и не узнали о дальнейшей судьбе нашей пер-

вой учительницы, с которой нас разлучила война навсегда.

История любви

За год до Отечественной войны во дворе нашего дома в летние вечера устраивались танцы, которые организовали два брата: старший Анатолий приблизительно 20 лет, и младший Леонид приблизительно 18 лет. Они первыми приобрели тогдашнюю новинку-радиолу и, установив ее на подоконнике, (их квартира располагалась на первом этаже), крутили пластинки (в основном танцевальные) до позднего вечера. К нам во двор на танцы приходили из окрестных домов молодые девушки и парни, среди них особенно выделялась одна пара: партнершу звали Ольгой, она отличалась от других девушек своей необыкновенной красотой — голубые, большие глаза, и длинная, толстая русая коса. Ее постоянного партнера звали Александром — темноволосого высокого и стройного юношу. Запомнились они потому, что я не пропускала ни одного вечера танцев, и, заслышав первые аккорды танго «Счастье мое...», опрометью сбегала по лестнице со второго этажа и не уходила со двора, пока меня не заставлял вернуться домой строгий голос мамы. Эта пара запомнилась мне еще и тем, что они всегда танцевали только вдвоем, не меняя партнершу или партнера, а когда с пластинки радиолы раздавался голос Изабеллы Юрьевой: «Саша, ты помнишь наши встречи...», они почти всегда солировали,

потому что многим хотелось посмотреть на эту красиво танцующую пару.

Когда началась война, Саша, один из первых ушел на фронт, как и многие другие ребята, которые приходили на танцы. Я помню последний вечер танцев в самом конце июня 1941 года.

Народу было мало, а те, кто были, не танцевали, а слушали музыку и с тревогой о чем-то разговаривали. С тех пор мы уже не слышали музыки новой радиолы — она замолчала на долгие годы: младший брат ушел на фронт и вскоре погиб, а старший по какой-то причине остался дома, но никто и никогда больше не услышал их радиолы — старший брат не пережил блокады.

Однажды весной, где-то в конце июня 1942 года я спешила на встречу с нашей учительницей, которая хотела увидеть нас, тех, кто жил в городе в блокадную зиму. Навстречу мне шла молодая женщина с короткой стрижкой, серьезная, осунувшаяся, она везла инвалидную коляску. Я с трудом узнала в этой женщине Ольгу, ту самую красавицу, на которую мне всегда хотелось быть похожей. Она остановила коляску, чтобы что-то поправить, и я увидела в коляске человека, у которого не было обеих ног. Оля узнала меня и слабо улыбнулась. Увидев в моем взгляде вопрос: «Кто этот человек?» — сказала: «Это мой муж, Саша». Откровенно говоря, мне было удивительно и непонятно, почему такая красивая женщина остригла свою дивную косу и почему она вышла замуж за безногого «калеку». Ко-

нечно, мне двенадцатилетней девчонке, не дано было знать чувство, которое при-суще только человеку и которое тогда называлось и будет всегда называться «настоящей любовью», ради которой люди идут на любые жертвы. Больше мне не довелось их увидеть. В конце августа нас эвакуировали в Сибирь.

«Кормилица»

Пришла весна 1942 года, которая сменила жестокую холодную и голодную зиму, унесшую с собой сотни тысяч Ленинградцев. На небе чаще светило теплое весеннее солнце, вызывая к жизни нашу северную природу, которая старалась помочь людям выжить — появилась съедобная трава, молодая крапива, из которой люди варили щи, позже появилась лебеда, из нее мама пекла лепешки.

На совхозных полях начались сезонные работы, и требовались рабочие. Мама с помощью Военкома Выборгского района устроилась на работу «возницей», в обязанности которой входило — управлять лошадью и доставлять «обед» работающим на полях. Моя мама родилась и до 20 лет жила в деревне (недалеко от г. Невеля) и умела делать любую сельскохозяйственную работу, даже управлять лошадыми. За работу маме платили супом (без нормы) и порцией пшенной каши, причем без выреза талонов из наших продовольственных карточек. Мама брала меня с собой на поля; в мою задачу входило — вырезать талоны на крупу из карточек рабочих. Обед рабочих состоял

из порции жидкого супа (из пшена) и 300 г. хлеба.

Каждый день в течение месяца наша, истощенная голодом лошадка, доставляла рабочим- женщинам, которые высаживали капустную рассаду, обед, состоящий из 2 бидонов (неполных) супа и пяти буханок хлеба на всех, которые разрезались на куски и взвешивались с аптечной точностью на весах (выверенных заранее) самими рабочими, выбранными для этой цели. Мама разливала суп — один черпак на человека, а я вырезала талоны на хлеб и на крупу из продовольственных карточек рабочих.

Так было положено начало моей трудовой деятельности в двенадцать лет.

Когда мы подъезжали к полям, нас уже ждали рабочие, женщины, худые с опухшими от голода лицами, на которых не было видно глаз — одни щели, и от этого они казались мне очень похожими друг на друга, все на одно лицо.

Бидоны освобождались молниеносно, многие просили «добавки», заставляя маму переворачивать бидоны вверх дном, а наша лошадка была слишком слаба, чтобы досыта накормить голодных людей.

Однажды мама упросила шеф-повара (молодую женщину) добавить в бидоны немного супа на «добавки».

Мы везли на поля почти полные бидоны и радовались тому, что сможем «досыта» накормить рабочих, хотя слово «досыта» было в ту пору забыто надолго.

Ночью, вероятно, прошел дождь, потому что дорога была грязная и скольз-

кая. Лошадка шла медленно, словно предчувствуя беду, которая не задержалась и настигла нас в самом начале пути. Заднее колесо телеги, которую лошадка тащила изо всех сил, вдруг увязло в грязи, и лошадка, сделав одно усилие, остановилась.

Мы тщетно старались ей помочь, умоляли ее пойти вперед, но она, опустив голову, тяжело дышала. Мама, знавшая характер этих животных — трудяг и помощников человека в то трудное время, вероятно, поняла, что лошадку плохо покормили, и лошадке было тяжело тащить телегу с бидонами, в которых были «желанные добавки» супа.

Мама нарвала большой пучок травы на обочине дороги, освободила лошадку от уздечки и дала ей траву. Лошадка ела траву неохотно, как мне показалось. Наверное, она «понимала», что на полях ее с нетерпением ждут люди, измученные голодом и тяжелой работой. Она вдруг без окриков и понуканий, сделав усилие, повезла телегу по знакомой ей легкой и грязной дороге. Мы прибыли на поля с большим опозданием, но никто из женщин не роптал, напротив, с жадностью съев свой обед, они уходили на поля, рвали там свежую траву и возвращались обратно, чтобы накормить лошадку. А та, уже с большим аппетитом жевала траву; кто-то из женщин принес ей полведра чистой воды, а те, кто подходили к лошадке, непременно гладили ее гриву, приговаривая: «Ешь, ешь, наша кормилица».

Парк «Сосновка» в сороковые, боевые...

До войны моя семья жила на Костромском проспекте (Удельная), недалеко от парка «Сосновка», который тогда представлял собой обычный лес, где наши соседи собирали грибы и ягоды.

Когда началась война (1941г.) в парке обосновалась эскадрилья истребительного авиационного полка Ленинградского фронта. Командиром эскадрильи был незаурядный человек, прошедший Советско-Финскую войну 1939 – 1940 гг. В 1941 году до середины октября этого года он совершил 366 боевых вылетов, участвовал в 72-х воздушных боях, сбил 19 вражеских самолетов (плюс 5 в групповом бою).

Имя этого бесстрашного человека — Лихолетов Петр Яковлевич. Он умер от ран в середине июля 1945 г., когда уже в стране праздновали победу; ему было всего 28 лет. За 4 военных года Лихолетов П.Я. был удостоен 4-х высших наград: Ордена Ленина, Ордена Красного Знамени, Ордена Красной Звезды, Ордена Отечественной войны I степени. Он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Похоронен боевой командир на том месте, где располагалась эскадрилья, в парке «Сосновка» вместе со своими боевыми товарищами. На воинском кладбище находится братская могила офицеров — летчиков, которые погибли в воздушных боях 1943 года.

Примерно двадцать могил представляют захоронения 1942 года — самого

страшного года блокады, (особенно январь), когда умирали не только жители Ленинграда (5-7 тысяч каждый день!), но и воины Ленинградского Фронта. Большинство захоронений относится к 1943 году, когда Ленинградский и Волховский Фронты совместно начали освобождать город от блокады. В этом году эскадрилья понесла наибольшие потери, особенно в офицерском составе; об этом напоминает братская могила, хранящая останки боевых офицеров:

Старшему из офицеров, летчику-истребителю подполковнику Соколу было всего 31 год. Он похоронен рядом с братской могилой. На его могиле установлен довольно внушительный памятник (от жены и детей). Остальные захоронения относятся к 1941 году, 1944 году и даже к 1945 году. Кроме могилы командира эскадрильи есть еще одна, где покоится прах молодого летчика, (погиб смертью храбрых в 1945 году) — Шамгина Н.А.; ему было всего 19 лет.

В 1947 году моя одноклассница, которая жила на Лагерной улице рядом с парком «Сосновка», прослышала о том, что летчики, которые еще оставались в парке предлагали «катание» на самолете за небольшую денежную плату.

Однажды мы отправились в Сосновку, предвкушая радость полета, но «катание» не состоялось — к этому времени самолеты покинули свои ангары.

Разочарованные неудачей, мы пошли вдоль взлетно-посадочного поля, с которого в течение более 4-х лет взлетали

летчики боевой эскадрильи по сигналу воздушной тревоги на защиту Ленинградского неба, но немногие возвращались живыми. Чтобы сократить путь до дома, мы свернули в лес, где не было дорог; приходилось обходить траншеи, воронки от снарядов и бомб. Неожиданно мы натолкнулись на воинское захоронение летчиков. Тогда могилы представляли собой песчаные холмики с табличками, на которых указывались: фамилии, имена и отчества (или инициалы), звания, даты рождения и смерти. Возле крайних могил слева стояла уже немолодая женщина, которая сажала цветы. Женщина рассказала нам о том, что в этих крайних двух могилах покоятся останки ее «квартирантов» — двух молодых курсантов, которые, не успев закончить авиационное училище, пришли в эскадрилью защищать город. Одного из них звали Владимиром, другого Анатолием.

Деревянный дом, где «квартировали» летчики, стоял на Ильинской улице (ныне Гаврская улица), которая упиралась в Парголовский проспект (сейчас это проспект Мориса Тореза), идущий вдоль парка «Сосновка».

В этом доме летчики отдыхали после боевых вылетов. Оба «квартиранта» погибли в 1943 году.

Обстоятельства моей жизни сложились так, что я лишь много лет спустя смогла снова придти к могилам — я волею судьбы поселилась именно на Гаврской улице (Ильинской) в кооперативном доме. На кладбище, вместо холмиков

стояли рядами раковины с надгробными надписями и фотографиями. Уже были установлены три памятника. На расстоянии около 150 м. от захоронений был установлен памятник всем летчикам, погибшим во время войны 1941-1945 гг. Сейчас здесь ежегодно проводят митинги 9 мая, посвященные Дню Победы. Здесь всегда много народу и море цветов.

Однако, приходится, к сожалению, констатировать, что уход за могилами оставляет желать много лучшего. Так, многие из могил не имеют фотографий, отсутствуют звания, нет инициалов, даже нет фамилий (две могилы) — все это оставляет удручающее впечатление. Хотелось бы надеяться, что в нашем обществе, которое, к счастью, не все охвачено болезнью — равнодушием, найдутся организации или добровольцы, которые полностью восстановят для каждого погибшего летчика его фамилию, имя, отчество, звание, год рождения и смерти. Страна должна знать своих героев, должна помнить имена тех, кто отдал свою молодую жизнь за то, чтобы существующее и последующие поколения никогда не узнали, что такое война и что такое жертвы.

Военнопленные

После освобождения Ленинграда от вражеской блокады началось восстановление разрушенных зданий. В первую очередь необходимо было восстановить объекты стратегического, экономического и культурного значения. Разрушений было довольно много; особенно постра-

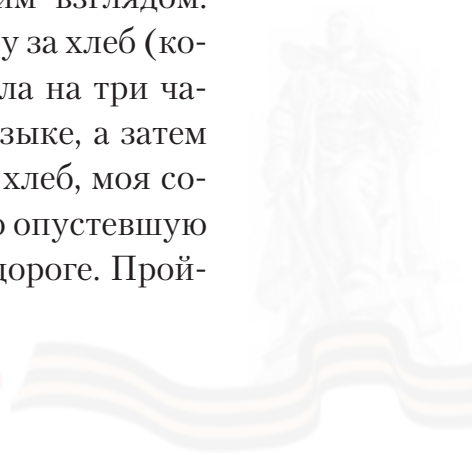
дали великолепные дворцы Ораиненбаума, Ломоносова, Петергофа, Пушкина и других городов-музеев. Глядя сейчас на великолепный Екатерининский дворец, трудно себе представить, что к концу пребывания фашистов в городе Пушкина от дворца оставались только груды камней. Сначала дворец был превращен фашистами в конюшни, ценнейшие произведения мирового искусства были разграблены и увезены в Германию, а знаменитая янтарная комната, которую фашисты вывезли целиком, была совсем недавно полностью восстановлена. Отступая под натиском наших войск Ленинградского Фронта, фашисты взорвали дворец.

Жилые дома восстанавливались и реставрировались, главным образом, в центре города; на окраинах же гражданское строительство было широко развернуто лишь в самом конце сороковых и начале пятидесятых годов. В эти годы я еще училась в школе (школа №118 на проспекте Энгельса), и часто, идя в школу по Ярославскому проспекту, где я жила с мамой и сестрой в общежитии школы №96, видела пустынные, грустные улицы, на которых не было домов — их снесли весной 1942 года на дрова. Однако, уже в начале 50-х годов кое-где на них стали появляться опрятные каменные желтые домики — коттеджи; их строили военнопленные.

Каждое утро пленных привозили на грузовиках под охраной на стройплощадки и увозили только под вечер. Внешний вид военнопленных был довольно жалкий: серые, хмурые лица, грязные изряд-

но изношенные шинели; они редко вступали в разговоры с населением; вероятно, им это запрещалось. Однако, вездесущие мальчишки часто бегали на стройку, носили пленным вареную картошку «в мундире», слушали, как один из пленных во время редких перерывов на отдых играл на губной гармошке. Я, у которой были еще свежи воспоминания о блокаде, относилась к этим «отношениям» ребят с пленными отрицательно; для меня эти пленные оставались фашистами. Однажды, возвращаясь из школы, я встретила соседку по дому, в котором прошли самые страшные блокадные месяцы. Это была тетя Шура Буренкова, уже немолодая женщина, сын которой пропал на фронте, а муж вернулся с фронта инвалидом. Мы разговаривали недолго, разговор наш был прерван криком со стороны стройки. Оглянувшись, мы увидели, что один из пленных махал нам рукой и кричал: «Я чех, я есть чех». Тетя Шура помедлив немного, вытащила из сумки хлеб, который тогда еще выдавался по карточкам и направилась к пленным; я пошла за ней.

Подойдя к пленным, я увидела, что их было трое: один из них называл себя чехом, другой — поляком, а третий сидел молча и смотрел на происходящее каким-то грустным, отсутствующим взглядом. Он поблагодарил тетю Шуру за хлеб (который она поровну разделила на три части) сначала на немецком языке, а затем на ломаном русском. Отдав хлеб, моя собеседница взяла у меня свою опустевшую сумку, и мы направились к дороге. Прой-

дя несколько метров, я оглянулась: двое пленных с жадностью доедали хлеб, а третий, все еще, держа подаренный ему кусок хлеба, провожал нас тем же грустным взглядом. Мне довелось еще раз встретиться с тетей Шурой на том же Ярославском проспекте. Я напомнила ей этот эпизод с пленными и выразила свое недоумение по поводу ее тогдашнего поступка. Тетя Шура молча выслушала меня и сказала, что возможно ее сын тоже где-то в плену голодает, затем, помолчав минуту, добавила: «Запомни, девочка, войны развязывают политики, а солдаты воюют — одни, защищая свою родину, другие — по приказу правителей». Эти слова я привожу почти дословно, и конечно, теперь, вспоминая слова моей соседки по несчастью спустя полвека, я не могу не согласиться с ней.

Гадание на картах

Эвакуация моей семьи из Ленинграда в далекую Сибирь продолжалась больше месяца. За это время мы изрядно устали, живя “на колесах” в товарном вагоне. Наш поезд часто останавливался на крупных станциях, пропуская эшелоны с оружием и боеприпасами для фронта. Наконец мы приехали на место назначения, в посёлок, носящий имя Самарка, расположенный примерно в 100 км от станции Барабинск.

В первые дни нашего пребывания в поселке нам казалось, что здесь люди ведут спокойный, размеренный образ жизни, и ничто их не пугает и не волнует. Здесь

даже днём царили спокойствие и тишина, от которых мы давно отвыкли, живя 2 года под ежедневными бомбёжками и артобстрелами в блокадном Ленинграде.

Однако, в действительности всё было иначе: женщины и подростки трудились на полях — заканчивалась уборка урожая. Мужчины, коих было мало в посёлке, да и те были старики или инвалиды, с утра до ночи находились на ферме. Дети копали картофель на огородах, помогая взрослым. Один раз в неделю почтальон привозил из Барабинска газеты зачастую с неутешительными новостями с фронта и «похоронки» — всё это окончательно разрушало наше ошибочное представление о спокойной жизни в Самарке. В разных концах растянувшегося почти на километр этого посёлка, можно было слышать далёкие душераздирающие «плачи с причитаниями» несчастных женщин. В посёлке, далёком от цивилизации, где отсутствовала даже элементарная аптечка, а все функции по оказанию медицинской помощи, включая роды, выполняла бабушка Макариха, было невозможно найти какое-либо средство, которое смогло бы облегчить страдания матерей и жён, получавших «похоронки».

В подобных случаях «лечебные сеансы» бабушки Макарихи были мало эффективны — в посёлке не было ни церкви, ни часовни, где убитые горем женщины могли бы «облегчить душу».

Нередки были случаи, когда, находясь подолгу в стрессовом состоянии, женщи-

ны впадали в длительную депрессию и даже умирали.

Наша хозяйка, в доме которой мы жили до осени 1943 года, тоже долго болела, получив извещение о смерти своего старшего сына. Тётя Ганна, так звали мы нашу хозяйку, не спала ночами, отказывалась от еды, механически выполняла все работы по дому и уходу за коровой. Мы часто слышали её рыдания, доносившиеся из сарая, где хранилось сено, и все наши утешения были напрасны.

Однажды мама достала из чемодана колоду игральных карт, которую она взяла с собой в последний момент перед отъездом в Сибирь. Гаданию на картах мама научилась во времена своей молодости, когда деревенские девушки, её сверстницы, гадали на своих «суженых».

Мы, конечно, мало верили в успех этой «терапии», то есть в то, что гадания на картах смогут помочь тёте Ганне — уж очень велико было её горе: сначала она похоронила мужа, а потом пришло извещение о смерти сына.

Однако, карты всё же помогли — хозяйка стала понемногу успокаиваться, зато маме приходилось раскладывать карты чуть ли не каждый день.

Вскоре «сеансы» гадания приняли неожиданный оборот — к маме стали приходить женщины посёлка с просьбой погадать на картах. Когда карточные «предсказания» совершенно случайно совпадали с действительностью, дверь хозяйской глиняной избушки не закрывалась до вечера.

Процесс гадания на картах, который по своему назначению всегда имел развлекательный характер, в тех условиях приобретал психо-терапевтический эффект. Конечно, немногие женщины верили в «магическую силу» карт, однако, во время гадания они на короткое время отвлекались от своего горя, обретали некоторое спокойствие, и появлялась надежда, пусть даже очень слабая, которая постепенно выводила их из состояния полного отчаяния и стресса.

Так, две женщины посёлка, моя мама и бабушка Макариха, то ли волею судьбы, то ли по велению сердца помогали жителям посёлка переживать ту долгую и беспощадную войну.

В конце осени 1943 года маме предложили переехать в город Барабинск; там мама могла устроиться на работу, где зарплату платили деньгами, которые необходимы были нам не только для питания, но и на обратную дорогу в Ленинград, откуда мы с нетерпением ждали «вызова». В день нашего отъезда многие женщины посёлка пришли проводить нас в дальнюю дорогу; некоторые из них не скрывали слёз.

Нас везла телега, запряжённая быками, которые шли медленно и часто останавливались, однако мы не огорчались, потому что каждый пройденный километр отдалял нас от Самарки навсегда и приближал к родному Ленинграду, встречу с которым нам предстояло ждать ещё целый год.

Трудный путь домой

Возвращение из эвакуации было для меня и моей семьи еще одной пыткой, которую пришлось пережить нам, после блокадных, самых трудных 1941 и 1942 годов. Однако, желание вернуться в родной город заслоняло собой в нашем сознании все трудности и невзгоды, которые пришлось испытать на «чужбине». Моя старшая сестра, которой в 1943 году едва исполнилось 17 лет, была завербована на военный завод в город Новосибирск, мама с утра до вечера работала в совхозе, а я вместе с младшей сестрой занималась домашним хозяйством, пряла на прялке шерсть и вязала носки и варежки на зиму, которая приходила к нам всегда морозной с сильными буранами (вьюгами). В школе занятия не проводились; там жили эвакуированные, а те эпизодические занятия, которые были организованы для детей эвакуированных, происходили одновременно с 1 по 4 классы в клубе, да и преподавателями были девушки, которые едва успели закончить среднюю школу перед войной. Летом мне тоже приходилось работать на сенокосе, хотя в 1943 году мне еще было двенадцать с половиной лет. Нас, подростков, заставляли подвозить копны сена к месту, где их укладывали в стога. Укладкой копен и вершением стогов занимались взрослые женщины и старики.

В совхозе лошадей не было, они все были на фронте, быки использовались на покосе, поэтому нам приходилось работать только с коровами, которые спе-

циально отбирались в совхозе в качестве рабочей тяговой силы. Корове надевали хомут, с одной стороны которого была привязана веревка (канат), второй конец закреплялся с другой стороны хомута. Наша задача заключалась в том, чтобы обвести корову вокруг копны, закрепить конец веревки на хомуте, стать обеими ногами на веревку позади копны так, чтобы не дать веревке соскользнуть с копны, и хворостиной дать корове команду идти вперед. Во время движения канат-веревка охватывал копну, и корова могла дотащить копну вместе с «седоком» до стога. Для нас, подростков, эта работа была и тяжелой и опасной. Один случай, который произошел со мной, чуть не стоил мне жизни. Однажды в очень жаркий летний день, когда было трудно работать не только людям, но и животным (особенно рогатому скоту, страдавшего от укусов слепней и оводов) корова, с которой я работала, вдруг подпрыгнула и вместе с копной понесла меня с бешеной скоростью в сторону леса, чтобы как-то «унять» страшный зуд, вызванный укусами слепней. Необходимо заметить, что леса в тех краях — особенные — их называют «карликовыми» потому, что деревья в лесу не поднимаются в своем росте выше пяти метров. Леса эти не вырубают, берегут, поскольку они в тех краях (знаменитые Барабинские степи) — довольно редки. К моему счастью корова, попав в лесную тень, остановилась, а подбежавшие ребята освободили мои ноги от каната. Трудно сказать,

какой «финиш» ждал меня в этой дикой «гонке» с коровой.

Осенью 1943 года, после долгих и упорных хлопот мамы нам удалось перебраться из далекой глубинки в город Барабинск (узловая станция под Новосибирском), где за незначительную плату нас приютила к себе пожилая женщина. Местные власти помогли маме устроиться на работу в железнодорожную столовую уборщицей и судомойкой. За работу мама получала деньги, была сыта и приносила еду нам, детям, и хозяйке дома. Мне тоже пришлось работать — я должна была добывать топливо для обогрева старого дома, в котором мы жили.

Мне приходилось ходить на станцию, лазать по вагонам и под вагонами, собирая остатки угля или угольной пыли. Следует заметить, что за собранный уголь наказывали: отбирали, все, что было собрано, а родителей штрафовали. К тому же существовал большой риск — быть увезенной в неизвестном направлении в пустом вагоне.

Однако все трудности были сразу забыты, когда мы, наконец, получили разрешение (в начале ноября 1944 года) на въезд в Ленинградскую область, так как въезд в Ленинград был запрещен. Впереди нас ждала радость встречи с родными и любимым городом, которую трудно даже представить не только описать, особенно после долгой разлуки.

Разрешение вернуться домой мы получили благодаря долгим и упорным хлопотам моего дяди (мамино

та) Митрофана Ивановича Барканова, вернувшегося с фронта в 1943 году после тяжелого ранения в голову. Однако, в разрешении была весьма существенная оговорка- «прописка и проживание разрешается только в Ленинградской области». Но это строгое «указание» нас не огорчало — ведь мы ехали домой! — хотя мы точно знали, что дом, из которого мы были эвакуированы, снесен на дрова. Мы также знали, что в Ленинграде живут наши родственники и бывшие соседи, с которыми мы разделили горькую участь «блокадников». Они-то и приютили нас бездомных, поделились с нами кровом и хлебом, который тогда еще выдавали по карточкам.

Местное начальство отказалось прописывать нас в городе, и тем более предоставлять нам жилье, утраченное нами не по нашей вине.

Благодаря нашим бывшим соседям маме удалось устроиться в школу на работу уборщицей. Директор этой школы (она находится на Ярославском проспекте) бывший фронтовик — Иосиф Васильевич, вернулся в Ленинград после ранения. Он, узнав о нашей беде, взял маму на работу, предоставив ей комнату с окном (бывшая кладовая) и выхлопотал прописку (нам троим) в городе, что означало — получение продовольственных карточек, а значит продолжение жизни в городе: постоянная работа для мамы, а нам — продолжение учебы в школе.

В этой маленькой комнате (шесть квадратных метров) мы прожили втроем 13 лет! За этот период времени я закончила

школу, поступила в Университет (фил-фак), по окончании которого я получила высшее образование и возможность заниматься педагогической деятельностью и наукой.

Встреча с давним другом

Шел октябрь 1941 года. Фашисты окружили город плотным кольцом — началась блокада. Атака вражеских бомбардировщиков повторялась несколько раз в день, и мы, жители 8 квартирного деревянного барака едва успевали добегать до землянок — единственное укрытие для детей и взрослых, наскоро вырытых нашими отцами, которые уходили на фронт, а некоторые — навсегда. В перерывах между бомбежками мы, дети, играли во дворе под строгим надзором бабушек. Я любила заниматься лепкой зверей, людей-героев моего воображаемого кукольного театра и собирала желуди под ветками дуба, стоявшего рядом с домом.

Однажды во время очередного короткого затишья я собрала коробку (из под обуви) самых крупных плодов и принесла их домой к большому неудовольствию моей мамы, которая назвала их «лишним мусором» в маленькой комнате, где жили 5 человек. Я задвинула коробку под кровать и забыла о ней — было не до желудей: умерла бабушка, пришло с фронта известие о смерти отца. Нас осталось четверо: мама, старшая сестра Лидия, младшая сестра Галина и я.

В январе 1942 года, когда в течение 3-х дней населению не выдавали даже жал-

ких 125г. хлеба (суточная норма на одного человека), а в доме из «продуктов» были только уксус и соль, я вспомнила о коробке с желудями и решила заняться поделками, чтобы как-то отвлечься от мучительного чувства голода. Я очень обрадовалась находке, но еще больше обрадовалась мама, которая увидела в ней средство спасения жизни семьи. Она толкла в ступе подсушенные зерна и варила «кофе», добавляя в горькую массу немного уксуса, а вместо сахара — соль.

В конце августа 1942 года Исполком Выборгского района настоятельно рекомендовал маме вывезти детей из города, хотя бы на 3 месяца, чтобы поддержать здоровье семьи погибшего офицера. Мы знали о том, что уже было распоряжение городского правительства о сносе всех деревянных жилых домов на «Удельной» (правительство решило таким образом заготовить топливо для предстоящей зимы). Нам обещали сохранить все вещи до нашего возвращения.

Я помню, как, замирая от страха, мыплыли на катере через Ладогу, которую фашисты обстреливали, не щадя никого. Когда, наконец, мы добрались до «Большой земли», нас посадили в товарные вагоны и повезли на восток. Дорога была долгой, она растянулась почти на месяц.

Каждый день эшелон терял несколько человек (люди умирали от болезни, которая называлась «быстрое утоление голода» или «заворот кишок»). Нас довезли до г. Барабинска — узловая станция под г.Новосибирском. Там нас ждали «подво-

ды», запряженные быками, которые медленно по знаменитым Барабинским степям удаляли нас от цивилизации. Спустя 10 часов они дотащили нас до поселка, где жили семьи репатриированных из Западной Украины; это были семьи Бандеровцев. Они встретили нас недружелюбно и называли нас уничижительным словом «выкавыренные», сознательно искажая тот смысл, который выражало слово «эвакуированные».

Жить в таких условиях было невыносимо трудно. Мама неоднократно писала правительству Выборгского района с просьбой разрешить нам вернуться домой, но каждый раз получала отказ со ссылкой на распоряжение правительства города о запрете возвращения эвакуированных до особого распоряжения. Так прошло два года наших мытарств, и в конце осени 1944 года, благодаря хлопотам моего дяди, вернувшегося с фронта после тяжелого ранения, мы, наконец, голодные и холодные вернулись в родной город, где у нас не было ни дома, ни вещей — все унесла война. Сестру на первое время взяла к себе жить ее школьная учительница, меня пристроили в няньки, а мама в течение месяца жила у своей старшей сестры Прасковьи Ивановны (в 10-метровой комнате), которая делила с нею свой рабочий паек хлеба. Прасковья Ивановна работала на «Газовом заводе».

Прошло много лет. Мы старались не возвращаться к прошлому, да и это было невозможно даже в памяти. Однажды мама и я решили посетить то место, где прошли

два страшных года Отечественной войны. На месте старой деревянной постройки уже стоял 5-этажный кирпичный жилой дом, и ничто не напоминало о войне.

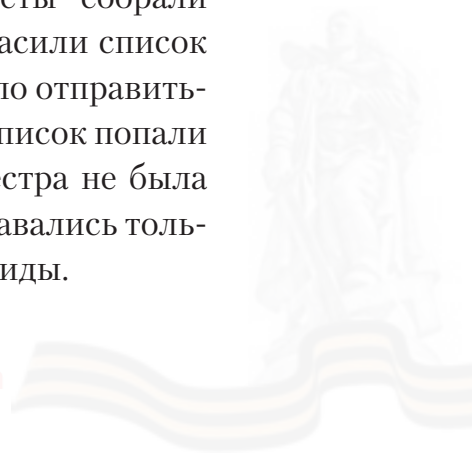
Возле дома мы увидели дуб, окруженный молодыми деревьями. Он стоял, раскинув свои могучие ветви, словно крылья гигантской птицы. Я узнала в нем нашего спасителя — единственного свидетеля тех трагических блокадных лет.

Безымянная могила

Моя двоюродная сестра, Александра Ивановна Митрофанова, родилась и прожила много лет в деревне Бородино Невельского района Псковской области. По наследству от родителей ей достался добротный, просторный дом на берегу озера и большой фруктовый сад.

Александра Ивановна и ее муж до войны работали в колхозе и воспитывали двоих дочерей. Когда началась война (их старшей дочери было шесть лет, а младшей четыре года), муж ушел на фронт и погиб в конце октября в Белоруссии («пропал без вести»). Деревня Бородино была оккупирована немцами, которые не щадили никого: отбирали у населения продукты питания, угоняли скот, оставляя детей без пищи.

В конце ноября фашисты собрали всех жителей деревни и огласили список фамилий тех, кому надлежало отправиться на работу в Германию. В список попали женщины и их дети; моя сестра не была исключением. В деревне оставались только старые, пожилые и инвалиды.

Спустя несколько дней всех названных женщин с детьми отправили в далекую, неизвестную им страну, в которой процветал фашизм — страшное явление в человеческом обществе, — уничтоживший миллионы невинных людей за сравнительно короткий промежуток времени.

В 1945 году советские войска освободили односельчан от рабского труда и помогли им вернуться домой; в свою родную деревню, сильно изменившуюся за время их пребывания в Германии.

До войны деревня Бородино представляла собой небольшой поселок, расположенный на берегу озера «Еван», (протянувшегося на десятки километров) с красивыми домами и садами. По обоим берегам озера простирались поля, пашни и сосновые леса, в которых я с моей мамой собирала грибы, когда мы навещали Александру Ивановну в послевоенное время.

Совсем другая картина предстала перед теми, кто вернулся в деревню в конце войны: часть домов была сожжена; на их месте торчали только трубы — свидетельство злодеяний фашистов. Многие дома стояли пустыми и грустно смотрели своими покосившимися окнами на вернувшихся соседей, как бы сообщая им о том, что их хозяева не смогли выдержать фашистской оккупации. Женщинам и подросткам, вернувшимся из Германии, пришлось восстанавливать колхоз в непростых условиях и начинать жизнь сначала.

Александра Ивановна после окончания войны продолжала жить и работать в

деревне, воспитывать своих дочерей, которые, окончив школу, уехали в Ленинград, вышли замуж, обзавелись семьей и приезжали в деревню лишь летом на отдых. Александра Ивановна никак не могла расстаться с родным селом, но после того, как она однажды простудившись, долго и тяжело болела, ей пришлось уступить просьбам и требованиям своих дочерей и перебраться в Ленинград, однако каждое лето она жила в деревне, в родном доме.

Живя в Ленинграде Александра Ивановна иногда навещала нас и рассказывала о своей тяжелой жизни на чужбине, в Германии.

К большому сожалению, я редко слушала ее рассказы — моя работа почти не оставляла мне свободного времени, но однажды я все же услышала один рассказ, который произвел на меня глубокое впечатление, и я в деталях запомнила его на всю жизнь. Это был случай, который произошел во время войны, когда Александра Ивановна была угнана в Германию, но старожилы, и, в частности Степан Андреевич Копытов, рассказали ей все в подробностях. Вот эта история.

Наступила зима 1942 года. Несмотря на сильные морозы, на фронтах шли ожесточенные бои с захватчиками. В воздухе ежедневно появлялись немецкие бомбардировщики, которые несли под своими крыльями смерть и разрушения Ленинграду, зажатому в кольце блокады. Немало доставалось и близлежащим городам и поселкам. За «мессерами» всегда следова-

ли «юнкеры», и, то здесь, то там мгновенно вспыхивали воздушные бои. В одном из таких боев фашистами был сбит наш летчик-истребитель недалеко от деревни Бородино.

Самолет, кувыркаясь, летел вниз, его хвост был объят пламенем. Через несколько секунд от самолета отделился летчик с парашютом, и те из жителей, кто наблюдал за боем, облегченно вздохнули. Горящий самолет упал на ледяное озеро и, пробив лед, ушел под воду. Летчик перелетел через озеро и приземлился в лесу. Будучи раненым он не смог добраться до деревни и ждал помощи от жителей, не зная о том, что в деревне уже хозяйничали фашисты. К тому же, почти все население деревни было угнано в Германию, и помочь ему было практически некому.

Рано утром следующего дня группа вооруженных фашистов с собаками начали поиск летчика.

Услышав лай собак, летчик решил, что к нему на помощь спешат жители деревни, но когда в гулком сосновом лесу слышалась немецкая речь, он все понял и принял для себя единственное решение.

Внезапно в лесу послышался выстрел, и фашисты бросились в сторону выстрела. Когда собаки подвели их к летчику, он был уже мертв.

Тело летчика лежало в лесу несколько дней — фашисты запретили жителям хоронить его, но, когда прошел слух о том, что фашисты собираются покинуть деревню, среди жителей нашлись смельчаки, добровольцы, которые, подготовив

заранее место на деревенском кладбище, отправились ночью в лес. Руководил этой рискованной операцией старожил деревни инвалид с детства Степан Андреевич Копытов. А помогали ему два старика. Искать летчика не пришлось слишком долго; он лежал у опушки леса, за которой была видна деревня.

Летчик лежал на спине на еловых ветках; глаза его были широко раскрыты, и взгляд устремлен в небо. На нем была кожаная куртка, местами сильно обгоревшая; на голове был шлем; одна нога была перевязана.

Вокруг были разбросаны обгорелые ветки деревьев, — летчик, вероятно, сжигал их на костре; однако оружия рядом с ним не оказалось.

Уложив летчика на сани, трое мужчин направились к кладбищу.

Прежде, чем предать тело земле, Степан Андреевич осмотрел карманы куртки и комбинезона летчика в надежде найти хоть какой-нибудь документ с его фамилией, но все попытки были напрасны. Нашелся только обрывок письма, написанного женским почерком, вероятно, принадлежавшим сестре летчика, потому, что в обращении она писала «дорогой братишка». Из того, что удалось разобрать в обгорелом письме, можно было догадаться о том, что летчик жил в Сибири и был холост.

Завернув тело летчика в брезент, и опустив его на ветки березы, лежавшие на дне могилы, односельчане быстро закопали могилу, бросив в нее, по христианскому обычаю, по горсти земли.

Спустя несколько дней, когда немцы действительно покинули деревню, Степан Андреевич поставил на могиле деревянный крест — так образовалась безымянная могила, которая просуществовала в деревне Бородино двадцать восемь лет, то есть до 1970 года.

Я долго находилась под впечатлением от рассказа моей сестры о трагической судьбе неизвестного летчика, который предпочел смерть, но не сдался врагу.

Мне хотелось, чтобы эта история стала достоянием многих людей, не только жителей деревни Бородино, и чтобы летчик был похоронен достойно, то есть так, как на Руси принято хоронить воинов-героев.

После некоторых раздумий я написала письмо в Исполком Невельского районного совета депутатов трудящихся, в котором подробно изложила все, о чем поведала моя сестра, Александра Ивановна Митрофанова.

Письмо было отослано 27 мая 1970 года, а через несколько дней я получила ответ.

В письме сообщалось о том, что военный комиссар и председатель Изочинского сельсовета выезжали в деревню Бородино 3 июня 1970 года и проводили там беседы со старожилами — очевидцами

этого случая, которые подтвердили все факты, изложенные в моем письме. Моя сестра тоже была там и помогала организовать встречи с очевидцами.

Степан Андреевич лично показал могилу летчика. На следующий день, то есть 4 июня 1970 года останки летчика были перевезены в Изочу — (большой поселок и железнодорожная станция) и перезахоронены на братскую могилу со всеми воинскими почестями.

Многие жители деревни вышли из своих домов, чтобы проводить неизвестного летчика, возложив к его гробу полевые цветы.

Так, благодаря рассказу моей сестры (которой, к сожалению, уже давно нет с нами), на российской земле, где в безымянных могилах еще до сих пор покоятся останки многих тысяч солдат Отечественной войны, одной безымянной могилой стало меньше.

Имя летчика осталось неизвестным, но его героический подвиг будет служить примером мужества и беззаветной любви к Родине для многих поколений россиян и надеждой для тех, чьи сыновья, отцы, мужья и братья еще остаются в списках «пропавших без вести», и могилы их неизвестны.

БАЛАШОВА Зинаида Самуиловна

Я родилась 13 мая 1929 года. Через год после моего рождения нам дали квартиру в доме 40 по Кондратьевскому проспекту. Вместе с отчимом, матерью и братом мы переехали в новый, только, что выстроенный дом.

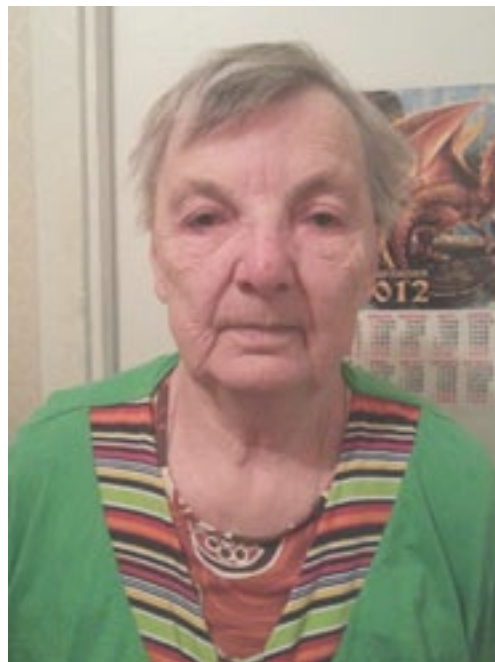
О том, что началась война, я узнала от отчима. Ранним утром услышала его страшный крик: «Война! Война!».

В первые дни войны отчима забрали на фронт.

Он оказался в Таллинне, в Эстонии. Немцы начали подступать, и тогда их по воде перевезли в Ленинград – отчима ранило. Он лежал в госпитале, но умер от голода.

Мама работала: до войны на заводе Светлана, потом перешла на Красную Зарю. Когда было совсем плохо, маме посоветовали устроиться работать на продуктовую базу, разгружать мешки. Она начала нам приносить в рукавичке муку. Помню, как на воде делала лепешки или блины. Когда её поймали, уволили за воровство, по статье.

Я была в пятом классе, когда началась война. Четыре года училась в школе №1 на Покровской улице. Учиться мы продолжали, но появилось много новых забот. Так, весной нас, учеников, организовали ходить полоть грядки в совхоз

Красный Выборжец. Мы ухаживали за посадками, собирали урожай. Выращивали турнепс – после войны я о таком овоще никогда больше не слышала. Выращивание овощей очень нас поддерживало, становилось чуточку легче. На одно лето нас отправили жить и работать в совхоз Ручьи. Там тоже занимались хозяйством: пропалывали, собирали урожай. Нашу

школу №150 перенесли с улицы Жукова на улицу Михайлова, в жилой дом: учебные классы располагались в квартирах. Напротив дома находилась областная больница. Мы помогали ухаживать за ранеными: пели им песни, помогали писать письма, отвлекали от страданий разговорами, поддерживали, как могли. Иногда нам разрешали делать легкие перевязки – рук не хватало, помощи всегда были благодарны. А еще мы как-то успевали петь в хоре: ходили заниматься во Дворец Пионеров, правда, это было уже после снятия блокады города. Выступали на радио, давали небольшие концерты в больницах. Сейчас про хор почему-то и не вспоминают.

Страшно было. Выжила наша семья за счет детской карточки брата, который ро-

дился в 1939 году. У меня была иждивенческая карточка, по которой давали 125 грамм хлеба и больше ничего. А ему полагался иногда даже шоколад, американский, кажется. В сентябре 1941 года пошла слухи, что деньги могут то ли пропасть, то ли обесцениться. Как сейчас помню: у мамы было 800 рублей. На эти деньги она купила большую банку черной икры. Её было так много, что мы давились, но ели: это очень помогло, немного запаслись силами. Весной и летом собирали траву, лебеду – из них мама пекла лепешки. На углу Кондратьевского проспекта и Минеральной улицы была булочная – там мы отоваривали карточки. Помощи нам ждать было не от кого.

В сентябре 1942 сгорел двенадцатый корпус по Кондратьевскому проспекту, дом 40. На его месте сделали водопровод – до этого ходили за водой на Неву. С нами жили мамина подруга и её сын Виктором. Мы пошли с ним за водой к этому дому. А там, остались только парадные – и в каждом покойники лежат. Я испугалась, так мне жутко было, сказала не пойду туда за водой. Но потом пересилила себя, а что делать, ближе, чем на Неву ходить.

Две мои тетки жили у Зоологического сада, как – то отправила меня мама к ним. Иду по мосту, вижу, впереди упал человек. Смотрю, меня обгоняют две женщины. Они сняли с упавшего валенки, кольцо и пошли дальше. Мне тогда было 13 лет, я не знала, как поступить, и тоже пошла своей дорогой. Всякие моменты были.

Через пару месяцев после снятия блокады в городе стали появляться коммерческие магазины, в них можно было купить продукты. На карточки прибавили норму выдачи хлеба. На наши 3 карточки хлеба хватало, мы не покупали. В 1944 году мама стала получать пенсию за погибшего отчима.

В 5 классе к нам пришла новая учительница по географии, и этот предмет я невзлюбила. Любила русский, историю, математику, конституцию, старалась по этим предметам, но с географией у меня не ладилось. Два года провела в шестом классе, и могла остаться на третий, но вмешалась мама. В 1944 году она пошла к директору школы. Директор вызвала меня в кабинет, расстелила карту, и говорит, мол, покажи мне, где находится Ленинград. А я не нашла. И Москву не нашла. Потом она как дала мне по спине указкой, я столицу ей тут же и показала. Все - таки, в следующий класс меня перевели. Директора уволили, потому что была немкой. Однажды на каникулах она пришла в школу, затопила печку, а окна были закрыты. Угорела она, а на похороны нас не пустили.

За все годы войны я не потеряла ни одного талончика, у меня ничего не украли. Повидала я многое, и скажу: не было ничего в жизни страшнее, чем годы блокады. Главный праздник для нас, ленинградцев, переживших блокаду, не День Победы, а 27 января – День освобождения Ленинграда.

«Наша мама донор!»

БАРСУКОВА Людмила Александровна.

КУРЕЛЁВА Галина Александровна.

Роль матери в жизни каждого человека незаменима. Истории известны многочисленные примеры жертвенности материнской любви и ее высокой самоотверженности.

Один из них опубликован в работе А.Адамовича и Д. Гранина «Блокадная книга».

Описывая блокадную судьбу Л. Охапкиной и ее двоих маленьких детей, они с ее слов записывают: «... Я мысленно хотела, чтобы смерть пришла вместе с детьми, так как боялась, что если меня убьют на улице, дети будут долго плакать, звать: «Мама, мама», а потом умрут от голода в холодной комнате. Ниночка моя все время плакала, долго, протяженно и никак не могла уснуть. Этот плач, как стон, сводил меня с ума. Я тогда, чтобы на мог-

ла уснуть, давала сосать ей свою кровь. В груди молока давно не было... Поэтому я прокалывала иглой руку повыше локтя и прикладывала дочку к этому месту. Она потихоньку сосала и засыпала. А я долго не могла заснуть».

Своею кровью матери спасали не только собственных родных детей, но и совсем незнакомых, чужих им людей. Эти матери были донорами.

В годы Великой Отечественной войны патриотический подъем народы был велик. В Ленинграде 22 июня 1941 года к вечеру было заготовлено 70 литров консервированной крови. Записались в доноры почти 36 тысяч человек, а в 1942 году до 57 тысяч. Когда норма хлеба упала до 125 грамм, разовая доза взятия крови была снижена до 170 мл и увеличена только с 1943 года.

Для поддержания здоровья доноров Военный Совет Ленинградского фронта принял решение о дополнительном продуктовом пайке. От денежной компенсации большинство доноров отказывалось и передавали их в фонд обороны.

Ежедневно для сдачи крови приходили от 300 до 700, а иногда и до 1000 человек.

За все годы войны ни фронту, ни тыловым госпиталям не было ни одного отказа в нужном количестве крови, а на ее качество не было ни одной претензии.

Одним из доноров блокадного Ленинграда была и наша мама Курелёва Вера Николаевна, которая сдавала кровь с 1942 до 1944 года включительно.

В 1941 году наш дом разбомбили – это было в Кировском районе. Мы успели выскочить. Узелок с вещами у мамы был всегда готов. Приютила нас к себе мамин подруга тетя Дуся, она работала охранником на фабрике. Это была очень маленькая комнатуха, где стояла кровать и табуретка. Мы втроем спали на кровати. Мама и старшая сестра Галя ходили на развалины дома, чтобы найти какие-нибудь вещи. В этом доме жила дом.управляющая звали ее Клепериха. Она собирала вещи с разбитого дома и все забирала себе. Некоторые вещи мама узнала у нее, но она отдала только рваное одеяло и тряпки, чтобы зашить одеяло (для заплаток).

Когда дом разбомбили, то взрывной волной меня маленькую отбросило, а сестра от страха стала сильно заикаться и

заикается по сей день. Мы все время плакали, хотели кушать, нога не передвигалась и тогда мама с 1942 года по 1944 год пошла сдавать кровь. На улице Мира д. 16, 18. Она шила варежки для фронта, мы всегда были с ней. И отвозили в пункт приема. Мы жили на фабрике и там висели плакаты. Когда меня спрашивали, где мой папа, то я всегда показывала на Ворошилова, а сестра Галя показывала на раненых, где перевязывают раны.

Когда папу ранили, он пытался нас найти, через эту Клепериху. Мы этого не знали, мама уходила отоваривать карточки, а нас оставляла под присмотром охранницы.

Он был в Новый год с 1941 на 1943 год, пробыл 2-3 дня. В госпитале, дали ему раненые паек – кусок мыла, сахар и немного хлеба. Когда спрашивали, где папа, мы отвечали «Бьет немцев!». В тот момент, когда мама сдавала кровь, всегда брала нас с собой, чтобы нас накормить пайком. Очень плохо мама себя чувствовала и мы боялись, чтобы она не умерла. Сестра Галя болела туберкулезом и была дистрофиком. В 1944 году нам дали комнату на улице Школьной д. 18 кв. 33, во дворе.

Квартира оказалась военнотружущего, его родственники были эвакуированы. Нас переселили на той же улице дом 12 кв. 3, там мы и выросли. Мы ходили в сан. Пропускник на Бумажной улице, там немного на руки капали мыло и тогда пропускали помыться.

Мама сдавала кровь и после этого их кормили, но первые, кто садился за стол, это была я и моя сестра, не понимая, что мама еле стоит. Мы радовались, что нас кормят. Маме было очень плохо. Ее отвозили в больницу. Был на Суворовском пр. институт переливания крови. Она лежала в палате одна за ширмой, а мы сидели рядом. В этот день приходил профессор «Вышегородский» и спросил врачей, почему сидят дети, ему ответили, что мама их при смерти. Тогда она дал распоряжение, срочно маму перевезти в больницу Мечникова, и там взял ее под наблюдение.

Мы оставались одни дома, но к нам приходили соседи. Почти в лютые морозы на трамвае №14, мы с сестрой ездили в больницу к маме. На ногах были одеты в рваные ботинки, и что-то вроде пальто. Когда мы подходили к павильону, встре-

чали нас все, и врачи, и больные. Первое, что она делали – отогревали нас, а потом кормили, и мы уезжали обратно домой. Мама лежала очень долго – но осталась жива.

После войны нам звонили, узнавали, как мама себя чувствует, т.к. медики работали над проблемой лечения, данного вида заболевания крови.

Послевоенные годы тоже были очень тяжелые, так что детства у нас не было.

Мама до конца своей жизни тяжело болела. Официальный диагноз «гиперхромная анемия».

Она ушла, сполна выполнив материнский и гражданский долг. Своею кровью в годы блокады она спасла не только собственных детей, но помогла и другим незнакомым ей людям вернуть здоровье и силы, чтобы бороться с жить дальше.

Простая жизнь. Воспоминания

Билибина Мария Яковлевна
(1914 – 2006)

Начало войны

Перед войной в нашем городе не было общего выходного дня; разные учреждения отдыхали в разные дни недели. Я тогда не работала, потому что с 1940 года начала учиться в Институте иностранных языков. В воскресенье 22 июня 1941 года мой муж, Сергей Александрович Билибин, был на работе. Накануне, 21 июня, мой брат Вольдемар защищал дипломный проект в Ленинградском политехническом институте. Мы с мужем присутствовали при этом. Утром в воскресенье брат приехал ко мне. Я хлопотала на кухне – готовила обед (суп из щавеля и варе-

ники). Когда я за чем-то вошла в комнату, Вольдемар сказал: «Началась война». Он сказал это очень спокойно, в своей обычной манере.

Второй раз в жизни я почувствовала, что побледнела; первый раз это было в 1938 году, когда пришли арестовать нашего отца.

Я сразу же подумала о брате, о его возможной гибели на войне. Тогда я еще не сообразила, что его, немца, на войну не возьмут. Ему была уготована роль потенциального врага. С ноября 1942 года он будет в трудовой армии; после войны до 1956 года – спецпереселенцем.

Когда Сережа вернулся с работы, мы после обеда поехали к Марии Николаевне и Шурочке. У Шурочки в этот день был день рождения. Мария Николаевна с Шурочкой свое жилье в Пушкине обменяли на маленькую однокомнатную квартиру в Ленинграде. Квартира маленькая, тесная, темная, но не коммунальная. Мне она нравилась уже тем, что там была газовая плита. Газ был тогда не во всех районаокойся, если со мной что-нибудь случится, о тебе и Ирочке позаботятся».

Очень скоро я узнала, как о нах города.

Проезжая в трамвае по городу, мы видели большие очереди у всех продовольственных магазинов. Вспоминая тот день, я думаю, что напрасно не поддалась тогда стадному чувству, не стала делать запасов.

День рождения Шурочки был печальным. Война уже в первые часы изменила нашу жизнь. Шурочка должна была лечь на лечение в Эндокринологический институт по поводу заболевания эндокринной железы. Но все больницы и институты стали выписывать своих больных, готовясь к приему раненых.

Это был последний день, когда мы были все вместе. Моя свекровь своего сына уже больше не видела. Из всех нас, собравшихся тогда на улице Марата, в живых остались только моя дочь Ирина и я.

Мой муж 4 июля 1941 года ушел в Ополчение Выборгского района Ленинграда. Он был причислен к особому бата-

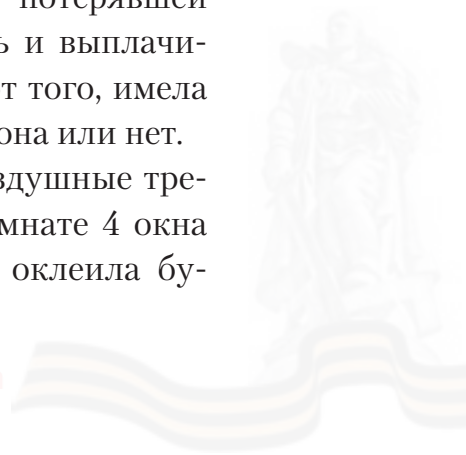
льону связи, и в его обязанности входили поиски автомашин и приведение их в порядок для использования на фронте. Его часть располагалась на территории студенческого городка Политехнического института.

Сергей Александрович до войны работал на заводе «Русский дизель» ведущим конструктором. Он имел бронь, то есть не должен был призываться в действующую армию. Но он, русский человек, не мог оставаться в стороне, когда надо было защищать Россию. Он мне ничего не объяснял, я это поняла сама. Но он почувствовал, что я подумала: «А как же я?» и сказал мне: «Не беспс позаботились. С извещением о гибели мужа военкомат опоздал на два месяца. За эти два месяца я «переполучила» деньги по аттестату. Переполученная сумма была удержана государством из нищенской сиротской пенсии моей 5-летней дочери.

Вдовам пенсия вообще не полагалась. Семьям воинов, пропавших без вести, не полагалось вообще ничего. А сколько было пропавших без вести! И сколько женщин, и не с одним, а с двумя – тремя детьми, остались даже без этой жалкой пенсии!

Уместно заметить, что в фашистской Германии любой женщине, потерявшей мужа на войне, назначалась и выплачивалась пенсия независимо от того, имела она детей или нет, работала она или нет.

Итак, война, налеты, воздушные тревоги, бомбежки. В моей комнате 4 окна высотой 2 метра. Я их не оклеила бу-

мажками, а чтобы стекла не разлетелись от взрывной волны, приоткрывала окна. Мы жили на Крестовском острове. Ближайших попаданий было два: одно – в общежитие ремесленного училища на углу Б. Зелениной улицы и Чкаловского проспекта, второе – в дворец князей Белосельских – Белозерских. (Этот небольшой дворец с птичьего полета имел форму креста. Поэтому и остров, на котором он находился, стал называться Крестовским.) Оба попадания были прямые, и в общежитии были жертвы. Артиллерийским обстрелам Крестовский остров не подвергался. Я боялась бомбежки, но, стараясь не пугать Иру, притворялась спокойной. Поначалу во время налетов мы прятались в подвале близлежащей школы.

Так как я в то время не работала, то могла с Ирочкой часто ездить на Выборгскую сторону, где находилась часть моего мужа. О том, чтобы делать запасы продовольствия (в первые дни войны это было еще возможно), я не думала. Хлеб, получаемый по карточкам, мы в это время еще не съедали, и я его кому-то отдавала, вместо того, чтобы сушить сухари!

Начальник моего мужа, некий Цирульников, очень хорошо к нему относился. Впрочем, я не знаю ни одного человека, который бы плохо относился к Сергею Александровичу.

В середине августа мой брат уехал по распределению в Красноярск, где начал работать на заводе Красноярского речного пароходства.

С завода «Русский дизель» ко мне приходили сотрудники, уговаривали эвакуироваться или эвакуировать мою дочь. Конструктор Рахманинов при этом, как мне показалось с восторгом, говорил, что немцы уже на Клязьме, недалеко от Москвы. Второй агитатор эвакуации – инженер Варшавский – вернулся из ополчения по Ворошиловскому приказу (инженеров возвращали). Я не уехала и не отдала эвакуировать свою дочь. Я даже ее прятала, когда за ней приходили.

Многие из увезенных тогда детей погибли в пути из-за бомбежек. Некоторые поезда с детьми почему-то из города были направлены на Запад! После войны я узнала, что конструктор Рахманинов погиб в эвакуации в автокатастрофе. Варшавский уцелел.

Жизнь в блокадном Ленинграде

В свой день рождения 12 сентября Сергей Александрович (в 1941 году ему исполнилось 29 лет) забежал домой, чтобы проститься. Его часть отправлялась на фронт около Пулковских высот. Горели Бадаевские склады. 8 сентября кольцо вокруг города сомкнулось, началась блокада. Пайки были урезаны в первый раз. Мы начали голодать.

Несколько раз Сергей Александрович мог очень ненадолго забежать домой. Один раз он нашел печника, который сложил нам в комнате маленькую плиту из кирпичей с металлическим верхом без конфорок. Труба от плиты выходила в дымоход печки. Тогда у нас в доме было

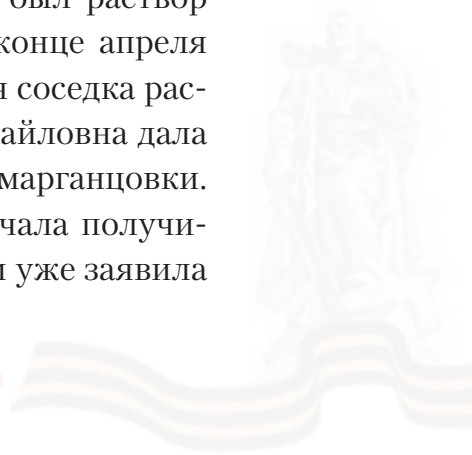
еще печное отопление. Сергей Александрович также познакомился со шкиперами барж, которые стояли на Малой Невке. Эти баржи пришли в Ленинград из Средней России по рекам и старым каналам Мариинской системы. У шкиперов мой муж купил для нас запас дров, которого мне хватило до весны 1942 года. Они же эти дрова распилили и сложили в сарай. Шкиперов было трое: одна женщина, тетя Даша, и двое мужчин, имен которых я не запомнила. Один из них был похож на Христа, каким я себе его представляла: голубоглазый, со светлой бородкой, с добрым мягким взглядом. Второй был чернобородый и тоже добрый человек. Все трое умерли от голода, хотя и получали карточки на продукты в Речном пароходстве. Это были хорошие люди.

О смерти тети Даши мне известно вот что. Моя соседка по коммунальной квартире Екатерина Михайловна Кузнецова подружилась с тетей Дашей и пригласила ее к себе жить, конечно не бескорыстно: тетя Даша принесла с баржи много дров. 31 января тетя Даша ушла за продовольственными карточками. Трамваи и автобусы не ходили с конца ноября 1941 года. Вернувшаяся вечером тетя Даша стучала с лестничной площадки в стенку к Екатерине Михайловне, но тщетно. Моя комната была далеко от входной двери, и я не могла слышать ее стука. Когда утром 1 февраля я вышла из квартиры (за хлебом), то обнаружила на лестничной площадке замерзшую тетю Дашу. Она положила голову на ступеньку лестницы,

ведущей на чердак, не дождавшись, что ей откроют дверь, и уснула. Утром на ней уже не было теплого платка и валенок. Нетрудно было догадаться, что и карточки ее тоже исчезли.

Два раза Сергей Александрович присылал нам с фронта посылки со своим шофером. Один раз – полную противогазную сумку с овсом (лошади на фронте погибли, а овес остался); второй раз – полный рюкзак костей (отходов с мясокомбината). Шофер объяснил мне, что солдаты варили эти кости, а полученный бульон ели; ели они и овес.

У Екатерины Михайловны был сын Юра восьми лет. Весной 1942 года в городе начали работать школы. Юра пошел в первый класс. В школе дети получали пищу, хотя и скудную, но три раза в день. Многие дети тогда были спасены от голодной смерти, но не Юра. У него открылся голодный понос. Незадолго до этого голодный понос был у моей дочери. Я ее вылечила: сначала дала ей касторку, а потом очень слабый раствор марганцовки. Три дня я ей не давала хлеб (сберегая для нее ее порцию хлеба), а только жидкую манную кашу. Когда заболел Юра, я, по просьбе Екатерины Михайловны, рассказала ей, как лечила Иру, даже показала ей, какой концентрации был раствор марганцовки. Юра умер в конце апреля 1942 года. Мне потом другая соседка рассказала, что Екатерина Михайловна дала Юре очень темный раствор марганцовки. Екатерина Михайловна сначала получила карточки на Юру, а потом уже заявила

о его смерти. Сама она еще зимой устроилась работать дворником. Она получила возможность входить в чужие квартиры, где часто было больше мертвых, чем живых. Ее просили увозить покойников в ближайший морг (на санках). Платили хлебом. Она голодала меньше других. К тому же по мелочам мародерствовала. До войны она жила очень бедно, а после войны у нее обнаружили золотые вещи.

Муж Екатерины Михайловны Михаил Иванович был по специальности сапожником, но работал охранником на Печатном дворе. Он был мобилизован в Красную Армию. Часть его стояла под Красным. Как только под Красным шли бои, Михаил Иванович оказывался дома. С войны он вернулся без единой царапины.

В конце января 1942 года три дня не выдавали хлеб по карточкам – не работали пекарни. За эти дни умерло особенно много людей. Умер дворник дядя Вася, добрый красивый мужчина лет пятидесяти. Он жил в тесной каморке без окна под лестницей в доме напротив нашего дома. Много позже я поняла, что дядя Вася оказался в каморке под лестницей в результате коллективизации, спасаясь от которой многие крестьяне бежали в города и там скрывались. Тогда в нашей стране еще не было паспортов.

В нашем доме было всего 4 квартиры, из них 3 – коммунальные. Дом этот был построен купцом Калининым. Во дворе находилась одноэтажная каменная постройка, в которой купец разместил ко-

нюшню, каретный сарай, прачечную и дровяник. В начале 30-х годов XX столетия в этой постройке были оборудованы квартиры, в которых поселились бежавшие от коллективизации так называемые «кулаки». У них было много детей.

До войны одна из этих семей держала корову, и я покупала у них молоко. Когда в городе начался голод, молоко вздорожало, и я его больше не покупала. Корову бегрегли, даже устроили ей бомбоубежище.

У всех этих семей мужчины были на фронте, и никто из них с войны не вернулся.

Другая семья в начале войны состояла из женщины с пятью детьми. Двое – Нина, 15 лет, и Ваня, 12 лет, оба смуглые, черноволосые, были ей неродные – от первого брака ее мужа. Три младших ребенка – белоголовые, голубоглазые – ее родные дети. В первых числах февраля 1942 года у нее умерло четверо детей: Ваня и трое родных детей. Уцелела только Нина, которая сумела не отдать мачехе продуктовую и хлебную карточки. Сама мачеха сообщила о смерти своих детей только в марте, получив на уже умерших детей продовольственные карточки.

Обе эти семьи эвакуировались еще по льду Ладожского озера куда-то в Сибирь. После войны семья, державшая корову, вернулась в полном составе. Женщина, потерявшая четверых детей, в Сибири снова вышла замуж и там осталась. Вернулась только Нина.

В нашей квартире незадолго до войны поселилась молодая девушка Тося. Она

не работала по инвалидности. Старшая сестра Тоси – Надя -- жила в общежитии, тоже на Крестовском. Надя бывала в нашей квартире и полюбила мою дочь Ирочку. Я заранее, до войны, не запаслась валенками для Ирочки, а потом купить их было уже невозможно. Надя сказала, что детские валенки остались в комнатах эвакуировавшейся профессорской семьи, в которой Надя до войны была домработницей. Ключи от своих комнат эта семья отдала Наде. Надя согласилась взять там детские валеночки и отдать их для моей дочки лишь после долгих уговоров.

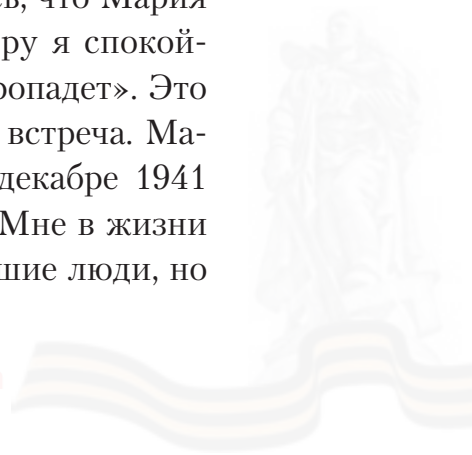
После отъезда профессорской семьи Надя стала работать на заводе «Арсенал». В марте она заболела или ослабела от голода и попросила меня сходить на завод за ее продовольственными карточками. Путь от Крестовского острова до Кондратьевского проспекта – не близкий. Но я пошла. На мне были очень большие валенки с галошами и много всякой одежды. Я до сих пор удивляюсь тому, что на заводе мне выдали карточки, не потребовав доверенности. Принесенные мной карточки были последней радостью Нади. Она скоро умерла. Через некоторое время умерла и ее сестра Тося.

Еще до войны, весной 1941 года, старшая дочь Семена Сергеевича Оловянишникова и его второй жены Евгении Федоровны – Надя – уехала в экспедицию от геологического института (ВСЕГЕИ), где она работала лаборантом. Евгения Федоровна и ее младшая дочь Таня голодали в Ленинграде, как и все. В 1942 году они со-

брались эвакуироваться с сотрудниками Строительного института, где Евгения Федоровна работала, а Таня училась. Но в феврале 1942 года Евгения Федоровна умерла перед самым отъездом. Таня уехала, поручив соседке Екатерине Михайловне увезти покойную маму в морг. До войны моя дочь часто бывала в их комнате, Таня и Надя забавляли ее, пели ей веселые песенки. Вскоре после отъезда Тани она заглянула в их комнату и увидела на кровати мертвую Евгению Федоровну. Придя ко мне, она сказала: «Какое у мамы прямое лицо» (мамашей звали Евгению Федоровну ее дочери). Так Ира увидела первого в своей жизни покойника. Ей только что исполнилось 5 лет.

Мы с Ирой жили на то, что получали по карточкам. Я помню все случаи, когда и чем пополнялся наш скудный рацион. О костях и овсе, которые прислал нам с фронта Сергей Александрович, я уже писала.

В начале ноября 1941 года (еще ходили трамваи) к нам приехала моя свекровь Мария Николаевна и привезла кусок конины (на улице Марата осколком снаряда убило лошадь). Из этого мяса я сразу же сделала котлеты для Иры, а мы с Марией Николаевной радовались, глядя, как она их ела. Мне запомнилось, что Мария Николаевна сказала: «За Иру я спокойна. С тобой, Мика, она не пропадет». Это была наша с ней последняя встреча. Мария Николаевна умерла в декабре 1941 года от воспаления легких. Мне в жизни встречались не только хорошие люди, но

и такие, про которых говорят: «Они святые». Таким святым человеком была и Мария Николаевна, мама моего мужа, необыкновенно добрая женщина.

Как-то в своих вещах я нашла плитку столярного клея. Мы ее съели.

У соседки из нижней квартиры я однажды купила две плоские бутылки, в которых была питательная смесь для питания бактерий. Соседка работала уборщицей в ВИЭМе (Всесоюзном институте экспериментальной медицины). Там все сотрудники ели то, что было приготовлено для бактерий.

Водопровод не работал. Воду я приносила с Невки из проруби. Ведер в моем хозяйстве не было. Вместо них я приспособила кастрюлю, привязав веревочку вместо дужки.

В мае 1942 года сосед из нижней квартиры, Борис Васильевич Дедов, стал ловить в Невке рыбу – колюшку, величиной с указательный палец взрослого человека. За поллитровую банку колюшки я платила 50 руб. Из этой рыбы я делала фарш и варила клецки в соленой воде. Было очень вкусно.

Мы жили, голодали, мерзли. Топили свою печурку, вечером зажигали коптилку. Я читала, сидя в кресле, застеленном шубой. Ира днем сидела на стоящей у окна ножной швейной машине, поставив ножки на кожаную кушетку, и смотрела, как из булочной напротив выходят люди со своей порцией хлеба. Все время после ужина она проводила в своей постельке. Здесь надо сказать, что я нашу дневную

порцию хлеба делила на две трапезы – в 9 утра и в 18 часов, причем мы съедали ее не всухомятку, а обязательно с кипятком. Я следила за тем, чтобы мы подольше прожевывали свою пищу.

Ира была тихим голодающим ребенком. Она никогда не просила еду, никогда не жаловалась на голод или холод. Только, не умея еще определять по часам время, знала, когда стрелки покажут время нашей трапезы, и часто смотрела на наши большие стенные часы.

Часто ночью я поднималась, чтобы убедиться в том, что моя дочь еще жива.

Однажды я надолго ушла в магазин. Вернувшись, увидела, что к буфету подставлен стул, а дверца верхней части буфета открыта. Там на полке в вазочке было несколько штук шоколадных конфет, которые мы получили по карточкам вместо сахара. Но конфеты были не тронуты. Ира объяснила, что хотела их съесть, а потом подумала, что лучше подождать меня. Только тот, кто голодал, как мы тогда голодали, может себе представить, какую силу духа проявила моя 5-летняя дочь, не поддавшись искушению и не съев ни одной конфеты.

На следующий день после дня рождения Иры, 3 февраля 1942 года совсем неожиданно пришел домой Сергей Александрович. Особый батальон связи, в котором начал свою военную службу мой муж, был расформирован, и он еще не получил нового назначения. Ему был дан отпуск на три дня. Он, частично пешком, частично на попутных машинах, добрался от мясокомбината до Крестовского острова.

Это была большая радость. Мы не виделись с 12 сентября 1941 года. В начале февраля офицеры армии впервые после долгого перерыва получили командирский паек. С этим пайком Сережа пришел к нам. Я уже не помню, что мы тогда ели, но это было роскошное пиршество.

Сергей Александрович был непривычно печальный и сосредоточенный. Очень похудел. Белый мех его шапки стал серым. В его экипировке была каска. С тех пор, как только я увижу каску (в фильме, в музее), к горлу подступают рыдания.

Вспоминаю эти последние наши дни – они были торжественные и полные тревожных предчувствий; так я теперь могу определить наше тогдашнее душевное состояние.

Когда 3 февраля Сережа пришел, на лестнице еще лежала умершая тетя Даша.

Мы были вместе 4 февраля, а 5 февраля он ушел. Как я потом узнала, новое назначение его было: политрук в каком-то подразделении 296-го стрелкового полка. Погиб он 15 февраля 1942 года от пули снайпера. Ему было 29 лет.

После ухода Сережи у Иры разболелся живот. Я, опасаясь заворота кишок от непривычно обильной еды, заставила ее бегать вокруг стола; к счастью, все обошлось.

В ноябре 1941 года нам с Ирой пришлось быть на Невском проспекте, где нас застала воздушная тревога. Мы зашли в подворотню рядом с Пассажем. Тревога продолжалась долго, людей набра-

лось много. И вдруг какая-то женщина дала Ире кусок хлеба. Только человек, переживший блокаду, поймет, что это был за поступок, тем более, что Ира не плакала и ничего не просила.

Я уже писала, что в холодной комнате долгими зимними вечерами читала при свете коптилки. Из прочитанного тогда особенно запомнила «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели.

Время шло; мы всегда хотели есть, и нам всегда было холодно. Но мы ежедневно умывались. Упоминаю об этом потому, что многие люди этого не делали. Я в булочной видела людей, у которых лица и руки были черными от коптилок.

Несколько раз мы устраивали основательное мытье и меняли белье. У нас с дочерью не было вшей. Впоследствии я узнала, что у многих они были.

Сейчас, в 1994 году, вшивость в нашем городе стала нередким явлением. Это непонятно: из кранов течет сколько угодно воды, даже горячей, есть мыло, в доме тепло. Откуда теперь вши?

Одно наше основательное мытье мне запомнилось. Это было 15 февраля, Сре-тенье; день был мягкий, пасмурный. Потом мы узнали, что в этот день погиб Сергей Александрович.

Наступил солнечный, но еще холодный март. Началась грандиозная уборка по всему городу. Убрать в городе, где полгода не действовали водопровод и канализация, было нелегким делом. И жители нашего города сделали это. Шатаясь от слабости, с трудом удерживая в руках

лом или лопату, вычистили город. Когда наступила весна, солнце озарило очень чистый город. Оно могло заглянуть в любой двор и уголок – везде было чисто.

Блокадники с горечью видят сейчас свой город неухоженным, где на каждом шагу свалка и мусор.

Еще лежал снег и не ходили трамваи. Я отправилась пешком на улицу Марата, чтобы навестить Марию Николаевну и Шурочку. Был ясный солнечный день. На Стрелке Васильевского острова, рядом с Биржей, горел дом. Около Ростральной колонны лежал умерший мужчина. Никто не гасил пожар, никого не печалил умерший человек. А равнодушное солнце светило ярко и радостно.

Марию Николаевну я уже не застала. Шурочка сказал мне, что мама умерла в конце декабря 1941 года от воспаления легких, а не от голода: в декабре у них были еще какие-то продовольственные запасы. Свидание с Шурочкой было какое-то холодное, она даже не спросила ничего об Ирочке. Потом я узнала, что Шурочка умерла через месяц после моего визита, в конце апреля 1942 года.

Мы с Иррой не распухали от голода. Мы очень исхудали, но сохранили подвижность. Правда, цинга у нас была. Не помню, откуда зимой у нас появился хвойный экстракт. Пить его было очень неприятно, но он сделал свое дело: цинга у нас была не такой сильной, как у большинства блокадников.

Иногда я дежурила у ворот дома. Но над нашим районом бомбардировщики

почти не летали, и артиллерийских обстрелов почти не было.

Однажды, наверное в декабре 1941 года, я стояла, как всегда, в очереди за хлебом. Когда уже подошла моя очередь, я почувствовала, что падаю, но успела еще услышать слова: «Не беспокойтесь, карточки у продавщицы». Я пришла в сознание, когда уже лежала на пустом прилавке, где до войны продавали конфеты и пирожные. Как могли голодные блокадники поднять меня на этот прилавок, непонятно!

Уже после войны в этой булочной ко мне обратилась незнакомая женщина с вопросом: «Как, вы живы?!» Оказалось, что эта женщина была в булочной, когда я там потеряла сознание.

Свой хлеб я тогда получила, вернулась домой живая, и моя дочь не осиротела.

После 5 февраля 1942 год я ждала известий от моего ужа, но тщетно. Я успокаивала себя тем, что он, может быть, получил такое назначение, которое не позволяет писать мне. Я надеялась.

Сошел снег. Вычищенный голодными людьми город сиял чистотой и красотой, был какой-то даже нарядный. Пошли трамваи.

Моя дочь стала выходить в палисадник около нашего дома. Я давала ей мешочек, и она собирала в него крапиву и подорожник. Я варила из этих трав суп.

Однажды, выйдя из квартиры, я увидела на площадке Веру, няню моей дочери. Она была в военной форме, потому что служила солдатом в военно-воздушных

частях. Она молча смотрела на меня, и я поняла, что она боится задать вопрос об Ире. Когда я ей сказала, что Ира дома, Вера опрометью бросилась в квартиру. Я, вернувшись в комнату, застала трогательную сцену свидания Иры с няней. Вера принесла для Иры то, что могла уделить от своего скудного солдатского пайка. И этот подарок был дороже всех сокровищ мира. Вера нежно любила мою дочь, и как-то сама превращалась с ней в ребенка.

В мае 1942 года моя соседка из нижней квартиры сказала мне, что можно стать донором и за сдачу крови получать дополнительный паек. С самого детства я боялась уколов и даже, когда мне в школе прививали оспу, потеряла сознание. Только голод заставил меня преодолеть страх и решиться на донорство.

В Институте переливания крови прежде всего определили группу крови. У меня оказалась первая группа. Желающих сдавать кровь было много, но не все группы крови были нужны. Моя группа крови была нужна. Выдержала я испытание и на вшивость: если бы у меня нашли бы хоть одну гниду, я была бы отвергнута. Содержание гемоглобина было в пределах нормы. Еще проверяли, нет ли у кандидата на сдачу крови венерических заболеваний (анализ крови на реакцию Вассермана).

Сначала донору давали выпить чашку сладкого чая с куском хлеба. Это уже было роскошное угощение. После того как взяли 200 гр. крови, полагался обед.

Каждый донор получил: 1) кусочек консервированного краба; 2) суп из рыбных консервов; 3) мясо с гарниром; 4) кусочек глюкозы и чай с кусочком белого хлеба.

Я съела суп, выпила чай, а все остальное принесла домой Ире.

Донорство давало право на получение рабочей карточки, дополнительного небольшого количества мяса, масла и сахара и 2 кг белого хлеба. Все это богатство я получила, сдав всего 200 гр. крови.

Меня все больше тревожило отсутствие вестей от Сережи. Я разыскала Цирульникову, первого начальника моего мужа по ополчению, и от него узнал, что Сережа погиб 15 февраля от пули снайпера. Когда я после этого обратилась в Райвоенкомат, мне там сразу же выдали похоронное свидетельство. Было это уже в начале июня. Неожиданно быстро удалось оформить документы на получение пенсии для Иры.

В июне 1942 год я поехала к Шурочке, чтобы известить ее о гибели брата, но квартира была пуста. Найденная мной дворничиха сообщила, что Шурочка умерла (в апреле 1942 года), а всем имуществом распорядилась Любовь Николаевна Харчева, сестра Марии Николаевны.

Любовь Николаевна (тетя Люба) тоже жила на улице Марата, и я к ней пошла. Увидев меня, она смутилась (но не очень), объяснила, что она решила, что мы с Ирой умерли, и поэтому распорядилась всем имуществом по своему усмотрению. Она обещала, что со временем возместит нам утраченное.

Вещи для меня тогда не представляли материальной ценности, связывать с вещами память о близких уместно в спокойное время, а не на грани жизни и смерти. Просто обрушился родной мне мир моего мужа, как в 1938 году обрушился мир моих родителей.

С тетей Любой я еще раз встретилась, навестив ее в стационаре для дистрофиков, перед эвакуацией. В стационар ее устроил муж, профессор (в Строительном институте) Харчев Сергей Константинович. Это было в конце июня. Ленинград чистый, торжественный в своей красоте; всюду была цветущая сирень: на кустах, в скверах, в продаже на улицах.

Тете Любе я принесла большой букет сирени, и мы расстались по-дружески.

В июне я еще сдала кровь.

Я сообщила моему брату Вольдемару о гибели мужа. Вольдемар телеграммой пригласил меня приехать к нему в Красноярск.

В это время власти города предлагали гражданам, имевшим детей, эвакуироваться. Предвидели, что надвигалась еще одна нелегкая зима. И общее положение было тревожным – враг приближался к Волге.

Меня ничего больше в городе не удерживало, и я приняла приглашение брата.

Дорога

Эвакуационные документы оформила быстро, и 12 июля 1942 года мы отправились в путь. Имущества было немного, но все же поклажа получилась непосиль-

ной для меня. До Финляндского вокзала меня проводили нижние соседи – Нина и Василий Дедовы. Они намеревались поселиться в моей комнате.

Из осажденного Ленинграда для эвакуации был один маршрут: от Финляндского вокзала до Ладожского озера, потом на пароходе до деревни Кобона, а оттуда по железной дороге через Киров (Пермь), Свердловск (Екатеринбург) и дальше на Восток.

Еще на Финляндском вокзале я познакомилась с юношей лет пятнадцати. Он помогал мне управиться с багажом до самой деревни Кобона. Расстались мы с ним только в Новосибирске.

Когда плыли по Ладоге, поднялась ладожская зыбь. Многих укачало, люди то и дело подходили к борту. Нас с Ирой не укачивает. Высадились в Кобоне: голое место, лишь несколько чахлых кустиков. Пошел дождь, укрыться было негде. Ира до сих пор вспоминает, как набухли от дождя и обвисли широкие поля моей соломенной шляпы.

В дороге кормили. Первая кормежка (ее Ира вспоминает до сих пор) была в Кобоне: манная каша и сгущенное молоко.

(В 1994 году в деревне Кицково Себежского района Псковской области Ира разговорилась с пожилым мужчиной, который, имея в этой деревне собственный дом, приезжал в него на лето. Звали его Василий Дмитриевич. Он рассказал Ире, что во время войны был командиром артиллерийского подразделения, которое

стояло возле Кобоны. Первые эвакуированные из Ленинграда прибегали в часть, жадно набрасывались на еду, которую солдаты уделяли им из своего пайка, и часто тут же умирали от непривычного количества и грубости пищи. Тогда Василий Дмитриевич стал инициатором организованного питания для эвакуированных. «Так это Вы меня кормили!» -- воскликнула моя уже немолодая дочь).

Во время всего пути питание было, хотя и недостаточное, но, несомненно, лучше того, что мы имели в Ленинграде. О достаточном питании во время войны не могло быть и речи. Во всей стране еще и после войны был голод, особенно в деревнях.

От Кобоны до Новосибирска ехали в товарном вагоне с двухэтажными нарами. Было тесно и грязно. До сих пор удивляюсь, как мы с дочерью не набрались вшей, которые были у людей на соседних нарах.

Я забыла, а Ира помнит, как целый перегон ехала одна, думая, что я отстала от поезда. А я, замешкавшись на станции, не успела добежать до своего вагона, когда поезд тронулся, и вскочила в последний вагон. Ира не плакала, но до сих пор вспоминает, как ей было страшно остаться одной.

Эшелон наш направлялся в Барнаул, а чтобы ехать в Красноярск, я вышла в Новосибирске. До Новосибирска мы ехали 17 дней.

До сих пор удивляюсь, как я, дистрофик весом 45 кг, донесла свои вещи в камеру хранения. После этого отправилась в дорожное отделение милиции, где нужно было получить пропуск для продолжения пути в Красноярск.

Сотрудник милиции, ознакомившись с предъявленными мной документами (извещение о гибели мужа и телеграмма от моего брата), сразу же выдал мне пропуск.

В Красноярск мы ехали в нормальном вагоне «согласно капленным билетам». Без всяких приключений прибыли в Красноярск. Вокзал находился на левом берегу Енисея, а Судоремонтный завод (Затон) – на правом. Туда мы и направились, оставив вещи в камере хранения. Мы пришли в отдел кадров завода. Туда вызвали брата. Вольдемар потом признался, что был потрясен, увидев, как мы изменились. Он Поднял Ирочку, и она взлетела чуть не до потолка – такой она была легкой – мешочек с костями. Сотрудницы отдела кадров (они тоже были эвакуированные, но с Украины) плакали, глядя на нас.

«Всё для фронта — всё для победы!»

БЕРЕГОВСКИЙ Всеволод Алексеевич

Я родился 29 августа 1929 года в Ленинграде в Родильном доме на углу 14-й линии и Большого проспекта Васильевского острова. Много лет жил в доме 63 по Большому проспекту.

В нашей семье было пять человек: мама, папа, младший брат, моя бабушка — мамина мама, и я. До войны успел окончить 4 класса школы №11.

22 июня 1941 года вместе с мамой и моей двоюродной сестрой по отцу были на кладбище, где похоронены родители отца. Было около 10 утра, недалеко от нас пробежал человек, крича «Война». Поверить было сложно, но в 12 часов по радио выступил Молотов. И, правда, началась война.

Первое впечатление: 8 сентября, 1941 года, горят Бадаевские склады. Над городом долго висела огромная, черная туча. Отец ездил на пожарище, выковыривал из земли сгоревший сахар.

Отец работал в ремонтных мастерских. В войну работал в Гавани. Мы много раз хотели эвакуироваться, в простыне хранились сухари в дорогу. Когда стало понятно, что из города не выехать, отец сделал буржуйку и поместил её в печку. Дрова у нас были: на зиму или даже на

две всегда были заготовки, так что мебель жечь не приходилось.

В первых числах июля школы эвакуировали в Струги Красные, точно навстречу врагу. Тогда спасали от бомбежек, про фашистов не думали. В эвакуации пробыли около двух недель.

Началась блокада. Мама каждый день ходила на Андреевский рынок, менять вещи на дуранду.

Её размачивала, потом делала котлетки.

У отца была дистрофия первой степени, он не вставал с кровати. На рабочую карточку, получал 250 граммов хлеба. Когда я ходил в булочную с 5ю карточками — мне не давали один большой кусок хлеба на все 5 карточек, нет. На каждую карточку — своя норма. Отец был заядлым курильщиком — от своего куска отрезал половину, отдавал её маме, чтобы она выменяла хлеб на 8 или 9 папирос.

Бабушке тогда был 91 год. Она была глухой, русский язык совсем не знала — говорить с ней мы не могли. Свои 125 граммов хлеба делила на 3 части: кусочек — брату, кусочек — мне, и остальное сама съедала. В декабре ее не стало. Мама зашила в простыню, на санках повезли бабушку на Смоленское кладбище. Она похоронена в братской могиле.

В конце ноября – начале декабря начались сильные морозы. Водопровод не работал, канализация тоже. Все помои и нечистоты выливались во двор. Нечистоты моментально замерзали и образовывали огромные глыбы. Уже в марте, с приходом первого тепла начиналась уборка города. Жители домов, с ломami, с лопатами начали очищать свои дворы. Помню итог работы: двор чистый, остались только мелкие кусочки, которые с легкостью убирались метлой.

Запомнились две дикие бомбежки: 4 и 24 апреля 1942 года. Первые месяцы мы старались выходить в убежище. Образовались они за считанные месяцы: были обычные подвалы, и вдруг откуда ни возьмись, уже стоят двойные, железные двери. В ноябре в убежища уже никто не ходил.

4 апреля я должен был пойти в единственную на Васильевском острове аптеку, на углу Большого проспекта и 3-ей линии. Путь примерно занимает минут 25. В это время над городом, на трёхкилометровой высоте летали самолеты, юнкерсы – к тому моменту я в них прекрасно разбирался. Летчики смотрели на нас, я смотрел на них.

Летали, но не бомбили. Наше зенитки тоже не стреляли, потому что было бессмысленно: самолёты со снарядами на борту будут падать на жилые дома, хуже бомб.

Я был в районе, где сейчас находится метро Василеостровская, и вдруг началась бомбежка. Поднимаю голову, а на меня несутся три бомбы. Испугался страшно, подбежал к школе, стою, с остервенени-

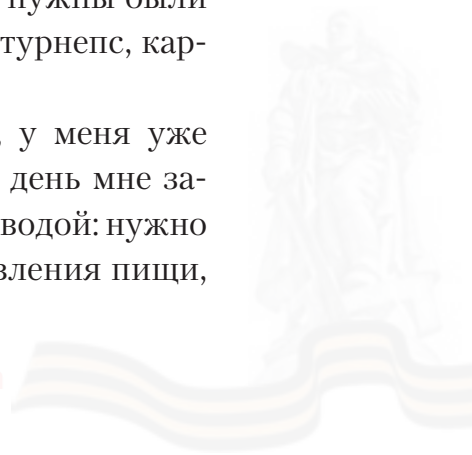
ем дергаю ручку. Когда первый страх прошел, увидел, что дверь заколочена. Пришел в себя, опомнился, забежал за школу – спрятался во дворе. Стали из пулемета строчить, наши налетчиков отогнали. А те бомбы упали на Средний проспект, во дворы около фабрики Урицкого.

24 апреля бомбили ночью. Подбегаю к окну и кричу: «Мама, смотри, летчик на парашюте!» Оказалось, что это отнюдь не лётчик, а восьмисоткилограммовая бомба. Она упала ближе к набережной, но наш дом, 1848 года постройки, невероятно прочный, с толстыми стенами, шатало. Вся мебель заходила ходуном – только от удара бомбы о землю. Бомба не взорвалась.

В 6 часов утра мы, мальчишки, побежали смотреть, пока территория не была оцеплена. У меня долго потом хранился парашют от этой бомбы. Говорят, на ней была найдена записка: «Чем можем, тем поможем». В тот день на город упало огромное количество бомб.

Моего младшего брата эвакуировали в Ярославскую область. Отец, как дистрофик, попал в восстановительный батальон. В конце апреля вместе с мамой мы поехали работать в подсобное хозяйство, в Кузьмолово. Задержались там до 15 сентября 1943 года, потому что нужны были рабочие руки. Выращивали турнепс, картошку, капусту.

Мне тогда было 13 лет, у меня уже были обязанности. Каждый день мне запрягали лошадь, и я ездил за водой: нужно было привезти для приготовления пищи,

в столовую и для питья рабочим. Два раза в неделю ходил в Токсово за корреспонденцией для заведующего колхозом Балакирева. К слову сказать, почта в войну работала очень четко и слаженно. Сейчас и не помню, чтобы были перебои с корреспонденцией.

Вернулся в мужскую школу №10 на 13-й линии Васильевского острова. Я пропустил два учебных года: один год не учился никто, а второй я пропустил, потому что работал. Встал вопрос о том, в какой же класс меня зачислять. Учителем математики и завучем была Дарья Никифоровна. Она дала мне задачку на доске, а я ее сходу и решил. Дарья Никифоровна зачислила меня в 5 класс. Город обстреливали постоянно, но не хаотично, а отдельными районами. На бомбежки уже не обращали внимания. Знали, что если сегодня обстреливают другую часть города, то мы в относительной безопасности.

В марте 1944 года я получил медаль «За оборону Ленинграда» за работу в колхозе.

Была осень 1944 года, по Московскому проспекту вели колонну пленных немцев. Ненависть была дичайшей: мы набили карманы камнями, кидали мы в немцев, а попадали в наших солдат, которые их конвоировали. Наши солдаты были вынуждены защищать пленных. Два года спустя мы с ребятами ездили по пригородам Ленинграда в поисках оружия, патронов. Все железнодорожные станции были разрушены, паровоз ходил только до Дибунов. Пленные немцы, группами по 5 – 6 человек восстанавливали разрушенные вокзалы. Мы часто их встречали. В школе я учил немецкий, с пленными мы уже сидели, делились хлебом, они показывали нам фотографии своих родных. За два года нам внушили, что не все немцы плохие, что есть среди них и коммунисты.

Что интересно. Многие во время блокады старались меньше двигаться, пытались сохранить силы, лежали – они погибли. Те, кто двигался – выжили. Движение – жизнь.

Спаситель жилищного фонда

БЕРЕЗИНА Александра Степановна

Ранним утром 22 июня к нам в дом пришёл посыльный из военкомата с повесткой для отца. Так мы узнали о войне. Мы – это я, три брата и наши родители.

Один из братьев Сергей - в начале июня был отправлен от института на практику. Старший брат тогда оканчивал военное училище. Младший, Алёша, учился в школе, в 8 классе. Я родилась 28 апреля 1924 года, когда война началась, мне было 17 лет.

Мама сильно болела до начала войны. С началом блокады города она слегла, и больше не вставала. Её не стало 22 января 1942 года. Я работала. Заметила, что Алёша перестал ходить вместе со мной: я пыталась выводить его на улицу, но поднимать не было сил. Алёша умер 9 февраля 1942 года.

Отца забрали служить в МПВО Ленинграда. К марту мужчины были истощены настолько, что их отправили по домам: умирать. Отца не стало 30 марта 1942 года.

В том же месяце в МПВО был объявлен призыв женщин в возрасте от 18 до

35 лет. Получалось, что самым тяжелым физическим трудом занимались истощенные женщины. Потому, что кроме нас было некому. А в конце 1942 года командование обратилось с призывом: «Фронту нужна кровь». Так я стала донором.

Наш батальон располагался на 8-й Красноармейской улице. Ленинский район во время войны страшно бомбили, поэтому разрушен он был порядочно. Мы, хрупкие женщины, разбирали завалы, извлекали из-под обломков пострадавших, забирали одиноких детей и отправляли их в эвакуацию. Были заняты и на лесозаготовках, на восстановительных работах. Основной нашей задачей было спасение жилищного фонда города.

В самом начале победного, 1945-го года, наш батальон расформировали. По распределению я оказалась на службе в пожарной охране. В послевоенные годы работала под Приозерском. Вернуться домой было сложно – необходим был так называемый вызов от родственников. К счастью, оба брата вернулись с фронта – вернулась домой и я.

Лесотехническая академия им.С.М.Кирова в период Великой Отечественной войны и блокады

БОГДАНОВА Валентина Петровна

Лесотехническая академия им. С. М. Кирова (в настоящее время Лесотехнический университет) одно из старейших высших учебных заведений России и первая в мире высшая Лесная школа.

19 мая 2013 года Лесотехнической академии исполнится 210 лет.

В основе ее создания лежит объединение небольших лесных школ, расположенных в различных районах страны, в единое учебное заведение, которое в 1813 году получило наименование «Санкт-Петербургский практический лесной институт».

100-летний юбилей института отмечался в большом зале Дворянского собрания (ныне СПб филармония им. Д. Д. Шостаковича), где был зачитан текст высочайшей грамоты, содержащей перечисление заслуг института и высокую оценку его плодотворной деятельности. Подписан документ был лично императором Николаем II.

В преподавательский состав входили крупные ученые и общественные деятели: Д. А. Лачинов, Г. А. Лачинов, Л. И.

Энгельгардт, И. И. Соколов, М. И. Римский-Корсаков, М. Г. Кучеров, И. П. Бородин – видный ученый-химик и знаменитый композитор, член музыкального общества «Могучая кучка» и др.

Среди выпускников также было немало замечательных людей. Например, Валерий Врублевский – видный участник национально-освободительного движения Польши 1863 года, генерал Парижской Коммуны 1871 года.

26 ноября 1929 года постановлением Советского Правительства Лесной институт был преобразован в Лесотехническую академию (ЛТА), которой 27 сентября 1935 года присвоено имя С. М. Кирова.

Вот уже более сорока лет моя жизнь связана с Лесотехнической академией. Теперь это Лесотехнический университет им С.М.Кирова. В своем очерке я хочу рассказать о вкладе ЛТА в общее дело Победы над врагом во время Великой Отечественной войны. О работе академии во время блокады.

К началу вероломного нападения фашистских войск на нашу Родину в акаде-

мии была самая горячая пора. Шла к концу экзаменационная сессия. Около 500 студентов-выпускников заканчивали защиту дипломных проектов. Шла подготовка к новому приему – предполагалось принять 650 студентов.

Война сразу нарушила привычную жизнь академии. Около 300 студентов, преподавателей, аспирантов, рабочих и служащих в первые же дни войны были мобилизованы в Советскую армию. Свыше 400 человек записали в число добровольцев народного ополчения. Добровольческий отряд академии был включен в 3-й Выборгский полк дивизии народного ополчения, которая сражалась под Красным Селом, сдерживала натиск врага на Олонецком направлении. Немало добровольцев ЛТА сражались в партизанских отрядах в тылу врага.

Вместе с тысячами ленинградцев большая группа студентов, преподавателей и служащих академии участвовала в строительстве оборонительных сооружений вокруг города.

Оборонительные рубежи проходили и через парк академии, в котором готовили щели – укрытия от воздушных бомбардировок.

Всего за время блокады города на территории академии было сброшено 27 бомб, в результате чего было 26 убитых и 56 раненых.

С 10 сентября 1941 года 2-е учебное здание было занято под госпиталь, в дальнейшем была занята под военные объекты и значительная часть главного здания.

Участвуя в патриотическом движении за сбор средств на оборону, коллектив академии собрал свыше 220 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Киров», за что получил благодарность от командования Советской армии.

Уже в первом месяце войны лаборатории и мастерские академии в короткий срок были переоборудованы под производственные мастерские по выпуску продукции для фронта.

В академии был налажен выпуск 27 видов продукции для фронта и города-фронта. Это были противопехотные деревянные мины, ложки к ручным пулеметам-пистолетам Дегтярева, ручки к ракетным пистолетам. Ящики для репродукторов. Электромеханические мастерские освоили производство сложнейших и точных аэронавигационных приборов – индикаторов курса, артиллерийских предикторов и даже дивизионных и полковых радиостанций.

Химическая лаборатория готовила горючую смесь для противотанковых бутылок, наладила выпуск витамина из хвои, лечебного каротина и наркотозного хлороброма.

Город и фронт испытывали острую нужду в спичках – и в лаборатории было организовано производство спичек-книжек. В помещении гаража было налажено механизированное производство газогенераторной чурки для автомобильного транспорта.

В превращенной в производственный цех лесопильной лаборатории стали из-

готавливать пиломатериалы и строительные детали, предназначенные для военных целей. Не было подошвенной кожи, и мастерские академии освоили выпуск клееных деревянных подошв. Много героических усилий потребовалось, чтобы не только сохранить парк и оранжереи, но и выращивать в блокаду цветы для госпиталей.

В связи с крайне тяжелым продовольственным положением Ленинграда, находившегося в кольце вражеской блокады, горком партии созвал совещание работников пищевой промышленности. На это совещание был приглашен профессор академии В. И. Шарков. Он предложил организовать производство пищевой целлюлозы и дрожжей из опилок. Удалось построить и пустить в ход на полную мощность шесть цехов по производству пищевой целлюлозы и белковых дрожжей на первой кондитерской фабрике им. А. И. Микояна, ликеро-водочном заводе и пивоваренном заводе им. С. Разина, на пустовавшем и разрушенном гидролизном заводе.

За годы блокады эти предприятия выработали 16000 т пищевой целлюлозы, один только цех фабрики им. А. И. Микояна изготовил 1156 т белковых дрожжей.

За организацию в блокированном Ленинграде производства пищевой целлю-

лозы и дрожжей профессор В. И. Шарков в ноябре 1942 года был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В январе 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда. Связь с «Большой землей» стала регулярной, положение города стало упрочиваться.

Согласно приказу наркома лесной промышленности СССР от 15 марта 1943 года в академии возобновляются научно-экспериментальные работы.

Производственная деятельность академии в 1943 году была высоко оценена в приказе Наркомлеспрома, где было записано: «Признать, что коллектив рабочих, служащих и инженерно-технических работников Ленинградской лесотехнической академии им. С. М. Кирова в тяжелых условиях блокады проделал большую работу для фронта и города-фронта, создав новые производства, а также подготовив кадры рабочих и техперсонала для этих производств. Выпуская на этих производствах продукцию оборонного характера и для нужд населения Ленинграда в значительных количествах, коллектив работников академии проявил подлинный героизм».

Все работники академии были награждены медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

БОРИСОВА Вера Александровна

Я родилась в Ленинграде, в 1930 году. С семьей мы жили в коммунальной квартире на улице Куйбышева, соседи были еще в четырех комнатах. Жили хорошо, очень дружно: в большом общем коридоре часто устраивали совместные праздники.

Когда мне было восемь лет, умер отец: простудился, спасая в жуткий мороз оборудование на заводе, и слег. Сгорел от чахотки за полгода. В 1940 году мама вышла замуж за очень хорошего человека. Счастливая жизнь продлилась недолго: началась война, и отчима забрали на фронт.

К 1941 году я успела окончить 3 класса школы № 82, что на Певческом переулке. Почти сразу же после объявления войны, школы города начали эвакуировать. Нас отправили в Боровичи. Пробыли там недолго, потому что немцы наступали. За нами спешно стали приезжать родители. К моей подруге Нине приехала мама, чтобы забрать её в город. Я поехала с ними. Нинина мама пристроила нас в санитарный поезд. В пути нас начали бомбить. Удалось вырваться целыми, но дальше до Ленинграда добирались уже на попутках, пешком – как могли.

Когда наконец-то увидела маму, первое, что я ей сказала, было: «Мама, я теперь всё буду есть».

В нашу школу на Певческом переулке начали прибывать раненые, поэтому учеников из помещения переселили. Сначала, в 89-ю школу на Большую Посадскую, потом, в здание на улице Мира. В итоге мы переехали в школу №69: она находилось напротив Zenитного училища, у Белозерских бань. Особых знаний мы тогда не получали, но брошены не были, воспитатели с нами занимались. На Кировском была музыкальная школа, а в ней - столовая; туда нас водили обедать. Так жили до конца декабря.

Наш дом был окружен заводами со всех сторон: водоканал, хлебозавод, завод «Вибратор», Электроприбор, Знамя Труда, Пирометр. На Неве стояли корабли, так что бомбили нас сильно.

В центре нашей квартиры была комната – маленькая такая, не больше девяти квадратных метров. Мы решили, что это самое безопасно место. Однажды, объявили очередную артобстрел, началась тревога. Мама надела на меня теплый платок, шапку. Я взяла маленький чемоданчик,

чтобы идти в бомбоубежище. Тем временем, комната была забита – все соседи были в ней. Я села на порожек, у входа. И вдруг – бомба. Меня выбросило волной в коридор, я ударилась головой об стену. Потом была вторая, третья. Мама выскочила из квартиры, потащила меня за собой по лестнице. Вылетали рамы, бились стекла, хлопали двери. Мы добежали до подворотни, совершенно случайно столкнулись там с управдомом. Он посоветовали идти в дворницкую: там просидели всю ночь. Вышли под утро, увидели, что угол дома срезан – именно в нем была та маленькая комната, которую мы считали безопасной. В доме ни рам, ни дверей, ничего. Помещение осталось, но жить в нем было уже невозможно.

Мы переехали на Мичуринскую улицу к маминой подруге – тётё Полине. Квартира была в полуподвальном помещении, окна были вровень с дорогой. Так что место оказалось относительно безопасным. Вскоре тётя Полина захотела поехать в эвакуацию. У нас тоже была возможность покинуть город, но мама была очень слаба, у нее сильно опухали ноги и она плохо ходила. Долгого переезда мы бы не перенесли.

Подобрался уже 1943 год. Я попала с дистрофией в больницу. Мама осталась одна, и ее отправили на лесозаготовки. Из больницы я вышла в феврале, как раз после дня рождения. Мне дали иждивенческую карточку.

Возвратившись домой, я нашла дом полупустым. На лестнице почти не оста-

лось соседей, хорошо, если в квартире осталась, хотя бы одна семья.

Мне повезло: я встретила отца знакомой девочки. Он вернулся с фронта, покалеченный, работал на заводе «Вибратор» начальником отдела кадров. Узнал меня, расспросил о жизни и говорит: «Приходи, устрою тебя ученицей, будешь получать рабочую карточку».

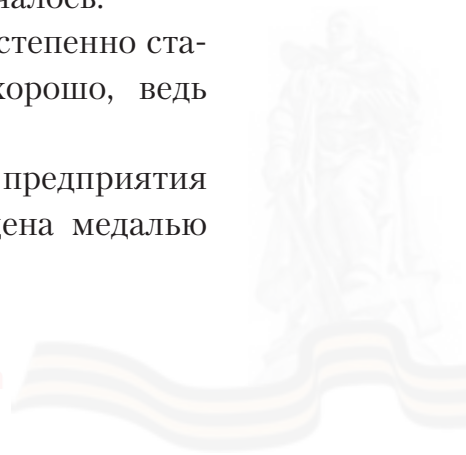
И устроил, буквально на следующий день. А сколько подростков было на заводе! Вообще, там собирали снаряды – это было тяжело, поэтому мы, ребята, собирали мины, магнитили их. Первое время ночевала на заводе – некуда, а главное, не к кому было возвращаться.

Мама вернулась летом, и ее сразу же увезли в больницу со страшным истощением. Я продолжала работать, но в августе 1943 года уволилась – стало чуточку легче, нужно было продолжать учиться. Мама устроилась туда же уборщицей. В 1943 году отчим погиб при наступлении.

Я закончила семь классов. Маме тяжело было, поэтому я подрабатывала, помогала, как могла. Моя крестная была отличной портнихой, жила хорошо. Я неплохо вышивала, помогала её по дому и в работе. Так и встала на ноги. Надо было выживать, раз жить не получалось.

После Победы жизнь постепенно стала налаживаться. Стало хорошо, ведь больше не воевали.

За работу на оборонном предприятии в годы блокады я награждена медалью «За оборону Ленинграда»

«Родом из Орловско-Курской дуги»

ВОЛОБУЕВ Василий Тихонович

Я родился 14 января 1942 в небольшом поселке Вязовик Мценского района Орловской области, расположенного вдоль автодороги Москва-Симферополь, между г. Орлом и г. Мценском.

Мой отец Волобуев Тихон Федорович 1888 года рождения, участник Первой Мировой войны, попав в окружение, оказался в плену у немцев и пробыл там до конца 1918 года. В Великой Отечественной войне участия не принимал по возрасту. Награжден медалями «За трудовую доблесть», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Моя мать Волобуева Анна Григорьевна 1900 года рождения, колхозница. «Мать-героиня», награждена орденом «Материнская слава» 3-ей степени.

Осенью 1941 года семья пыталась пешим порядком эвакуироваться на Восток, однако немцы опередили и наша многодетная семья вынуждена была вернуться домой и оказалась в оккупации на долгие 640 дней. Мое рождение в суровую зиму 1941-1942 гг. еще более усугубило и без того сложное и тяжелое положение семьи.

По рассказам моих родителей, старших братьев и сестер (я был младшим в семье) условия жизни были невыносимыми. Нашу небольшую избу с большой русской печью заняли немцы, а мы, девять душ, размещались в небольшом чуланчике, где топилась печь, и в хлеву для домашней скотины.

Я до сих пор удивляюсь тому, как смогли мои родители в невероятно тяжелых условиях оккупации накормить, обогреть семерых детей, при этом старший сын был инвалидом, спасти их от гибели, за исключением моего брата Алексея, которого немцы в 15 летнем возрасте пытались угнать в Германию. Он дважды бежал, но неудачно. Его дальнейшая судьба нам до сих пор неизвестна. Видимо, погиб при последующих попытках к бегству. Наши многочисленные попытки отыскать хоть какие-то следы, результатов не дали.

Советские люди в оккупации не имели никаких прав и даже главного права на жизнь. Мама рассказывала мне такой эпизод. Каким-то образом маме удалось сохранить курицу-несушку и немецкий солдат из проходящей части решил сварить из этой курицы суп, открыв стрельбу по

ней. Мама кинулась спасать последнюю курицу и тогда фашист выстрелил в нее, но промахнулся. На мамино счастье на шум выскочил немецкий унтер-офицер, живший в нашем доме и спас маму.

Я был крикливым младенцем (видимо, от голода) и от этого страдали мама и я. Нас выгоняли из теплого чуланчика в хлев на мороз и то, что я выжил, является заслугой моих родителей, спасших и защитивших в оккупации своих детей. Я преклоняюсь перед их гражданским подвигом, мужеством и самоотверженностью. Светлая память о них всегда будет жить в сердцах их детей, внуков, правнуков и всех последующих поколений Волбуевых.

Мои старшие братья Федор, Алексей, Павел, по-своему боролись с немцами. В ночное время похищали с немецких машин боеприпасы, продовольствие и имущество, наносили ущерб технике и вооружению. Однажды, это едва не закончилось гибелью старшего брата Федора. Немцы обнаружили пропажу продовольствия (консервов) из грузовика. Подозрение пало на Федора. Его спасла инвалидность. Немцы поверили, что при его немощных ногах он этого сделать не мог.

Мои односельчане верили в победу и жили с нетерпением освобождения от фашистского ига. Довольно долго линия фронта проходила по реке Зуша, притоку Оки. Это в 40-50 км от нашего поселка и в тихие дни при северо-восточном ветре можно было слышать артиллерийскую

канонаду, разрывы авиационных бомб. Артиллерийские дуэли и бомбовые удары были постоянными и ожесточенными.

Мне вспоминается 1957 год. Я учился в 8-ом классе в г. Орле и нас направили в село на уборку урожая. Село располагалось на берегах реки Зуши, там где проходила линия фронта. Меня поразило, что почти все жители села, за исключением председателя колхоза и двух механизаторов, жили в землянках и мазанках с земляными полами и маленькими оконцами. Даже по прошествии 12 лет, вернувшиеся в родные места, жители не могли восстановить разрушенное войной жилье.

В нашей семье всегда помнят эпизод, когда среди ночи к нам в дом проникла молодая девушка-разведчица, порасспросила о расположении противника, а на прощание сказала радостную весть – со дня на день ждать наших и укрываться в подвалах и погребах от артиллерийских обстрелов и бомбежек.

21 июля наш поселок был освобожден от немецко-фашистских войск. Стремительное наступление на Орловском фисе Курской дуги продолжалось. 5 августа был освобожден наш областной центр-город Орел и прозвучал первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода.

В моей детской памяти сохранились некоторые моменты празднования дня Победы. Правление колхоза совместно с оставшимися жителями деревни устроило праздник. Прямо на улице были расставлены столы, на которых была нехитрая закуска: отварная картошка, соленые

огурцы, килька, хлеб и квас. Было, наверное, и спиртное, но мне, ребенку чуть старше 3-х лет, запомнилась еда и общее выражение радости и гордости односельчан за нашу Великую Победу.

Более четкие воспоминания остались у меня о тяжелом, голодном послевоенном времени. 1946-1948 годы были для нашей семьи особенно голодными. Прокормить шестерых детей на небольшую зарплату отца было невозможно. Мама в колхозе получала трудовни, на которые после уборки урожая давали небольшое количество зерна – полтора-два мешка максимум. От голодной гибели нас спасал приусадебный участок в 50 соток, на котором мы выращивали овощи, картошку – ее хватало почти на весь год, сеяли немного ржи. Зерно отец молот на мельнице, а мать пекла в русской печи прекрасный,

душистый и очень вкусный ржаной хлеб нового урожая. У меня до сих пор сохраняется вкус того мамино хлеба, вкуснее которого я не ел никогда.

Вспоминая детские, юношеские годы, мне хочется сказать о главном. Не смотря на тяжелое, голодное и опаленное страшной войной детство, я и мои сверстники жили интересной, яркой, насыщенной жизнью. Я окончил семь классов при керосиновой лампе. В нашей деревушке не было радио, телевидения, но зато мы много читали, мы любили и гордились нашей Родиной, победившей фашистского агрессора. Мы гордились нашими фронтовиками, их мужеством и отвагой. Для нас были примером Володя Дубинин, Васек Трубачев и многие другие. По ним мы строили свою жизнь, сверяли свои дела и поступки.

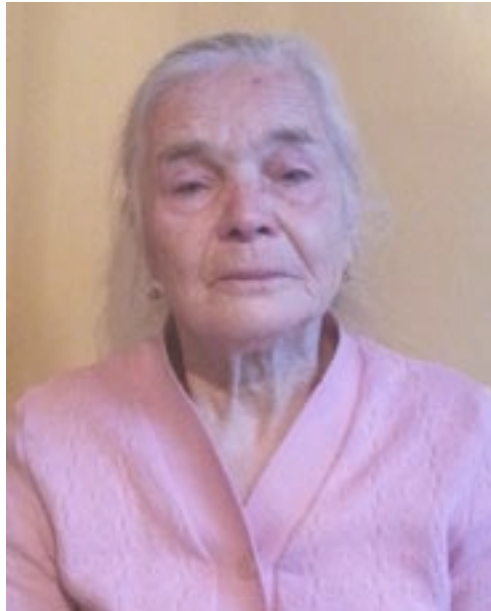
Война на железной дороге

ВОЛОШИНА Бронислава Иосифовна

Родилась 20 декабря 1927 года в деревне За-вгребля, Минской обла-сти. Когда началась во-йна, в деревню пришел вербовщик: Бронисла-ва Иосифовна вместе с младшей сестрой всту-пила в партизанский отряд. Около года она работала связным. Бо-сиком через лес ходила в деревню Пуховичи, за 12 километров. Ей дове-ряли различные, очень ответственные поручения: выяснить рас-положение гарнизона, передать важную информацию.

После освобождения отряд направили в Гомель для работы на железной дороге. Вместе с односельчанами и жителями со-седних деревень – всего около сорока че-ловек – Брониславу Иосифовну поселили в общежитие. Выдали рабочие спецовки, а вот с обувью было плохо – сапоги заменя-ли резиновые галоши, вырезанные из шин, и тряпичные портянки. Морозы зимой были сильные, а работать приходилось не покладая рук. Брониславе Иосифовне не было и 15, у нее еще не было паспорта, но уже наравне со всеми она занималась тя-желейшим физическим трудом – вручную ремонтировала железные дороги.

В страшные годы войны железнодо-рожное полотно было если не единствен-

ным, то наиболее эф-фективным и важным средством коммуника-ции. Оно пронизывало города и страны, ремонт требовался во всех угол-ках Союза, так что в Го-меле отряд Брониславы Иосифовны пробыл год. Сестра взяла отпуск и на несколько недель поеха-ла домой, к отцу и маче-хе. Случилось так, что её угнали в Германию фа-шисты. Об этом Бронис-

лава Иосифовна узнала через много лет после окончаний войны.

А тогда, в 1942, в её жизнь пришли долгие переезды, бомбежки, голод, изну-ряющие трудовые смены. Следовали за отступающими немцами: они подрыва-ли и разбирали железнодорожные пути, их – то и нужно было восстанавливать. Жили в вагонах, в которых перевозили военных: одни сплошные нары и одна ма-ленькая печка – плита. На ней приходи-лось готовить пищу, она давала хоть ка-кое – то тепло. В 1943 году исправляли дороги в Литве – Бронислава Иосифовна провела там год, потом работала на Севе-ре, в Забайкалье, в Молдавии. Именно в Молдавии рабочим увеличили норму хлеба – стали давать по полкило свеже-го кукурузного хлеба! Было столько ра-дости!

О моей блокаде

ДОБРОВА Елизавета Алексеевна

Мне было не полных 11 лет, когда началась Великая Отечественная война 1941–1945г.г. Было жаркое лето, я жила в пионерлагере, в посёлке Большие Крупели, под Лугой, где в последствии проходил знаменитый Лужский рубеж. С нами в лагере жили испанские ребята, значительно старше нас по возрасту. У них

был свой отряд и свой режим дня, но на линейки они аккуратно являлись с нами вместе, и у них был свой командир отряда. А у нас были пионервожатый, воспитатель и председатель Совета отряда. Словом, полный набор няnek.

О начале войны мы узнали 23 июня на общей линейке. В тот же день мы проводили на фронт всех мужчин - работников лагеря и испанский отряд. Провожали торжественно, с духовым оркестром, который тоже, всем составом, ушёл на фронт. С их отбытием в лагере стало непривычно тихо, грустно и пусто.

На следующий день нам объявили, что весь лагерь, все, кто остался после ушедших на фронт, подлежат эвакуации в тыл страны, Для нас, малолеток, новые, слова и понятия были незнакомы и вызывали тревогу и какой-то страх.

Дня через три, в середине дня, ко мне вдруг приехала мама и привезла мне кое-что из тёплых вещей и немного еды. Она рассказала, что на комбинате всем родителям объявили, что лагерь увозят в Вологду. Мама в пожарном ведре постирала мои вещи, мы их сушили, расстелив

на кустах, перекусили на полянке. А потом, неожиданно, нас позвали в столовую и накормили хорошим обедом и маму, и меня. Мама была кормящей Ниночку, а сестрёнка была в городе, с бабушкой Катей, поэтому маме пришлось сцеживать грудь, что смущало её, но это было необходимо. Мама уехала, простясь со мною, – «до встречи после войны». Я очень плакала, но мама меня не взяла с собой. Она просто долго и настойчиво наказывала мне слушаться воспитателей и никуда, без их ведома, не уходить! Быть послушной и дисциплинированной, а иначе... Мама уехала, а я осталась собирать свой чемодан.

Что случилось или не получилось у наших руководителей, но, вместо эвакуации в тыл, нас срочно, без вещей, отправили в Ленинград. Это было в конце июня или в начале июля, даты я не помню, а помню, что стояла ясная и жаркая погода, с высоким, почти синим небом, со стрекотом кузнечиков и запахом разогретой на солнце хвои, – помню всегда и очень ясно! Из лагеря мы вышли строем, сразу после завтрака, и направились к железной дороге, с целью сесть в поезд, чтобы ехать в Ленинград. Долго шли по лесу, устали, было очень жарко и хотелось пить. Наконец-то добрались до большой станции, с множеством рельсовых скрещений. Вокзала я не видела, поэтому точно не знаю названия этой станции. Думаю, что это была Луга. Дачный поезд ждал нас. Ребят и сопровождающих взрослых было много – 10 от-

рядов! Но все были во встревоженном состоянии, к тому же утомлённые долгим походом, поэтому быстро и почти спокойно сели в вагоны, и поезд тронулся. Ехали очень долго. Несколько раз прилетали самолёты и поезд, то мчался вперёд, то резко тормозил, и всё время тревожно гудел... В город мы добрались к сумеркам. Трудно вспомнить, как мы сели в трамвай, но к Смольному мы добрались около 22 часов. В городе было много нового и не обычного – окна были заклеены бумагой крест-накрест. Нам объяснили, что это необходимо, чтобы сохранить стёкла. Наивные! Разве смогут полоски бумаги сохранить окно при взрыве фугасной бомбы?

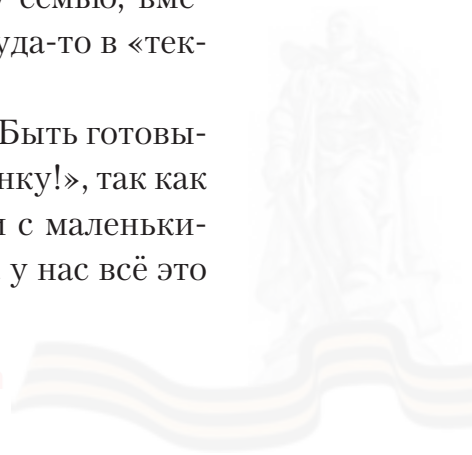
На вокзале было очень много людей, которые вповалку лежали, сидели, бродили... Везде кучами: мешки, «торбы», шум, гам, говор, плач детей. Всё это было необычно и тревожно. Новые события и слова: «беженцы», «война», «фугасы», «отступление», «обстрелы», – всё волновало, пугало, и хотелось скорее домой.

Домой я явилась неожиданной. Мама и бабушка заволновались, не сбежала ли я? Я рассказала о том, как мы добирались и они успокоились. Умыли, накормили и спать уложили. А утром всё разъяснилось, – немцы очень быстро приблизились к Луге, к Гатчине и, вообще, к Ленинграду. Выехать в направлении Вологды или Буя мы уже не могли, поэтому нас привезли домой, к родителям. Несколько дней я отдыхала от лагеря. Бегала с ребятами в Таврический сад, залезала на крышу нашего дома, где дежурили бойцы МПВО,

которые следили, чтобы во время авианалётов и бомбардировок, зажигательные бомбы, сбрасываемые немцами в больших количествах, не натворили беды, – не сотворили бы пожара. Эти бомбы были небольшие, но, пробивая кровлю, начинали интенсивно гореть, рассыпая фейерверк искр. Девушки и пожилые дяденьки, бойцы МПВО, ловко тушили зажигалки, сбрасывая их во двор, или, если бомба была очень разгоревшейся, опускали её в бочки с водой или в ящик с песком, закапывая её в песок. На наш огромный дом № 20 по Тверской улице было сброшено много зажигалок, но пожаров не допустили!

За дни моего отдыха от лагеря мама активно готовила мои тёплые вещи к эвакуации меня с ребятами работников комбината им. С.М.Кирова, в числе которых были мои двоюродные и родные по отцу: два брата и две сестры, – дети отца от второго брака – Олег и Людмила Федотовы, и Владимир и Валентина, – дети дяди Павла, родного брата моего отца. Но случилось непредвиденное, я перекупалась в пруду Таврического сада и заболела, слегла с температурой + 39°! Ребят увезли с маленькими детьми, а я осталась дома. Потом, уже во второй половине августа, хотели отправить всю нашу семью, вместе с рабочими комбината куда-то в «текстильные края».

Но, – пришёл приказ – «Быть готовыми к отъезду по первому звонку!», так как было решено вывезти семьи с маленькими детьми и со стариками, а у нас всё это

было: бабушка Катя – 63 года и Ниночка – 9 месяцев, и я – 11 лет. Одна мама, в возрасте около 32 лет, была работоспособной, но была кормящей матерью. Мы сложили все свои пожитки в тюки, даже швейную машинку, сходили в магазин и «отоварили» впервые выданные в августе продовольственные карточки на 2 недели вперёд: сухарями, лапшой и ещё чем-то – не помню. И, не отлучаясь из дома, ждали приказ об отправке, около недели. Мама уходила на работу, а мы с бабушкой и с Ниночкой были в состоянии готовности «01».

И вот, 25 августа случилось то, что случилось! В районе станции Мга немцы захватили железную дорогу, – ни в город, ни из города движение поездов стало невозможным. Наше предписание на выезд с Московского вокзала было аннулировано. Так наша семья осталась в заблокированном городе! Да и мама была категорически против эвакуации. Она всё повторяла – «Кто и где нас ждёт? Будь, что будет, будем дома!». А 8 сентября 1941 года немцы заняли г. Шлиссельбург и перерезали все железные и шоссейные дороги, немецкие войска вплотную подошли к Ленинграду. Началась 900-дневная блокада!

«С этим днём не поздравляют». А в городе с этого дня начались артобстрелы и методические бомбардировки.

Воздушные тревоги начались ещё в июле. Сначала было очень страшно, и мы боялись оставаться в квартире и, как все, спускались в подвал. Бомбоубежища в нашем подъезде не было, а ближайшее

укрытие было на Ставропольской улице в доме №1. Точнее – в доме №18 по Тверской, за третьим двором нашего огромного дома. Бежать было далеко, и часто, пока мы добирались туда, уже звучал сигнал «отбой». Побегав так дня два, взрослые пришли к выводу, что можно оставаться в нашей квартире, так как жили мы на 1-ом этаже, то просто надо выходить в коридор, что бы в случае попадания бомбы не ранило разбитыми стёклами. Скоро к нам стали приходиться соседи с верхних этажей.

И вот в первых числах сентября, около 8-ми часов вечера, началась тревога. Близко захлопали зенитки, потом послышался то ли свист, то ли вой и, почти сразу, раздался сильный грохот, пол под ногами «заходил ходуном». Стало ясно, что где-то рядом упала бомба... За ней вторая, третья... А я, выбегая из комнаты, не успела обуть ботинок, и, как была в одном ботинке, так и выскочила в коридор. Там уже сидели соседи: Рябинины, 5 человек, Пашины, 2 человека, и ещё несколько чужих людей, соседей с верхних этажей; наша семья сидела на нашем сундуке.

Я подошла к бабушке Кате и она, увидев меня в одном ботинке, стала ругать меня за то, что я растяпа и копуша; кто-то из взрослых заступился за меня, а моя храбрая бабушка решительно двинулась по направлению к окну нашей комнаты, за оставшимся там ботинком. Двигалась бабушка на четвереньках. Выглядело это очень комично, но и отважно! Бабушка принесла мне ботинок, но обуть его я не

успела: прозвучал «отбой воздушной тревоги». Утром мы узнали, что бомбы упали на «Дом крестьянина»: одна – на один из флигелей бывших келий Смольного монастыря, вторая – за Собором, и угодила в бывшие кельи, примыкавшие к зданию Института иностранных языков.

Потом бомбардировки стали частыми, по несколько раз в день. Разрушались дома, школы, больницы, заводы. Гибли люди. Было страшно. Но та, первая бомбардировка, запомнилась навсегда – какой-то жуткий, животный страх, сжавший всё нутро. А главное – неизвестность, – в какую минуту это чудовище угодит именно в тебя! Ко всему привыкает человек! И к бомбам, и к голоду, и к умершим, лежащим прямо на улице... Труднее было привыкнуть к холоду и к неизвестности. Со всем этим пришлось встретиться вплотную в дни блокады.

Особенно ярко помню день 19 сентября 1941 года. Весь день сияло солнце! Небо было синим-синим. В этот день в магазинах выдавали продукты, по объявленным на вторую декаду нормам, по карточкам. Я стояла в очереди за лапшой в магазине «На стрелке». Этот магазин находился на стыке Советского (ныне Суворовского) проспекта и площади Пролетарской Диктатуры. Возле него была трамвайная стрелка, где трамвайные пути расходились: одни маршруты шли от трамвайного кольца за Смольным Собором и, поворачивая направо, по Советскому проспекту к Московскому вокзалу, другие – прямо через площадь к Больше-

охтинскому мосту. Вот из-за этой трамвайной стрелки и было дано имя нашему магазину. Было около четырёх часов дня. Завыла сирена, объявили очередную воздушную тревогу. Всех покупателей выгнали из магазина и направили в укрытие – в домик на противоположной стороне проспекта. Домик старой, еще дореволюционной постройки, на каменном фундаменте, бревенчатый, оштукатуренный, жилой двухэтажный дом. Бомбоубежища там не было, и все мы стояли в подъезде. Мне очень не хотелось уходить из магазина, и я попыталась спрятаться где-нибудь, потому что боялась потерять свою очередь, не смотря на то, что на моей ладони был написан химическим карандашом № очереди. Всё-таки меня выставили за дверь. Итак, вместе со всеми я стояла в проёме лестницы домика (позднее и этот домик, и промтоварный магазинчик снесли, и на этом месте, в 1955 году выстроили большое здание Совнархоза). Мы наблюдали за кружащимися самолётами: немецкими и двумя нашими «ястребками». Но тут вдруг началось такое!!! Фугасы падали один за другим: на комбинат им. Кирова, на 2-ю ГЭС, на Большеохтенский мост, в Неву, во двор нашей школы и в госпиталь на углу Советского проспекта и улицы Красной Конницы, где начался сильнейший пожар. Тут уже не до лапши! Я выскользнула из под рук дежурной тётушки и бегом помчалась домой. Окно было открыто, я влетела в комнату, и почти сразу в комнату вбежала мама – она уходила за керосином в «лавку» на ули-

це Красной Конницы, а где была бабушка – не помню, но в этот «грохочущий» день Ниночка оставалась спать в своей кровати одна.

Перепуганная малышка плакала и лепетала «бу-бу», видимо, стараясь сказать нам, что её разбудил грохот, а с нею никого не было. Конечно, ей было очень страшно!

Даже наш огромный дом, с толстыми стенами из кирпича, качался так, что наши часы «ходики» съехали на бок и остановились! А в это время, на Советском проспекте полыхало здание (дом №50 – 52), где совсем не задолго до этого, в помещении бывшей Промакадемии разместили госпиталь.

Весь сентябрь и начало октября стояла ясная погода. В один из таких ярких дней мы с тётёй Марусей, женой мамино-го брата – дяди Пети, поехали на Васильевский Остров, в лавку по продаже фуража, в надежде на то, что там нам удастся купить «дуранду». Мы надеялись купить что-нибудь съедобное. Уже в то время стала ощущаться нехватка продуктов, потому что ещё 8 сентября сгорели Бадаевские продовольственные склады, и нормы выдачи продуктов по карточкам были резко снижены. Вот мы и надеялись купить дополнение к скудному пайку. Тётя Мария знала, что продают «в одни руки» не более 5 кг. Что бы купить побольше, она взяла меня с собой. Мы поехали на трамвае, кажется №5. Я впервые ехала так далеко по нашему городу. С любопытством и интересом я смотрела по сторонам. Бла-

гополучно мы проехали по всему Невскому, но только переехали через Неву по Дворцовому мосту, как завывала сирена. Началась воздушная тревога, нас высадили из трамвая напротив Академии Наук, и направили в укрытие, располагавшееся в цокольной части здания. Шла интенсивная зенитная пальба. Где-то в глубине Острова рвались бомбы. Длилось это около получаса. Когда тревога закончилась и нас выпустили из укрытия, трамвай наш уехал без нас. Тётя Маруся расстроилась, потому что нам надо было возвращаться ни с чем, – у неё не было в запасе времени, ей надо было быть на работе. Но тётя Мария не оставила мысли купить «дуранду». Дуранда – это спрессованные жмыхи, отходы масляного производства: от подсолнуха, горчичного семени, соевых бобов и т.п.

Так вот, – тётя Мария всё-таки купила 5 кг дуранды, – но в другой день, и решила у нас на кухне пожарить «котлеты» из этого чудо-продукта. Дядя Петя рубанком настрогал дуранду, и тётя Мария начала «колдовать» над совсем новым и незнакомым для нас продуктом. Получились симпатичные на вид, круглые и пышные пирожки, которые жарились на каком-то, почти чёрного цвета масле, с запахом рыбы. Я смотрела на эти «котлеты» с таким желанием их съесть! Меня угостили. Попробовала я «котлетку» и поняла, что это совсем не так вкусно, как мамыны довоенные котлеты! Но... «голод – не тётка», съела. А потом начались боли в животе. Дня три я болела, видимо, пере-

несенная за год до описываемых событий желтуха, напомнила о себе. Больше к дуранде я не прикоснулась.

Начался самый жестокий период блокады. Сгоревшие в сентябре Бадаевские склады были в городе не единственные, но полная осада города и невозможность подвоза продовольствия, привели к тому, что с 10 сентября и до 20 ноября 1941 года нормы выдачи продовольствия сокращали 5 раз. В последней декаде ноября норма выдачи хлеба стала: рабочим и служащим, а так же воинам, была 250 грамм в сутки, а иждивенцам и детям – 125грамм. На нашу семью из 4-х человек полагалось всего 675 грамм. А остальное, – только то, что успеешь выкупить по карточкам. Уже в ноябре, особенно в декабре и далее, стали массово умирать люди от голода и холода.

Моя предвоенная школа была занята под госпиталь. Всех ребят, оставшихся в городе, в сентябре собрали в школе №157, в той школе, куда я в 1938 году поступила в 1-ый класс и училась там 2 года. Нам сказали о том, что мы будем временно учиться в помещении бомбоубежища, в доме №8 по Очаковской улице. Позанимались мы там не долго: там было холодно, не обустроено, все ученики сидели за одним длинным столом, – ученики разного возраста и разных классов. Это было тяжело всем, и учителям в первую очередь. Недели через две нас отпустили на каникулы до весны. У меня появилось время на «стояние» в очередях за продуктами. Я выкупала всё, что выдава-

ли по карточкам, ни одному талончику я не дала пропасть! Мама ходила на работу на свой комбинат, там работницы делали маскировочные сети для многих объектов города и для военных. Бабушка занималась Ниночкой, а я была «главным снабженцем».

В одну из тревожных ночей, в дом дяди Пети попали три фугасные бомбы разрушив флигель дома №45 по улице Веры Слуцкой. Жить в своей комнате им было невозможно, поэтому дядя Петя и тётя Маруся переехали на короткое время к нам. Пока они жили у нас, тётя Мария познакомила меня с основами Православия и с учением Иисуса Христа. Это первый человек, который в то атеистическое время рассказал мне о Христе! Об этом я тоже писала и печатала в газете «Блокадный Храм». Скоро дяде Пете дали 2-х комнатную квартиру на 1-ом этаже, в доме № 43 по улице В. Слуцкой и они переехали. Мы стали основательно готовиться к зиме, поскольку уже в ноябре наступили ощутимые морозы. В свободное время мама с дядей ходили на развалины их прежнего дома, и где было возможно, выпиливали балки, толстые доски, двери – то есть всё, что могло гореть в нашей «буржуйке». Однажды наши «лесозаготовители» чуть не погибли, так как облюбовали и стали вытаскивать толстенную балку, на которой висели обломки стены верхних этажей. По счастью, успели вовремя унести ноги! «Буржуйку» мама купила на «барахолке», а дядя Петя установил её вблизи нашей стационарной,

круглой печи, и вывел трубу от «буржуйки» прямо в дымоход. Когда мы начали её топить, весь дым пошёл в комнату. Сначала взрослые не могли понять причины отсутствия тяги, но потом обнаружили, что когда в подвале хотели построить подобие убежища, оттуда пробили отверстие для дымохода от их печурки и это отверстие нарушило тягу в нашей печи. Пришлось дяде Пете замуровать это отверстие. После этого наша «буржуйка» топилась нормально, без особой «дымовой завесы». Она нас обогревала, на ней мы кипятили воду (чая не было), на ней мы варили нечто подобное супу, в котором не было ничего, кроме чайной чашечки какой-нибудь крупы, около 5 литров воды и щепотки соли. И вот такой «мутной водицей» питались мы все, трижды в день.

В середине октября мы с мамой съездили на Ржевку, к родственникам моего отчима – Станевичам. Отчим передал на воспитание своего осиротевшего сына Владимира дедушке и бабушке. Мы вообще редко бывали у них, но, несмотря на ссору мамы с дядей Стёпой, всё-таки поехали навестить этих добрых и очень трудолюбивых, по-крестьянски хлопотливых, стариков и Вовку. Мама о чём-то разговаривала с хозяевами, а нас отправили гулять. Через несколько минут все взрослые вышли на крыльцо, мы попрощались, пожелав дожить до Победы, и мы с мамой торопливо пошли на трамвай. Идти было довольно далеко. Было холодно и сыро, но дождя не было. Про-

сто воздух был сырой, а дорога – сплошная лужа! И тут я обратила внимание на то, что мама несёт мешок с чем-то. Оказалось, мама обменяла своё единственное выходное платье из тоненькой шерсти, вишнёвого цвета, которое она так любила и берегла, на капустные кочерыжки с зелёными листьями (наверное, было килограмм 5).

Эти кочерыжки и листья помогли нам какое-то время добавлять их в наш рацион к нашей «мутной водичке».

Хлеб мама делила строго по норме – себе 250 грамм, а нам – по 125 грамм. Она рассуждала так: «Если я буду отдавать свой паёк детям, то я умру. А что будет с детьми и с мамой (с бабушкой Катей)? Кому они будут нужны? Ведь все трое будут сиротами, девочек отдадут в детдом, а бабушку – в дом хроников?»! И мы понимали её.

В декабре комбинат работал с перебоями, из-за отключения электроэнергии и отсутствия поставок хлопка, поэтому к концу первой декады был остановлен полностью. Но продолжались работы по консервации оборудования и по выпуску маскировочных сетей. Мама всё чаще оставалась дома. Бабушка стала слабеть, много лежала. Ниночка всё чаще просила «ам-ам.»!.. И когда ей показывали, что нет еды, что есть нечего, она просила у мамы «дай иляду» (шоколада), показывая на кончике своего крошечного мизинчика, как бы говоря «ну, вот столечко»! Мама горько плакала, потому что очень часто шоколада не было, равно как и дру-

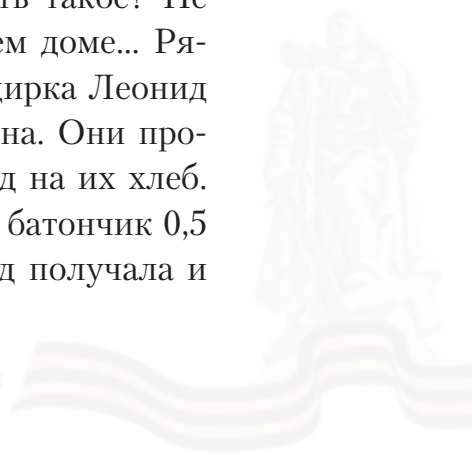
гого. Даже вспоминать об этом тяжело, – так жаль малышечку!.. Когда я уходила за продуктами, она очень ждала меня, никогда не пропускала момент моего появления ещё во дворе, перед окном, и, очень радуясь, объявляла «Няня! Ам-ам!». Наверное, если бы она выжила и выросла, то была бы певицей, – такой чистый и звонкий был у неё голосок! Игрушек у неё не было, их заменяли игральные карты и самодельная тряпичная кукла. Ниночка отлично знала все карты! Посадит её мама на кровать и даст ей карты, и Ниночка раскладывает их и приговаривает: «коль», «лет», «дама», «тюсь»! А ещё были у неё любимые коробочки и катушечки. Девочка-беляночка была одета в, самими пошитое из чёрного сатина и ваты, пальтишко и фланелевый чепчик, так как, несмотря на топившуюся печурку, в комнате было прохладно.

Немцы продолжали методически обстреливать и бомбить город. «Работали они по часам», просто, как хозяйева жизни, словно издеваясь, точно по расписанию прилетали для своего гнусного дела. Это действовало на нервы, но это также давало возможность хоть как-то рассчитать время выхода, в спокойный момент, на улицу. Поздно вечером 4 ноября 41-го года началась очередная воздушная тревога. Взрывов не было слышно, но рёв самолётов и грохот зениток были очень интенсивными и близкими. И вдруг мы услышали грохот упавшего самолёта. Вскоре всё затихло, и прозвучал отбой воздушной тревоги. Утром мы узнали,

что это упал немецкий самолёт. Упал он в речушку Таврического сада. Тогда же я побежала на место падения самолёта, но сад был закрыт, никого туда не пускали, а возле самолёта стоял молоденький боец – часовой. Через решётку сада всё было видно. Спустя 30 лет я узнала истину этого эпизода военного времени. Это наш 25-летний герой, лётчик А.Т. Севастьянов, впервые применив ночной таран, сбил этого гада!

А в тот далёкий ноябрьский день 1941 года была хмурая, мокрая, холодная погода. Тяжёлые, тёмные тучи закрыли всё небо. Чёрные стволы старых деревьев промокли насквозь. Перекрестья чёрных, переплетшихся ветвей, поглощали свет этого пасмурного и очень зябкого дня. Я посмотрела на лежащий в речке самолёт с отвалившимся, отбитым крылом, и он мне показался совсем не страшным! Словно раненый ворон, с перебитым крылом.

Несмотря на скудный паёк и полную блокаду Ленинграда, на детские карточки понемногу выдавали шоколад. Иногда, мама давала Ниночке по малой дольке шоколадки. Когда девочка очень хотела есть, она ручонками брала маму за обе щеки и просила «дай иляду», и показывала кончик своего мизинчика. Каково сердцу матери слышать такое? Не всегда шоколад был в нашем доме... Рядом с нами жили артисты цирка Леонид Маслюков и Тамара Птицына. Они просили обменять наш шоколад на их хлеб. Они давали за шоколадный батончик 0,5 кг хлеба. А так как шоколад получала и

я, до 12 лет, то за 2 батончика мы получали целую буханку чёрного, сырого, блокадного хлеба. Такой вот обмен-обман состоялся раза два. Потом мама отказалась. А вот водку, которую выдавали на взрослые карточки, мама обменивала у военных шофёров на крупу или на хлеб. Крупа сохраняла острый запах бензина и была очень грязная. Но делать было нечего, надо было как-то выживать. И водку, и шоколад выдавали только один раз в месяц, а есть надо было каждый день. Как-то раз, в обмен на водку, в дополнение к хлебу удалось получить бутылочку рыбьего жира, – он был чёрный и противный! На нём мы жарили кусочки хлеба. Ели и воображали, что едим хлеб с селёдкой...

А вот ещё о нашей Мурке. Задолго до войны в нашей коммунальной квартире поселилась кошка. Она была ничья, общая, Звали её Мурка, Муська или просто «кис-кис». Она была чёрненькая с белыми лапками и белой, нарядной манишкой; очень умная и аккуратная кошечка, охотница на мышей и птиц. Мышей у нас всегда было великое множество, так как жили мы на первом этаже, а в подвале – «Царство мышей!» А ещё наша Мурочка была многодетная мать: 2-3 раза в год она приносила по 5-6 котят. Котят мы не топили, они были очень хорошенькие и их разбирали охотно. Из всех жильцов квартиры, Мурка выбрала себе хозяйку – мою маму. Она ходила провожать, а потом встречать маму с работы, – к воротам фабрики! Как она находила дорогу, это её секрет, и как, среди множества людей, она находи-

ла хозяйку, это её кошачья тайна. Но каждый раз, к изумлению шедших толпой работниц, Мурка безошибочно подбегала к маме и быстро-быстро забиралась к ней на плечо.

И так, гордо восседая и поглядывая на окружающих, «ехала» домой. Кажется, маме это очень нравилось, и она словно гордилась этим.

Перед самой войной, весной, появилось 6 котят. Все очень красивые! Пока я была в пионерлагере, котята подросли, и их стали «устраивать» по знакомым. Когда я вернулась домой, у Мурочки остался один малыш. Во время воздушных налётов, бомбёжек или обстрелов Мурка с котёнком куда-то пряталась и выходила из своего убежища только после «отбоя» тревоги.

Но однажды, котёнок остался один, а Мурка где-то «охотилась». Началась очередная тревога. Я схватила котёнка, спрятала его под жакетик и помчалась в бомбоубежище, на 1-ю лестницу в подвал, чем вызвала поток насмешек: дескать, кто и что спасает! Так, с шутками и не заметили, как закончилась тревога... Я уже писала о том, что на крыше нашего дома дежурили бойцы команды МПВО: женщины и 2 – 3 пожилых мужчин. Так вот, когда стало голодно, в ноябре или в начале декабря, пропали и Мурка, и её дитя. Я долго их искала, пока мама не сказала мне горькую правду: «Не ищи зря, их съели!» Мне было очень страшно и очень жаль нашу общую любимицу и её малыша. В те далёкие и тяжёлые дни блокады, домашних

животных, да и птиц в городе не было, кроме великого множества крыс, которые ходили стаями.

Пожирали они всё, что можно было грызть, особенно любили кожаные изделия и мыло. То малое количество продуктов, которые выкупались по карточкам, приходилось хранить в кастрюлях, с крепко привязанными крышками.

По великому счастью, нас с мамой крысы не разу не кусали, а вот соседку Марию Николаевну укусила, гадость такая.

9-го декабря у мамы был день рождения. (Мы не знали тогда, что, из-за подвижки календаря в 1918 году, 9 декабря 1909 года, – это 22 декабря 1941года). Так вот, в этот день – 22 декабря, пришёл домой из своей части МПВО дядя Стёпа (Шебеко Степан Андреевич, мамин второй муж.). Его отпустили домой перед отправкой на фронт, что бы попрощаться с семьёй. Где-то он достал «по случаю» бутылку пива и принёс её, чтобы помириться с обиженной им мамой. Мама встретила его очень сурово, только магическое слово «фронт» смягчило её сердце. Так было распито пиво, в знак примирения и проводов на фронт дяди Стёпы, в день рождения мамы. Он, как-то по особенному, долго смотрел на Ниночку, его дочурку, узнавая в ней знакомые, родные черты, которую изначально не хотел признавать. Из-за этого, оскорблённая мама разошлась с ним. Простились по родственному, но писем он не присылал.

По крайней мере, – я их не видела. Где и как он воевал, я не знаю.

Только однажды, мы получили письмо из госпиталя, расположенного в здании Академии Наук, на Васильевском Острове. Мама не поехала к нему, но послала меня. Мне было очень жаль дядю Стёпу, и я поехала. Среди множества раненных мужчин, в огромном помещении, я едва-едва нашла, до неузнаваемости изменившегося, тяжело раненного в голову, своего отчима. Он, конечно, ждал маму. Увидев меня, узнал, улыбнулся, искал глазами маму, погрузился... Поговорили мы не долго: передал привет маме, Ниночке, бабушке, его сестре – тёте Адели и всем остальным. Ещё он сказал, что его отправляют в госпиталь, куда-то в Сибирь. На этом мы простились. Меня долго преследовал тяжёлый, тлетворный запах того огромного помещения, заполненного множеством, давно не мытых, истерзанных болью, очень больных мужчин. И среди них, – почти серое лицо отчима...

Уже в октябре 1941года было голодно и холодно, но мы все четверо как-то держались. В очень хмуром и сыром ноябре стали быстро худеть и слабеть. Старались меньше двигаться. Выручало нас то, что мама с дядей Петей притащили достаточно много балок, досок, разных деревянных палок из разбомблённого дома, где раньше жил дядя Петя с семьёй. Печурку топили 2-3 раза в день, на ней готовили суп: на 5литров воды, одну чайную чашечку крупы и соль. Крупу не мыли, чтобы не смыть мучнистый налёт и со-

хранить лишние калории. Эту похлёбку заворачивали в одеяло и ставили на кровать, а потом грели ноги у этой кастрюли. Три раза в день, а Ниночке – ещё 2 раза, мама наливала нам по полторы чашечки этого супа.

Свой кусочек хлеба мы делили на 3 дольки, и съедали с супом трижды в день. Удержаться от того, чтобы не съесть весь кусок сразу, было очень трудно, но железная воля мамы удерживала нас всех. У нас не было никаких запасов, кроме того, что выдавали по карточкам, да ещё тех кочерыжек, о которых я писала выше. Витаминов не было никаких!

К декабрю у бабушки стали проявляться признаки цинги. Да и у меня стали болеть икроножные мышцы. Но я вынуждена была ходить и, несмотря на морозы, стоять в очередях за продуктами. В то время существовал жёсткий Закон прикрепления покупателей к одному магазину – ближайшему к месту прописки. Нас прикрепили к продовольственному магазину «На стрелке», – Советский проспект, дом №67 (См. стр.4). Сейчас этих строений нет, трамвайные пути, а стало быть, и стрелку, разобрали, трамваи перевели на Новгородскую улицу, Новопроложенный проезд и на мост им. Петра Великого, с выездом на Большую Охту.

Пока я собралась напечатать этот материал, все трамвайные пути, да и трамвайный парк им. Смирнова, всё ликвидировали! Все постройки вокруг площади, после войны были перестроены. Сейчас там всё по-другому. Новостройки изме-

нили Площадь Пролетарской Диктатуры до неузнаваемости. Просто – вандалы!

Всё для автомобилистов! А ведь далеко не все рядовые жители города имеют машины, некоторым гражданам необходимо добраться до места работы к определённому времени. А как, – это уже «их проблемы»!

А теперь, – обратно в 1941год. Пришёл декабрь 1941года. Начались сильные морозы. Часто отключали электричество, в жилые дома не давали совсем, а в общественные здания, в медучреждения, в госпиталь и на предприятия электроэнергию подключали по определённому графику и лимиту. Комбинат им. Кирова был обесточен. Работницы, кто ещё мог, приходили на работу, чтобы подготовить оборудование к консервации на длительное время. Перед Новым 1942годом работницам комбината выдали дополнительные талоны на продукты, и маме дали тоже. Мама очень долго стояла за этими продуктами где-то в другом магазине. К спецталону надо было приложить свои талончики из продуктовой карточки. Конечно, мама очень устала и озябла, а когда шла домой с продуктами, поскользнулась и упала, сильно разбила голову и всю спину. Едва дошла домой! Но принесла перловую крупу, серую лапшу и какой-то пахнущий дымом жир. Но с этого дня мама слегла, очень беспокоили все ушибы, да и сильный кашель не давал покоя. У неё, видимо, было сотрясение мозга, и, похоже, воспаление лёгких, а лечить было нечем. Мне пришлось быть за хозяйку:

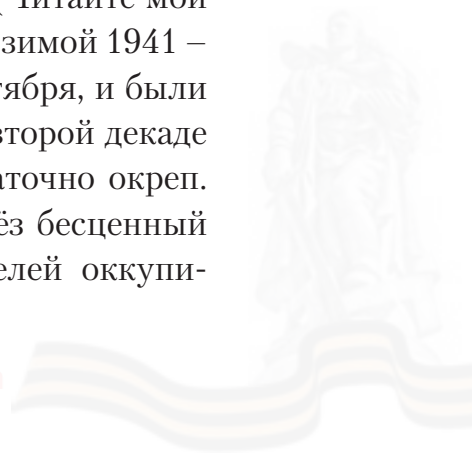
добыть воду, истопить печурку, сходить за хлебом, присмотреть за Ниночкой. Когда я собиралась в магазин, на меня одевали всё тёплое, что могли, – мамины валенки и тёплый шарф, завязанный поверх пальто. Бабушка сшила мне из матросского воротника (гюйса) и ваты удобную муфту, в которой я не только грела руки, но и носила карточки и деньги, чтобы их не украли. А чтобы я не потеряла муфту, её я носила на шёлковом шнуре. Перед Новым Годом руководство города и комбината решили для детей сотрудников провести праздник ёлки и выдать детям подарки. Мы с Ниночкой, естественно, пойти не могли, а вот мама, идя к врачу, зашла в Фабком за талончиками на подарки и принесла нам с Ниночкой по тарелочке дрожжевого супа и по одному сладкому, липкому и пахнущему дымом прянику. Мама плохо себя чувствовала, но за подарками всё-таки сходила, потому что в то голодное время любая еда была благодатью! И был у нас настоящий Праздник! Только вот мама после этого похода не вставала около трёх недель! Мы уже не надеялись на то, что мама поднимется. Только, видимо, Богу было угодно, чтобы мама поднялась, ведь у неё на попечении было нас трое.

Ленинградцы-блокадники это особого сорта люди! В самое трудное время осады города, сами голодные и ослабленные, эти люди помогали друг другу, чем и как могли! Так и нам помогла соседка по нашей лестнице, жившая выше, над нами. Заметив, что мама не выходит, тётя Злата спросила меня о маме. Я ей всё рассказа-

ла, и она сразу пришла к нам, посмотрела в каком состоянии мама, погоревала с нами, а потом сходила домой и принесла целое блюдечко горчицы!!! Это был, по истине, Царский подарок! Несколько раз мы ставили круговые горчичники, и это спасло маме жизнь.

В памяти моей с той поры осталось навсегда, – если человек в беде, ему надо обязательно помочь, – чем и как можешь! В тяжёлое время легче перенести все беды- невзгоды, если чувствуешь, что рядом есть добрый Человек, который с тобой и готов придти на помощь в трудную минуту. Ленинградцы тех лет и «старое поколение» истинных блокадников, как пионеры, всегда готовы помочь тому, кто в беде. Ленинградцев всегда и везде, «без паспорта», сразу узнавали в любом городе, в любом месте, – по манере поведения, доброжелательности, говору, какой-то особой, только Ленинградцам присущей, культуре. Сегодня, увы, так изменилось всё вокруг, что в современной речи почти ничего не осталось от Ленинградского языка. Современная молодёжь говорит с провинциальным акцентом и весьма далека от классики. Жаль.

Продолжаю о днях блокады. 22 ноября 1941 года открыли ледовую трассу по льду Ладожского озера. (Читайте мои стихи «О Ладоге»). Морозы зимой 1941 – 1942г.г. начались рано, с октября, и были просто лютыми, так что во второй декаде ноября лёд на Ладоге достаточно окреп. Сначала конный обоз привёз бесценный дар Ленинградцам от жителей оккупи-

рованной немцами части Ленинградской области, причём собрали и привезли этот дар партизаны нашей области. Об этом много было публикаций, есть и кадры в кино. Я же написала об этом, как пример взаимопомощи в то тяжелейшее время. После пробы льда и разведки дороги, на лёд пошли грузовики-полупотки, которые стали подвозить продовольствие в город, а из города вывозить людей на «Большую землю». Так открылась и до мая 1942года действовала эта ледовая «Дорога Жизни». Фашисты обстреливали, бомбили жестоко и планомерно эту спасительную тропинку жизни. И сколько жизней она спасла? И сколькими жизнями наш город заплатил за эту дорогу? Никто не ответит. Да, она спасала жизнь Ленинградцам и бойцам Ленинградского фронта, но чтобы она работала, её надо было беречь, ремонтировать, мостить пробойны и промоины, укреплять и охранять днём и ночью! Некоторые пессимисты стали называть её «Дорога смерти», и это обидно.

Я уже писала о том, что наша комната с осени 1941 года напоминала склад, это жильцы верхних этажей положили к нам свои вещи, на случай обвала дома, чтобы знать, где откапывать. Когда начала действовать ледовая дорога, люди стали уезжать «На Большую Землю», и склад постепенно «растаял». Из нашего подъезда и квартиры уехали все Рябинины, Пашины и другие жители нашего дома. Уехала и наша спасительница тётя Злата.

У кого-то из уезжающих, мама купила 2 перины и Икону Казанской Божьей

Матери, Пресвятой Богородицы. Так у нас появилась Икона, что по тем временам было и смело, и удивительно! Но эта Икона хранила нас и сегодня она живёт с нами.

Перед отъездом Злата зашла к нам попрощаться с нами и справиться о здоровье мамы. Мама ещё очень кашляла и жаловалась на головную боль. Видимо, ушиб головы не прошёл даром. Злата очень серьёзно сказала: «Анна! Ты должна жить! У тебя дети, и ты нужна им!». Хорошая, добрая, красивая тётя Злата эвакуировалась, и мы больше никогда не видели её, и совсем не знаем о дальнейшей её судьбе. Жаль, очень жаль! Таких людей мало.

В дни войны, до её окончания, строго соблюдался режим светомаскировки. Ещё в начале блокады, нашу «одеяльную» маскировку, за которую нас не раз ругали, дядя Петя заменил ставнями. Ставни, из плотно сколоченных досок, открывались со стороны двора. Они совсем не пропускали свет, но и воздух тоже. Это сохраняло тепло, только было очень тяжело без дневного света. Ставни открывали редко, а «коптилка» – крохотный огонёк – света давала мало, а копоти много. Сажа вокруг носа была постоянно, и не только у нас, многие блокадники знакомы с этим явлением в нашей жизни. За зимние месяцы копотью пропитались наши вещи, всё белое стало серым, и отстирать эту серость уже невозможно. Кроме «коптилки» ещё и «буржуйка» помогала этому копчению.

В последние дни декабря в городе не было электроэнергии и воды несколько

дней подряд. Все предприятия, кроме военных, были остановлены. Хлебозавод не выпекал хлеб, пожары нечем было гасить, весь город – во тьме. На улице сильный мороз, сугробы в рост человека. Всё это можно увидеть в кадрах кинохроники. Но мы же жили в той обстановке, и я ходила на «стрелку» и за снегом, чтобы растопить его и добыть воду. А снег приходилось набирать во все ёмкости. Кажется, наберу много, а принесу – снег растает, и воды в кастрюльке на доньшке! Потом воду включили в бомбоубежище, в доме №18, ходила туда или на Тверскую в дом №15. За водой на Неву меня не отпускала мама.

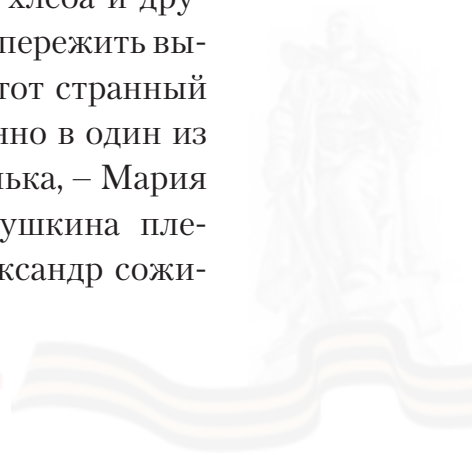
Впервые я увидела умерших от голода людей, лежащих прямо на тротуаре, на Одесской улице. Испытала просто леденящий ужас, увидев сразу троих, зашитых в простыни. Даже описывать не стану, это страшное видение... Позднее я видела и не такое! В доме №22-а, в помещении Тубдиспансера №7, это двухэтажное здание выходило в наш двор, но было отделено забором. Так вот там хранили останки умерших в стационаре поликлиники №38, располагавшейся в доме №22, по Тверской улице. (В данное время это здание снесено, а поликлинику перевели на улицу Красной Конницы, ныне – Кавалергардскую, во вновь построенное здание). А когда давали грузовую машину «полуторку», трупы укладывали «штабелем» и увозили на братские захоронения: то ли на

Большеохтинское, то ли на Мариинское кладбище. На Мариинском захоронении сейчас выстроили Церковь «Блокадный Храм». И там же строят огромные дома, прямо на бывших могилах. Хорошо ли это?! А тогда хоронили, хоронили, хоронили...

Приближался Новый 1942-ой год. Грустно было в этот день. Ёлки нет, ничего вкусного, праздничного нет, мама больна, а бабушка лежит и вздыхает.

Она очень переживала о сыне Александре, о котором не было никаких вестей, – как ещё в начале войны сообщил, что уходит на фронт, так больше не отозвался ни разу. Взрослые предполагали, что дядя Шурик воюет где-то на Северном фронте, потому что, когда началась война, он был в командировке от «Стальконструкции» в Мурманске, и был мобилизован там. О том, что он воевал именно на Северном фронте, мы узнали значительно позже. А тогда бабушка молча вздыхала, А если говорила что-нибудь, то всё только о том, что если она доживёт до «Авдокеи», – до 14 марта, когда отмечается День Святой Евдокии и День начала весны, – то значит выживет! И верила в это. Только получилось всё по-другому. Но об этом позже.

А сейчас о днях после Нового года. Дни, когда не было выдачи хлеба и других продуктов, нам помогли пережить выкупленные мамой лапша и тот странный жир, с запахом гари. И именно в один из этих дней к нам пришла Манька, – Мария Тихоновна Лиленко – бабушкина племянница и сноха (дядя Александр сожи-

тельствовавал со своей кухней). Она была одной из девяти дочерей деда Тихона, родного брата бабушки Екатерины. Мария пришла к нам без карточек, без еды и, похоже, без документов. Я вообще не слышала, был ли у неё паспорт? Примерно года за полтора она приехала из Белоруссии.

А из колхоза не отпускали, паспорта колхозников находились в Сельсоветах у председателей и, чтобы получить паспорт на руки, нужна была быть веская причина и решение общего собрания колхозников. Похоже, у Марии ничего не было, так как она не могла устроиться на работу. Жили они с дядей в общежитии на Большой Охте, к нам появлялись очень редко. Мария была исхудавшая до ужаса! У неё была дистрофия последней стадии. Кажется, мама дала ей кружечку нашего супа, и мы легли спать. Когда всё затихло, Маня потихоньку пробралась к подоконнику, где стояла глиняная миска с жиром, и стала его есть. Первой это услышала Ниночка, и всем сразу объявила, – будем «НЯМ – НЯМ»! Маня метнулась туда, где лежала и затихла. Мама зажгла «коптилку» и стала стыдить бедную Марию за то, что она ворует еду у детей!

А ведь Мария так хотела есть, что ей было не до стыда. Прости её, Господи!

Дальше наша гостья пошла на ещё большее воровство. Дело в том, что в конце каждого месяца мы должны были, получив карточки на следующий месяц, прикрепить их в магазине «На стрелке», чтобы получать продукты только там. Я

днём сходила в жилконтору и получила карточки на январь, на всех нас и прикрепила их к магазину. Придя домой, я положила их в ящик обеденного стола, туда, где мы держали их всегда. Зачем мама захотела их посмотреть, зачем, – я не знаю, но отодвинув ящик, она не нашла их там. От испуга она закричала: «Ой, детки мои, вот и пришла к нам смерть неминуемая!», и упала в обморок. Мы засуетились, закричали, Ниночка заплакала, я просто не знала, что делать. На шум прибежала новая соседка, переселённая к нам из разбомблённого дома. Она привела маму в чувство, стала её успокаивать, расспрашивать, что случилось? И вот тогда наша Мария вдруг оживилась, и как-то очень неловко сделала вид, что она заметила карточки где-то на полу, под половиком. «Ой, смотрите, как это они сюда попали? Нюра, не плачь, вот же ваши карточки!». Мама очень её ругала и выпроводила её от нас утром следующего дня. Ушла Мария от нас к тёте Уляше пешком, так как никакой транспорт не ходил, Больше мы её никогда не видели. Видимо она умерла в пути, так как к тёте Уляше она не пришла. Вот так горько и страшно начался Новый год, вот такое горькое и страшное произошло в нашей семье. Но если бы она унесла тогда карточки, я сейчас не писала бы об этом.

Прошло 2-3 дня. Я, как на работу, ходила в магазин. К счастью, после Нового года, морозы слегка ослабли, правда, – на короткое время. Небо стало ровно-серым, белёсым, стены домов, заборы, деревья всё

покрылось толстым слоем инея. Смотреть на такое чудо природы приятно, если сыт и сидишь в тепле. А если в животе пусто, если от холода дрожит каждая клеточка твоего тела, если икры ног болят и на них появились пятна, – признаки цинги, тут уж не до красот природы! Второго или третьего января стали выдавать хлеб и, за последние дни декабря, выдали муку вместо хлеба. Помню, что муки выдали за 3 дня, на все наши карточки, – 725 грамм! Плюс, – ещё за 2 дня января, – 1250 грамм хлеба. Всё это я получила, сложила в сетку и, крепко прижав к себе, решила идти домой. Но меня остановила незнакомая женщина, назвав меня по имени. Она сказала, что хорошо знает маму, что работает с ней и дружит с ней, и очень хочет помочь нам, чтобы мы все выжили. В общем, она всё говорила, говорила, говорила и звала меня пойти с ней, чтобы она достала для нас ещё 2 буханки хлеба, которые она возьмёт на хлебозаводе, если я отдам ей все наши карточки, хлеб, деньги и муку, чтобы она могла предъявить охране завода и добавить к моим продуктам ещё 2 буханки. А если я не дам ей всё, что она просит, то вынести ещё 2 буханки не получится. Тем временем, она привела меня во двор дома №36 по Советскому проспекту, завела в парадную и сказала, что дальше пойдёт одна, – так надо, чтобы нас не видели вместе. Мне было уже 11 с половиной лет, и я многое слышала и знала, но почему-то безвольно, как во сне, безропотно всё отдала и осталась в пустой парадной одна. Она ушла. Только когда гулко хлопнула

дверь парадной, меня как током обожгло! От макушки до пят! И, помню, я подумала: «Пойду, посмотрю, куда пошла эта тётка? Если к восьмой Советской, к заводу, то буду ждать её здесь». Выйдя из ворот двора, я увидела, что женщина повернула к Смольному. И вот тут-то я поняла, что меня обманули! Я бросилась догонять воровку, ноги не слушаются, как ватные, а бежать надо! А в голове стучит: «Что же я наделала! Это же смерть!». И на перекрёстке Кировной и Советского проспекта я догнала её и стала требовать отдать мне всё. Но женщина ругала меня, обещала пожаловаться на меня маме за то, что я не доверяю ей, и мама меня за это побьёт. Так с угрозами и руганью она довела меня до Ярославской улицы, до дома №13; это краснокирпичный дом старинной постройки, общежитие для заводских рабочих (комнатная система). Но об этом я тогда не знала. Опять она оставила меня на улице, сказав, что сейчас всё мне принесёт, что живёт на втором этаже, и ушла. Но сомнение мучило меня и, увидев вышедшую женщину с ведром помоев, я тут же спросила: «Тётя, а эта парадная – проходная?». На что получила ответ: «Да, девочка».

Я вся похолодела! Повернув голову, я увидела свою обманщицу, переходящей улицу от школы №173 к цеху по изготовлению булавок. С криком я бросилась за ней. И довольно быстро настигла её, уцепилась за сетку, и повторяла одно: «Отдай! Всё отдай! Отдай!». На моё счастье рядом оказались двое военных в белых

полушубках, с портупьями и планшетами на боку. Они остановились и внимательно смотрели на нас. И моя обидчица мгновенно всё-всё отдала мне без разговоров! Домой я еле дошла. А дома уже вся семья в тревоге.

Даже маленькая Ниночка хлопала ладошки. Гладила маму по щекам и повторяла: «Няня, ням-ням!». Удивительно, но меня не ругали, не хвалили, не благодарили, – просто мама всё взяла и стала делить хлеб, а из муки сварила «затирушку». Наверное, Господь уберёт нас в тот день от лютой, голодной смерти! Благодарю Тебя, Отче, за милость Твою! Ведь тогда я ещё не была крещёной...

Через несколько лет, уже после войны, мы с мамой стирали бельё в нашей прачечной. И вдруг я увидела и узнала похитительницу в одной из женщин стиравших рядом. Я показала её маме. Это оказалась действительно мамина сотрудница Борщова Антонина. Я пожалела о том, что сказала маме об этой Борщовой, потому что разгорелся жуткий скандал! Я не знала и не знаю тех военных, только на моём пути их остановил Господь!

Январь мы переживали тяжело. Снова усилились морозы. Мама стала подниматься, но на комбинат не ходила, потому что болела. Да и комбинат не работал, только дежурная служба, отряд МПВО и пожарная часть. Правда, в доме №17, в управлении, работал цех по изготовлению маскировочных сетей для армии. Время от времени мама ходила на комбинат, чтобы отметить больничный лист.

Это было необходимо, чтобы не уволили, так как увольнение грозило потерей рабочей карточки на продукты. Уже к февралю стали понемножку прибавлять нормы выдачи продуктов. Это результат работы ледовой дороги, – «Дороги Жизни». По ней с «Большой Земли» везли продукты и снаряды, а обратным рейсом вывозили блокадников и раненных. Правда, и в заблокированном Ленинграде работали заводы по изготовлению военной техники и выпуску пороха и снарядов. Это-то и помогло армии отстоять город, а потом прорвать блокаду и освободить Ленинград от блокады.

Однажды, кажется в феврале, объявили выдачу меланжа, – разбитые яйца, замороженные, как брикет, – на детские карточки. Я выкупила меланж и положила его в сеточку, а сетку повесила на руку, и хотела заплатить за следующую покупку. Подошла к кассе, кто-то меня толкнул... От кассы я отошла уже без сетки, увы! Хорошо ещё, что 625 грамм мяса и сколько-то крупы я сумела принести домой.

Долгое время не работали бани. Все блокадники страдали не только от голода и холода, но о горячей воде и кусочке мыла, – просто грезили! Мы редко, но мылись дома, у печурки. Воду жёстко экономили. Помыв в одной воде всю себя, воду оставляли, чтобы вымыть пол, а воду после ополаскивания использовали для стирки. Чаще всех мыли Ниночку, но того мытья для ребёнка было явно недостаточно. Да и «моющих средств» было

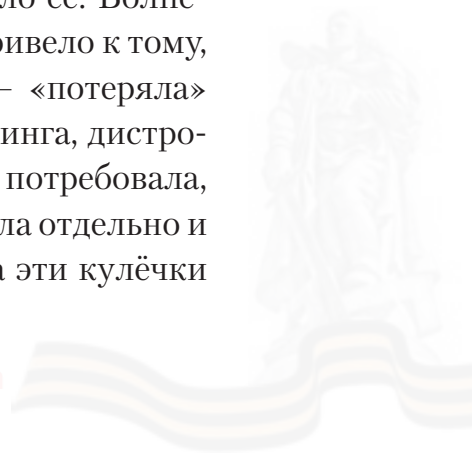
мало. Панически боялись вшей! Поэтому головы чесали частыми гребешками, а всю одежду мама прожаривала утюгом. И вот объявили, что открывается наша Смольнинская баня. Это была первая радостная весть за долгие месяцы войны. К тому времени в городе было мало жителей, но очереди на помывку были большими, потому что в бане действовал один класс, общий для всех категорий. Мужчины, женщины, дети, – все мылись вместе. Все были настолько истощены, что было неясно: кто мужчина, кто женщина. И только тазик, прикрывающий «причинное» место, давал понять, что это «дяденька». В бане было не жарко, воды разрешалось взять только три шайки на человека, плюс, – давали каждому кусочек хозяйственного мыла, величиной с конфетку «Аврора», – 15 грамм на каждого. И всё равно, мылись мы с упоением!

Уже в феврале стали повышать нормы выдачи продуктов. Да и дни стали посветлее. Иногда мама открывала ставни, и в комнату проникал дневной свет. Улучшилось настроение, люди стали вылезать из своих «берлог». И вот тут то обнаружилось, что за зиму, пока не действовала канализация, все сугробы оказались залитыми нечистотами. Стало ясно, – чтобы избежать эпидемии, необходимо срочно очистить город. В начале марта начали «тюкать», скалывая наледи, и на больших листах фанеры отвозить к грузовикам куски грязного льда. Люди были слабыми, и поэтому «впрягались» по несколько человек в одну фанеру, лёд был

очень тяжёлым. Грузовики забирали эту грязь и куда-то увозили, видимо, в реки, речки и каналы, так как выехать из города невозможно, – фронт был у въезда в Ленинград.

Дни стали светлее, и это давало возможность немцам чаще бомбить город. Когда я уходила в очередной «рейд» в магазин, мама волновалась, вернусь ли я домой? В городе шли слухи о том, что были случаи людоедства. Я выглядела не такой уж дистрофичной, – широкое лицо, да ещё куча одежды скрывали «ходячий скелет». В одежде я выглядела вполне привлекательно для изуверов. Но Господь был милостив, ни разу ко мне не подходили незнакомые люди, и всё обошлось без «ЧП».

Бабушка стала совсем слабой, всё лежала и вздыхала, волновалась за дядю Александра, который не присылал никаких вестей. На время начала войны у бабушки было трое вполне взрослых детей, но – мать есть мать, и боль в сердце за каждого из детей остаётся на всю жизнь, какого бы возраста не были дети! Двое детей, – дядя Петя с женой Марией и моя мама со мной, в придачу, жили в городе, рядом с ней, она видела их и знала всё. А вот про Шурика, – ничего не знал никто из нас, и это очень тревожило её. Волнение голод, страх, – всё это привело к тому, что она слегла, а главное, – «потеряла» рассудок. У неё развились цинга, дистрофия, «голодный бред». Она потребовала, чтобы я её продукты выкупала отдельно и отдавала ей в кулёчках. Она эти кулёчки

прятала за оттоманку. Помню, мама сварила ей жидкую, пшённую кашу, и попробовала накормить бабушку. Но бабушка стала выплёвывать еду и ругать маму за то, что она так невкусно её кормит! И стала рассказывать о том, что чудилось ей в воспалённом мозгу: «Вот я только что была у Нилихи (белорусское выражение, т. е. у жены соседа Нила) и у Гапули, вот меня там накормили...», и далее шел рассказ о каком-то пиршестве. А ещё была тема: о том, что я её обижаю, дразню и т. д. Сначала мама не понимала, что это болезненный бред, и очень меня ругала, и даже устроила мне «трёпку» за непочтение старших. Но потом поняла.

Хотя меня и без этого частенько ругали. Просто, наверное, у взрослых нервы были слишком напряжены. Мне очень не хватало доброго отношения, душевного тепла, я просто уверовала, что меня никто не любит. Практически, это так и было, – я всем мешала жить. Вот поэтому, видимо, я так часто вспоминала папину маму, – бабушку Дуню, и ещё о дедушке Леонтии. И очень мне хотелось добраться до ул. Панфилова, где жили мои родные.

Однажды, около магазина «На стрелке», я увидела женщину, которая продавала поштучно папиросы и конфеты «Кавказ». Деньги у меня были, и я решила купить бабушке Дуне конфетку, а деду Леонтию папирочку, и отнести эти подарочки к бабушкиному Дню Ангела, к 14 марта (День Святой Евдокии).

Решила идти по Неве, от набережной Домбаля, где зимой был сделан спуск к

проруби, а от неё была протоптана тропа на другую сторону Невы, в том направлении, где жили мои родные. Ну, а там найти дом было легко! Адрес я знала, и вот 14 марта, не сказав маме, куда и зачем я иду, я ушла. День был не очень морозный, с переменной облачностью, идти было тяжело... Да ещё мамины валенки были так велики!

Сначала я пошла к кольцу трамваев, которые ещё не ходили тогда. Шла я мимо Смольного Собора, мимо бывших келий монастыря, по улице Смольного и прямо к спуску на лёд! Дорога была знакома ещё с довоенных дней, когда мы с ребятами бегали купаться туда, где стояла старинная купальня. К сожалению, после войны её снесли. А жаль! Она была построена в том же «классическом» стиле, как и Смольный. Спуск к Неве был пологим, но очень скользким, так что я съехала на лёд, как с горки! А дальше была хорошо утоптанная дорожка, ведущая на Большую Охту. До противоположного берега дошла я благополучно. Хоть и слышала, что в городе был артобстрел и где-то взрывались снаряды, но били куда-то в сторону Лесного проспекта. А на «ледяной тропе», – ни милиции, ни дружинников, – никто не оставивал! По счастью, кто-то из взрослых помог мне выбраться на набережную.

Надо заметить, что с 1942 года наш город очень изменился. Набережная на Большой Охте стала совсем другой. А в те годы: и набережная, и улочки были застроены деревянными, редко – двухэтажными домами, похожими на деревенские

избы. Улицу Панфилова я нашла быстро, дом увидела сразу и очень обрадовалась, что дом не разрушен. Ведь были обстрелы и бомбёжки, многие дома сгорели, а часть домов были разобраны на дрова, по распоряжению руководителей города. А дом моих родных уцелел! Только вокруг – ни души!

Я вошла в дом. Дедушка с семьёй дяди Павла жили в квартире №1, а дядя Дмитрий с семьёй в квартире №2. Я долго стучала в дверь деда и бабушки.

Никто не отозвался. Тогда я постучала в квартиру №2. Открыла дверь жена дяди Дмитрия, тётя Анна, и долго рассматривала меня. Я спросила её о дедушке и бабушке. Тётя Анна сказала мне, что оба они умерли, похоронены в братской могиле на Большеохтинском кладбище. А дядя Павел на фронте, его жена, тётя Вера и их дети в эвакуации. Я очень огорчилась и заплакала. Домой я шла очень медленно и очень долго. Устала ужасно, а главное, я знала, что меня ждёт дома! Переживала, что будет хорошая «выволочка», но произошло чудо, – меня даже не ругали! Видимо решили, что я уже не вернусь, ведь был артобстрел!

О бабушке Дуне и о дедушке Леонтии я вспоминала часто. Хоть и бывала у них редко. До войны меня возил к ним в гости мой папа, тогда мне было года три или четыре. Помню, когда я бывала у них, бабушка угощала меня сушёными грушами. Почему-то она доставала их из-под подушки. Потом бабушка Катя возила

меня к ним раза три, когда мне было лет шесть.

Бабушка Дуня, пока не ослепла, была белошвейкой и очень хорошо шила. А мне нужен был наряд для выступления в «Очаге» (детсадике). Так вот бабушка Дуня сшила мне белую батистовую кофточку и белую пикейную юбочку в круговую складку! Бабушка Дуня ко мне относилась с большой теплотой и любовью, т.е. с теми чувствами, которых мне так не хватало всю жизнь!

Дед – казак был суровый, хоть меня не обижал. Тем не менее, я по-своему любила их! Очень жаль, что мой «подвиг» не привёл к желаемой встрече, и мой «подарочек» я не вручила им, хоть и очень хотела увидеть их. Жаль!

В электронной Книге памяти жертв блокады Ленинграда вписаны обе мои бабушки, дед, и другие близкие, – всего одиннадцать человек! А мой отец, – в Книге безвозвратных потерь на ленинградском фронте.

Бабушка Катя, которая так ждала весну, в надежде, что мы обязательно переживём войну, если доживём до 14 марта, – Дня Святой Евдокии, именно с этого дня совершенно слегла, и не поднялась больше совсем. Цинга, дистрофия и голодный бред, в котором мне доставалось больше всех! То ей казалось, что я её дразню, то ей мерещилось, что я делаю что-то не то, во вред ей... Мама, не разобравшись в чём дело, частенько меня поколачивала, за то, что я обижаю бабушку. Много раз я пыталась убедить маму, что ничего плохого

я не делаю, но мама ещё и за «обман» добавляла мне! Однажды я долго пробыла в магазине, очередь медленно двигалась, что-то не ладилось у продавцов, и домой я пришла позже обычного. По маминому лицу я поняла, что без меня что-то произошло, но мама молчала, я не спрашивала, только наблюдала, как мама пытается накормить бабушку Катю жиденькой пшённой кашкой, чуть погуще супа. Бабушка отворачивала лицо от предлагаемой пищи и ругалась, рассказывая свои видения: «Вот я в Осиновках была, у Нилихи, так меня там так накормили! Клёцки были с «душами», а ты меня моришь голодом, хочешь, чтоб я скорей померла? А я вот заберу Нинку и уеду в деревню, ты тут с Лилькой подыхай!». Мама плакала, но продолжала попытки накормить больную мать. Тогда бабушка, набрав в рот каши, плюнула маме в лицо. Слышать и видеть всё это было тягостно и горько... Когда бабушка заснула, мама рассказала мне, что, когда я была в магазине, бабушка опять стала жаловаться на меня. Мама ей сказала, что меня нет дома, на что бабушка ей отвечает: «Что же ты её защищаешь? Вон же она за «буржуйку» спряталась и дразнит меня!». И только тогда мама поняла, что цинга и голод поразили весь организм.

В конце марта мама вынуждена была взять перевод на работу в «Горвод», так как комбинат был остановлен. Мама работала посменно всегда, но здесь смены были по 12 часов! А на комбинате ночная смена была всего 7 часов. В один из

дней мама работала в ночь. Выспаться ей не удалось, много плакала Ниночка, я как могла занималась с девочкой, но в одной комнате маленького размера соблюдать тишину, чтобы создать условия для сна невозможно! Бабушка дышала очень тяжело, с хрипом. Мама тревожно поглядывала на бабушку, но решила прилечь отдохнуть хоть на часик. Я с Ниночкой на коляске выехала на кухню, и долго её укачивала, а когда пришла разбудить маму, бабушка уже не дышала. А маме надо уходить на работу, оставляя двух детей рядом с умершей. Она смогла сделать только самое необходимое, – покрыть бабушку простынёй и сказать мне, чтобы я ничего не боялась и хорошо смотрела за Ниночкой. А мне было так страшно! Но я не плакала, просто меня знобило!

И я всё зачем-то качала и качала детскую кроватку, куда, перед уходом из дома, мама положила малышку. А вот чем покормить девочку не оставила, забыла. В общем, ждали мы свою маму с работы очень, очень долго! Вернулась мама расстроенная, как я узнала позже, она хотела взять несколько дней на похороны, но ей не дали отпуск, так как она была новенькая. И пришлось маме оформлять все документы в то время, когда ей надо было отдыхать. Спасибо соседям, которые помогли нам в это трудное время.

Попросила мама старшего брата, дядю Петю, помочь, но выяснилось, что в тот день, когда мы с мамой должны были хоронить бабушку, у него и его жены важное событие, – Новоселье, и приглашены

нужные им люди! Так родной сын не смог придти на похороны своей матери. Прости его, Господь!

Перед тем, как одеть бабушку для похорон, мама решила хоть как-то помыть покойницу, и попросила меня полить из кружечки ей на руки. Я стала поливать, но, когда мама стала приподнимать бабушку, из груди бабушки послышался хрип. Это было очень страшно!!! И я убежала на улицу, оставив маму одну. Простите меня и мама, и бабушка! Простите! Мала я была и глупа, чтобы понять, что это просто последний глоток воздуха, застоявшийся в трахее при последнем вздохе.

Умерла бабушка 29 апреля 1942 года. Хоронили мы её вдвоём с мамой

3 мая. Нину оставили на попечение соседей, которые сидели на приготовленных к отъезду вещах, в ожидании машины, чтобы уехать в Алтайский Край. Тётя Муся очень сочувственно отнеслась к нашему горю, и согласилась побыть с Ниночкой, пока мы отвезём бабушку. Но просила не задерживаться, потому что отъезд отложить невозможно. Мама обещала придти во время.

На детскую коляску привязали длинную доску, на неё положили завёрнутую в простынь бабушку, привязав её к доске. Везти было тяжело. На Большеохтинском мосту сломалось одно колесо мальпоста, а недалеко от кладбища отвалилось второе колесо. Через кладбище, до Братских могил, нам проехать не разрешили, а в объезд, по Малиновской Дороге, для нас

везти, – уже было невозможно! Бабушка, вместе с доской, упала и головой перебила мне второй палец на правой ноге. Я идти дальше не могла. На наше счастье, дворники из нашего дома везли на двуколке безродных умерших, и мама попросила их взять и бабушку.

Меня оставили сидеть на обочине дороги, возле сломанной коляски, а мама с дворниками, положив бабушку на двуколку, повезли печальный груз на площадку Братских Могил, – это за проспектом Энергетиков, проложенным позднее через старые захоронения, – как бы вторая часть кладбища. Так и похоронили мою бабушку Екатерину Марковну, в общую могилу, без меня.

Мне даже не удалось бросить горсть земли в её «последнюю постель». Очень жаль! Царствия Небесного ей!

Там же захоронили и бабушку Евдокию и деда – казака Леонтия, которых я так хотела увидеть в марте 1942 года. Несмотря на наши приключения, мы успели вернуться во время, хоть и вернулись мы домой почти без сил. Очень болела разбитая нога! Ниночка была у Рябининых и очень плакала, потому что никогда не бывала у чужих людей, и тоже устала от плача. Как только мама взяла её на руки, она перестала плакать, просто тихонечко всхлипывала и крепко держалась ручонками за маму. Очень быстро Ниночка уснула.

И началась у нас новая жизнь, уже без бабушки. Остро встал вопрос, как быть с ребёнком? С апреля 1942 года мама рабо-

тала в Горводе помощником машиниста-дизелиста в том же отделении, где работал дядя Петя. В Горвод маме пришлось перейти работать, кажется, в конце марта 1942 года, потому что комбинат Кирова был остановлен из-за отсутствия хлопка и малого энергоснабжения. В штате комбината оставили минимальное количество работников, необходимое для охраны и содержания предприятия. Остальных уволили или дали перевод на действующие, необходимые городу предприятия. Мама работала в Горводе по переводу.

В Горводе, как объекте стратегического значения, режим труда был полуказарменный, работали по 12 часов в день, в две смены: первая с 7-ми утра до 7-ми вечера одну неделю, а вторая с 7-ми вечера до 7-ми утра другую неделю. Мама спросила меня «Будешь сидеть с Ниной?», а я очень хотела в школу! Тем более что нас 25 апреля уже пригласили в школу и просили придти, чтобы подготовить классы к новому учебному году, и я была зачислена в 4-тый класс-отряд по подготовке школы к зиме. Тогда мама отправила меня в школу и на рациональное питание школьника (Ш.П.), а Ниночку отдала в ясли № 140. Нина, домашний ребёнок, в возрасте одного года семи месяцев, попала в другие условия, когда не каждый день могли взять её домой вечером. Почему-то ясельные работники мне ребёнка не давали. А мама не всегда могла во время дойти до яслей. В общем, примерно через месяц, Ниночка заболела воспалением лёгких. Лечить было нечем, питание скудное

и девочка не вынесла... Она умерла ночью, без мамы, 4 июля 1942 года. Я была с ней. Очень горько и тяжело вспоминать об этом! Хоронили мы её вдвоём с мамой 6-го июля.

Дядя Петя сделал ей гробик из фанеры, обили мы его тюлевой занавеской, и на её же колясочке отвезли на кладбище, на Большую Охту. За 300 грамм белого хлеба, выкупленного на её же карточку, ей сделали отдельную могилку. Да, сердце щемит, когда я вспоминаю об этом. Я пишу всё так, как было! И до сих пор на душе тяжким грузом лежит грех мой неизбывный! Всё думается, что если бы я не пошла тогда в школу, а осталась с Ниночкой, может быть, она осталась бы жива?..

Перед днём похорон, с 5-го июля, объявили выдачу, по дополнительным талонам, уксуса. Уходя на работу, мама оставила мне талоны, и сказала, чтобы я выкупила уксус. Я честно выполнила поручение, и после похорон, проводив маму на работу, зашла в ларёк Военторга на улице Красной Конницы и выкупила уксус. Я никогда раньше не пробовала его. Мне было интересно, – что это за продукт? И я его попробовала: глоточек, потом ещё, и ещё... Показалось, – вкусная кисленькая водичка. Незаметно для себя, по глоточку выпила все 200 грамм! Пришла домой, в квартире пусто, никого! Соседи уехали в эвакуацию. В общем, во всей, ранее многолюдной квартире, вдруг, сразу я осталась одна! Стало очень не по себе! Я вооружилась кочергой, обошла все помещения, и легла спать. А ког-

да проснулась рано утром, посмотрела в зеркало и не узнала себя! Я вся отекала! Вместо лица, – студенистая маска! Пальцы рук, как сардельки, ноги, живот, – словом, вся в отёках! Очень знобило, хоть на дворе июльская теплынь. Вместо школы я пошла в проходную Горвода, встречать маму. Пришла я туда рано, смена ещё не закончилась, и я примостилась в уголке. Но «бдительная» дежурная охранница подошла ко мне с вопросом: «Девочка, что ты тут делаешь? Чья ты?». Я сказала: «Жду маму», и назвала фамилию. Тут же эта женщина позвонила в 7-ое отделение, где работали мама и дядя Петя, и сказала, что я жду. Мама прибежала встревоженная, и, увидев меня, заплакала... Она сразу же повела меня в детскую больницу, на Очаковскую улицу, где я пролежала с 7-го июля до 15-го августа 1942 года. Меня чем-то лечили, но с тех пор укус, на долгие годы, стал для меня аллергеном, я даже запах его не могла переносить! Из больницы я вышла повзрослевшая.

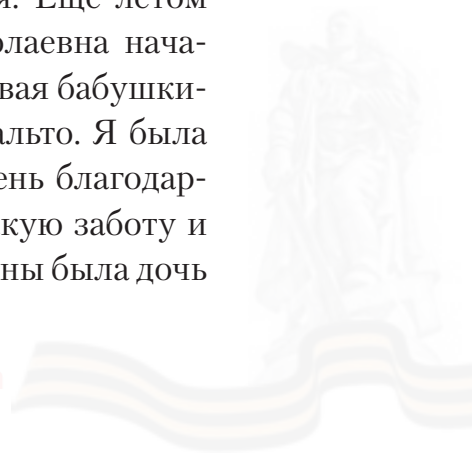
4-го августа 1942 года мне исполнилось 12 лет, и по Закону меня перевели в разряд иждивенцев. Карточки выдали не детские.

В школе было организовано рациональное питание, и я сдавала карточки на Ш.П. Об этом я уже писала. В школе нас кормили 2 раза в день и выдавали нашу дневную норму хлеба. Дома мы могли попить горячей воды с оставшимся кусочком хлеба, если хлеб не съедлся прямо в школе. Так что большую часть суток, – есть было нечего! Мама тоже питалась

в столовой Горвода на «рационе». Дома еды не было совсем! Только осенью, когда мама поменяла какие-то «Тряпочки» на овощи, мы делали овощную тушёнку, но это было не долго и немного. О моей школьной жизни во время блокады я написала в отдельной книжечке, – можно об этом там прочесть. Может быть дальше, я напишу о некоторых эпизодах школьной жизни.

Если в первую блокадную зиму я ходила в магазин, и за водой, а потом отлёживалась в кровати, согревая ноги о горячую кастрюлю, чтобы не заболеть, то вопрос об одежде и обуви не стоял так остро, как это случилось зимой 1942–43года, когда ежедневно надо было в чём-то идти в школу. Из довоенного вельветового сарафанчика и кофточек я выросла, а новое приобрести не было возможности. Сарафанчик удлиннили за счёт надшитых на плечах лямок; нашли какой-то белый, свалывшийся, очень колючий свитер, а «на выход», – ставшее коротеньким, моё шерстяное, тёмно-синее, с красным бантом платье, в котором я выступала на концертах: в школе, в госпитале и других местах.

Для дома у меня был бабушкин рабочий, сатиновый халат. Больше ничего не было. Особенно остро стоял вопрос обуви, чулок и нижнего белья. Ещё летом новая соседка Мария Николаевна начала меня приодевать, перешивая бабушкины юбки и чьи-то старые пальто. Я была рада любой «обновке» и очень благодарна Марии Николаевне за такую заботу и помощь. У Марии Николаевны была дочь

Ирина, девушка лет 17–18, но, когда их поселили в комнату эвакуированных Пашиных, очень скоро Ирину за что-то арестовали, и Мария Николаевна очень горевала, много плакала, и скучала о своей дочери, невольно перенося свою материнскую заботу на меня.

Ирина вернулась примерно через год, и они куда-то уехали. Больше мы никогда не виделись, и ничего не знали об их судьбе. Но то добро, которое Мария Николаевна сделала для меня, я помню и сегодня. Помяни её, ГОСПОДИ, во Царствии Твоём!..

В школе было очень холодно, подчас, занимались в пальто, и платье моё, перешитое из старого драпового пальто, было очень кстати, правда, колелось оно здорово, но было тёплое. А с обувью, вернее, без неё, – было совсем плохо!

Мои «довоенные» ботиночки стали маловаты, да и ремонта требовали. Тапочек не было совсем, вырочали старые сандалии с отрезанными «носами». А зимой, мама купила мне «шубники», это сшитые из овчины от старых полушубков «чуни», типа меховых гольфов, которые носили с галошами. В общем, приспособлялись, как могли. И как позволяли наши очень-очень маленькие доходы, – одна мамина маленькая зарплата. А она была самая низкая. И за отца нам ничего не платили, т. к. он числился, как «пропавший без вести», а таким не полагалось пособие, – вдруг этот солдат предатель?.. А то, что дети без денег, это не бралось в расчёт. Несмотря на такие трудности, как-то мы

с мамой сумели всё это пережить. Видимо, Господь берёт нас.

Наша школьная, ребячья жизнь была интересной! В школе мы проводили много времени, потому что дома было одиноко, холодно и голодно, а подчас и темно.

В квартире я, некоторое время, пока не поселили людей из разбомблённых домов, вообще была одна, когда мама уходила на смену. Мама работала по 12 часов в день. В школе мы готовили домашние задания, т.к. не хватало учебников, не было бумаги. Писали, – на чём придётся. Выданные тетради берегли и экономили, их выдавали всего по 2 тетради в месяц. Как я уже писала, питались мы в школе, кормили нас 2 раза, а дома вечером есть было нечего. Спать ложилась, взяв с собой кочергу, главную мою защитницу от моих ночных страхов. Сначала я обходила всю квартиру, убеждаясь, что нигде и никого нет, потом укладывалась под одеяло, крепко обнимая свою «защитницу». Часто во всей квартире я оставалась одна, было страшно, холодно, грустно и очень одиноко, особенно, когда начинались воздушная тревога или артобстрел. Под «ложечкой» ныло и подсасывало, то ли от голода, то ли от страха и одиночества. И в такие минуты, – пионерка и барабанщица, – напрямую обращалась с просьбой к Богу: «Господи, помилуй!». Ни одной молитвы я не знала, кроме этих слов. А после этой моей молитвы, я спокойно засыпала до утра.

Я уже писал о том, что 7-го июля я попала в больницу. Выписали меня в 20-тых

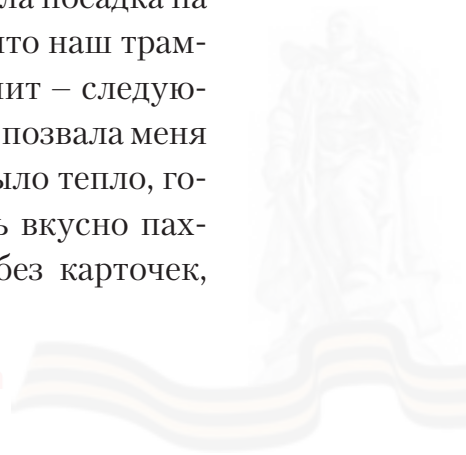

числах августа, когда стояла прекрасная пора позднего лета. Уже утром следующего дня я была в школе, там шла подготовка к зиме. Мы пилили, кололи, носили в подвал и складывали дрова, это были бревна из разобранных на Большой Охте деревянных строений. По решению Руководства города, разбирали всё, что могло обогреть горожан, а жителей разбираемых домов, переселяли в центр города, в освободившиеся по разным причинам квартиры. Кроме заготовки дров, доводилось нам помогать плотнику чинить окна, – вставлять вместо разбившихся стёкол фанеру, но чаще этим занимались ребята постарше нас. Нам же доставалось мыть парты, подоконники, полы, или разносить кирпичи по помещениям, где складывали печи, словом, были подручными, куда пошлют. Сил было маловато, и мы все уставали, но не «пищали». На голом энтузиазме суетились, желая быть полезными в такое трудное время.

Для всех существовал единый режим: к 9-ти часам в школу; в 9-15 общая физзарядка; потом, – завтрак; после этого, – работа до обеда; далее, – свободное время. Вот это-то время и было самым интересным! Мы готовились к концерту, к началу учебного года и для посещения госпиталя. Наша Агитбригада впервые выступила 15-го октября 1942 года в первый день начавшегося учебного года. А в госпиталь нас приглашали по праздничным дням. Учиться мы начали с опозданием, из-за нашего «трудового» семестра. Начало учебного года в блокадном городе, – это

было событие, о котором говорили по радио и писали в газетах! Как мы учились, читайте в книжечке, выпущенной школой №157 в годы ВОВ, 1941–45г.г.

Осень 1942 года выдалась холодной и дождливой, с холодными и сильными ветрами. Однажды, примерно в конце октября, мама была выходная, что было большой редкостью в то время. Она позвала меня съездить на Ржевку, к Станевичам, родственникам Шебеко Степана Андреевича, у которых воспитывался его сын Владимир от первого брака. Не знаю зачем, но ей это было нужно. Мы поехали на трамвае №10. Остановка была у магазина «На стрелке». Трамвай мы ждали минут 20, и успели хорошо озябнуть. В трамвае тоже было холодно, пассажиров было мало. Села я на сидение, как на льдину! К концу пути просто окоченела! От трамвая и до дома Станевичей мы шли быстро, изо всех сил стараясь согреться. Да и времени было мало, надо было вернуться до «комендантского часа» домой. Станевичи нас явно не ждали, но мама о чём-то переговорила со взрослыми, мы слегка отогрелись и поспешили обратно. В те тяжёлые времена гостей не угощали, нечем было, да и гости понимали, что продукты, – это жизнь хозяина. Дойдя до кольца трамвая, где была посадка на маршрут №10, мы увидели, что наш трамвай только что уехал. А значит – следующий приедет не скоро. Мама позвала меня погреться в магазине. Там было тепло, горели электролампы, и очень вкусно пахло кофе! Кофе продавали без карточек,

но стоило дорого, а денег всегда «хронически» не хватало! Зная это, я не просила купить кофе, но, наверное, маме тоже очень захотелось выпить горячего кофе, и она купила нам по стакану горячего, чёрного, ароматного, подслащённого сахаринном, кофе! И мы пили его с таким аппетитом! Этот вкус, этот аромат и блаженное тепло, разлившееся по всему телу, я не могу забыть всю жизнь. Вот с тех пор я стала «кофеманкой»!

Забыла написать о Клавде Герцик. Ещё до войны я узнала, что в нашем доме, на лестнице №5 живут земляки-беларусы (если писать по-русски, то белорусы): бабушка Владимировна, тётя Феня (Хадорка Берёзовская) и её двое детей – сын Петя, умственно отсталый и нескладный подросток, учащийся ремесленного училища, и дочь Клавдия, 1931 г.р. (тоже тугодумная, но симпатичная хохотушка).

Тётя Феня сосватала маме нового мужа, а мне – отчима, Шебеко Степана (Стефана) Андреевича, поляка, вдовца и тоже земляка из Дубровки, у которого был сын Владимир (Вовка), младше меня на три года. Так в 1937 году у меня появился отчим, которого я не приняла и не признавала, потому что знала и любила своего папу! А ещё судьба подарила мне сводного брата, с которым мы обоюдно не хотели дружить. Вовка жил у дедушки и бабушки Станевичей, на Ржевке. По случаю того, что тётя Феня была свахой и землячкой, наши семьи сблизились. Во время блокады, зимой, мы не виделись, но, вот в апреле мама узнала, что тётя

Феня слегла, да ещё и ногу сильно обожгла. Мама зашла к ней, и в ужасе умчалась оттуда в поликлинику № 38, чтобы тётю Феню отправить в больницу. Тётю Феню увезли, а вот Клавдия осталась одна, потому что – и брат Петя, и бабушка умерли ещё зимой.

Клава где-то достала кусок дуранды и с голодухи, сгрызла её без воды. И случилась беда – живот ни за что не хотел отдавать дуранду! 10 дней мучалась бедная девчонка, пока я, проходя по двору, услышала её плач. Я помчалась к маме на работу, чтобы рассказать о Клавде. Придя домой, мама сразу повела Клаву в больницу на Очаковской, дом №6. Там не хотели её брать. Мама рассказала, что Клава осталась одна. В общем, оставила её там. А на следующий день зашла в стационар поликлиники № 38 и всё рассказала тёте Фене. Клаву из больницы передали в детский дом, а затем, вместе с детдомом вывезли на «Большую Землю», через Ладожское озеро.

Где была тётя Феня после стационара, я не знаю, но дома её не было. Увидела я их только после войны...

Осень 1942 года была холодной и часто ненастной, но иногда выпадали ясные и очень холодные дни. Мы с мамой виделись редко, урывками, она на полуказарменном режиме работы, а я целыми днями была в школе. Вспоминаю это время, и на душе горько, – как же я была одинока уже в то, совсем ещё детское, время! И как часто я плакала от одиночества, холода и голода, главное – не было рядом ду-

шевно тёплого человека, который мог бы утешить добрым словом. Встречи с мамой не давали сердечного тепла, мама строго воспитывала меня, не признавая «сюсюканья и телячьих нежностей», которых так не хватало мне!

Чтобы дома я могла согреть чайник, вместо примуса приобрели керосинку. Но, как выяснилось, керосинка больше сжигала горючего, и мы вновь вернулись к нашему примусу, хоть мама боялась, что примус более пожароопасен. Я видела, что вместо керосина, мама в примус заливает какую-то чёрную жидкость...

Ну, горит наш примус, – и, Слава Богу! Правда, ниппели приходилось чистить чаще. Что это за горючее, я узнала позднее.

Дядя Петя, тётя Мария и мама работали на дизеле, качающем воду в город. Вот и придумали они в противогазном баллоне приносить солярку домой. За молчание давали и маме понемногу. И ещё, – насосы, закачивая воду из Невы, засасывали на решётку колодца рыбу. Это было известно всем. Всю выловленную рыбу дизелисты должны были сдавать в пользу города. Но дядя Петя и тётя Мария частично оставляли рыбу себе. И только на похороны бабушки дали и нам, наверное, около килограмма корюшки.

Однажды осенью я была дома одна. Вдруг в окно постучали. Смотрю – там дядя Петя, манит рукой меня к окну. Я приоткрыла окно. И он спрашивает меня – есть ли у нас солярка? Я не знала об этом. Тогда он объяснил мне, что возмо-

жен обыск, и если у нас найдут солярку, то маму заберут в тюрьму. Я очень испугалась! И тут же пошла искать, где у нас горючее. Нашла всего «маленькую», 250 грамм, которую я срочно вынесла из нашей квартиры! Как позже стало ясно, что кто-то видел, как тётя Мария наливала в противогаз солярку, и сообщил в проходную Горвода, а там дежурный милиционер стал следить за тётей Марией, когда она понесла эту солярку на продажу. Подробности я не знаю, так как взрослые не посвящали меня в это дело, но тётю Марию арестовали, а дядю Петю и маму часто вызывали к следователю.

Я, по просьбе мамы, написала письмо в Смольный – Андрею Александровичу Жданову, с просьбой, что бы маму не судили и не оставили бы меня совсем одну.

На наше счастье, моё письмо попало в руки бывшему сменному мастеру перемточно-полировочного цеха комбината, где раньше работала мама, – Смагиной, (не помню её имени-отчества), которая приняла большое участие в нашей судьбе. Помогло ещё и то, что у мамы была такая редкая фамилия, на которую тов. Смагина обратила внимание. Но суд всё-таки был. Тётю Марию осудили на 10 лет! А маме, «за не сообщение о краже стратегического сырья» (читай – за то, что не настучала на тётю Марию), присудили 6 месяцев принудительных работ, с выплатой штрафа, в размере 25% от зарплаты. И маму перевели на работу кочегаром, там же, в Горводе.

И ещё, – при нашей нищете, т.к. жили мы вдвоём на одну нищенскую зарплату мамы, а за отца мне ничего не платили, потому что он числился, как «без вести пропавший». Таких воинов, по Закону военного времени, считали почти предателями, и ни их родителям, ни их детям пособия не выплачивали, наказывая тем самым и нас. А тут ещё, – из зарплаты стали удерживать по 25%! Как часто за всё, что случилось, мне доставалось от мамы, – и словом, и делом! Сейчас я понимаю все её обиды на «вся и всех», но тогда... Как же часто я плакала! И по-своему жалела маму.

Вот в то тяжелейшее для нас время, дядя Петя позвал нас к себе, чтобы легче было пережить это сложное время, и нам, и ему. Да ко всем этим бедам, добавилось ещё одно, – во время ремонта Дизеля, дядя Петя проколол проволокой большой палец (у основания). Попала грязь, началось нагноение. Потребовалась операция, потом – ещё, и ещё, началась флегмона. Хирург предложил ампутацию большого пальца. Дядя Петя отказался наотрез! Узнала о его беде активная помощница всем страждущим – Хорунина Наталия Васильевна, она принесла дяде кусочек свиного сала. Пётр Кириллович отмачивал сало в воде, убирая соль, и уже свежим салом закладывал рану. Через неделю всё зажило.

Осень 1942-го была у нас голодная, и холодная, и одиноко печальная. Но, как всегда, время шло своим чередом, быстро, несмотря на все обстоятельства. Училась

я посредственно, у меня не было учебников и тетрадей. Да, в общем, – ничего не было, как требуется для нормальной учёбы. Большую часть светового дня я проводила в школе, потому что дома было пусто, холодно и одиноко.

Приближался Новый 1943 год. В школе готовились к ёлке, готовили концерт и для госпиталя. На школьной ёлке я читала стихи «Щука-12». Не помню автора. Стихи о быстроходном боевом корабле – подводной лодке «Щ-12». Стихи были не по теме: зима, Снегурочка, дед Мороз. Но время было военное, и поэтому тема войны была главной! Был ли подарок, и какой – не помню, а вот право побывать на городской ёлке во Дворце Пионеров я заслужила. В один из первых дней января 1943 года несколько человек из нашего класса (актив) поехали во Дворец. Я там была впервые. И меня поразила красота и величественность здания, и внутреннее убранство! А ещё, – после Новогоднего представления нас пригласили на праздничный полдник. Нас угостили стаканом киселя, кексом из соевых жмыхов (шротов), и по шоколадной конфете, типа довоенной «Авроры». По тем временам, – это было прекрасно! И помнится это всю жизнь!

В Горводе мне подарили шахматы. Всем детям, которые пришли на ёлку, дали по стакану киселя из концентрата и по кексу из соевых жмыхов (шротов). Играть в шахматы я не умела. Да и не с кем было играть! Но мне очень нравились сами точёные из дерева и покры-

тые лаком фигурки, и я часто доставала их из специально для фигурок сделанного ящичка, перебирала их, гладила пальцем, любовалась ими, а затем убирала их на место, в комод. После зимних каникул, все ребята нашего класса решили собрать, кто что может и отправить подарки бойцам на фронт и раненым в госпиталь. У меня нечего было дать. И я отдала шахматы.

За время каникул мы с мамой перебрались жить в дяди Петину квартиру. В школу мне пришлось ходить далеко: от дома №43 на улице Слуцкой до школы №157.

А вот маме и дяде до работы – «рукой подать»! Жить втроем стало легче, теплее и уютнее. Проблема была в том, что было тесновато, спальных мест было мало, поэтому взрослые спали на кровати, а для меня дядя соорудил над кроватью специальную полку, полати. Комната была маленькая, а вещей было много. И самая главная ВЕЩЬ была – печь «буржуйка», выложенная изразцами, на высоких ножках.

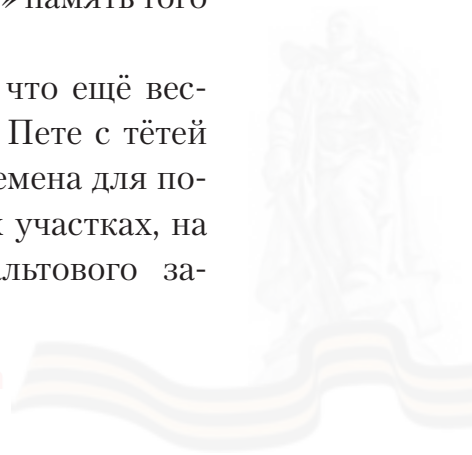
Труба была выведена в дымоход обычной печки, и частенько дымила. «Буржуйка» была высокая, метра 1,5-1,7. Наверху её хранили лучину на растопку. Когда мы ночевали все вместе, мама и я слышали, как здорово трещит лучина, словно кто-то ломает её. А дядя никогда не слышал треска. Зато позднее, когда зимой Пётр Кириллович был дома один, в один из дней он открыл дверцу буфета, – с верхней полки, с необъяснимой силой вылетел и в

дребезги разбился бокал. Дяде стало жутковато, как-то не по себе. Дело в том, что бокалов было куплено 2 штуки, и при покупке было решено, что из этих бокалов дядя и тётя Мария выпьют, когда закончится война и вернуться дети – в День Победы! Разбившийся бокал принадлежал тёте Марии. Когда Пётр Кириллович понёс тётке передачу, у него её не приняли, сказали, что Мария Михайловна Лиленко умерла. Было это примерно 23 февраля 1943 года.

В этот день мы все трое оказались дома, что само по себе было удивительно: в то время такое совпадение было очень редко! Дядя Петя предложил помянуть Марию. Он достал рюмки, открыл и налил водку, вскрыл баночку консервов, из не принятой передачи, и мы выпили на помин души тёти Маруси. Сейчас я удивляюсь, – как это взрослые так смело налили водку мне – истощённой, голодной девочке? Опьянение было полное и наступило почти сразу! У меня изменилось восприятие звуков, голоса мамы и дяди звучали непривычно далеко и как бы извне...

Я захотела отрезать кусочек хлеба, нож сорвался, и я отрезала всю макушку большого пальца на левой руке. До сих пор на моём пальце «горькая» память того печального дня.

Забыла написать о том, что ещё весной 1942 года, маме и дяде Пете с тётей Марией в Горводе выдали семена для посева овощей на выделенных участках, на территории бывшего асфальтового за-

вода, на Орловской улице, вдоль берега Невы. Огородные дела тогда у нас не получились, потому, что сначала умерла бабушка, потом Ниночка, потом – я попала в больницу. А когда я вернулась из больницы, был уже конец огородного сезона! Семена остались на весну 1943 года.

12 января 1943 года, с утра раздался грохот боя по всему периметру города. Выйдя на улицу, мы увидели на ещё тёмном небе сполохи огней. Было понятно, что на фронте идет непрерывный бой! Грохот продолжался несколько дней! И вот, – 18 января 1943 года канонада затихла. Было прорвано кольцо блокады!!!

Люди плакали от радости и говорили: «Ну, теперь мы выживем! Слава Богу!».

После прорыва блокады нам увеличили нормы выдачи продуктов, и стали выдавать мыло, специи и другие товары по дополнительным талонам. Уже с середины апреля 1942 года в городе ходили трамваи. Стало легче жить. Хоть артобстрелы и авианалёты продолжались, но мы уже свыклись с жизнью фронтового города, и свободно бегали от школы до дома, даже когда снаряды свистели над головой. По звуку взрыва мы знали, куда падают снаряды, и как таблицу умножения, выучили: если слышишь свист снаряда, значит это не твой снаряд!

Однажды, во время артобстрела, я вырвалась из рук дежурных, которые не выпускали никого из школы, и помчалась домой, к дяде Пете. Пробегая по Ставропольской улице, уже за домом №1/18, я услышала какое-то шипение в возду-

хе, и тут же горячая волна прижала меня к стене дома. Больше я ничего не видела и не слышала, только там где была я минуту назад, я увидела лежащий на панели, блестящий множеством граней рваного металла, осколок снаряда. Конечно, я попыталась его поднять, но не удержала его, – он был очень горячий! И всё-таки, я взяла его и принесла домой. После этого случая, я не могла говорить дня три, и потом некоторое время заикалась, а когда волновалась, не чисто выговаривала буквы «л» и «р».

От чего это было, объяснить не могу, потому что взрыва я не слышала, меня не ранило, даже не «уронило», – только «волна» и осколок. Постепенно заикание прошло без лечения. Но больше я никогда не убегала из убежищ во время налётов или обстрелов.

В январе 1943 года по приказу И.В.Сталина была проведена реформа в Армии: вернули погоны и некоторые названия чинов (офицеров) и солдат не называли «красноармеец», изменили форму. Реформа была проведена и в школе: ввели раздельное обучение мальчиков и девочек, ввели форму, которую не все могли приобрести. Поэтому с октября нас из школы № 157 перевели в женскую школу № 154 (здание современного Английского Консульства в Смольнинском саду). Но 1942 – 1943 учебный год мы доучились в школе №157, откуда были направлены на летние каникулы, работать в совхоз на Правом берегу Невы, туда, где сейчас расположен Невский Лесопарк; где и прора-

ботали с 1-го июня до 1-го октября 1943г. Занятия начались с 15-го октября.

Про подарки на фронт я уже писала, а вот о наших концертах в госпитале, на Советском пр., дом 63, куда нас приглашали не раз по праздникам и по дням, когда уезжали на фронт поправившиеся бойцы, – написать тоже надо. Для лежащих раненных мы выступали в палатах. Когда я впервые вошла в палату, я не могла читать стихи, перехватило горло, к глазам подступили слёзы... Но мне дали возможность собраться, и я прочла, только голос предательски дрожал. А взрослые дяденьки плакали, и это было так тяжело видеть! Легче проходили выступления в большом концертном зале, – для выздоравливающих бойцов. Позже я привыкла и вела себя спокойно, хотя в каждом раненном невольно искала папу.

Моё участие в школьной самодеятельности было замечено завучем, и меня от нашей школы направили на районную олимпиаду, которая проходила в школе №155, где позднее был открыт ДПШ Смольнинского района. На выступление меня собирали всем классом, потому что у меня не было приличной одежды и обуви, тем более – чулок! Кто-то принёс даже атласную голубую ленту для моих малоухоженных волос. Кто-то дал кофточку. Юбочка у меня была своя. И только для выхода на сцену, кто-то из девочек принесли туфельки. А вот с чулками – просто беда! Не было чулок. И тогда наша замечательная классная руководительница, Орлова Зиновия Алексеевна, учительни-

ца русского языка и литературы (бывшая Смолянка, очень добрый и интересный человек) пришла на выручку и принесла мне свои чулки, тем самым, поставив точку в моих сборах.

Читала я стихи Саши Чёрного «Мишка» и стихи Ады Левиной, посвящённые её брату лётчику. И хоть имя автора «Мишки» было среди запрещённых, но на Городскую Олимпиаду прошло именно оно. На Олимпиаде, которая проводилась во Дворце Пионеров, я вышла в число победителей, т.е. заняла 1-ое место, так что усилия нашего класса не пропали даром.

Ещё о Зиновии Алексеевне. Это была удивительная женщина! Она учила нас не только грамоте, но и «азам» хорошего тона: культуре поведения, чистоплотности, учила грамотно излагать свои мысли на бумаге и без неё. Учила видеть и ценить красоту во всём! Видеть небо и морозные узоры. Замечать блеск и красоту снежинок, любить природу и беречь её. Всегда говорила о том, что даже самый скверный человек имеет что-то святое в душе. А главное, она учила быть добрыми, умению дружить и помогать всем, кому возможно и чем возможно помочь; быть подтянутыми, ответственными и аккуратными во всём! Она учила нас всему, чему мы должны были быть наученными дома, в семье. Я до сих пор уверена, что все, что я знаю, чем владею, что могу – всё от неё! А мыслить нас она учила так, – приходила на урок и говорила: «Дети, всё уберите в парту. Оставьте чистый лист бу-

маги и ручки. Пишем сочинение на тему «Тик-так». И мы писали – каждый своё, свой рассказ. И это помогло нам научиться правильно мыслить и правильно излагать свои мысли, научила думать, придумывать, творить!

Она говорила нам о том, что красоту девочки подчёркивает: чистота, опрятность, вежливость, образованность. Можно быть одетой и в залатанной одежде, но чистой и хорошо отглаженной. Девочка должна быть аккуратной и причёсанной, не забывая помыть шею, уши, руки и почистить зубы и обувь. Всегда приводила примеры из классической литературы. И ещё, она много раз повторяла, что грубость и гадкие слова – это отвратительно! Лучше не ссориться ни с кем и никогда. Но если случилось так, что просто необходимо ответить на оскорбивший тебя выпад, можно обидчику сказать обычными словами: «Ах ты, манная каша, размазня!» или «Ах ты, просто старая метёлка!», или ещё что-то в этом роде. После этого совета мы долго «упражнялись» в этом с большим удовольствием! К сожалению, дома я слышала другие слова! Но, помня совет Зиновии Алексеевны, всю жизнь стараюсь не употреблять матерных слов.

Время было трудное для всех. Плохое, не полноценное и ограниченное, не достаточное питание, плохая одежда и обувь, постоянное нервное напряжение и чувство одиночества, никому ненужности и уверенности, что тебя никто не любит, – всё это привело к тому, что я серьёзно заболела: бронхит, лимфаденит, правосто-

ронный плеврит и сердечно-сосудистая дистония, плюс – цинга и дистрофия. Меня в последней декаде января 1943-го положили в туберкулёзную больницу им. Воскова и пролежала я там до конца февраля. В одной огромной палате лежали «предтуберкулёзные больные» и ребята с открытой формой ТБЦ. Кормили скудно, а из дома передач не было, потому что маме нечего было принести. Во время тревог и артобстрелов, даже среди ночи, нас выводили в убежище. В палате было очень холодно, и мы все кутались с головой, чтобы согреться своим дыханием. Нас уговаривали не делать этого, т.к. нам нужен свежий и чистый воздух, но холод, голод и почти круглосуточная темнота, заставляли нас «нырять с головкой» под тощее одеяло. Когда мама подошла под окно помахать мне рукой, так как посещения больных были запрещены, я бросила в форточку записку, в которой написала, что если она не хочет, чтобы у меня болезнь перешла в открытую форму ТБЦ, то пусть она заберёт меня из больницы под расписку, т.к. я боюсь заразиться.

Мама забрала меня оттуда. Только прежде чем отпустить меня, нас с мамой повели в кабинет к главному врачу, где мне были задан вопрос, почему я хочу уйти домой? И я сказала о том, что в палате лежат тяжело больные, с кровохарканьем и такие, как я. При мне в нашей палате умерли шесть человек. Потом меня выставили за дверь, и взрослые говорили на повышенных тонах, а о чём? Я не знаю. Но домой я ушла с мамой. Меня

поставили на учёт в тубдиспансере №7, где я состояла на учёте более 10-ти лет (с февраля 1943-го по декабрь 1954-го года). Меня сняли с учёта только после рождения сына.

Приближался март 1943 года. Морозно-снежная погода была совсем не весенняя. Просто воздух стал другим, явно пахло весной! Мы всем классом решили сделать нашей Зиновии Алексеевне подарок, а другим учителям женщинам подарить открытки к 8 марта. Снова стали собирать, кто и что может. У меня было, кажется, 1 рубль 40 копеек и 4 моточка мулине, разного цвета. В общем, собрали деньги и купили глиняное блюдо, на которое сложили все мелочи, принесённые ребятами.

Вручали торжественно перед уроком, выстроились перед классной доской и, не помню, какие слова мы говорили, но было что-то похожее на лит. монтаж.

Зиновия Алексеевна была очень смущена нашей затеей, но подарок приняла, сказав, что очень приятно получить подарок от учеников, только больше не надо этого делать, потому что лучший подарок учителю – успехи его учеников.

Всю зиму 1942-43 года и до октября 1943-го мы жили у дяди Пети, и домой приходили редко. В одно из посещений я узнала, что в комнатах Рябининых поселились Анна Ивановна и её муж – инвалид, сапожник дядя Гриша. Оба супруга были в солидном возрасте и оба работали дворниками в деревянном доме, стоявшем до сноса, на Площади Пролетарской

Диктатуры. Они так захламили квартиру, просто ужас! Вели себя, как оккупанты – шумно, агрессивно, нагло и готовы были захватить всю квартиру! А в комнату Пашиных вселили двух женщин из разбомблённого дома на Таврической улице. Мама предупредила новых жильцов о том, что хозяйева этих комнат живы, а мужья их на фронте, воюют. Как только вернутся, из эвакуации и с фронта, прошлые жильцы, комнаты надо будет освободить. В последствии так и получилось. А тогда приходилось ладить и с теми, и с другими.

Время летело быстро. После прорыва блокады нам увеличили нормы выдачи продуктов и стали изредка выдавать талоны на промышленные товары. Жизнь города стала уже не такой отчаянно-невыносимой. Уже звенел трамвай, работали театр и кинотеатры, в тёмное время горел электросвет, а к грохоту взрывов мы уже привыкли. Мы начали готовиться к сдаче экзаменов за 4-ый класс, так как этот класс считался выпускным из начальной школы в среднюю. Пришёл светлый и солнечный май, раздолье для «Люфтваффе». Воздушные тревоги и бомбардировки возобновились с новой силой! И «небесная карусель», в разрывах зенитных снарядов, частенько кружилась над головой, это наши истребители «Яки» гоняли немецкие бомбардировщики.

К сожалению, бывало, что и наши самолёты были сбиты. Такой эпизод и мне пришлось увидеть. В один из очень светлых дней, прямо над нашим маленьким

двориком мы увидели «воздушную карусель». Вдруг один «ЯК» резко пошёл вниз, за ним потянулся чёрный шлейф, и очень быстро мы услышали звук упавшего самолёта. Он упал, врезавшись в угол здания Института иностранных языков. Мы побежали туда, но нас, конечно, не подпустили милиционеры. Знаю, что лётчик погиб.

Однажды мама пришла после работы очень расстроенная. Она выкупила свою норму хлеба и несла её домой (около 600грамм). На нашей лестнице стоял молоденький немецкий солдатик. Видимо, это был военнопленный из числа тех, которых привозили на разбор разбомблённых домов. Он смотрел на хлеб такими голодными глазами, что мама не выдержала и разломила свой паёк пополам и протянула его врагу. А тот не зная русского, всё повторял: «Бите, Фрай! Бите!». У мамы всегда был остренький язычок, и она, конечно, ответила по-своему, увы, совсем не дипломатично: «Битый ты, битый, а я вот тебе хлеба даю, мать-перемать! Такую твою растакую!». Мама не сдала его в милицию. А может быть зря, кто его знает, что он делал возле Горвода, ведь это стратегический объект, откуда вода идёт на весь город!..

Занятия в школе закончились, как всегда, 17 мая. Первый экзамен должен был быть 20 мая. Все мои одноклассники пришли на свой первый в жизни экзамен, как на праздник, чуть раньше назначенного времени, все были возбуждены и явно нервничали. Но вот прозвенел зво-

нок. Мы вошли в класс и сели за парты, входит Завуч и объявляет, что Правительство приняло решение – экзамены отменить, так как учащиеся ослаблены трудными условиями жизни в дни блокады. Что тут началось!

Все вскочили с мест, закричали «Ура! Ура!» и ураганом понеслись вниз по лестнице на улицу. Люди смотрели на нас, не понимая, что происходит? А это просто выражение искренней радости, что мы уже перешли в 5-ый класс, т.е. на вторую ступень образования, без экзаменов! А дальше было трудовое лето. Работа в совхозе «Рабочий», в бывшем Невском лесопарке, на берегу Невы, там, где стоит бывшая дача Зиновьева.

1-го июня 1943 года нас отправили из школы в совхоз. Добирались мы долго и трудно. Сначала мы все на трамвае поехали по проспекту Обуховской Обороны до завода им. Ленина. Дальше – пешком, до моста им. Володарского. Погода была солнечная, шли по набережной Невы, в тени деревьев. Всё равно было жарко и хотелось пить. Все мы после голодной, холодной зимы были ослабленные и очень быстро устали, особенно, маленький мальчуган первоклассник Вова Бахметьев, почему-то взятый с нами. Директор школы, одетый в гимнастёрку и хромовые сапоги, возглавлял нашу колонну и выглядел просто настоящим боевым командиром. Он подбадривал нас, говоря: что остаётся пройти немного, что надо быть терпеливыми и сильными. Он брал на руки малыша и нёс его какое-то

время, хотя и сам то едва держался на ногах. И мы всё шли и шли, надеясь, что скоро дойдём. Только, дойдя до моста, мы узнали, что через мост нас не пропустят, что нам надо пройти ещё какое-то расстояние до понтонного моста! Все приуныли, но делать нечего, пошли дальше.

Понтонный мост – это зрелище! Это баржи, которые стоят бок о бок друг с другом, а на них положен деревянный настил, соединяющий эти «плавсредства», подобие мостков, по которым шла военная техника и лошади, военные и мы. На мост нас пропустили не сразу, а поголовно пересчитали и проверили документы, после чего подняли шлагбаум. И мы двинулись на другой берег Невы.

На правом берегу Невы была Новосаратовская немецкая колония и, то ли 5-я, то ли 8-я, электростанция (кажется, всё-таки 5-я ГЭС). Колония стояла без жителей, их эвакуировали куда-то. На высоком берегу стояли аккуратные домики с палисадниками. Только видеть это было странно – словно на картинке; но, главное, мы шли, а вокруг ни души! Шли мы по пыльной просёлочной дороге, мимо ГЭС, огородов, домиков, шли несколько километров, пока не остановились у очередного шлагбаума на КПП. Опять нас пересчитывали, проверяли документы, и только потом пропустили за шлагбаум, чтобы вновь нам шагать по той же дороге вперёд.

От КПП до нашего дома было 2–2,5 км. Совершенно измученные и голодные мы добрались до места назначения. Нас жда-

ли, поэтому быстро расселили по комнатам большого, деревянного дома. Показали, где все «удобства» во дворе, и только после этого, наконец-то, пригласили в столовую! После еды, нам рассказали о распорядке, установленном в лагере, находящемся вблизи фронта, после чего отправили спать. А утром, после скудного завтрака, мы пошли на работу в поле.

Помню, в первый день мы сажали рассаду капусты. Норма на полный рабочий день была, примерно, 100 погонных метров. Это, казалось, бесконечная грядка. Очень тяжело, особенно подносить воду, которую надо было вливать в каждую лунку. Устали мы так, что еле добрались до постелей. С начала сезона, у нас не было сил ни на что другое, кроме работы. А потом привыкли, и даже перевыполняли норму. А вечером, на линейке, подводились итоги рабочего дня, и те, кто перевыполнил норму, получал «премию» – стакан настоящего коровьего молока!

Дача Зиновьева – дом, где мы жили, стоял на холме, за домом – дорога, ведущая на поля. Справа, довольно близко, был лес, куда нам запрещали ходить. Внизу, под берегом, протекала Нева, а в тени берега маскировались 2 боевых корабля: «Опытный» и «Зея». Моряки исправно несли свою службу на кораблях, а «мастеровой» моряк, видимо недавно из госпиталя, т.к. сильно прихрамывал, жил в нашем доме, на втором этаже, где занимался починкой башмаков, бушлатов и прочей одежды.

Мы дружили с моряками. И часто устраивали для них свои детские концерты, в свободное от работы время, пели песни о море и о морях.

А однажды, под утро, мы проснулись от ужасного грохота: дом содрогался, как от землетрясения, рамы висели на одной петле и без стёкол, шла ожесточённая пальба из всех стволов, имеющих на обоих кораблях! И немцы отвечали дальноточными снарядами. Где-то гудели самолёты... Мы все вскочили и, не зная, куда укрыться и что делать, стали лихорадочно натягивать на себя весь свой скудный гардероб, собираясь бежать в город. Хорошо, что нас остановили воспитатели и тот моряк-инвалид, спасибо им, они спасли нас от верной гибели! Ведь если бы мы побежали по той дороге, по которой пришли из города в лагерь, то были бы все расстреляны, потому что немцы бомбили именно этот участок дороги, 5-ую ГЭС и понтонный мост! А это понятно, для нас была бы верная гибель. Но Господь уберёт нас!

В дальнейшем по этой дороге нас не пускали, для нас 1 раз в 10 дней присылали «речной трамвайчик», на котором мы ездили (правильно – плавали) в город, домой, помыться – постираться. Отпускали на сутки, а потом, таким же путём – обратно.

Мама к этому дню подгадывала свои свободные сутки, чтобы вместе помыться в бане и привести в порядок одежду. Катер довозил нас до пристани у Смольного проспекта, – рядом с Большеохтенским мостом (сейчас этой пристани уже нет), –

а через сутки там же забирал нас обратно. Однажды при посадке в «трамвайчик», проходя по сходням, сорвалась и упала в воду наша одноклассница Ирина Князева. Мы все очень испугались, закричали, потому что глубина была большая, и катер буквально «плясал» на волне. Было очень страшно, что катер мог придавить Иру к сваям. На наш крик прибежал матросик, бросил спасательный круг, потом как-то вытащил Ирочку и багром выловил её вещи. Ира осталась в городе, а нас повезли в совхоз «Рабочий». Больше Ира в лагере не появилась, старшая сестра её не отпустила.

На полях нам приходилось работать довольно долго. Погода бывала очень разная: были дожди, было и солнце, а одежды особенной не было, поэтому и мокли, и сохли на ходу. И грязными ходить приходилось тоже. По распорядку, установленному с первого дня, комнаты и территорию вокруг дачи, мы убирали сами, по очереди. Дежурный по комнате обязан был подмести мокрым веником все полы, вытереть везде пыль, расставить аккуратно обувь и принести ведро воды из реки.

И всё это надо было успеть сделать до ухода на работу, т.к. нам не разрешали ходить в одиночку, и ещё надо было своё дежурство сдать старшей пионервожатой до работы.

Это случилось в конце августа. Я была дневальной. Я всё убрала, но отряд уже ушёл на уборку турнепса, а мне надо было ещё принести ведро воды. Я побежала на

речку, это был искусственно вырытый ручей, который вытекал из Невы, по дуге проходил по территории дачи и вновь впадал в Неву. Видимо, у старых хозяев дачи там была купальня. Чтобы добраться до воды, были сделаны 2 ступеньки из белого мрамора. Обычно речушка была мелкой и спокойной. А в этот день почему-то вода прибыла и залила ступеньки, и взять воду было трудно. Я спустилась на ступеньку, а она такая скользкая! Наклонилась, зачерпнула воду, а вытащить не могу! Ведро слишком тяжёлое! И я упала в воду вместе с ведром! Выпустить ведро из рук не могу, – ведро казённое, – и выбраться не могу. Барахтаюсь в холодной воде молча, знаю, что все ушли, звать некого... Вдруг слышу: «Эй, сестрёнка! Ты что там пузыри пускаешь?». Я кричу ему: «Дяденька, вытащи меня, пожалуйста!». Он мне: «Так ты брось ведро!», а я в ответ: «Не могу, оно казённое, да и вода нужна!». Дяденька, – это матрос, который жил выше нас. Вытащил он и меня, и ведро. Воду сам принёс и посоветовал: «А ты, сестрёнка, быстро переоденься в сухое, быстро! И на работу, – бегом марш!». Так вот мы, дистрофики, «купались в бархатный сезон». Я переоделась в сухое бельё и помчалась в поле, догонять отряд.

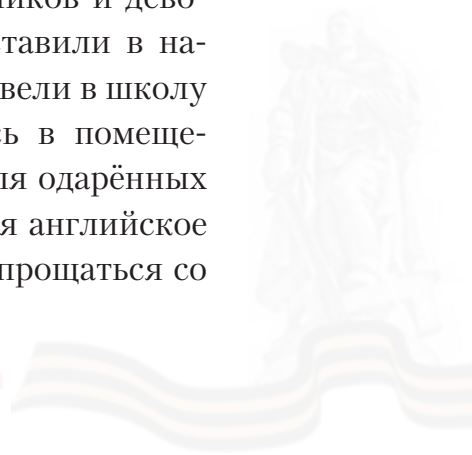
Работая в поле, мы часто наблюдали за жизнью небольшой погранзаставы. Не знаю, сколько было там солдат на КПП, но служба их протекала на наших глазах. Фронт проходил в нескольких километрах от нашего лагеря, и военные часто поднимали аэростат с наблюдателем. Од-

нажды, прилетел фашистский самолёт-разведчик и стал обстреливать из пулемёта нас и рабочую бригаду совхоза. Мы легли между грядок, – ни живы, ни мёртвы, а он всё кружил и стрелял! И пуля попала в аэростат, – он вспыхнул, как спичка. Корзина с наблюдателем камнем упала на землю. Что стало с бойцом, нам не известно, возможно он погиб... А нам было очень страшно и очень жаль неизвестного нам человека. Хорошо, что все наши ребята остались живы и не ранены.

А вообще, как правило, «фрицы» летали к нам почти каждый день, и «работали» они «по часам»: после обеда и до полдника, в те дни, когда была лётная погода.

Убирать урожай намного интереснее, чем сажать рассаду, окучивать, поливать, а потом, – пропалывать, – вот где ужас! Пололи мы и цапками, и руками: руки в «цыпках», ногти в «трауре», пальцы в заусенцах, – настоящие рабоче-крестьянские руки! Уставали мы ужасно. После работы умывались на улице, пользуясь ручноймыльницей, холодной водой. Все другие «удобства» во дворе, рядом. Ну, про баню я уже писала. Вот и вся наша гигиена.

Новый учебный 1943-44 год начался с 1 октября 1943г. 1-го января 1943года вышел Указ Правительства СССР о раздельном обучении мальчиков и девочек, поэтому мальчишек оставили в нашей школе №157, а нас перевели в школу №154, которая размещалась в помещении Детского Дома №80 (для одарённых детей); сейчас там находится английское посольство. Прежде, чем попрощаться со

школой №157, нас пригласили в школу и выдали нам нашу зарплату (!), за лето 1943года, выращенными нами овощами: довольно большой кочан капусты, турнепс, сколько-то свёклы и моркови. Я за «получкой» пошла одна, вместо мешка взяла наматрасник. Когда всё сложили в мешок, я поняла, что мне такой груз не поднять. Пришлось тащить волоком по асфальту. Тащила я, гордая своей «зарплатой» и представляла, как удивится и обрадуется мама! Но получилось всё не так. Вместо похвалы, я получила «разгон» за то, что разорвала мешок от трения об асфальт.

С 1-го октября 1943года начались занятия в новой, для нас – девочек, Полной женской школе №154 Смольнинского района г. Ленинграда. Пришли мы в 5-ый класс, и начались занятия с новыми учителями: как-то отчуждённо, холодно, казённо. Учебников не хватало, тетради, – тот же лимит... Словом, в первые недели учебного года, я очень скучала о прежней школе и об учителях прошлого года. Позднее это сгладилось, и я попривыкла к новым условиям. Но училась – не блеск! Правда, двоек не было, но и пятёрки блестящие не часто. С нового учебного года была введена форма: тёмное платье, чёрный и белый передники. Но, так как шла война и была ещё блокада, а промтовары выдавались по талонам и очень ограниченно, у нас просто не было такой формы. Да и в продаже формы не было! Поэтому мы продолжали учиться, – кто, во что мог

быть одетым, в том и приходил на занятия.

Впервые у нас появилось изучение французского языка. Нам было уже по 13 лет, а некоторым девочкам: 15-16 лет. Это из тех, кто из-за войны пропустили 2-3 года учёбы.

Однажды, вернувшись из школы, я была удивлена увиденным богатством, – на полу лежало килограммов 10-12 чудесной, чистенькой, тонко-розовой картошечки! Это мама, со знакомыми, съездила куда-то на совхозные поля, на перекопку картофельного поля, буквально, рискуя жизнью, так как немцы стреляли по всему, что движется на полях!.. Кроме того, её просто могли арестовать, как расхитителя народного имущества. К счастью, всё обошлось благополучно, и картошечка была чудо! Мы использовали её очень экономно, только на суп.

Да, с сентября мы жили уже дома, на Тверской, а дядя Петя остался у себя, один; надеялся, что закончится война, и он увидится с сыновьями, но не так всё получилось. После дистрофии дядя очень располнел, может быть, у него было повышенное давление, он плохо себя чувствовал. Печи тогда топили каменным углём или брикетами торфа, или очередной мебелью. И вот, когда 16 октября дядя был один дома, он сильно натопил печь каменным углём. Видимо, рано закрыл вьюшку, смертельно угорел, и погиб! Когда мама постучала к нему в окно, он не отозвался.

Она долго пыталась достучаться, потом обошла дом с другой стороны и по-

смотрела в окно кухни, там увидела ноги дяди, – он лежал на полу в коридоре.

К сожалению, пока она собрала людей и милицию, – только тогда можно, по закону, вскрыть квартиру, – и когда они все вошли в помещение, дядя был уже мёртв и остыл... Никто и ни чем уже не мог ему помочь. Для мамы это было большим ударом и утратой крепкого мужского плеча.

Большую и неоценимую помощь, в это горестное время, нам оказала Наталья Васильевна Хорунина (позже – Иванова), ставшая в последствии моей Крёстной. Она организовала всё для относительно нормальных похорон, – лучшего машиниста-дизелиста, специалиста и безотказного работника Горвода, – Петра Кирилловича Лиленко за счёт предприятия. В столярной мастерской для него сделали «домовину», отпели в Церкви на Большеохтенским кладбище и там захоронили. Провожали его все, кто был свободен от работы в этот день, и даже организовали небольшие поминки. И всё это, – стараниями Наталии Васильевны! У нас с мамой ничего не было. И мы ничего подобного сделать без Наталии Васильевны просто не смогли бы. Поклон ей земной за такую помощь и в такое трудное время! Это она потребовала: в завкоме какую-то сумму денег, в бухгалтерии остаток зарплаты дяди, и ещё в столовой, – выдать продукты за не использованные карточки на рациональном питании. Вот так всё и получилось, что мы смогли проводить дядю Петю в последний путь похристиански. Ещё раз, – поклон земной

этой замечательной женщине, которая отозвалась на наше горе. И многим людям моя Крёстная помогала бескорыстно, по велению души и доброго сердца. Царствия ей Небесного!

Прошло много лет с тех тяжёлых дней, но даже сейчас, когда я вспоминаю об этом событии, я испытываю какую-то жуть... А тогда я очень-очень боялась!

Мама сказала мне о случившемся без подготовки, и я очень испугалась! Мама говорила мне позже, что я сильно кричала, хоть я этого не помню. И в церкви, и у могилы меня все подталкивали, чтобы я подошла ко гробу, чтобы дотронулась до ног дяди, для того, чтобы не боялась попрощаться, – я не смогла преодолеть себя!

И ещё долго-долго боялась Духа дяди.

Пришлось несколько раз заходить в его квартиру, чтобы помочь маме собрать всё его добро и перенести к нам, т.к. требовали освободить жилплощадь для пострадавших от бомбёжек и нуждающихся в жилье, обещая, в случае возвращения детей после войны, предоставить им квартиру. А в тот момент, пришлось по Акту принять на хранение всю одежду, постели, посуду, обувь. Всё это перенесли в нашу 14-ти метровую комнату. Мебель мы забрать не могли, некуда было поставить. Только один, очень дорогой, резной, дубовый буфет перевезли и поставили в коридоре, на место старого сундука, а буфет заполнили частью вещей, кухонной посудой и прочей утварью. Остальную

мебель оставили въехавшим жильцам, по договорённости, что если приедут дети, то мебель будет изъята в их пользу и будет передана наследникам.

Когда кончилась война и приехали наследники с бабушкой Пашей, мама всё-всё передала бабушке и племянникам, – Виктору и Юрию, – по Акту. Вещи приняли и перевезли к племяннице тёти Маруси, – Чепчиковой. Но там не стали задумываться о судьбе сирот и всё пустили в оборот! По этому, Виктору и Юрию мало что досталось от родителей, «добрые» родственники всё обобрали, прости их Боже!

Как я уже писала ранее, училась я в школе №154, в помещении, где сейчас Английское Посольство, рядом со Смольным Собором. Не смотря на то, что шла война и продолжалась блокада (18 января 1943года блокада была прорвана, но немцы стояли у стен города, продолжались артобстрелы и бомбёжки, гибли люди и разрушались дома), наша школьная жизнь шла своим чередом. Кроме школьной программы, были организованы кружки самодеятельности: художественного слова, хореографии, хор и другие. Я активно участвовала в первых двух, мечтаю стать актрисой. К ежегодному Празднику 7-ое ноября мы готовили праздничный концерт: для госпиталя, для школы и для олимпиады; концерт в школе был назначен на 6 ноября.

После уроков я побежала домой переодеться, – для хореографического этюда была сшита из старой простыни пышная, белая юбочка. Из комнаты соседей я

услышала звуки радио, которое сообщило добрую весть, – наши войска освободили город Киев! Я заторопилась в школу, очень хотелось скорее сообщить всем сразу! Бежала я быстро, но ноги плохо слушались, сердце, казалось, выскочит из груди! Перебегая через Лафонскую улицу, зацепилась ногой за трамвайный рельс и, со всего размаха, коленом об рельс! Очень сильно разбила правое колено, но обиднее всего, что на месте ушиба, здорово разорвала рейтузы, а заменить их не чем! Так что праздник получился со слезами на глазах.

Сразу после праздника мне пришлось много выступать в концертах: и в госпитале, и в школах нашего района, и даже в детском садике комбината им Кирова, который открыли вновь. В нашем Смольнинском районе был проведён Смотр художественной самодеятельности. Я читала стихи неизвестного поэта о сторожевом катере «Щ-12», – «Наша Щука – всем наука, смелая, зубастая!», и танцевала «Берёзку», танец девочек на русские мотивы, в постановке нашего хореографа (увы, не помню имени и отчества этого преподавателя). Со стихами я вышла в число победителей, и меня стали готовить на Городскую Олимпиаду.

В конце ноября ко мне подошла незнакомая учительница и спросила: не хочу ли я заниматься в Студии художественного слова при ДПШ Смольнинского района, в школе №155, на 7-ой Советской улице? Я согласилась и стала заниматься там, и посещала Студию до

весны 1946г. Руководила Студией, Турцевич Ольга Анатольевна, в прошлом актриса Петрозаводского театра драмы. Она привила мне любовь к поэзии, научила держаться и двигаться на сцене, научила чистой дикции и умению донести до зрителя глубинный смысл стиха, и каждый звук до каждого зрителя, даже если произносить текст шёпотом! Она давала мне очень красивые стихи Батюшкова, поэтов «Серебряного века», неизвестных нам поэтов: стихи «Орёл в неволе», или такое, как я его условно называю, – «Сре-тенье». Мне стихи нравились, и я читала их с упоением!

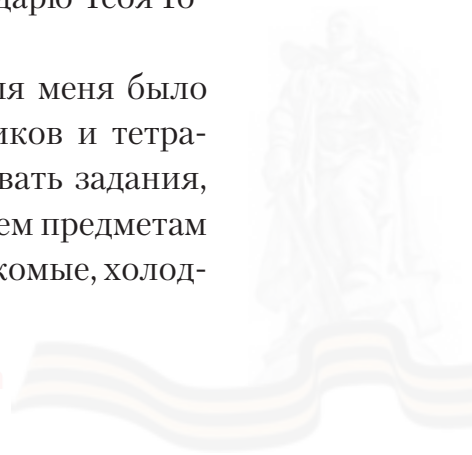
Я очень благодарна судьбе и Ольге Анатольевне за её науку, в результате чего, я до сих пор люблю поэзию. Ольга Анатольевна заботилась обо мне. Она пророчила мне большое будущее на эстраде и в театре, считая, что у меня есть задатки, дар Божий, талант. Но, увы, у нас с мамой не было материальной базы, и после окончания 7-го класса, мне пришлось уйти из школы, и поступить в библиотечный техникум, где я сумела познакомиться Западно-Европейской литературой и поэзией.

В день моего 18-тилетия, мне мама объявила: «С этого ветошка, каждый со своего мешка!», это означало, что, начиная с 5-го августа, я стала самостоятельной и обязана обеспечивать себя полностью сама. Пришлось пойти работать на комбинат им. Кирова, где я работала до выхода на пенсию. В 1948 г я поступила на заочное отделение в Московском

текстильном техникуме, на 3-ий курс, и в 1951-ом году отлично окончила его. Так наши с Ольгой Анатольевной мечты «разбились о быт». Но всё это происходило уже после войны, просто я «забежала» вперёд.

А в дни войны, в блокадную пору, когда я приходила в гости к Ольге Анатольевне и её маме Евдокии Леопольдовне, Ольга Анатольевна садилась к пианино, и мы начинали петь русские песни. Эти добрые женщины считали, что когда я повзрослею, я смогу петь, и не плохо. Но, и петь мне пришлось очень мало, увы! Общение с ними было тёплым и приятным. Кроме всего, мне давали читать книги Лидии Чарской и переводные книги скандинавских писателей. Читала я их «запоем». Отсюда моя грамотность и правильный «язык». Я очень благодарна этим замечательным женщинам за те дни и вечера, и за то добро и тепло душевное, которое они мне дали. Мне очень повезло, что на моём жизненном пути мне встретились: в детском садике, – воспитательница Вера Павловна; потом в школе, – Зиновия Алексеевна; и вот ещё, – Ольга Анатольевна! Это три ключевые фигуры в деле становления моей личности – воспитания и образования. Поклон им земной и Вечная память! Благодарю Тебя Господи за встречу с ними.

Учение в 1943-44году для меня было трудным, – не было учебников и тетрадей, приходилось переписывать задания, целыми параграфами! По всем предметам были разные учителя: незнакомые, холод-

ные, требовательные... А тут ещё, – заикание, особенно при волнении! Как бы хорошо я не подготовилась, из-за заикания создавалось впечатление, что к уроку я не готова. А мы, полуголодные и озябшие: мёрзли руки и ноги, пальцы покраснели и припухли, – отсюда тройки. Это привело к расстройству нервной системы, и когда был медосмотр, школьный врач поставила диагноз: вегето-сосудистая дистония. Душой я оттаивала только в Студии художественного слова.

После похорон дяди Пети, мы с мамой жили дома, на Тверской, но виделись по-прежнему редко. Мама по-прежнему много работала. И ещё, в это трудное для всех время, когда было много раненных людей и очень была нужна кровь, мама стала донором и сдавала кровь в институте переливания крови несколько лет! Один раз в 40 дней она ездила в институт на сдачу крови. Там её кормили и давали продовольственный паёк, плюс сколько-то денег. Мама очень радовалась этому поощрению, потому что мы жили так бедно, что каждая копейка была, как дар Божий!.. Часто бывали такие тоскливые вечера: пусто, холодно, темно, одиноко... Вот тогда-то, я и хваталась за книги, данные мне Ольгой Анатольевной, в ущерб занятиям по школьной программе. Но до двоек дело не доходило!

И вот 1-го декабря 1943г. нас, 6 девочек из нашего 5-а класса, вызвали к завучу школы и объявили, что мы в этот день должны быть в Актовом зале школы №155, на Греческом проспекте. Это

были: я, Люба Румянцева, Люба Ренёва, Зоя Ананьева, Оля Круглова и ещё какая-то девочка, не помню кто. Ровно в три часа дня, мы были в школе №155, не зная, зачем нас вызвали. А в школе был праздник! Гремел духовой оркестр, шумели ребята и, не смотря на осадное положение, сияла огромная люстра в Актовом зале, да и вся школа была необычно освещена. Праздник был по поводу того, что многие ребята были награждены медалью «За оборону Ленинграда»! И мне тоже вручили эту медаль, – за работу в совхозе «Рабочий», в прифронтовой зоне. Все мы были рады тому. Что наш труд так оценили! После торжественной части, началось веселье: танцевали, пели, играли в подвижные игры, словом, веселились! Тогда мы не подозревали, что эта медаль так нам поможет в старости! Ведь нам, медалистам и инвалидам, выплачивают двойную пенсию!!!

Приближался Новый, 1944 год. Закончилось первое полугодие, начались зимние каникулы! Нас, медалистов, пригласили на городскую ёлку, во Дворец Пионеров.

Во дворце так же сияли огни, и звучала музыка. Нас привели в огромный белоколонный зал. Сначала были поздравления, потом – концерт силами ребят, занимающихся в кружках Дворца, а после концерта нас пригласили в один из залов, где были накрыты праздничные столы. Каждому из нас дали по стакану киселя, по 2 кекса из жмыха сои (шроты), и по 2 соевых батончика. После угощения,

мы вернулись в танцевальный зал. Вот так весело мы встретили Новый 1944год! Все месяцы войны нас бомбили, расстреливали, морили голодом... А мы выжили: «Всем смертям назло!»

Когда человеку 13 с половиной лет, самое замечательное время – каникулы! Тем более – зимние! С ёлками и праздниками, и с ожиданием чего-то очень интересного! Правда, обстрелы и тревоги ещё продолжались, но мы уже привыкли к грохоту: если слышим, значит – живы, значит – снова мимо нас! А в эти каникулы мне пришлось здорово потрудиться: было много выступлений в школах, в госпитале на Суворовском, где-то на проспекте Обуховской Обороны, и в садике на 8-ой Советской в роли Снегурочки. Это я то, с черными глазами и бровями, с чёрными кудрями?.. Костюмов не было, изобретали сами, как умели и как могли. Мне сшили белый расклёшенный халатик и белый чепчик, обшитый ватой – сплошной «снег». Снегурочка была принята «на бис!». Кроме аплодисментов, в садике меня покормили вкусным обедом. Что было нелишне и очень кстати! Все каникулы мне некогда было скучать, поэтому они для меня показались очень короткими. Занятия начались с 10-го января. И всё было нормально, обычная школьная жизнь шла «по накатанной дорожке». Но уже через неделю Ленинград стал просыпаться, жить и ложиться спать под звуки ровной, беспрестанной канонады.

Сначала мы терялись в догадках, задавая вопрос: что это за беспрестанный гул?

Потом, особенно в тёмное время суток, было видно зарево вспышек и слышно: идёт бой, жестокий, упорный и долгий, – это заговорил фронт по всей границе города.

По радио, к концу недели стали называть освобождённые от немцев населённые пункты и пригороды. Мы все: старики, дети и взрослые, ждали, очень ждали снятия блокады... И вот, 27 января 1944года это свершилось!!! Соединение двух фронтов: Ленинградского и Волховского, разгром немецкой группировки войск и полное освобождение Ленинграда от блокады! А это значило, что больше не будет артобстрелов, разрушений, гибели мирных жителей, домов, памятников...

И это было счастье!!!

27 января 1944года, в 20 часов, у моста им. Кирова (сейчас, это Троицкий мост), там, где памятник А.Суворову, в большой толпе ленинградцев, я видела первый салют Ленинградской Победы! Стреляли с пляжа Петропавловской крепости: 24 залпа из 324-рёх орудий! Конечно, тот салют не был таким пышным, как сейчас, но это был наш салют в честь нашей Победы! В честь нашего освобождения!

Все, кто был там в то время, ликовали: обнимались, целовались, кричали «УРА!», плакали от счастья, и, одновременно, от горя, – ведь столько потерь. Столько переживаний! Это не забываемо!..

Я должна заметить, что стояла я возле дома-дворца, где в своё время размещалось Английское консульство. Так распорядилась судьба, что через пару лет, я стала постоянной посетительницей этого здания, так как стала студенткой библиотечного техникума, а техникум был при Институте Культуры, располагавшемся в этом здании. Но, во время Салюта, я не могла даже предположить, что буду учиться здесь!

То ли я перереволновалась, то ли простудилась, но я заболела. Болела долго, и, как результат, в конце февраля меня поставили на учёт в тубдиспансере №7 Смольнинского района, где я состояла до весны 1954г. Слава Богу, открытой формы ТБЦ у меня не было. А когда я вышла замуж, повзрослела, окрепла, меня сняли с учёта.

Время всегда летит быстро, особенно в юности. После зимы, как-то очень быстро пришла весна... В школе, – бесконечные контрольные по всем предметам.

И поскольку у меня с книгами (вернее – без книг) было напряжённо, мне приходилось очень много переписывать. И это дало результат, учебный год я закончила вполне прилично! После окончания учебного года, перед мамой стал вопрос: что со мной делать, куда пристроить, так как школьная столовая на лето закрылась.

Маме посоветовали отдать меня «в услужение» к какому-то городскому деятелю, – няней для девочки лет двух. Няней я была всего один день! Им была нужна домработница, умеющая готовить,

стирать, убирать, и полностью заниматься ребёнком, чего я не умела, и не могла. На этом закончилось наше знакомство.

Итак, я была свободна! Мама мне сказала строго, что всё, что я отказалась делать у людей, надо делать дома. И я делала! И убирала, и мыла наш не крашенный пол, и по мере знаний, готовила еду, если было из чего. Кроме того, я ходила на наши две грядки, которые нам выделили на набережной Невы, на Орловской улице. Там я была сама с собою, поливая грядки, я пела, смотрела на облака и видела: такие картины, пейзажи! Просто другой и красивый мир! Наблюдала за птичками, слушала их пение. А однажды, увидела маленькую бежево-коричневого окраса пичугу, погибшую в луже смолы, оставшейся от асфальтового завода, располагавшегося на месте выделенных огородиков ещё до войны. Жаль было птичку до слёз! Видимо, она приняла блестящую поверхность смолы за обычную лужу воды. И пришло на ум такое сравнение: увидев блеск, наступишь на землю, как на ярко-зелёную кочку в болоте, и погибнешь, как эта птаха... Я часто вспоминала эту пичугу. Не знаю, так ли это, но кажется, что именно увиденное и глубоко прочувствованное мною в тот день, не раз в жизни помогло мне избежать «асфальтовой лужи», по пословице: «Коготок увяз – всей птичке пропасть».

Однажды, когда мы с девочками готовились к очередной контрольной, кто-то предложил сходить в церковь. И мы, человек 10, побежали через мост Петра Ве-

ликого (быв. Большеохтинский) на кладбище. Хоть в дни войны уже было не так строго в вопросе веры, но церквей в городе действовало мало, и ближайшая была на Георгиевском Большеохтинском кладбище. Вот туда то мы и отправились. Вошли мы притихшие, оробевшие... В церкви было тихо, никого из молящихся не было, только мерцали огоньки лампад, да кое-где горели свечечки, и стояла, пахнущая ладаном, тишина. Вышел Батюшка с кадильницей в руках. Он задал вопрос: «Что случилось?». Кто-то из нас сказал о скорой контрольной. Батюшка видимо понял, что мы пришли за помощью ко Господу. Не помню, что он нам сказал, потом благословил и отправил, напутствуя на добро. Этот поход дал толчок моим мыслям о Боге, и я стала просить маму меня окрестить. На работе мама рассказала о моей просьбе, и Наталья Васильевна согласилась стать моей Крёстной матерью. И вот, в начале июля 1944 года, меня окрестили в той же церкви.

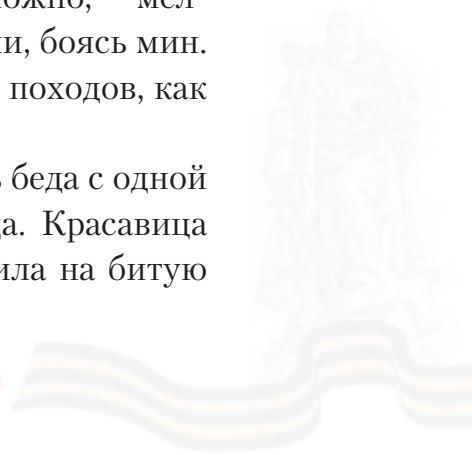
А через несколько дней, я должна была ехать в пионер-лагерь «Дубки», за Петергофом. Лагерь был большой, около 400 девочек разных возрастов; примерно 10 отрядов были расселены в деревенских домах, все удобства – во дворах, общая столовая на улице, но кормили прилично, так как лагерь находился под опекой Горкома партии. Мужчин в лагере не было, горниста – тоже. И вот: вместо горна – барабан, а барабанщицей назначили меня. Я будила лагерь барабанной дробью, давала сигнал: «На линейку». Барабанила вме-

сто музыки марша на походах, словом, – все сигналы по режиму дня и на сборы, – это была моя работа! Активная пионерка с галстуком и... с крестиком на груди. И ничего, всё как будто, так и надо, всё «в норме»...

А осенью, примерно в октябре 1944 года, группа 14-летних учениц нашего девичьего класса (в том числе и я) вступили в комсомол, так как все девчонки, прочтя книгу «Два капитана», мечтали стать, если не капитанами, то штурманами дальнего плавания! А чтобы поступить в мореходку, надо было обязательно быть комсомолкой! В комсомол то нас приняли, а вот с мореходкой не получилось! Отправили нас учиться по специальностям «на берегу».

Наш пионер-лагерь был расположен в местах, где происходили жесточайшие бои на «Невском пяточке», поэтому нам категорически запрещалось ходить куда-либо без провожатых. Мы, в основном, ходили строем, все вместе, и только по проверенной сапёрами дороге, поскольку все сады, поля, лужайки были напичканы минами и неразорвавшимися снарядами. Лето было жаркое, и мы изнывали от сухого зноя. Изредка нас водили на залив, но в заливе можно было только поплежаться, а окунуться невозможно, – мелко, а далеко, – нас не пускали, боясь мин. И всё равно, мы ждали этих походов, как манны небесной!

Однажды, там случилась беда с одной из девушек старшего отряда. Красавица Вуока Лаатикайнен наступила на битую

бутылку и очень сильно разрезала пятку, задев кровеносный сосуд. Пришлось воспитателям нести Вуоку до лагеря на руках, а потом её куда-то отправили. Но меня потряс вид такого количества крови! Наверное, именно поэтому, и запомнился этот случай на всю жизнь. Наша жизнь в лагере была обычной, как в любом лагере, по такому же режиму дня: сборы, походы по дороге, туда и обратно. Кружки самодеятельности, костёр. Словом, все, как у всех, в соответствии с режимом дня. Ох, и набарабанилась я за 42 дня на всю оставшуюся жизнь!

Из того лета запомнился мне один из вечеров конца июля. Солнце клонилось к закату, небо безоблачно-синее. Лагерь размещался на пригорке, откуда хорошо был виден искрящийся залив. Где-то очень далеко на заливе были видны совсем маленькие, словно игрушечные, кораблики. Было не понятно, – чьи они? Но завязался бой, нам были видны яркие вспышки пушечных выстрелов, чёрный дым и отдалённый грохот. Бой длился долго, пока прозрачные сумерки не закрыли, своего рода, занавес. Так для нас и осталось загадкой, – чем закончился бой.

Позднее, уже в августе, когда созрели ягоды, нас направили на сбор чёрной смородины. Это был «вкусный десант». Была установлена норма, надо было собрать 2 кг ягод для госпиталя, а потом можно было поесть самой. Но такой «десант» был всего один раз. Видимо, доброе руководство совхоза решило нас, дистрофиков, подпитать витаминами.

В город мы вернулись в конце августа, к началу учебного года. За лето, нашу женскую школу №154 перевели на улицу Красной Конницы, на углу Очаковской улицы, а на другой стороне, – мужская школа №158, и мы ходили мимо наших мальчишек, с гордо поднятой головой! «Мы» – это наш девичий «триумвират»:

Галя Овчинникова, Зина Белкина и я. Мы начитались книг о море, морских путешествиях и заморских странах, в частности: «Два капитана»; любили повторять: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!», и грезили наяву, что будем штурманами дальнего плавания.

О результате этой грёзы я писала выше. Добавлю только, что, «закаляя силу воли, которая должна быть твёрже стали», мы до заморозков ходили в школу раздетыми, иногда мёрзли отчаянно, шли с посиневшими губами, но: «с гордо поднятой головой!» Вот такие были фантазёрки. И ещё, на наших «москвичках» за плечами трепетали морские воротнички-гюйсы. Учились мы уже в 7-ом, выпускном из средней школы классе, и считали, что до мечты «рукой подать»... Но, не получилось.

Параллельно с обычными занятиями по программе школы, нас учили красиво танцевать. Два раза в неделю к нам приходил учитель танцев Хавский Владимир и приводил к нам «кавалеров» из Нахимовского, курсантов нашего возраста. Мы разучили много бальных танцев. И это было интересно, но у меня была беда, – было всего одно платье в горошек,

– на все случаи жизни. А вместо туфель, мне дядя Шурик сшил тапочки из старого портфеля и приводного ремня, вместо подошвы, но тапочки были симпатичные, чёрного цвета. И танцевала я в них, – просто чудо, как хорошо!

Война ушла далеко на запад. Каждая сводка Совинформбюро приносила радостные вести о продвижении наших войск всё дальше от наших границ, поближе к Берлину. Наша Армия громила немцев, освобождая Европу от фашистов. Уже в зимние месяцы, мы знали, что войне скоро конец! И это радовало.

Новый 1945 год мы встречали с радостной надеждой на скорую Победу. По всем школам района, в зимние каникулы, гремели балы. Во всех школах я принимала участие в концертах, – читала стихи! Третья четверть учебного года прошла как-то очень быстро, близился конец учебного года и неизбежные выпускные экзамены по 11 предметам! Готовиться начали уже в апреле.

9 мая 1945 года!!! Пришла долгожданная победа!!!

Этот день я помню всю дальнейшую жизнь! День был яркий, солнечный!

Мы пришли в школу, и нам объявили о Победе. Взрыв радости и крики восторга не описать! Конечно, мы не учились в этот день.

Праздник Победы состоялся вечером, на площади Пролетарской Диктатуры: гремели духовые оркестры, на двух рядом стоящих «Студебеккерах» откинули борта машин и соорудили сцену, на которой артисты всех видов эстрадного искусства показали своё мастерство. А потом начались танцы и пляски. Народ ликовал! А когда на город опустились сиреневые сумерки, начался салют победы!

Палили из всех стволов, – у кого что было! Прожектора, стоящие по углам площади, освещали ликующий народ! Я в этот вечер протанцевала туфельку до изрядной дыры. Летом мы встречали наших победителей, прибывающих с разных фронтов.

Ну, а дальше жизнь была уже в «Мирное время», и это – уже другая история.

Я много писала, читайте мои стихи и заметки в газетах.

Вот и «О своей блокаде», – я написала всё.

ЖУКОВ Владимир Павлович

Я родился в Ленинграде в 1929 году. К лету 1941 года успел окончить 4 класса. В конце учебного года мама как обычно отправила меня на лето к деду, отдыхать, в село Акулово Новгородской области.

Когда началась война, я ждал, что мама приедет за мной и заберет домой, в Ленинград. Её все не было, и я решил возвращаться самостоятельно. В августе умудрился сесть на один из последних поездов и приехал в город. Мама и я жили в квартире по адресу Кондратьевский проспект, дом 34. Квартира оказалась заброшенной, заколоченной. Управдом сказала, что маму забрали в армию.

В Ленинграде из близких родственников у меня было только тетя Феня. Работала она охранником на заводе «Русский Дизель», а жила на Ниейшлотском переулке. Тогда я отправился к ней. Узнал, что мама служит в Девяткино, поваром в зенитном полку. Несмотря на то, что район Пискаревки был уже пограничной зоной, территорию усиленно патрулировали, и без документов не пропускали, к маме я ездил часто. Забирался под скамейки в поезде, просил попутчиков прикрыть меня

вещами. Все равно, бывало, что задерживали. Старался раз в неделю обязательно к ней съездить – мать меня кормила.

Тётя Феня умерла в 1943 году и мне пришлось вернуться домой, на Кондратьевский проспект. Некоторое время пришлось жить одному. Правда, помогала соседка по лестнице: стирала, подкармливала меня. Я же занимался тем, что сбрасывал зажигательные бомбы с крыш, по-

могал таскать песок на чердаки домов. На проспекте Мечникова тогда были огороды –работал на земле.

У мамы был знакомый, морской военный. Он взял меня с собой на Васильевский остров. Там, на 23 линии, недалеко от набережной Лейтенанта Шмидта располагалась воинская часть морского флота и судостроительный завод. Он устроил меня юнгой при воинской части. Поселили меня в казарме, вместе с матросами, портниха одела по форме. Вместе с военными выходил в Финский залив: там было огромное количество мин, мы их тралили. На большой скорости проходил катер - тральщик, поднимались волны, мины всплывали. Затем матросы их расстреливали: грохот стоял страшный.

Работал учеником слесаря в мастерской на судостроительном заводе, в цехе А1. Ходили по крейсерам «Киров», «Горький», «Октябрьская Революция», стоявшим на набережной Лейтенанта Шмита, и лудили пищевые котлы. Занимались ремонтом судов и катеров.

Мы мало, что знали о происходивших военных операциях. Когда осуществлялся прорыв блокады, мы работали в мастерских. К тому времени успели отвыкнуть от обстрелов, а тут вдруг услышали жуткий грохот. Стрелял крейсер «Октябрьская Революция» - мы побежали смотреть. Увидели вспышки, выстрелы орудий. Потом узнали, что блокаду прорвали. Отнеслись мы к этому по – мальчишески, с интересом.

В октябре 1944 года, когда блокада была уже снята, я попросился домой. В декабре 1944 поступил токарем на завод

Сталина. В цеху мы изготовляли мины и снаряды, а я занимался предварительной обдиркой.

В 1950 почти на 4 года ушёл в армию. Служил в Выборге. Когда демобилизовался, устроился на завод «Арсенал». На нем проработал всю жизнь: с 1953 по 1989. Пытался получить образования, окончить школу: учился в вечерней, на Кондратьевском проспекте, потом ходил в школу № 8 на улице Жукова. Как – то не сложилось. Времени не было: работы много, а потом появилась семья, какая уже школа.

Все было: и голод был, и холод был. Не без этого. Не бывает, чтобы всё в жизни всегда было хорошо. Это удалось пережить.

В 2005 году, в районном военкомате на улице Вагутина мне торжественно вручили медаль «За Оборону Ленинграда».

ЗАХАРОВА (Жданова) Татьяна Михайловна.

Татьяна Михайловна родилась в январе 1931 года. Ее малая Родина село Верхний Ломовец Долгоруковского района Орловской области, в 3-х километрах от города Курска. Семья Ждановых была большая и дружная: отец Михаил Григорьевич, мама Анна Потаповна и пятеро детей. Взрослые работали в колхозе, младшие – кто учился в школе, а кто еще был дома.

С раннего детства ее окружали добрые и интересные люди, а роскошная и мягкая среднерусская природа располагала к мечтательной созерцательности и творчеству. Ведь недаром ее земляк, уроженец села Лутовино Орловской губернии Иван Сергеевич Тургенев признан непревзойденным мастером лирического русского пейзажа.

Все это оказывало благотворное влияние на духовный мир маленькой Тани. Она росла доброй и впечатлительной девочкой.

Иногда вечерами взрослые собирались отдохнуть и просили детей спеть им или сплясать, а ее рассказать о чем шептал ветер или муравей.

Татьяна Михайловна вспоминает: «Я рассказывала захлеб... Перед глазами

удивительные краски трав и цветов, я слышала шелест листвы, видела с какой радостью божья коровка устроилась на маленьком цветке повилики... Таких рассказов было много».

«Когда бежала по ржаному полю, видела, как тяжело тонким стебелькам держать налитый зерном колос... А неведомый голос словно бы говорил: «Не ложись, не ложись! Если ляжешь, то пропадет зерно, а его так ждут люди!»»

Она любила побыть одной, и в зарослях бурьяна играть камешками, цветными стеклышками и осколками фарфоровой посуды.

Перед войной Таня окончила второй класс и учительница похвалила ее. У девочки была мечта: как и ее соученики, читать с праздничной трибуны стихи. Но все рухнуло. В один из летних дней на белом коне в село прискакал дяденька в клетчатой рубашке и крикнул только одно слово: «Война!»

Солнечный светлый день сразу померк. Мужчины на подводах по большаку отправились на призывной пункт, а оттуда на фронт Отечество защищать. Женщины, провожая их, как и повелось

испокон веков на Руси, плакали и причитали: «На кого ты нас бросаешь, сироток, как будем жить без кормильца, кому же мы нужны, горемычные?!» - «Куда же ты уходишь, кто встретит тебя там, кто приголубит и приласкает и к кому приложишь свою буйную головушку?»

Но женщины не только жалели своих дорогих мужчин, они старались и поддерживать их: «Ты их, бестий проклятых, не пушай сюда, это самое главное, а за нас не терзайся, вона их (показывает на детишек) сколько». – «мы останемся дома, земля-родина не даст умереть с голоду, что-то да вырастет».

Отец Татьяны Михайловны не подлежал призыву в Армию по возрасту, а старший брат воевал и вернулся домой инвалидом без ноги.

Верхний Ломовец оккупация миновала. Село находилось на территории Орловско-Курского рукава. Эвакуироваться было некуда. Жители оказались в прифронтовой полосе. Прямых боев на улицах не было, но бомбили часто. Рушились жилища, гибли люди, в том числе и дети.

Татьяна Михайловна Захарова запомнила 4-х летнюю сестренку своей подружки Настеньку, которая погибла во время очередного налета. Есть только что подарили букет земляники, но она не успела съесть ни одной ягодки. Так и лежала с маленьким алым маленьким букетиком в ручке.

Война подходила все ближе. Однажды прямо над селом завязался воздушный

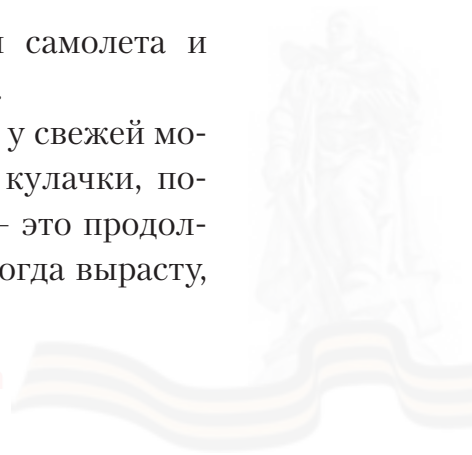
бой. Все высыпали на улицу и наблюдали за ним. Среди них была и Таня. Она видела, как немецкий самолет был подбит и в клубах черного дыма полетел в сторону фронта, где и взорвался.

Оставшиеся два самолета почти одновременно вспыхнули и разлетелись в разные стороны. Фашистский ушел из виду и где-то вдали упал. На крыле второй машины сквозь пламя сияла пятиконечная звезда. Самолет резко снижался, задевал соломенные крыши домов, но встретился с землей более чем в километре от села. К нему бежали люди. Раздавались голоса. Пахло дымам. Чернели воронки. Из одной торчали обломки самолета. Кто-то плакал, приговаривая, кто-то стоял молча, опустив голову.

Председатель колхоза Федот Иванович сказал: «Не плачьте, слезами горю не поможешь, а бить, бить, мстить фашисту надо. Наш с вами фронт в настоящее время на уборке хлеба. Давайте сейчас соберем остатки самолета, постоим молча и за работу. А после победы поставим на этом месте памятник, чтобы далеко его видно было. Память о погибших сохраним на долгие годы. В горящем самолете они не думали о себе, из последних сил тянули самолет за село, зная о том, что на борту находятся бомбы...»

Люди собрали обломки самолета и здесь же похоронили героев.

Десятилетняя Таня, стоя у свежей могилы стиснув зубы и сжав кулачки, поклялась: «.. что моя жизнь – это продолжение их жизней. Значит, когда вырасту,

буду работать, не жалея себя. Вступлю в их партию и буду там же, как они, в трудную минуту думать о людях. Буду бороться за то, чтобы никогда не было войны». От страха дрожали губы, а кулачки долго не могла разжать. Крикнула в купол неба: «Я выполню клятву, честное слово!»

Перед тем, как разойтись, баба Мотя, всплеснув руками, стала говорить: «Гляньте-ка, гляньте-ка, бабы, мышь полевая убита, ножки вытянула, сердешная. А ее-то за что? Она и пашпорта советского не имеет, и в коммунисты не записывалась, никаких к ней претензий нету-ти, а вот, видишь, и она помешала...»

Трудно жилось людям, но в победу верили свято. Да и в разговорах среди военных все чаще слышались намеки: что вот уже скоро... готовимся... И, наконец, в нескольких километрах от села разразился великий бой, который вошел в историю, как Орловско-Курская битва.

Татьяна Михайловна рассказывает, что к ним стали привозить раненых бойцов, и село превратилось в один крупный госпиталь. В каждом доме построили нары в два ряда. Появились они и в их доме. Семья в это время жила в землянке в два наката.

Мама помогала ухаживать за ранеными: покормит, перевернет, умоет и оботрет его же самого вышитым полотенцем, а кого и по-матерински приласкает. Их привозили с фронта каждый день и после сортировки по видам ранения и оказания необходимого медицинского вмешательства отправляли в тыл.

Легкораненные помогали носить воду. Один из них особенно запомнился Татьяной родне. Он целую неделю ставил в печь чугуны с водой. Да так ловко, как будто всю жизнь только этим и занимался. Его прозвали «дядя Валя – чугульник». Он говорил маме: «Ты, Аннушка, не наливай полными чугуны-то, побереги себя для них, вона их сколько у тебя», - и показывал на нас четверых сестричек.

Осенью пришла машина, забрали всех раненых и увезли. В дом вошел военный и сказал: «Спасибо, мать, и до свидания! Ломайте нары, фронт уже далеко!»

Победу 9-го мая 1945 года праздновали всем селом. С радостью и со слезами.

Началась мирная жизнь, но послевоенные годы были очень трудными. Ведь половина страны была разорена. Для ее восстановления нужны были рабочие руки, которых так не хватало. В декабре 1948 года в село приехал вербовщик и агитировал ехать на строительство в город Ленинград. Многие согласились, в том числе и старшая сестра Катя. Вместе с нею поехала и Татьяна.

Девушки жили в общежитии, выполняли тяжелую физическую работу. Зарплату получали скромную и очень уставали. Но молодость брала свое! Были и радости. Самая большая та, что Танюша встретила свою большую любовь, которую они с мужем Николаем Валентиновичем пронесли через всю жизнь.

Они поженились в 1949 году. После регистрации в ЗАГСе пошли на рынок и сделали первые семейные покупки: две

ложки, две вилки, сковороду и хлебницу. Жить продолжали в общежитии в своей комнате.

Свадьба была скромная. К невесте приехала мама, а к жениху отец. Родители остановились в комнатах у своих детей. До начала торжества Таня не видела своего свекра и очень боялась первой встречи. Пока подруги готовили праздничный стол у невесты, мама вышла куда-то по хозяйственным делам, а когда вернулась, то на ее губах играла загадочная улыбка. Она сказала, что встретила человека, который во время войны был у них в деревне, он куда-то торопился, так как у него женится сын.

Далее Татьяна Михайловна рассказывает: «... в дверь постучали. Вошел Коля с отцом. Я опустила вниз глаза и боялась их поднять. А Коля, слышу, представляет своего отца и маму друг другу. Но вместо того, чтобы познакомиться, они от души рассмеялись... Никто не мог понять, почему они смеются. Потом мама сказала:

- Таня, да посмотри, кто перед тобой, неужели не узнаешь?

Я открыла глаза и вскрикнула:

- Ой, «дядя Валя-чугунник!»

Когда всеобщее волнение улеглось, Колин папа сказал: «Не зря я воевал в тех местах и спасал свою будущую невестку, заранее посетил дом, познакомился со сватьей». Улыбнувшись доброй и теплой улыбкой, обратился к Коле: «Ты, сынок,

судя по теще, хорошую жену себе выбрал!»»

Жизнь молодых стала налаживаться. Получили комнату. В 1951 году Татьяна поступила на завод «Слоистых пластиков», где в должности старшей аппаратчицы и проработала 40 лет.

С этого времени в жизни Татьяны Михайловны Захаровой начинается новый этап. К сожалению, объем книги и ее тематика не позволяют со всей полнотой раскрыть его. Ограничимся кратким изложением.

В далеком военном году, потрясенная гибелью советских летчиков, десятилетняя девочка произносит на их могиле клятву, которая определила ее дальнейшую судьбу: «Моя жизнь – продолжение их жизней! Когда вырасту – буду работать, не жалея себя! Вступлю в их партию! Буду так же, как они, в трудную минуту думать о людях! Буду бороться за то, чтобы никогда не было войны!»

Много лет Татьяна Михайловна была членом Городского Комитета Советских женщин и работала в подкомитете по международным делам. Девизом Комитета были «Мир на земле и сохранение планеты!»

Татьяна Михайловна разносторонне одаренный человек, но главное, что присуще ей, это доброта к людям и повышенное чувство долга.

О голодных детях!

ИЗОТОВ Лев Федорович

Вспоминая дни всеобщего горя войны и блокады нашего города на глаза наворачиваются слезы. Пацаны держались на высоте, и везде в городе можно было встретить группы ребят 8-10 лет. Они помогали взрослым, как и чем могли по своим силам невеликим в те очень тяжелые, голодные уже сентябрьские дни, начавшиеся с 9 сентября уже блокадного города. Вроде осень все должно быть, но

как-то все, как по мановению волшебной палочки исчезало в сентябре 1941 года. Магазины в несколько дней сразу опустели, строго выдавался хлеб, по карточкам – сахарный песок, некоторые купили пшено, перловка, макароны – строго по 1 кг. Исчезли специи, консервы мясные и рыбные. В общем голые полки почти по всех магазинах.

Мы с мамой вернулись в город с Лужских окопных работ, где более 1000 граждан копали противотанковые рвы, блиндажи, окопы. Нас не только там бомбили, просто уничтожали мирных жителей. Погубили более 500 жизней мужчин, женщин и 11 ребят. Я был сильно контужен – заикался, но мы на это уже не обращали внимание – одним словом война! Мы были – патриотами, и мелочи в жизни нас

не останавливали. И когда через Стрельну мы вернулись в город, нам даже не дали отovarивать карточки по многим пунктам, и мы уже тогда были полуголодные. На рынках и базарах цены на овощи и картошку были грабительские, а мама одна работала на «Русском дизеле», Папа с 5-ти утра 22 июня 1941 года был мобилизован в Красную ар-

мию шофером 1-го класса. Мне приходилось ходить, на ближайшие поля в район Муринские ручьи перекапывать наспех убранный урожай этих полей. В первые походы кое-что приносил домой – турнепс, свеклу, морковь, реже картофель, а потом копателей было тысячи, да и перекопали все тщательно, а основные поля были заняты вокруг Ленинграда врагом!

Дни блокады осени октября 1941 года до 14 октября (покрова) действительно стали покровом. Все поля, огородики, что действительно было покрыто, покрыло глубоким снегом. Неубранный урожай погиб, потому что одновременно начались морозы. Октябрь оставил горожан в домах без воды – замерз водопровод и канализация. Люди стали все отходы существования человека выносить из мест

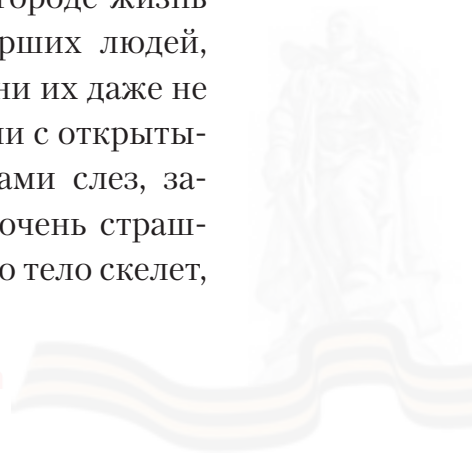

проживания на улицу в сугробы. Появились умершие на улицах города. Магазины были пустые – фронт рядом всего 11-12 километров от Автово. Взрослым на маленьких детей было очень больно смотреть. Умирая, оставляя еще живых детей, таких семей находили во многих домах, и слушать их долгий, раздирающий душу плач, было не возможно. Много беженцев и их дети на получали 250 грамм, дети 125 грамм. Ведь шел период в городе кроме эрзац хлеба до 20 декабря никаких продуктов ленинградцы не получали. Несколько дней подряд не было электроэнергии, даже не спасали подводные лодки, которые своими генераторами давали ток хлебозаводам на выпечку эрзац хлеба. Тут и повалило людей, другой пищи не было. У некоторых семьях был столярный клей, которым они и поддерживали себя в эти дни. Объяснение одно – город в кольце блокады. Ладога пока обеспечить – продуктами не может! Хотя шофера на Ладоге геройски старались побольше положить мешков в кузов автомашины. Беженцы, на нашем берегу, видя склады продуктов у баз Кокарево умирали, но их близко не подпускали, увозили на Большую землю. Очень многие умирали уже на Большой земле, когда их кормили пшенной кашей с маслом, на радость голодающим. Но голодный желудок не справлялся и люди тихо, со слезами на глазах умирали.

А в городе ленинградцы на Лиговке дом 44 на пищевой барахолке меняли теплые вещи на продукты: крупу, хлеб, золото, драгоценные камни тоже меняли на

продукты или многие, в том числе и я, ходили на пепелище Бадаевских складов за сладко-жирной землей. Ее называли творогом промывали и делали обжаренные котлетки. Но земля есть земля и желудок не принимал ее – результат кровавой понос и тоже смерть для многих.

Дорога жизни начала пробы 20 ноября, но лед еще не позволил, был тонким, но дал надежду. Только 22 ноября 1941 года хорошие морозы на Ладоге позволили первым добровольцам. В их числе был и мой папа – Изотов Федор Федорович, шофер 1-го класса в морозную погоду пересекли Ладогу и вернули, правда, не полностью загружая для пробы автомашины. Но все равно движение открыли. Доставка муки и продуктов началась. Но десяток автомашин город не накормят. Муку перевозили еще по неокрепшему, прогибающему под тяжестью автомашин льду. И несколько машин ушло под лед вместе с водителями. Так мне рассказал папа, когда встретились в мае 1942 года в Ленинграде. А в декабре были сильные морозы за 40 градусов и дорога пошла. Но немцы находились недалеко от дороги жизни. Фашисты не дремали ежедневно бомбили по 3-4 раза. Обстреливали дорогу жизни так нещадно, что там тоже было жарко и погибали люди. В городе жизнь почти парализовало – умерших людей, было очень много, многие дни их даже не убирала с улиц, многие были с открытыми ртами, глазами, бусинками слез, застывшими на лицах. Было очень страшно смотреть на умершего. Его тело скелет,

а голова большая, глаза открыты, неподвижно смотрят - как бы просят или спрашивают. Многие люди не переносили этого! Даже мужчины по-разному вели себя! Многие отходили. Помощи еле передвигающимся дистрофикам было не найти - кругом были такие же как они сами. Если видят упавшего - подергают, да так и оставляют. Сами ходили через силу. А детей, которые остались без родителей забирали в ясли, детские сады. Девушки из ПВО специально командированные на это дело, подкармливали детей до гарантии, что не умрет, потом увозили вместе с детдомом на Большую землю по Ладожскому льду или весной под воде – катерами. Больше город ничего не мог сделать для детей без родителей. А в марте прибавка хлеба на карточке детям была 300 грамм, рабочим 500 грамм.

Что такое хлеб? Народное многовековое изготовление хлеба из злаков превращенных помолом в муку, замесом с дрожжами, и испеченный в печи; здоровый, плюс витаминный и ароматный, всегда был первым продуктом питания для человека. Ведь употребляя свежесыпеченный хлеб, пшеничный или ржаной, человек всегда получал удовольствие, наслаждение и сытность. А какая его ароматная и вкусная корочка.

Какие бы ситуации с питанием в жизни у человека не были, всякое было время у народа, но всегда хлеб был всему голова.

И вот в Ленинграде с 18-го июля 1941 года правительство Смольного начало

выдавать карточки населению города. А в сентябре 8-го числа, после почти 12-ти часовой бомбардировки города – большим количеством авиации врага, над городом было разрушено большое количество жилых домов, дворцов, музеев, и самое главное, уничтожены свезенные в одно место Бадаевские продовольственные склады. Город остался без продовольствия и топлива, сожгли наш газо-нефтяной «Красный Нефтяник». Горел неделю. Страшное было зрелище. Два смоляных, огненных, столба высотой от 7 до 8 км. Не считая горящего города, и обстрела его дальноточной артиллерией. Снаряды рвались во многих районах Ленинграда не щадя ни красоту, ни жизни людей; не давая горожанам тушить и спасать свое жилье. На спасение продуктов было выделено несколько пожарных команд города, но склады горели не только от зажигалок и фугасов, невозможно было подойти к пожарищу складов с продуктами, которые горели, температура горения была очень большая, не выдерживали ни люди, ни одежда пожарников. Так объясняли сами пожарники свои действия на пожаре, только велось наблюдение, пока все не поггло. Подойти было ближе 40-50 метров невозможно. На другой день по радио всем объявили о страшной новости – Ленинградцам о Блокаде всего города; но 9-го сентября после больших разрушений Ленинградцы сразу как-то без паники отнеслись к этому сообщению: не верилось очень многим. Но когда по радио сказали о полной блокаде города, и взятии посел-

ка Мга, города Тихвина и Шлиссельбурга, тогда официально Ленинград объявили в полном окружении, в блокаде!

После захвата Шлиссельбурга моторизованным полком генерала Хоппе, наши оставшиеся в живых красноармейцы переплыли 200 метровую лагуну Ладоги, и закрепились в старой бывшей Царской тюрьме – крепости «Орешек», и своим сопротивлением не дали полностью замкнуть кольцо блокады. Все 900 дней Ленинградского окружения они героически сражались с врагом до полной победы зимы 1944 года. После окружения города Ленина хлеб круто изменил свои вкусовые качества – в закромах муки было немного. Но это был уже не тот хлеб, что мы его всегда любили и ценили – как здоровый продукт питания, это был другой хлеб, как глина, сделанный из ничего, с другим вкусом и содержанием, все, что осталось по сусекам, в кладовых и элеваторах, и все равно в тот период блокадного города, это был единственный продукт питания и жизни людей, и очень дорогой продукт. Бывали случаи и убийства человека за 125 граммов хлеба, и что удивительно, у многих умерших, сидящих в сугробах или лежащих на улицах города, карточки не были в карманах пальто или в сумках, а были всегда зажаты в кулаке руки, в которых так их и хоронили. Невозможно было разжать кулак умершего – замерзшего дистрофика в 36-40° мороза.

В один из зимних дней я занял очередь в булочную в 4 утра, и был не из пер-

вых, а ночью был большой мороз и снегопад. Снег плавно опускался большими беззвучными хлопьями, я подошел к еще не заснеженной женщине, спросил, - «Вы последняя?», она сказала: «Да!». Было безветрие, и большие хлопья снега – довольно густо, тихо опускались на город и очередь за хлебом – хорошо, что в такую снежную ночь, немец не обстреливал город. Она сидела на корточках, еще живая, прижавшись спиной к стене булочной, немолодая женщина. Я обратил внимание на ее плечи и голову – на плечах и голове ее набросано много снега, и большие хлопья снега – на плечах, голове сделали с ее шерстяным платком причудливую шапку. Я подошел к стене, но стоять у стены не хотелось из-за ног; присел, положив на снег плетеную сумку; до войны они были очень модные, их продавали на рынке крестьяне. Пару недель, я ноги сильно обморозил в очереди, - была сильная пурга и большой мороз - так бабушка колдовала над ними разными мазиями, мои ноги приводила к жизни. Сидя на сумке, я старался шевелить пальцами ног, и сидя, я не беспокоил сидячую на корточках женщину, мне показалось, она спит утром. Стали подходить женщины, занимали очередь; а я думал об одном - скорей бы открылась булочная – ведь вчера, я отстоял пять часов, а хлеб так и не завезли: как заснул, не знаю. Когда проснулся, женщина в очереди уже отряхнулась от снега, но он продолжал еще идти, но не такой густой. Женщины стояли, и вели свои разговоры обо всем в городе.

Нас всех здорово занесло снегом, я попытался встать, стряхнуть с себя снег; женщина, которая сидела на корточках, была почти целиком заснежена. Я подумал, что заснула; стал ее трясти, еще сидя на сумке, но она не шевелилась, была уже мертва. Я хотел встать, но ноги меня не слушались, как будто ножи и гвозди впились в стопы ног; потихоньку, не привлекая на себя внимание понемногу, тихо стал подтягивать ноги под себя, тихо плача, чтобы не видели другие, повернулся от стены, попытался встать на колени; хорошо, что шел снежок – он таял на лице, это капли снега были как слезы. Очень тихо, упершись руками в стену, встал, - честное слово, - откуда появились силы, не знаю, но я представил лица бабушки и вечером мамы, что без хлеба! Застонал. Ко мне подошла одна женщина, которая разговаривала с другими в очереди: «Помочь тебе, мальчик?» И, видя, что я плачу – говорит: «Что случилось?» Я сказал, что тетенька умерла. Тогда рядом стоящие женщины в очереди, стали разгребать с нее снег, пытаясь поднять ее – но она не подавала признаков жизни, с зажатыми в кулаке карточками. Как сидела, так с согнутыми ногами и осталась у стены магазина. Дверь в булочную открылась, и женщины – наверняка замерзшие, потихоньку стали проходить в булочную, заполняя ее помещение, где топилась буржуйка, и воздух был теплым. А я продолжал плакать, передвигаясь вдоль стены магазина, со страшными болями в ногах. Это

были как ножи в ступнях. Я боялся только одного, что если я получу хлеб за два дня, - это 1600 грамм, любой ремесленник или мужик увидит, что я получил полторы буханки хлеба, – точно убьет. А медленно передвигающегося вдоль сугробов меня легко мог толкнуть на снег или сугроб, и отобрать единственный источник жизни – хлеб. Если человек сильнее дистрофика, еле идущего впереди, финал известен. Я получил хлеб за два дня, не положил его в сумку, а расстегнул пальто – буханку положил под левую подмышку одной руки, - половинку под другую; еле застегнул на нижнюю пуговицу пальто, прижал плетеную сумку к груди, и опять с очень большими болями в каждом шаге вышел на улицу. В булочной топилась печурка, было относительно тепло, и выйдя на улицу, сразу в мороз. Остановился у стены булочной - все на том же месте у стены сидела та женщина, у которой так и не смогли разжать кулак с карточками, чтобы узнать ее адрес и жилконтору; может, остались дети дома. Придя домой, мама с бабушкой несколько дней лечили мои ноги, но они на протяжении всей моей последующей жизни так и остались больными.

Декабрь, по-моему, был самым голодным, самым суровым, морозным, снежным; сколько сил надо было человеку чтобы верить, преодолевая всё: боли, голод, дистрофию, цингу, получая суррогат вместо хлеба в эту страшную зиму блокады 1941-1942 годов.

Железная дорога и жизнь

КАЛЕНТЬЕВА Мария Васильевна

Я родилась в Калининской области (сейчас – Псковская область) в 1923 году. В Ленинград я переехала в 1936 году: отец умер, мама оставила меня с бабушкой и дедушкой, а сама уехала в город, потому что нужно было зарабатывать деньги. Там она вышла замуж и они с отчимом взяли меня к себе. Мы жили в квартире в доме 7 по Финскому переулку, у Финляндского вокзала. Я ходила учиться в 26 школу.

На лето меня всегда отправляли отдыхать в деревню, к бабушке и дедушке. Великолукский поезд отходил вечером в воскресенье, у меня был куплен билет. Утром объявили войну, мама не отпустила меня в деревню: «Никуда не поедешь, ни с избы вон!». Так я осталась в Ленинграде. В нашем дворе было много девочек: все вместе мы вступили в МПВО. Занимались тем, что подбирали на улицах больных и совсем ослабленных, ходили по квартирам, забирали детей, оставшихся без родителей. Потом их выхаживали, немного откармливали и эвакуировали.

В 1941 году была страшная зима. Отчим остался в городе, но был на казарменном положении: в городе тоже нужны были мужчины. Мама работала на заводе

«Электрик». У них были рабочие карточки, а у меня – иждивенческая. Отчим как-то пришел домой, принес нам немного дуранды. Ему очень хотелось съесть чего-нибудь солёного, и мама пошла на рынок, менять хлеб. В кухне, на столе, была солонка, полная соли – отчим съел все, что там было. После этого заболел, неделю пролежал и умер. Мы похоронили его на Богословском

кладбище, в марте 1942 года.

Мама всегда отщипывала мне кусочки от своей нормы хлеба, вскоре она опухла от голода. У меня была тётя: она работала медсестрой в детской больнице на Лесной. Когда началась война, там устроили стационар: в него привозили людей, которых подбирали на улице. Меня пристроили работать в проходную, я помогала и на кухне – за это меня подкармливали, наливали бульон. Так я немного окрепла. Потом, я перешла работать на кухню – стало легче жить. С большим трудом устроила в стационар и маму, а то она совсем ослабла, даже не вставала. Пока она лежала в больнице, я регулярно ходила к ней на работу, за карточками.

Стационар расформировали. Завод, где работала мама, эвакуировали – она уе-

хала. Я осталась одна. Дружила с девочкой Нелей – ее отец работал машинистом. Я пошла к нему в надежде, что поможет устроиться на работу. Так я попала на свою основную работу, стала проводником на Финляндском вокзале. Многих отправляли на фронт, а меня - на лесозаготовки, на станцию Каменка. Работала на трелевке леса. Давали американский шоколад, очень вкусный, чтобы лучше работали, организм ведь еще не окрепший, косточки слабые. 8 месяцев отработала. Когда вернулась, 11 ноября 1943 года меня награ-

дили медалью «За Оборону Ленинграда» – торжественно, в клубе железнодорожников, на Тамбовской улице.

После работы на лесозаготовках, меня отправили в депо: ТЧ-120 Октябрьской железной дороги. Была кочегаром. После несчастного случая, я оказалась в больнице: 4 дня пролежала в коме, никто не надеялся, что я выживу. Но, повезло. Через 3 месяца, когда война уже закончилась, я вышла из больницы. Потом из эвакуации вернулась мама. Жизнь стала налаживаться.

«Расставание». Анна Касимова, ученица 6-го класса ГОУ школа №175

«Чтобы знали и помнили»

КАЛИНИНА Зинаида Устиновна

*Наша жизнь пронеслась мгновением, чтоб в истории утвердиться.
Мы – счастливое поколение. Есть, что вспомнить и чем гордиться!*

Анатолий Молчанов

Уважаемые читатели!
ли!

Материал, предлагаемый вашему вниманию, уникален.

В основе его лежит не просто рассказ о пережитом, а подлинный дневник, который Зинаида Устиновна вела в тяжелейшие блокадные 1941–1942 годы.

Зинаида Устиновна Калинина еще до войны окончила педагогический техникум и работала учителем в средней школе. Она всегда и всюду пользовалась заслуженным авторитетом.

Ее сын Валентин Иванович Калинин вспоминает:

«...Кроме основных предметов, она умела хорошо рисовать, мастерски делала гербарии, неплохо пела, интересовалась изобразительным искусством, была большой театралкой. Она всю себя посвящала чужим детям, а потом и своим сыновьям. Преподавание было целью ее жизни, для нее важно было обучить каждого ребенка. Где бы она не была, в любые годы, в любом возрасте, всегда остава-

лась учителем. Она была педагогом по призванию и поэтому учила всему: думать, быть аккуратными, держать данное слово, работать, быть ответственным... Она учила не бояться... Она была требовательна и строга одновременно, добра и ласкова, не терпела неряшества, расхлябанности, лжи. Но и не повышала голоса, не унижала, а помогала разобраться в своих поступках. Соврать или, вернее, обмануть свою маму мы

просто не могли, и рано поняли, что откровенность и доверие друг к другу, понимание в большом и малом – самое главное в жизни. Мы благодарны маме, что она привила нам такие важные и необходимые качества. Мы очень ее любили именно такой, какая она есть.

«...Сегодня я передаю мамин блокадный дневник, опубликуйте в своей книге эту трагическую, правдивую исповедь. И пусть содрогнутся те, кто лжет на нашу историю, пусть это будет достоянием всех, и поможет кому-то выстоять в сегодняшнее трудное время».

Один из сыновей Зинаиды Устиновны Валентин после окончания школы три года отслужил в Советской Армии, окончил Военно-механический институт, работал на ПО «Арсенал» им. М. В. Фрунзе, где принимал участие в разработках оборонного значения. Занимал ответственные должности. В часы досуга пишет стихи.

В. И. Калинина хорошо знают в районе. Ведь он более 10-ти лет возглавляет Совет ветеранов войны и труда Калининского района.

Блокадный дневник Зинаиды Устиновны – это подлинные записи тех дней, и содержат они истинную историю одной из семей осажденного Ленинграда.

Прочитайте его, пожалуйста!

Накануне войны мы жили в Стрельне.

В воскресенье приехали сестры Мила и Вера, они были веселые, привезли детям го-стинцев и весело играли с детьми. Я пошла на кухню ставить чай и узнала страшную новость - Война с Германией. Мила и Вера ничего не знали, утром они спешили к нам и радио не слушали. Это было 22 июня 1941 года.

И сразу нас охватила жуткая тоска. Вера сразу заплакала, у нее в армии служили два брата, а под Смоленском жили родители и еще трое подростков. Мила не пролила ни одной слезы. С глубокой грустью я смотрела на играющих детей и подумала, какое необычное детство начнется у них и нам придется покориться

В. И. Калинин

судьбе. Через несколько дней сестры приехали, мы взяли детей, вещи, попрощались с хозяйкой и уехали. Сестры все время смотрели на меня с состраданием. В трамвае оказалось много душевнобольных, они смеялись, гримасничали, громко говорили, все они убежали из больницы Фореля, (Больница им. Фореля просуществовала до 1941 г., затем при приближении линии фронта была эвакуирована) только маленькая группа родственников увозила их домой. И тут мы близко увидели войну, и нас охватил ужас. В городе было беспокойно. Некоторые заводы спешно эвакуировались вглубь страны, уезжали детские сады. Сколько слез было пролито. Мне несколько раз приходили повестки, но я не могла от-

пустить родных детей. Брат Иван говорил, что я правильно поступила. Пока не было карточек, я стала сушить белые булочки, в духовке они очень быстро сохли. Теперь надолго хватит, - думала я. Но очень скоро стали давать карточки, и мы стали получать паек. Вначале было спокойно, и мы гуляли, где-то в конце июня была сброшена первая бомба, и мы больше не гуляли. Мой отец работал в сберкассе где-то у Нарвских ворот. Мария уже не работала, закрыли завод. Мила пока работала. Вера переехала к подруге. Вначале каждый день ездила Мария на брошенные огороды, привозила брюкву, редко картошку. Очень жалела Милу и всегда охотно подкармливала ее. Совсем плохо стало, когда у нас сломали все сараи и все куда-то увезли и сразу поставили зенитку.

Зимой нам было совсем худо, очень мерзли, жили как в леднике, даже чай нечем было вскипятить. Некоторые не выдерживали такого холода и умирали.

А мы даже не вставали с постели, лежали накрытые несколькими одеялами, прижавшись друг к другу и говорили о всякой всячине, и даже читала я им сказки. Конечно, тяжело было, бедные дети, даже вставать рискованно, даже окно обросло снегом и льдом на много см.

***

Еще вспомнила - дворники ходили по квартирам и просили в обязательном порядке завешивать окна чем-нибудь плотным, чтобы с улицы не пробивалась полоска света, потом на стеклах наклеивали полоски бумаги вот Х образом, это спаса-

ло стекло от взрывной волны. Город погружался в темноту. Некоторые люди ходили только по пропускам. Очень неприятно было смотреть, как на нашем голубом небе летали фашистские самолеты, они снимали наши объекты, они летали очень высоко, и наша зенитка не могла их достать и сбить.

***

Уже несколько месяцев, фашисты каждый вечер бомбили город, многие жилые дома, школы, больницы они превращали в жалкие руины, сколько несчастных людей погибло. Много было пожаров, на наш дом было сброшено много бомб зажигательных и отчаянные мальчишки с нашего дома их скидывали с крыши прямо во двор или на улицу и засыпали песком. Они спасли наш дом от пожара и спасли многих людей. Потом все мальчишки погибли от голода и холода. Вечная им память! Последним умер Борька, он уже лежал, но не хотел умирать, ему было 14 лет. И пришел к нему товарищ с соседнего дома, не успел несколько слов сказать, как мгновенно умер и тут же умер наш Боря, две смерти. Потом их увезли в морг, осталась мать.

Вспоминаю, как во время бомбежек я все-таки не выдержала страха и решила выйти с детьми на улицу: мне казалось на улице будет лучше. Я взяла с собой кошелек с карточками и деньгами, пристроилась у стены, в парадной было совсем темно и сыро, дети немного постояли и сразу стали проситься домой, и у меня голова болела, и мы ушли, а люди стояли и ждали отбоя.

Дома Мария предложила темную комнату, там было спокойно, дети были очень усталые, ведь было уже 2 часа ночи. Я быстро приготовила им поесть, и они заснули. Потом я приготовила свою постель, через некоторое время я их перенесла на свою кровать, в это время был отбой тревоги, и тут Мария пришла, мы с ней чуть поговорили и легли, а завтра снова будет бомбежка. Папа и Мила никогда никуда не выходили, они в таких случаях ложились на кровати, укрывались с головой одеялами и молчали.

***

Бедные дети, как им хочется есть, ведь они так давно голодают! Может, стоит к доктору сходить? Может, выпишет какую-нибудь пищу? Обязательно надо сходить. Утром я сходила за хлебом, дети поели. Я решила сходить к доктору с Вале́й, он был меньше. Я вынесла санки, тепло его одела, вынесла, посадила на санки и мы поехали. Дорога была - хуже не бывает, Валя три раза вываливался. Когда мы попали на прием к врачу, она его выслушала и хотела поставить, Валя не стоял. Я ей не сказала, что у него от свежего воздуха голова закружилась. Я сказала врачу, что у меня дома еще сын есть, врач удивилась, пожалела меня и выписала 2 порции молока. Теперь дети будут целую неделю пить по полстакана молока, конечно, молоко соевое. Детей, которых я встретила, были запущенные дистрофики, и уже видно было, что их ничто не может спасти. Наверное, мамаша плохо берегла своего ребенка.

Когда мы пришли, Олег не спал, Ваня заметно повеселел, они хотели хлеба, хлеба не было. В игрушки они не хотели играть, только картинки иногда смотрели с интересом. Я всегда была рядом, они очень привыкли ко мне. Утром я пошла в булочную, народ уже стоял. Возраст людей трудно определить, много было очень худых, были и опухшие от воды, они получали свой скудный паек и медленно уходили. Когда я принесла хлеб,

дети попросили немного воды - съели вместе с хлебом. А когда я принесла молока, они с удовольствием выпили и сказали - еще хотим. Вот так мы жили изо дня в день. И кроме того, нас обстреливали, каждый день. Как тяжело было Ленинградцам!

***

Очень страшно было, когда горели Бадаевские склады, ведь там хранились продукты, очень много разных продуктов, люди понимали, как трудно будет людям - смерть будет преследовать их по пятам. Люди до предела были истощены, они искали спасения, они хотели жить. Они брали эту горелую землю, собирали в мешки и, шатаясь везли домой, заливали водой и через некоторое время процеживали и пили этот раствор - и конечно, мало, кто оставался в живых.

Можно было видеть как по Московскому проспекту тащилась целая вереница людей с землей. Я лично все видела в первую минуту, мы с Милой тоже хотели взять землю. Мы пошли смотреть, все увидели и нам стало страшно. Через некоторое время уже никто не ездил, наверное охранника поставили или сами догадались.

***

Однажды на кухне я увидела несколько плиток столярного клея. Я слышала, что надо долго его вымачивать и обязательно часто менять воду, и через некоторое время получилась желтоватая жидкость, потом в печке я сварила и получилась съедобная пища. Я все съела, а детям отдала свой хлеб.

***

С некоторых пор по всему Московскому проспекту ходили, бродили одетые в ватники или закутанные ватными одеялами люди — тут были золотые и серебряные изделия, редкие книги, разные украшения, картины, и все меняли на хлеб, масло или другие продукты. Все можно было купить за хлеб, но меня ничего не интересовало, ничего, только бы дети были живы, единственная мысль, которая меня интересовала.

***

Я тоже решила поменять новые валенки с калошами, мне повезло, мне предложили кусок костной дуранды, я боялась брать, но люди посоветовали. Я взяла эту дуранду. Большая работа была, вначале ее с трудом раскололи, потом сломали, правда, мясорубку сломали, подарок отца. В общем, хорошо помню, мы были довольны, всю ее скушали.

***

Как-то на обочине дороги я заметила мужика, он кормил лошадь овсом. Я попросила немного овса, он даже рассердился, но я сказала: у меня двое маленьких детей, они голодные. Он тогда сам насыпал в карман овса и молча уехал, а мне дома пришлось порядочно повозиться: мы его вычистили, потом помочили, а уже потом сварили — наш труд не пропал даром: мы сварили вроде каши и очень хорошо поели.

***

У нас не было света, очень плохо жить в темноте. Я знала, что у нас есть воск, я не сразу сообразила, что можно самим

сделать свечи. В аптеке я купила с десяток пробирок, растопила немного воску, а в пробирку опустила крученую нитку и залила пробирку воском, поставила на холод и через две минуты я на кухне перед ведром разбиваю пробирку, и у нас получилась отличная свеча, я поставила ее наверх буфета, зажгла и нам стало светлее, все улыбнулись, а Мила даже засмеялась, и я было очень довольна.

***

Баня. Ходили слухи, что на Черниговской ул. стала работать баня, люди не верили, и я не хотела верить, ведь город обстреливался, и все боялись, но я верила, что стрелять не будут. Но мыться нам очень хотелось, вернее мне - дети забыли баню. Вообще народу было немного, и совсем не было жарко, и вода была негорячая, но все было так нам нужно, мы давно не мылись, и дети растерянно стояли и не знали что делать, но потом осмелели и глядя на меня стали неловко орудовать мочалкой, потом я их помыла, и они стали такие чистенькие, и мы быстро оделись, сказали спасибо банищице. Конечно, в войну стопить баню рискованное занятие, но нужное. Баня понравилась детям, они сказали мне: еще пойдём, но больше мы не ходили, не было такой возможности, усилились обстрелы, и мы сидели дома, конечно, за хлебом я ходила. Условия жизни детей были жестоки, но дети мои не болели, никаких болезней у них не было, даже насморка никогда не было, в то время смертность детей была очень высокая, и в доме нашем дети

умерли. Почему так произошло, потом я напишу.

***

В квартирах холодно, и мне было тяжело: голова кружилась, мы не раздевались, лежали в кровати, накрытые несколькими одеялами, крепко прижавшись друг к другу. И вот лежу, мне стало так холодно, как будто вся в снегу лежу и лишилась сознания друг слышу откуда-то издали далекий голос: «Зина, Зина, вставай!» Я слышу голос, и сразу вспомнила детей. Надо вставать, надо обязательно вставать и тут я открываю медленно глаза - и вижу: стоит Мария, она сказала, что это она кричала меня, пойдём ко мне и повела меня в свою темную комнату; в печке что-то жарилось, она дала мне кусочек, сейчас не помню что это было, но это была очень вкусная пища. Мария потом часто вспоминала, как она меня спасла. Я должна Марию только благодарить за ее доброту и участие.

***

Сколько мужества надо иметь, чтобы выдержать все испытания, смерть отца, невыносимый голод, полную безнадёжность, которая надвигалась над нами со всех сторон. И я из последних сил старалась сохранить доброту и все духовные силы. Приближаясь к булочной, я заметила толпу, кого-то били. Я подошла ближе и вдруг на снегу я увидела хлеб. Подняв хлеб и громко сказала: «Чей хлеб?» Кто-то схватил хлеб и толпа рассеялась. Я увидела подростка, лежащего на земле, я помог-

ла ему встать, подняла его шапку, одела на голову, и он тихо пошел, шатаясь. Я не люблю равнодушных людей, слово доброе сказать, участие проявить и просто похвалить, смотришь - чуть-чуть человеку веселее станет.

***

Уже несколько месяцев люди недоедали, они слабели, еле двигались, т.к. и нам в течение месяца стали давать по 125 гр. Хлеба, а это был не хлеб, а пищевая целлюлоза, хлопковые жмыхи, люди стали умирать на улице, умирали дома, умирали целые семьи, помогал умирать мороз; страшный мороз был в городе, не было людям спасения, гибли от пожаров, от бомбежек, везде и всюду смерть. Я пошла за хлебом. У дома стоит на коленях старик, весь промерз и плачет. Помогите, пожалуйста, домой дойти, я не могу. Я пришел навестить дочь, а она умерла. Когда я шла назад, его уже не было. Если я останусь жива, думала я, никогда мне не забыть всех ужасов войны.

***

Все время мне хотелось есть. Мучил голод не знаю почему, но я стала мечтать о хлебе, который я найду на улице. Это была странная, но упорная мысль. Шли дни, я продолжала думать. И вдруг утром я на что-то наткнулась. Подняла и обмлела от неожиданности - это лежала от хлеба верхняя корка, она была сильно промерзшая от мороза. Я схватила ее и на бумаге в печке отогрела ее, и мы с детьми с радостью поели. Это была чистая удивительная правда.

***

Время шло, мы продолжали голодать. Наступила весна, стало чаще показываться солнце. Появилась вода в соседнем доме, народу было всегда полно, со всей улицы приходили за водой. Уже немного прибавили хлеба, но по-прежнему несколько раз в день нас обстреливали и ночью иногда. Я все время занималась с детьми, много читала им интересного. Я никогда при них не плакала, ничего не говорила о войне, о голоде людей, зачем им знать больше, чем они могут понять, сообразительность была нормальная.

***

О всех этих людях, о которых я хочу рассказать, я знала лично, и все они жили в нашем доме. И никого нет в живых и судьба их трагична. Может, дорогой читатель прочтешь, сердце твое вздрогнет, и тогда вспомнишь мою жизнь.

Начну с Настеньки. Наши мужья служили в армии. Мы часто с ней общались. Настенька была очень приятной и у нее было двое красивых мальчиков: 2 и 5 лет. Много дней я ее не видела. Я никогда ни к кому не ходила, а к ней зашла. Она лежала на кровати, и чувствовалось, что сил к жизни ей осталось совсем мало. И все-таки она улыбнулась, я ей рассказала все новости, потом спросила: «А где старший мальчик?» Помолчав, она сказала, что неделю назад он умер и теперь лежит в ногах... Через несколько дней умерла она и младший сын.

***

По нашей лестнице жила совсем молодая женщина. У нее было двое маленьких детей 1 год и 2 года. Она другой раз носила их обоих. Она мне нравилась. Однажды она ушла за хлебом и не вернулась. Дети вначале плакали, потом кричали, потом замолчали. Появилась родственница - явный дистрофик, и через день пришел офицер, он очень хотел спасти детей, менял вещи, но ничего не помогло. Пришлось ему хоронить три-четыре трупа хоронить, наверное, кто-то помог.

***

Или другой случай. Их в семье было трое: сын 16 лет, сестра беременная и их мать. Сын попал под обстрел, погиб. Сестра очень расстроилась, попала в больницу и там умирает вместе с ребенком. Через несколько дней умирает мать и осталась квартира двухкомнатная, даже с мебелью.

***

У нас на площадке в кв. 56 жило 5 человек. Лиза, муж и 3 детей, все малолетки. Отец умирает, потом двое детей сразу умерли, осталась Лиза и старший мальчик 5 лет. Лиза страдала страшной цингой, в конце концов она умирает, а мальчика отдали в приют.

***

Жили они вначале хорошо, как началась война, отец, мать и младший братишка эвакуировались. Остались дома бабушка, внучка 17 лет и брат 14 лет. И все они по очереди умерли.

***

И по всему дому такая страшная картина. Больше не стану писать, хотя можно продолжать без конца. Совсем дом опустел - жутковато стало. На нашей лестнице остались человек 5 в живых. И в доме кроме Зины Грибовой никого не встречала.

***

Много людей умирало, гробов не было, люди на фанере или на санках везли зашитые или перевязанные простынями или просто шторами трупы, другие сами еле-еле двигались и не могли доехать до кладбища, оставляли на дорожное. Шли такие несчастные.

***

Время шло, сменялись дни, люди мучились, но терпели. По-прежнему, город обстреливали, и на улицу мы не ходили, боялись выходить, вообще мне не было выхода, дети маленькие. Мы сидели дома и разговаривали обо всем, никогда ни одного слова о войне, зачем детям ранить душу, они и так выше всякой меры наказаны жуткими лишениями, они даже хлеба не ели вдоволь. Нас давно мучает голод. С некоторых пор мое самочувствие стало неважное, часто кружилась голова, и в такие минуты мне помогала палка. И в эти голодные дни я всегда внушала детям, что скоро, совсем скоро у нас будет хлеб, и мы будем сыты.

Действительно, у меня были такие предчувствия, какой-то неведомый голос внушал мне, что я буду работать на хлебозаводе, буду получать рабочую кар-

точку. Ночью и днем я думала, как мне поступить, но всякий раз невидимая сила внушала мне уверенность действовать. Я стала спешно писать заявление. Несколько штук написала. Я знала, куда писать. Раньше я работала счетоводом на 9 складе, и мне нужно было каждый день звонить, сколько муки у нас увезли на хлебозаводы. Я, конечно, волновалась, выбрала лучшее заявление, попрощалась с детьми и поехала на Чернышевский, д. 16. С трудом нашла дом и через несколько минут и кабинет директора. Я вошла в кабинет. Он стоял у телефона, облокотившись на стол. Я молча положила на стол мое заявление и села на стул. Он тихо разговаривал по телефону и читал мое заявление. И вот когда кончил разговор, он спросил где я живу, я ответила, подумав, он сказал, что недалеко там находится з-д Микояна, и сразу сказал, что вы будете работать там сдатчиком. Нет, сказала я, - лучше я буду работать уборщицей.

Нет, вы будете работать сдатчиком. Берет телефон и звонит директору хлебозавода т. Николаеву: «Товарищ Николаев, я посылаю вам самого лучшего сдатчика». Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Потом машинистка написала мне отношение, сказала спасибо, драгоценная бумага у меня в руках. От радости я не могла опомниться, бумага дрожала в моих руках. Все получилось, как в волшебной сказке. Я ничего не придумала, все правда, все как было. Я даже фамилию спасителя не помню. Получив такую дорогую бумагу, я вспомнила своих детей. Те-

перь мои дети будут хоть немного сыты, и мы будем живы, и как все будет хорошо, больше я не буду думать о смерти.

Хотя у меня кружилась голова, я поехала на хлебозавод. В отделе кадров, посмотрев на мою бумагу, удивились и сразу оформили. Я буду работать сутками при одном выходном дне. Вначале буду работать две недели ученицей. Карточка у меня будет рабочей, и я буду получать хлеба 500 гр. Завтра принесу две фотокарточки, и мне дадут два пропуска: один нужен на хлебозавод, а другой ночной пропуск. Надо взять с собой противогаз. Завтра буду работать на хлебозаводе - эта история очень загадочная и интересная.

***

Меня мучил голод. Я решила найти себе кусочек хлеба. Куда ни пойду, везде двери закрыты, людей не видно. И вдруг на ВТО просила пропустить меня, он отказывалась, но потом разрешила. Я увидела огромные столы и на них нарезанные ломтики хлеба - это были сухари. Я схватила руками сухари и выбежала. И тут на меня набросилась толпа рабочих, они схватили у меня все сухари, кроме одного. Рабочие работают на хлебозаводе, а хлеба не видят.

***

Когда я пришла домой, дети не спали, они смотрели в окно и ждали меня. И как только я появилась - обрадовались. Они хотели кушать. Старалась как-то отвлечь их. Старалась быть веселой, уговаривала, успокаивала. Я сходила за водой, вымыла им лицо и руки, а ноги вытерла мокрой

тряпкой. Вода была холодной, и им стало приятно. Все-таки как хорошо, что их двое, как судьба позаботилась. Я им сказала, что завтра пойду на работу, и мне за это много хлеба дадут, и мы будем сыты, а вы потерпите, не плачьте. Когда я приду, мы снова будем играть и читать, и нам не будет скучно. Несчастные дети, - они были совсем одиноки, кроме меня у них никого не было. И мне надо было следить за их общим развитием.

***

Никогда в жизни мне не забыть дорогие минуты, когда первый раз я пришла на работу. Я была очень голодная, и мне сказали, чтобы я вначале немного поела хлеба. Я села на скамеечку среди стеллажей с хлебом, с трепетом взяла кусок теплого хлеба и стала с жадностью кушать, тот святой драгоценный хлеб, и вдруг слезы полились из глаз, я ела хлеб со слезами радости и я благодарила судьбу, она моя спасительница. Я думала, что теперь я могу кушать сколько хочу и дорогим детям не будет угрожать смерть от голода. Потом я на карточки буду получать целых 900 гр. хлеба, впервые дети обрадовались, так у нас теперь будет каждый день много хлеба.

***

Наконец наступил момент, когда мне надо было самостоятельно работать. За это время я со всеми познакомилась. Все шоферы и грузчики люди хорошие. Возили хлеб по городу ночью и днем. И никому и в голову не могла прийти мысль, что я не знаю весов. Выходит, ловко я могла рабо-

тать. Я объясняю эту аномалию тем, что боялась ошибиться, я постоянно была расстроена, а может, у меня была небольшая дистрофия, я не могу объяснить, но весов я не знала, а возила ценнейший груз. На каждую машину нам выписывали накладные и мне было достаточно. Постепенно я привыкла, все шло хорошо, но однажды...

Нам надо было везти машину сухарей на военный склад. Все сухари были упакованы в большие мешки из плотной бумаги. И только мы выехали из территории завода, к машине подбегают мальчишки, с крючьями набросились на мешки, удачно порвали мешок, и сухари посыпались, тотчас прибежал охранник, закричал, мальчишки, прихватив сухари, убежали. Охранник накинулся на шофера, почему он не покрыл машину брезентом. Через некоторое время машина была покрыта, и мы поехали. Когда мы приехали на склад, кладовщик выслушал наше несчастье. Грузчики быстро выгрузили сухари, и кладовщик в документе написал: «Товар получен полностью». Мы были удивлены. Потом мы узнали, что этот кладовщик, даже при лишнем весе всегда пишет — товар принят полностью.

***

Мне всегда везло, я ездила со знакомыми шофером и грузчиком. На этот раз шофер был незнакомый. Мы поехали и через некоторое время он останавливает машину и две грузчицы с хлебом в противогазах скрылись в парадной. У меня дыхание

перехватило от такой наглости, я стала ругать - он молчал. Грузчицы быстро вернулись и мы снова поехали. И странное дело, мы ни одного человека не встретили. Когда мы приехали в булочную, грузчицы выгрузили хлеб, мы с завед. булочной взвесили хлеб, О, ужас, у нас не хватило 4 буханки. Я стала звонить директору, что делать? Он сказал - сдавайте. Больше я шофера не видела, и меня никто не допрашивал. Я жила в большой тревоге несколько дней.

***

И еще хочу сказать, что я, по возможности, часто помогала людям. Однажды на территории я случайно встретила соседа. Он работал рабочим, и хлеба он, конечно, не знал. Семья у него 4 человека. Они голодали. Я часто выносила ему хлеб, спрятанный в противогазе. Как он меня благодарил! Помогала одному подростку, как замечу - несчастного - оказываю ему помощь. Помню я хотела поменять хлеб на песок, хлеб был в то время очень дорогой. В булочной я заметила девочку, она в руках держала кулек. Я спросила, что это. Он сказала: песок. Я получила на свою карточку 500 гр. Хлеба, отдала ей, она дает свой кулек и моментально убегает. Я развернула кулек, а там лежала соль. Собрался народ, все ругали. Я спокойно пошла к своим детям.

За это время дети чуть посвежели, хлеба им хватало, благодаря моей хлебной карточке, я никогда дома хлеб не ела, нам на работе выдавали хлебный паек. Детей я особенно любила, была внимательна и

добра к ним, и они всегда скучали без меня и без меня плакали.

А жить было в городе по-прежнему тяжело, город обстреливали, люди гибли, много было больных; люди из последних сил выбивались, чтобы выжить, были дистрофики. Во время обстрелов мы прятались с машиной в подъезде домов и, конечно, опаздывали к открытию булочной, народ уже стоял и ругали нас, называли паразитами, и все равно мне было очень жаль людей - я думала о своих детях.

***

С той минуты, когда у меня украли все документы, у меня получилось сильное потрясение и сердце мое стало нездоровое. Подумать только: целых семь дней дети не увидят хлеба, страшно подумать, это для детей смерти подобно. В то время как я буду сыта на работе. Это невыносимо, надо что-то делать, надо спасти детей. А украли карточки так... Я собралась в магазин и на лестнице встретила женщину, поговорили, спускаясь с лестницы. Настроение мое было хорошее. Когда я пришла в магазин и хотела вытащить карточки - о, ужас, сумки с документами не было! Я выбежала на улицу, женщины нигде не было. Подавленная, я пришла домой, ничего не сказала детям. Стала искать в столе хлеб, кусочек нашла, это была вся еда на завтра на целый день. Утром я пришла на работу, слезы душили меня, без пропуска меня не пустили. Я пошла в отдел пропусков — им нужен был паспорт, но и паспорта у меня не было. Шла война, и многие законы были суровы, и люди доро-

жили работой и боялись их нарушить. Я им все рассказала о себе, о детях, и с большим трудом, наперекор правилам, они выписали пропуск, и все пять дней они вытисывали временный пропуск. Но на этом не кончились мои мучения. Через несколько дней ночью милиционер при проверке документов попросил остановить машину и отправил в милицию, там я сидела целых 3 часа вместе с жуликами и другим сбродом. Начальник пришел, знал, за что меня задержали, сказал - штраф 25 руб. Я быстро сбегала домой, принесла 25 рублей, он очень удивился, что я так быстро принесла деньги, велел обязательно хлопотать по паспорту.

***

В цеху все знали о моем несчастье и, конечно, жалели. Любимая весовщица взвесила мне горячий. Это будет означать у меня будет хлеб. И когда я сдала в булочной хлеб, у нас получились лишние четыре буханки. Я забыла сказать, что хлебная машина была с прицепом. Половину получит заведующая, а за своей долей, я сказала, приду завтра. На другой день появилась Мария, она знала о краже, я попросила ее помочь мне, я боялась. Я одела детей, взяла чемодан, и мы потихоньку пошли. Потом Мария с детьми села в скверике у магазина по Измайловскому пр. Я поехала в булочную. Получив свой хлеб, я спрятала в чемодан. Села в трамвай, народу было немного, всего три остановки нужно проехать и вдруг я увидела двух милиционеров, которые сидели напротив. Я сразу заволновалась, покраснела, они молча смотрели

и молчали, мне казалось, что я еду целую вечность: скорей. Скорей. И вот мне надо выходить, а милиционеры поехали дальше... беда миновала, а если бы...

Дети сразу увидели, обрадовались. Мария тоже волновалась за меня. Когда мы пришли домой, дети поели хлеба, а завтра с утра я иду на работу. Крепко сердце, мне выписали пропуск, их очень мне было жалко, но у меня не было выхода. Через несколько дней снова проверка документов, но на этот раз меня выручила женщина-шофер. Она выключила фары и на глазах милиционера умчалась по дороге с буйной скоростью. В то время часто проверяли документы, и все это было просто, а без документов... Много нервов надо иметь.

***

И все-таки судьба сжалилась. Примерно через четыре дня, я была дома и вдруг я услышала звонок, - открываю дверь и вижу стоит худой мальчик и протягивает мне, о Боже, мой паспорт. Я очень обрадовалась, поцеловала мальчика, вбежала в комнату и с великой любовью стала его чистить - и вот он мой паспорт - мой дорогой- теперь я буду спокойно ходить на работу. Выходит, документы выкрала женщина, а паспорт бросила на лестнице, случайно его нашла мать мальчика. Потом я узнала, что мать и ее сын умерли. До ужаса жаль! Когда я пришла на завод и показала свой паспорт, и, конечно, все обрадовались. Через несколько дней я снова получу пропуск и еще пропуск, дающий право находиться ночью на улице. А

хлебные карточки я получу через четыре дня. Тысячу раз спасибо весовщице, еще один раз в очень удобный момент она выручила моих детей от голода, а может от смерти.

***

Время шло, уже больше трех месяцев прошло, как я работала, работа хорошая, мне нравилась. Но я была не одна, у меня были горячо любимые сыночки, я все время думала о них, и не было у меня ни минуты покоя и каждый день болело сердце. Дети Ленинграда, которые каким-то чудом остались в живых, они были душевно покалечены, многие теряли высокие человеческие качества и после войны они почти все были потерянные люди. Мои дети сохранили любознательность, были добры, умели любить и навсегда остались такими. Я сужу по подросткам, которые жили в нашем доме. Больше я не могла выносить тех беспокойств, которые мне приходилось переживать каждый день. Я серьезно стала думать об эвакуации. И как трудно было уехать в неизвестность, что меня ждет, кому я нужна с детьми, где найду приют. Вопросов много, а ответ один - вывезти детей. Я советовалась с Марией и Милой, они боялись опасной дороги, блокада не была снята. Пришлось думать одной. Да, я готова бросить квартиру, родных, хорошую работу, во имя детей, их спасения. Я была уверена, что нас минует опасность, не может быть, чтобы мы погибли и я начала.

***

Брат Иван. С первых дней войны Иван служил в городе, но видели мы его мало, такая служба была. Брат Иван был исключительным человеком. Все лучшие человеческие черты у него были развиты в избытке. Когда он появлялся, мне казалось вся комната светлела, и всем делалось удобно, хорошо. Он мог настроить человека, если кто-нибудь был расстроен. Мы все его безмерно любили, и все хотели сделать ему что-нибудь приятное. Он много знал и с ним было интересно беседовать. Он был добр и очень любил детей. Во время войны он посылал в Чувашию детям на рождение по 1000 рублей каждому, и выходит он выслал нам 6000 руб. Я с детства его обожала, он никогда меня не ругал, и до самой смерти мы жили с ним в согласии. Он очень любил маму, и когда она умерла все хлопоты он взял на себя и потом каждый день с благодарностью ее вспоминал, и даже во время войны он говорил видел маму на поле боя, все рядом гибли, он был жив. Но в жизни ему очень не везло, особенно после войны, пенсия была всего 50 руб. Он был больной человек. В то время многие страдали. Он прошел две войны, член партии 1919 г., и жил в комнате, непригодной для жилья. И я ни в чем не могла ему помочь, я ради детей была к нему невнимательна и даже в больнице не была, а он ждал. Мне нечего было одеть. Я очень виновата перед братом Иваном.

***

Мало слез, а горе реченька...

Мой папа умер 17 января 1942 года, ему было 68 лет. Накануне вечером мы все сидели вместе. Он сидел на сундуке, осторожно жег бумагу и грел руки (в комнате было холодно, печь не топили, дров не было). Я заметила, что он был бледнее обычного, и в его лице проглядывалась смерть. Я сразу отогнала эту мысль. Мы немного поговорили, потом папа сказал, что он не боится смерти, но хоронить сейчас трудно, гробов нет. Потом сказал, что он доволен детьми. Никто из нас не догадывался, что мы в последний раз видели живого отца. Рано утром он позвал Марию, попросил, чтобы она позвала врача. Мария сразу ушла. Я подошла к папе, он лежал на спине и, как мне показалось, спал. Мила не спала, мы с ней тихонько поговорили, и я ушла к детям. Через некоторое время приходит Мила и сообщает мне, что папа умер. Я не поверила. Я подошла к кровати и удивилась, он под одеялом был еще теплый, а лицо было мертвое. Мы долго ждали Марию, только вечером она пришла. Узнав о смерти отца, она расстроилась. Мы освободили на кухне стол, положили на стол отца и стали ждать врача, но он пришел на другой день - врач написал заключение о смерти. Мария некоторое время спустя пошла к Моте, чтобы она сообщила брату Ивану о смерти отца. Мария сказала, что они обязательно найдут гроб. Несколько дней Мария искала гроб и наконец счастливая Мария купила гроб, какой-то мужик принес, настоящий гроб, правда он был сделан из простых неструганных досок, но это был гроб, мы все были очень до-

вольны. Мария наша спасительница. Потом пришла Мотя без Ивана, он придет завтра. Мы убрали гроб, одели папе новый костюм, получилось очень хорошо. Утром пришел Иван с Мотей. Я одела детей и сказала. Что это дедушка Устин, запомните его, дети без всякого любопытства посмотрели, они хотели кушать, я снова положила их на кровать. Я вынесла санки. Брат Иван дал мне 500 р., чтобы я что-нибудь купила покушать. Мария, Иван, Мила, Вера, Мотя взяли гроб, поставили на санки и поехали на кладбище. Мороз стоял лютый, дорога была плохая, много раз останавливались. Они хотели похоронить рядом с мамой, но у них ничего не получилось, у них не хватило сил, все были измучены голодом и холодом, они решили скрыть снегом гроб и похоронить потом. Чуть живые вернулись с кладбища. К их приходу у меня была готова манная каша, они не раздеваясь, стали жадно уплетать кашу. Все поели и дети тоже. Потом брат Иван сказал, что папа любил Родину, до последнего часа он работал, мужественно выносил все тяготы войны, голод, холод и никогда не жаловался. Был всегда справедливым и честным человеком. Я преклоняюсь перед его памятью и горжусь, что он был моим отцом...

После смерти папы в квартире стало как-то пустынно, не раздавался его кашель...

И вот где-то в марте Мария похоронила папу, но не вместе с мамой, а в другом месте. И как раз в этот день пришел Иван, его отправляли на фронт, и он хо-

тел со всеми проститься. Он очень ждал Марию, даже нервничал - Мария не пришла. Мы думали: она погибла от обстрелов. И вдруг глубокой ночью она появляется. Как я с Милой обрадовалась, потом она сказала, что она хоронила нашего папу. Это было очень трудное и хлопотливое дело. Теперь подумать страшно, никого в живых. Нет Марии, Ивана, Милы, Моти, Веры. Как мне их жалко. Я одна осталась. Наверное, я чувствую, что я умру. Такой закон природы.

***

Через несколько дней у меня был эвакуационный лист, потом получила броню на комнату, сходила в милицию отметить-ся. Когда узнали, что добровольно уезжаю, удивились. На вашу работу пол Ленинграда с радостью согласились бы работать. А предпоследним днем я взяла расчет и все очень удивились, что я уезжаю, и пожелали счастливой дороги. Я стала собирать вещи, собрала и зимние вещи, взяла подушки, одеяла и много других нужных вещей. У меня не было ни одного чемодана, связали веревками. Вечером перед отъездом, я задумалась: когда приеду обратно, и скоро ли кончится война. На эти вопросы не было ответов. Утром я одела детей, они поели хлеба, вытили воды. Пришел Леонид сосед. Мария держала детей, а мы с Ленею взяли узлы и поехали к Финляндскому вокзалу. Народу было много, сразу было видно, что идет война. Ни одного веселого лица. Многие были больные, и все выглядели несчастными, тяжело было смотреть на страдания народа. Мы уселись, дети мол-

чали, я была рядом. Я обнялась с Марией, с Милой мы простились дома. Показались слезы, и поезд тронулся. Прощай, дорогая Мария, и мы поехали. Сердце дрогнуло... В вагоне было тихо. Все знали, что едем в опасной зоне, смотрели в окно, и вдруг почти весь вагон вздрогнул. Мы увидели разбитые вагоны, их было так много, наверное, несколько составов разгромили, всем стало жутко. В некоторых местах поезд то уменьшал скорость, то мчался с большой скоростью, люди с трудом удерживались на местах. Я крепко держала Валю на руках и тут внезапно поезд встал посреди леса. Некоторые больные люди с трудом выползли из вагонов, чтобы оправиться, и вдруг поезд, набирая скорость, помчался дальше. И бедные люди, которые остались без вещей и, может быть, без денег, совсем больные остались на путях, дальше страшно подумать. Потом мы несколько раз видели разбитые вагоны, видимо, часто бомбили дорогу. Поезд охраняли бойцы, они зорко смотрели в бинокль и сообщали по телефону о приближении фашистских стервятников. Потом, нигде не останавливаясь, мы поехали дальше и остановились у какого-то берега. На берегу стоял большой пароход, и нам сказали, что вещи моряки отправят на палубу, и взрослые будут стоять на палубе, а женщины с детьми спустятся в машинное отделение. Одним нам трудно было спуститься, помогли моряки. В машинном отделении было просторно, чисто, жарко и очень шумно от работающих моторов. Мы уселись на полу - мы сильно уста-

ли, дети хотели пить, воды нигде не было, другие дети плакали. Не помню, сколько мы ехали, и когда приехали на берег, там было много военных, все суетились, куда-то спешили. Я осмелилась и спросила у одного один сухарик. Он сказал, что у него совсем мало. Больше я не спрашивала сухарей. Мы ждали свои вещи. Наконец, привезли и мои вещи. На берегу стояла огромная гора чемоданов и тюков, они бесхозные - люди погибли. У кого сил было побольше - брали чемоданы, а мне они были ни к чему. Дальше надо было садиться на машины и снова ехать к поезду. Одной мне никогда не справиться, дети, вещи. Нам помогали военные. Я устала от напряжения, голова кружилась. И когда с детьми я села в машину, мне совсем стало плохо. Шофер вытащил свой завтрак и хотел дать мне. Я отклонила предложение и попросила воды. Он вытащил свою флягу с водой, и дети с удовольствием чопили. Нам стало лучше. Потом мы приехали на станцию, неподалеку тут стояли телячьи вагоны. Хочу сказать, что здесь нас кормили горячим обедом. Был чай с булкой. Нам стало веселей. Как мы уселись в вагон, я забыла, но хорошо помню, что мы устроились на каких-то нарах и главное, впервые за несколько месяцев мы не боялись обстрелов, как хорошо, как славно! Мы устроились на второй полке. Я приносила обеды, но тут я заметила, что Валя не очень веселый, даже скучный. Он был нездоров, но он держался. Врачей не видно. Дети не все могли кушать и я отдавала людям. Они были довольны. Ведь много ехало больных и го-

лодных. Нам давали разные каши, супы, хлеб, булку и даже сгущенку. Дети не могли всего скушать. Тут у нас появились новые знакомые. Потом мы приехали в город Горький. Здесь нам надо было садиться на пароход. Кругом такая сутолока! Здесь никто нам не помогал. К счастью, пароход был недалеко. Тогда я сказала Олегу, чтобы он сидел на вещах, а я с Валею взяла два узла, и Валя шел рядом. На пароходе народу было много и все же мы нашли место в коридоре. Я посадила Валью на вещи и пошла к Олегу. Олег нервничал, оглядывался и сразу увидел меня и обрадовался. Я взяла остальные вещи и мы пошли к Вале. Валя спал. Я удивилась. Я удобно разложила вещи, мы уселись отдохнуть. Я посмотрела на Валью, у него была большая температура. Я держу его руку в своей и чувствую, она постепенно стала холодеть. Мне стало страшно, мне нечем стало дышать. Я хотела бежать к судовому врачу, и через несколько минут он снова стал горячим. Люди, соседи меня утешают, зачем вы так убиваетесь. Вдруг Валя стал биться, руки ноги сводит непонятная судорога, я схватила Валью, босиком побежала натываясь на людей, на вещи к доктору. Он велел положить его на стол и не мог определить его болезнь, его по-прежнему всего била судорога и даже пена появилась у рта. Они сказали посидите на воздухе, я снова завернула его в одеяло, слезы душили меня, и правда он чуть успокоился, я пошла на свое место. Олег сидит расстроенный, я села вместе с Валею на узел, тут заметила, что денег, которые лежа-

ли под подушкой нет - кто-то выкрал. Я стала просить вернуть деньги, слезы отчаяния не давали слова сказать. Я выла, потом ко мне подходит девушка и отдает мой мешочек с деньгами. Она сказала, это украли ее братья и она попросила их вернуть деньги. Когда я жила в Чувашии, я случайно встретила ее на базаре, она узнала меня, и еще раз я горячо благодарила ее. Потом пришла сестра. Чтобы я не ребралась в каюту - кого-то выгнали.

В каюте было удобно, Валя лежал неподвижно, сестра больше не приходила, мы ждали с Олегом, когда он откроет глаза, и мы дождались - он ясно сказал: «Воды». Как мы с Олегом обрадовались, я принесла ему воды, он попил, но все равно он был больной. Через некоторое время я заметила у него вместе с калом кровь, мне тяжело до невозможности. Я подложила ему свое кашне, и вот я вытащила какие-то вещи, все подкладывала, стирала, и у меня сразу воровали, как было обидно!! Валя открывал глаза, глаза были умные, но температура держалась, никаких лекарств у докторов не было. Из вещей я вытащила большую наволочку, разорвала на части и чистые тряпки бедняжке подкладывала. Валя тяжело заболел.

Сердце разрывалось от жалости к Валечке. Валя много пил. Потом стало лучше, он молчал, ни одного слова не слетело с его уст, и совсем не стонал. Мы проехали много остановок, на одной остановке пароход окружили целые полчища каких-то маленьких бабочек. Хорошо, в каюте их не было. На пароходе была неразбериха, кают

было мало, и большая часть людей лежала на полу, многие стонали, другие лежали на полу во весь рост. Когда нам объявили остановку, всем надо было выйти, это была Чувашия - остановка Маар-Пасад.

Люди понемногу выходили, а мне не справиться с детьми и вещами, и я жду помощи. Долго мне пришлось ждать. Наконец, пришел капитан и удивился, что я еще не вышла. Я объяснила. Через минуту пришли 3 моряка, взяли вещи, Олега, а я понесла Валю. На берегу была большая толпа, из окрестных деревень приехали колхозники с хлебом и молоком. И на лошадях люди уезжали в деревни, другие попали в больницу. Ко мне подошла лошадь с санитаркой и мы поехали в больницу. Вначале нас с Олегом не хотели пускать, они считают: мальчик большой и может один лежать. Я снова очень расстроилась, разве я могу оставить сына одного - это никак невозможно. Я пойду к председателю Райисполкома. С трудом, но они согласились. Все вещи взяли на хранение, а нас поместили в большую палату, и дали нам три койки, кровати были детские. Больница была деревянная. Был пожилой врач, он сказал, что хлеба давать нельзя, он может умереть. В высшей степени странно, что в больнице не было нужных лекарств. Через несколько дней температуры у Вали не было, но он тяжело болел животом, мало говорил и был очень скучный. Мы с Олегом старались его развлечь, разговаривали с ним. Шли дни, я никому не писала и ничего не знала о родных. Вместе с нами попала с парохода женщина дис-

трофик, вроде как помешанная, в больнице не было такого отделения - на днях они должны ее отправить в гор. Казань. Ждали машину, а она, бывали случаи, буйствовала, кричала, и я очень боялась за детей. И однажды при сильном приступе ей даже одели смирительную рубашку и укладывали ее трое сестер на кровать. И только я появилась, она мгновенно стихла. Сестры довольные ушла, а я села рядом, и она стала спокойно рассказывать о себе. Она - художник-график, у нее все умерли, осталась одна 10-летняя дочь, девочку и вещи взяли незнакомые люди, а ее поместили сюда. И обращаются с ней плохо. Потом мы условились, что сейчас поздно, и мы будем спать, дети мои давно спят. Я ушла в свою палату и только улеглась на кровать, и тут вижу - открывается дверь и в дверях с подушкой в руках эта женщина тихонько ложится на пустую койку. Я оцепенела от ужаса. Я притворилась, что я сплю, она чуть полежала, вытащила гребень и стала расчесывать волосы. Наверное, я заснула, дальше не помню. Утром я открываю глаза, на улице солнце, много зелени и эта несчастная женщина. Мне так было ее бедную жаль. Она не спала, лежала и смотрела на улицу. Дети проснулись. Я взяла Валю на руки, стала его ласкать, но живот у него по-прежнему болел, он был очень худенький, а кровь появлялась и очень-очень слабый, много лучше был, когда жили в Ленинграде.

Он болел и я болела вместе с ним.

И еще хочу сказать, что кормили нас очень плохо, я несколько раз ходила к раз-

датчице, выражали недовольство очень крохотными порциями.

С женщиной мы познакомились, она вела себя смирно, больше не шумела. Я всегда просила для нее добавки, она все молча съедала. Через три дня мне повезло: к одной девушке-сестрице приехала чувашка, она приехала проведать свою внучку.

Хотя Валя был совсем болен, я решила уехать вместе с бабушкой в колхоз. Лекарств не было и Валю нечем было лечить. Он уже не мог ходить. Доктор сказал, что ему не выжить, я не поверила и, собрав свои вещи, сели в телегу, и мы поехали. Конечно, я не забыла попрощаться с больной, я заметила слезы в ее глазах. Старушка ничего не понимала по-русски. В телеге было сено, Олег сел удобно на сено, я взяла Валю на руки, и мы поехали по пыльной дороге. День был жаркий, спрятаться негде. Вале было плоховато, но он молчал. Как долго мы ехали! Нам очень надоело! Наконец мы приехали в деревню. Старушка оставила коня у очень ветхого домика, мы вошли в бедную избышку и стали просить старуху дать воды. Но у нее вода была прямо из колодца, делать нечего - мы прямо из ее ковшика попили. Потом дали Вале, вода не была холодная. Я положила Валю на лавку, а бабушка ушла в правление колхоза, ей сказали, что мне нужно ехать в соседнюю деревню, у них и так полно эвакуированных. Мы обратно поехали, нам попался председатель, на русском языке сказал, что будете жить в доме Федоры.

Со старушкой я рассчиталась, она была довольна. Федоры дома не было, мы расположились на дворе, я стала вытаскивать свои вещи из тюков, и заметила с огорчением великим, многих вещей не было - просто украли злые непорядочные люди, работающие в больнице - вот всю жизнь я их вспоминаю плохо.

Я была довольна тем, что я просмотрела все вещи. Изба у Федоры была небольшая, внутри побелена, окна небольшие, изба стоит не пригорке, отдельно от деревни. Федора была бедная, молодая, красивая с маленькой дочкой. По-русски она не понимала, и мы и поговорить не могли. Вскоре пришел председатель, написал белой муки, велел копать картошку. С первых минут мы при помощи немого мужчины сделали кровать, набили матрац, поели молока, и Валя хорошо ел, все, что мы ели.

Чуть стала привыкать

Здесь записи обрываются...

Зинаида Устиновна понимала, что Ленинград и его горожане с осени 1941 года оказались в экстремальных обстоятельствах, поэтому она стала вести дневник, где фиксировала все, что происходило в семье и с окружающими людьми.

Ее записи были предназначены не только для нее самой, но и для маленьких сыновей, которым она считала необходимым в будущем передать достоверную историческую память о пережитом.

На первый взгляд воспоминания носят личностный характер. Но проходят годы и семейная реликвия приобретает гражданское звучание. Теперь это документ, который вливаясь в общий поток исторических материалов, дает возможность исследователям составить правдивую и полную летопись испытаний, борьбы и побед, выпавших на долю нашей Родины в годы Великой Отечественной войны.

Пусть наши потомки все это знают и помнят!

***

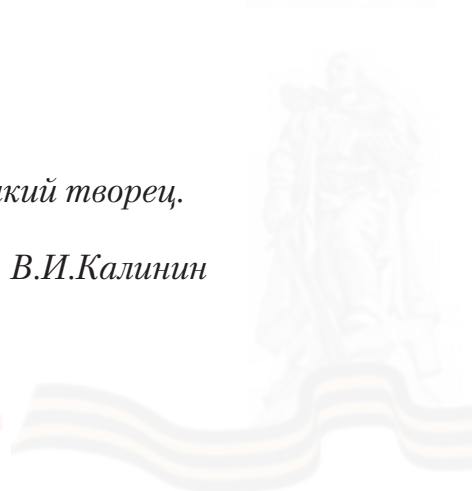
*Блокада – почти нет хлеба
Страх – не будет совсем
Горе – близким плохо
Боль – помочь им не можешь ничем.*

*Вера – настанет победа
Надежда – появится хлеб*

*Стойкость – пройти все это
Память – запомнить навек.*

*Радость – остались живы
Счастье – вернулся отец
Мудрость – конечно, мама
Гордость – народ наш – великий творец.*

В.И.Калинин

«Мы прятались от голода в кино»

КУЗНЕЦОВА Зоя Дмитриевна

В июне 1941 года я была в Пионерском лагере под Всеволожском. Мне было уже 17 лет, я была заместителем вожакого. 22 июня было дежурство. На утренней линейке я торжественно поднимала флаг, и вдруг из толпы кто-то закричал: «Война началась!». В ответ на это начали раздаваться разные возгласы: «Неправда!», «Тихо, не нарушайте дисциплину!», «Какая может быть война!?». Но неуверенные, робкие голоса стали повторять вновь и вновь: «Война».

Лагерь распустили почти сразу же, все разъехались по домам. Я тоже вернулась, но ненадолго: мама решила, что в городе мне сидеть не нужно, и сняла дачный дом. Некоторое время мы с моей подругой жили на даче. До нас дошли слухи о том, что бомбили Сиверскую. Не спали целую ночь, были напуганы. Решили возвращаться в Ленинград: сначала ехали на поезде, до куда это было возможно, а потом около тридцати километров шли пешком, потому что транспорт уже не ходил.

Мама, две моих тётки и я жили на Петроградской стороне, в коммунальной квартире по улице Ленина, дом 37. Мама работала на фабрике «Новая кни-

га», была секретарем, а во время войны директором партийной организации. Я закончила девятый класс, но в десятый уже не пошла: школу не открыли. Почти весь мой класс отправили на фронт: мальчиков перебили в первые два дня войны, ведь не было ни винтовок, ничего не было. Тётя Женя рыла окопы, тётя Шура

была занята на оборонных работах. Мама устроила многих моих подруг к себе на фабрику, чтобы были у них рабочие карточки.

Обстановка все ухудшалась, жить становилось тяжелее. С подружками ходили в кино, чтобы не чувствовать голода. Помню, как-то иду по Большому проспекту и думаю: «Неужели товарищ Сталин забыл про нас?». Еще, когда шла по улице, всегда считала, сколько по ней идет человек. Редко их было больше четырех...

Одну бомбежку я запомнила очень хорошо. 4 апреля 1942 года в наш дом попал снаряд. Я успела выбежать из дома, успев схватить только юбку. Самолеты в тот день летали так низко, что я увидела фашистскую свастику на них. Это меня глубоко потрясло.

Мы были прикреплены к булочной на Большом проспекте. Однажды, когда

кроме страшных 125 граммов хлеба ничего больше не было, на четыре наших карточки мне дали довесок. Не успела я оглянуться, как какой-то мальчишка выхватил её, упал на землю и ужасающе быстро стал есть. Я закричала. Люди возмущались, ругались, негодовали. А что толку – то? Разве можно было что – то изменить? Больше всего я испугалась того, что дома подумают, это я съела.

В 1942 году по радио я услышала объявление. В нём говорилось о курсах трактористов в сельскохозяйственном техникуме, который располагался около Пассажа. На занятия допускались только совершеннолетние, поэтому я надела мамину куртку, туфли на каблуках, чтобы выглядеть старше. Мама пошла вместе со мной. В комиссии она так уверенно говорила о моем «призвании» к труду тракториста, об особом «таланте», что меня приняли. Училась я на курсах несколько месяцев.

Очень ждали весны, когда вырастет крапива. Вообще, трава была всем подспорьем. Однажды, нам выдали по пятьдесят граммов клюквы: практически все были покрыты цингой, у кого-то кожа отставала от костей. Так что клюква немного поддержала наше здоровье. Мама собирала капусту. Приходилось есть краску – из нее пеклись лепешки. Самым желанным лакомством, о котором мечтали все, была булка, посыпанная сахарным песком. Это представлялось нам самым вкусным пирожным.

Сразу после окончания курсов меня отправили на приграничную машинно – тракторную станцию, в Ручьи. Поставили на трактор с двумя мальчишками – понятно, что одна я вряд ли могла бы справиться с машиной. Там я провела несколько месяцев, пока была посевная.

Когда исполнилось восемнадцать лет, стали приходить повестки. Так сложилось, что я прошла комиссию по отбору кадров в КГБ. Служила в 23 армии. Одну из первых своих медалей - «За Оборону Ленинграда» - я получала уже в армии, в 1943 году. Всю свою жизнь я проработала в органах.

Я научилась жить дальше

КУЛАКОВА Антонина Васильевна

Я родилась в Ленинграде, в 1924 году. С родителями жили в доме на 4-й Жерновской улице – это район Ржевка – Пороховые.

К 1941 году за спиной у меня было два курса Авиационного техникума. В первые месяцы войны, всех учащихся эвакуировали, а я осталась дома, в Ленинграде.

Страшно, когда ребенок остается без матери. В 1941 году мне было пятнадцать, и я осталась одна: мама погибла. Отец был, но он работал на казарменном положении, дома его не было.

Я жила одна: дома в нашем районе были деревянными, отапливались печкой, удобства находились во дворе. Прямо в доме была вырыта яма – в ней прятались во время обстрелов, чтоб не ходить в бомбоубежище.

В семнадцать лет я поступила работать в 26 отделение милиции машинисткой. Мне дали служащую карточку, по которой я питалась в столовой на улице Коммуны. Правда, были только завтраки и обеды, ужином не кормили. С собой давали кусочек масла и овощи: брюкву, капусту. Мы с девушками готовили ужин вместе: собирали все масло, тушили в нем овощи. Вместо

сахара нам давали изюм. Был рис: его вылавливали из Ладожского озера, потому что много машин с продовольствием затонуло на Дороге Жизни. Иногда были крупы, но их никогда не промывали, чтобы, ни одна крупинка не пропала.

Зимой за водой ходили на колонку, возили бидоны и ведра на саночках, как и все. Летом использовали коромысла.

Морозы были страшные. Хорошо, что были дрова: работая в милиции,

помогала дорожным инспекторам, находившимся в нашем здании, набирать тексты. А те взамен снабжали меня дровами.

Были и трудовые повинности: помню, как убирали город от нечистот. Обязательно записывали в карточку, что ты пришёл и свою норму отработал. Удивительно, что в городе было спокойно.

Самая важная из всех медалей - «За Оборону Ленинграда». Мне вручили её, когда уже служила в милиции. Удостоверение вручали в Большом доме, на Литейном. В общем, с милицией связана вся моя жизнь: 61 год трудового стажа вместе с блокадными днями.

Горя хватило, жизнь была тяжелой. Через все трудности удалось пройти и научиться жить дальше.

ЛЕБАНИНА Надежда Георгиевна

Родилась в Ленинграде в 1923 году. Семья была небольшой: мать, отец, брат, сестра и сама Надежда. Отец умер, а мама Надежды Георгиевны осталась одна с тремя детьми. На работу ей было устроиться тяжело: около полутора лет она ежедневно ходила на биржу труда. И дети вместе с ней. В итоге, получила работу на фабрике Бебеля

Когда началась война, ей было 17 лет. Почти сразу же Надежда Георгиевна поступила учиться на медсестру, в специальное училище. Через некоторое время она уже работала в госпитале, на проспекте Энгельса. Выхаживала раненых, возила больных на лечение в

Военно-Медицинскую академию, на плечах носила пациентов. Надежда Георгиевна очень ослабла во время блокады, но правда, переставала работать в госпитале. Но однажды, сама стала его пациенткой: 3 месяца пролежала с тяжелой формой дистрофии.

Из всей семьи выжила только Надежда Георгиевна. После войны девятнадцать лет проработала в детском отделении Железнодорожной больницы. Около пяти лет назад Надежду Георгиевну нашла награда – медаль «За оборону Ленинграда». Это ценность, потому что с медалью связана большая память о прошлом.

***

*Берлин горит. Подтаявшая тьма
Все выше поднимается и выше –
Огонь вошел в угрюмые дома,
И с тяжким гулом оседают крыши,
И наземь балки падают, звеня,
И жаркий пепел сыплется за ворот
Я много видел пепла и огня;
Я видел свой, войну познавший, город
И пламя, полыхающее в нем
Берлин горит совсем другим огнем.*

Семен Ботвинник

Сквозь горе и лишения к Победе

МЕДВЕДЕВА Мария Васильевна

Я родилась 12 августа 1925 года в деревне Никулище Маловишерского района Новгородской области. Точнее, мы жили на хуторе – дом располагался километрах в 5 от деревни, на берегу реки Мста. Она часто разливалась, да так сильно, что в школу ходить было трудно, так что занятия прогуливала часто. Окончила только 2 класса, сама стала читать книги, так и училась.

В 1937 году я уехала в Ленинград, к старшей сестре Шуре. Она взяла меня к себе помогать нянчиться с дочкой. Шура с семьей жила в многоквартирном доме рядом с Балтийским вокзалом. Там, на станции, Шурин муж работал начальником пожарной охраны.

Когда началась война, было страшно. Всё небо было в огне, самолёты летали: и наши, и вражеские. Падало много бомб и снарядов. Не знаю, как осталась живой. Сестра успела отправить дочку в Никулище, сама же умерла от голода. Её муж также погиб в первый год войны.

В 1941 году к себе меня увела тётка. Она жила в воинской части, в Девяткино. Я поселилась вместе с ней, но прожила в квартире недолго – в 1942 году она устроила меня работать. «Маша, иди в армию,

хотя бы сыта будешь», – сказала мне тётя. Если бы она была права...

В военном городке Медвежий Стан числилась Передвижная снаряжательная мастерская: ПСМ-21. Меня сначала не хотели брать: паспорта не было. Но все-таки поступить на работу удалось, там я и провела всю войну. С линии фронта нам привозили ржавые

гильзы, снаряды. Нередко и сами ездили за ними на фронт. Очищали их кислотой, отмывали. Затем снаряжали: соединяли гранаты гильзой, заряжали порохом, чтобы снова отправить боеприпасы в бой.

Первое время работали, как вольнонаемные. Жили сразу в мастерской, в вагонах. Спали на нарах. Голодно было, условия совсем плохие. Очень беспокоили вши – в отряде одни девушки были, около 300 человек, волосы у всех длинные, красивые. Но ничего не поделаешь: в 1943, когда прорвали блокаду, нас подстригли под мальчиков, выдали военную форму. Мы приняли присягу и нам сразу же вручили медали «За оборону Ленинграда».

Демобилизовалась я в 1945 году. После работала несколько лет на фабрике «Красная нить». Потом стала сварщиком контактной сварки на заводе «Красный октябрь».

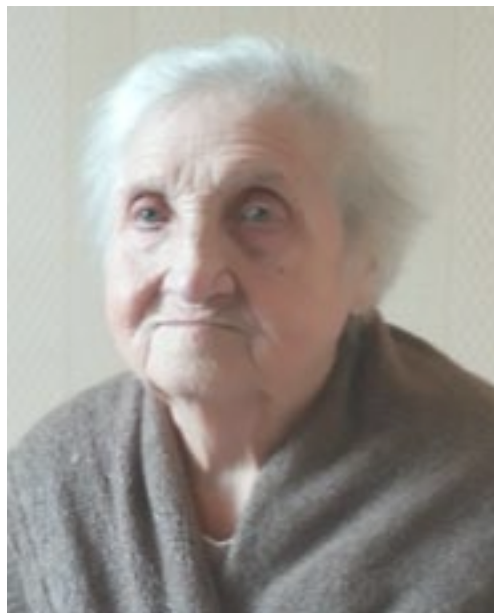
Мы танцевали, чтобы не упасть

НИКОЛАЕВА Надежда Михайловна

Наша большая семья переехала в Ленинград из Смоленской области. В 9 лет я пошла в школу: по английскому была отличницей, а вот с русским языком у меня не ладилось – смоленское произношение давало о себе знать. Только один из братьев не уехал: остался жить дома, в деревне Монастырщине. Каждое лето я обязательно ездила к нему отдыхать, но в 1941 осталась в Ленинграде. Мне было 15 лет.

22 июня выдался теплым и солнечным, поэтому веселой и дружной компанией мы провели этот выходной день, купаясь и загорая, в Озерках. Возвращались домой на Петроградскую сторону на трамвае, тогда и почувствовали не ладное: люди шумели, сбивались в кучки, что-то обсуждали. Правда не заставила себя долго ждать: мы узнали, что началась война.

Немцы стали подступать стремительно, поэтому уже летом школу, в которой я училась, решили эвакуировать. До станции Боровичи ехали в вагонах – теплушках. Было жарко и душно, во время одной остановки полезли купаться в пруд около путей – воспитательница страшно ругалась и горячилась. А нам так хорошо было!

Месяца мы не прожили в Боровичах, как стали подступать фашисты. Учительница стала вызывать родителей, чтобы сами выбирались из эвакуации. За мной приехал папа. Поезда ходили плохо, на станции мы просидели три дня, всё пытались и пытались сесть на поезд. Когда всё же удалось, двигались медленно. Однажды состав не пропустили несколько часов,

оказалось, что предыдущий поезд разбомбили. А мы так хотели на него попасть!

В Ленинграде уже ввели карточки. Папа слёг, мама работала секретарем на заводе Кулакова. Тяжелее всего было в декабре. Норма хлеба тогда была 125 грамм. В конце месяца прибавили до 200, но все равно было тяжело – других продуктов было очень мало. А в конце января по техническим причинам хлебозаводы не были обеспечены энергоресурсами – 3 дня хлеб не выдавали. Отец умер 22 декабря. Мы похоронили его хорошо, по-человечески, на Серафимовском кладбище.

После похорон от горя и отчаяния заболела мама. Она не вставала с кровати, плакала и говорила: «Мне вас не прокормить». Тогда, сестра Маша вместе с ткацкой фабрикой уехала из города, а младший брат Витя пошел в детский дом и

представился сиротой. Его приняли, вместе с детским домом он был эвакуирован. Мамы не стало в августе 1943 года. Завод Кулакова выдал гроб, мы похоронили её рядом с папой. Мы – это я и сестра Лида. Мы остались одни.

Лиде было 16, и она работала в буфете при институте гематологии, там, где врачом был отец. Я пошла работать на завод Кулакова. Мне выдали рабочую карточку, у меня была работа, значит, нужно было жить. Взяли меня ученицей фрезеровщицы второго разряда. Я фрезеровала автомат ППС, потом меня перевели в сборочный цех. Помню, как сами проверяли автоматы: нас по очереди, по 5–6 человек возили в закрытых машинах на полигон, где мы стреляли. Кроме оружия, завод выпускал приборы для кораблей: детали для них мы тоже обрабатывали.

Часто были перебои с электричеством, гасили свет, работа на станках прекращалась. Чтобы не упасть от голода, не заснуть от усталости, мы танцевали. В темноте толкались, натыкались на острые углы, ударялись и снова танцевали. Развлекали друг друга как могли. Во время таких перерывов помогали людям дойти до бомбоубежищ. Дежурили: сбрасывались с крыш снаряды. Бывало, сидишь на чердаке под крышей, ждешь, когда услышишь свист от снаряда, потом хватаешь упавшую зажигалку и бросаешь вниз, на землю. На заводе нас обучали и оказанию первой медицинской помощи.

Даже не знаю, как мы тогда держались: минут 20–30 вздремнешь и снова идешь

работать, а тебя сменяет другая девушка, чтобы тоже поспать немного. Однажды, чуть не попала в станок. В 1944 году купила новое, шерстяное платье. Задремала и рукав застрял в механизме. Меня уже потянуло за платьем, я почувствовала, что скоро упаду, но соседка помогла остановить машину. Спасла меня.

А на шестом этаже была столовая: нам давали добавочный паёк – дуранду, разбавленный соевый суп. С наступлением весны жизнь становилась разнообразней: отправляли то дрова разгрузить, то уголь на финляндскую товарную станцию. У зоопарка нам разрешили сделать по грядке: мы посадили морковь и турнепс. В общем, подкармливали себя сами, как могли, и с каждой прибавкой хлеба надежда крепла и крепла.

Трудились мы с удовольствием, работали много, и никто никогда не говорил, мол «не хочу, не буду». После 1946 года за хороший труд стали выдавать путевки в санаторий, премировать: 10-15 рублей – большие деньги были! На заводе я проработала до 1950 года.

В 1943 году мне вручили медаль «За оборону Ленинграда». Принесли сразу к станку, понятно, что не до торжественных церемоний было. За всю мою долгую жизнь много было разных наград, много церемоний я видела, но медаль «За оборону Ленинграда» – самая ценная и памятная, потому что много было пережито в блокадные годы, много чего безвозвратно утрачено. Всегда она со мной, как память о людях, не дождавшихся мирного рассвета, как неотделимая часть моего блокадного прошлого.

Повороты судьбы

ПАВЛИХИН Олег Алексеевич

Шёл мне седьмой год, когда началась война. Она в один месяц разметала нашу небольшую семью.

Отец мой, Алексей Дмитриевич, уроженец подмосковного райцентра Серебряные Пруды, - приехал в Ленинград в конце двадцатых годов. По профессии он столяр-краснодеревщик высшего 6-го разряда. Первые годы он работал на строительстве кинотеатра «Гигант»

в Калининском районе, затем перешёл на работу в столярный цех завода «Кинап». Со слов сослуживцев, он отличался высокой квалификацией и мастерством. Очевидцы рассказывали, что в неурочное время сам смастерил гитару в обычных столярных условиях и неплохо играл на ней. Помню его любимую песню про Ермака.

Моя мать - Антонина Ивановна (в девичестве Ефремкова) - родилась в с.Давыдово Череповецкого района Вологодской области. По причине проблем со здоровьем не могла работать на производстве и была швей-надомницей. Выполняла частные заказы по шитью женской одежды. Я часто видел у нас в квартире её молодых клиенток. Были у неё привлекательная внешность, мягкий характер и обворожительный голос.

Была у меня и младшая сестрёнка Нэлечка, которая внезапно умерла в возрасте трёх лет от неизвестной мне болезни.

Жили мы в маленькой комнате коммунальной квартиры из шести семей по проспекту Майорова, д.37.

И вот чёрный день 22 июня 1941 года.

Отец вернулся с работы рано, примерно к обеду, уже имея на руках повестку военкомата - явиться на сборный пункт по указанному адресу утром 23 июня. Ушёл он из дома рано, и увидели мы его примерно через неделю перед отправкой на фронт. Был он сержантом в военной форме, с винтовкой, противогазом и вещмешком. Прощание длилось минут пять. Плакали все трое перед вечным расставанием. Больше мы его уже не видели. Это всё, что осталось в памяти.

Жизнь стала тревожней и пасмурней. Мне однажды вместе с соседом Витей Кутузовым довелось увидеть в небе над городом немецкий самолёт и вокруг него разрывы зенитных снарядов. Потом самолёты стали прилетать почти каждый день.

В небе Ленинграда появились аэростаты воздушного заграждения в виде огром-

ной колбасы, удерживаемые на стальных тросах и мешающие врагу свободно летать над городом. По улицам их легко переносили несколько человек. Впервые я увидел на улицах города и настоящие танки. Они мало походили на знаменитые тридцатьчетвёрки. На город уже часто стали падать бомбы, и я увязался за Витей таскать на чердак песок для тушения зажигалок. Он в ведёрке - я в бидончике. В сумерках мы печально глядели из чердака на тёмные окна домов, заклеенные бумажными крестами, и лучи прожекторов.

Фронт неумолимо приближался.

Настал день 20 августа. Я продолжал ходить в детский сад, а мама вечерами у затемнённого окна вышивала на моей летней одежде моё имя и фамилию. Раньше она никогда этого не делала.

И вот в названный день мы с мамой идём в наш детский сад, что находился в двадцати шагах от нас на улице Римского-Корсакова. В руках у мамы мешок с моими вещами, а у меня сумка со сладостями. Весь детский сад был уже во дворе вместе с родителями и воспитателями. День был солнечный, и всё походило на массовый выезд детей на дачу. На автобусах нас доставили на Финляндский вокзал и там рассадили по вагонам вместе с мамой. Они почему-то усердно потчевали нас сладостями и лимонадом.

В какой-то момент мамы разом исчезли из вагонов, а через минуту мы увидели их, стоящих вдоль вагонов и машущих нам руками. У всех на глазах были слёзы.

Поезд тронулся, и вдруг заревел весь вагон. Я еле успел разглядеть свою маму в толпе провожающих. Это было расставание навсегда. Нас увозили на Урал.

Так началась наша эвакуация, которая закончилась для меня через двадцать лет.

А 8 сентября началась блокада Ленинграда. Первые сведения о родителях я узнал только в 1960 году, когда самостоятельно занялся поиском своих родных. Военный архив г. Подольска прислал извещение, что мой отец пропал без вести в боях за г. Великие Луки в сентябре 1941 г.

В тот же год я узнал подробности и о смерти мамы. Она с большим трудом пережила первый блокадный год, и в ноябре 1942 года её включили в список на эвакуацию как безнадёжную. Но отправлять через Ладогу не стали, говоря, что не доедет. Немного подлечив её и, найдя среди попутчиков сопровождающих, в конце декабря её вывезли на родину в село Давыдово, что под Череповцом, где она и умерла 14 января 1943 года, так и не узнав о прорыве блокады.

Об этом мне подробно рассказала её старшая сестра Анфиса Ивановна, которая до войны жила в Петрозаводске, но успела выехать из города до момента захвата его финскими войсками. Ещё она припомнила, что за день до смерти моя лежащая мама вдруг села на постели со словами: «Как мне легко сегодня. Значит, я выздоровлю», и стала напевать свои любимые песни. Собрались все соседи и слушали полуживую ленинградку. Но-

чью она умерла. Так я остался один, как и многие другие воспитанники ленинградского интерната. Нас насчитывалось около двухсот человек в возрасте от пяти до шестнадцати лет. Несколько старшеклассников от нас ушли на фронт, и даже приходили извещения о ранениях и гибели ребят. Нам иногда передавали приветы от наших родителей, но никогда не показывали самих писем, которых не было. Так обманом наши воспитатели оберегали детскую психику. Мы многие узнали, что стали сиротами, лишь тогда, когда две трети наших однокашников поехали на подводах на станцию для отправки в Ленинград, а мы бежали за этими подводами, как собаки, пока не выбились из сил. До станции было около 15 километров, но уже на третьем мы стали отставать и падать на пыльную дорогу. Плакали и отбегивающие, и бегущие следом, только первые старались не глядеть на нас, а мы не могли смириться с состоянием отверженных. На одной из подвод сидел мой друг, одноклассник Валера Кузнецов. Мы с ним играли, спорили, даже дрались и мирились. Теперь он ехал к отцу.

Так мы стали детдомовцами. Сначала собирались убежать и добираться своим ходом, но потом поняли нелепость затеи - проехать пол - России без гроша в кармане. Нас не взяли в Ленинград, так как не нашлось родственников, кто бы мог нас принять.

А родственники у многих были, но они не знали о нашем местонахождении или дети не знали о них. Мне через двад-

Алексей Дмитриевич. Сентябрь 1941

цать лет удалось вернуться в родной город и заняться розыском своих родных.

Все началось с того, что все двадцать лет я помнил свой домашний адрес и первым делом разыскал своих соседей. Они очень помогли восстановить документы, и многое рассказали мне о событиях последних лет. После армии я вернулся в Ленинград.

Когда я подошел к своему дому у меня от волнения дрожали руки и ноги. Нажал кнопку звонка. Дверь открыл приятный мужчина лет тридцати пяти. Какое-то время мы молча смотрели глаза в глаза. Мы оба узнали друг друга и крепко об-

нялись. Это был друг моего детства Витя Кутузов. В один миг на кухне сошлась вся квартира. Все меня обступили и засыпали вопросами: где я был, как я жил, где служил и где теперь собираюсь жить. После дружеской и теплой беседы я обошел всю квартиру, вспоминая и сравнивая детские воспоминания с тем, что видел сейчас, и настойчиво смотрел на знакомую дверь:

Вернулась с работы жена Виктора - Зоя и мы до вечера за чаем делились воспоминаниями, утирая слезы, вспоминая своих родных, и радуясь встрече.

Младшие братья отца Виктор и Николай уже после войны заходили в нашу

Антонина Ивановна. Январь 1943

бывшую квартиру узнать о судьбе нашей семьи. Но соседи подробностей не знали. А дальше пошли одни догадки. Одна их них о том, что эвакуированные я и мама потоплены немцами в Ладожском озере в ноябре 1942 года. Скоро попытки поисков затихли, и люди смирились, а затем и забыли о нас. Но я не сдавался и продолжал искать, даже самым примитивным способом, собирая по крупицам данные в архивах жилконтор, в военкомате, в отделе кадров завода «Кинап» и из других источников. Затем обращался в «Ленсправку» и вскоре получал ответ. Так мне удалось за два часа узнать адрес и телефон диктора Ленинградского телевидения Николая Васильевича Зименко. После ранения в городе в 1942 году он прибыл из госпиталя к нам на Урал и был назначен директором нашего ленинградского интерната, а его жена Елена Ивановна была моим воспитателем.

Вскоре мы встретились у них на проспекте КИМа и весь вечер провели в воспоминаниях. Я впитывал каждое слово и советы по розыску родных. Следующая встреча была у них на даче в Лисьем носу. В конце года Елена Ивановна с сыном Николаем и невесткой Соней были у нас на свадьбе. Мы с женой Тamarой бережно храним их свадебный подарок - золотые чайные ложечки. Вот такая была в то время в городе «Ленсправка». Мне за копейки выдали данные самого популярного в Ленинграде человека, а сегодня и за тысячи не получишь адрес простого обывателя.

Не могу умолчать о чувствах глубочайшей благодарности к людям, оказавшим мне бесценную помощь в розыске родных. Это мои дорогие соседи Виктор и Зоя Кутузовы, пожилые блокадники Берг Надежда Захаровна и Пысова Зинаида Васильевна. Самую большую поддержку и помощь оказали мне сотрудники бухгалтерии нашей жилконторы, что на Фонтанке дом 127. Добрые и нежные чувства храню к начальнику отдела кадров завода «Кинап» Кармановой Лидии Ивановне и многим довоенным друзьям моего отца.

Большое спасибо государству, что смогло сохранить жизни многим тысячам советским сирот и дать им дорогу в будущее.

И, конечно, самый низкий поклон моим дорогим родителям, которые подарили мне жизнь и спасли ее ценою своей жизни. Они оба не дожили до тридцати лет, и сейчас я в два с половиной раза старше их обоих. Вечная память их праху.

Считаю своим долгом достойно прожить жизнь и передать ее своим потомкам. Это моя память сердца.

*«Солдат-связист». Анастасия Вялкова, ученица
6-го класса ГОУ школа №175*

Прошла блокада, но не любовь к театру

ПОТАПОВА Антонина Федоровна

Я родилась в Архангельске, в 1925 году. У меня была большая семья из восьми человек, пока не арестовали отца, в 1937 году. Несколько лет спустя я была уже в Ленинграде – здесь жил старший брат. В 1940 году мне было 15 лет. Я приехала в город. Он устроил меня учиться в ФЗУ Кулинарного мастерства, ул. Желябова, дом 29. Жила в общежитии, недалеко от Финляндского вокзала.

Потом началась война. Немцы стали бомбить Финляндский вокзал, было очень страшно. Около вокзала стоял большой серый дом: в подвале было бомбоубежище, там я часто пряталась. Вскоре, поезда совсем не стали ходить. Общежитие и вовсе закрылось. Началась блокада. Куда себя деть? У Балтийского вокзала, в доме 40 по улице Штапина жил мой дядя. Пошла к нему, а он устроил работать меня в столовую на завод им. Свердлова. Жить пришлось у дяди, потому что негде было. Всю зиму я ходила на работу пешком: ни трамваи, ни троллейбусы не ходили. В городе было жутко темно, улицы не освещались. Мне говорили, мол, не ходи на работу, тебя съедят, опасно. А я не могла, как

же я могу не пойти на работу? У меня же рабочая карточка.

Как военнообязанная, я дважды училась на специальных курсах в военно – подготовительном училище при заводе Арсенал. Мы изучали конструкцию винтовок, гранат; нас учили как нужно наводить связь. Жили на казарменном положении, зачастую ночевали в заводских раздевалках. Я таки работала в столо-

вой, там познакомилась с одной женщиной: она жила в трехкомнатной квартире на Кондратьевском проспекте. Её соседи эвакуировались, жить одной в большой квартире было страшно. Она пригласила жить с ней, в соседней комнате.

Летом я работала в совхозе, в районе нынешнего проспекта Энергетиков. В пользование мне дали небольшой участок земли под огород. Снабдили семенами. Помню, что посадила капусту: но место сырое было, ничего не выросло.

Как – то во время блокады одна сотрудница столовой пригласила меня в Театр Музыкальной комедии. Мы сидели, не раздеваясь, в первом ряду,. Смотрели «Продавец птиц» . С тех пор я влюбилась в театр, знала всех артистов: Кедров, Михайлов, Колесников.

Я уже некоторое время жила на Кондратьевском, когда мне из армии приехал брат – он служил в Борисовой Гриве, под Ленинградом. Брат помог получить комнату: в этом же доме, но двумя этажами выше. Там я стала жить. Сначала, одни голые стены

были. Потом помогли с мебелью: кровать, стул, столик. Прожила я там до 1954 году.

Медаль «Зав оборону» мне вручали в Райисполкоме. Не знала, что сказать в ответ, почему – то вырвалось «Служу Советскому союзу».

ПОТАШИНА Анна Андреевна

Моя старшая сестра Катя жила с дочерью Галочкой и мужем Володей в Ленинграде. Оба работали, у них была хорошая квартира, жили прекрасно. В мае 1941 года я приехала к Кате в гости. Вместе с ней и Галочкой мы гуляли, ходили в музеи. Было так замечательно! Каникулы уже подошли к концу, мы купили много подарков для наших родителей, братьев и сестер. Меня провозжали на поезд, и вдруг Молотов объявил войну. Всё закончилось.

Из города выехать мне не удалось, пришлось остаться в Ленинграде. Квартира у Кати была в доме на шоссе Революции, около Ильинской церкви. Там я прожила всю блокаду.

Володю отправили на фронт, как только началась война. Катя сначала работала, но недолго – она ждала ребенка. Володя уже давно был на фронте, и вдруг он приезжает на несколько часов. К счастью, мы были дома. Он как чувствовал, что больше не вернется. Катя спросила, куда его отправляют воевать, где он будет. Володя ответил: «Мое место между небом и землей». Их отправляли воевать на Ладугу. Он долго обнимал Галочку,

плакал. Она была долгожданным, горячо любимым ребенком. Володя в ней души не чаял. Сказал Кате: «Сделай всё, чтобы с Галей ничего не случилось». Он уехал, мы остались втроем. Сомкнулось кольцо блокады.

Магазин, к которому мы были привязаны, был на шоссе Революции. Помню, как с вечера я занимала очередь. Было так холодно! Из одежды у меня были только легкие платья, приезжала –

то на месяц. А холода стояли страшные, к тому же выросла я – даже платья малы стали. Так что, носила, что придется – главное, было не замерзнуть. Была длинная фуфайка, её веревочкой подпоясывала – так и ходила.

В 1942 году Катя помогла устроиться работать на Охтинский химический комбинат, где делали снаряды. Директор оформил меня ученицей токаря в 31 цех. Мы занимались ремонтом других цехов. Мне выдали рабочую карточку.

В этом же году Катя родила двойню. Я пришла с работы, собиралась идти занимать очередь в магазин. Катя сказала, что ей нехорошо. Я все равно ушла, потом забежала домой погреться, и тут у Кати

начались роды. Я очень испугалась, босиком побежала за соседкой. Мы вскипятили воды, нашли чистые полотенца. Катя была страшно слаба, истощена, измучена. Родившиеся близнецы даже не кричали, а тихо попискивали – у них не было сил. Соседка взяла кусочек хлеба, долго его жевала, потом завернула в марлю и положила младенцам в рот, как соску. Малыши пососали хлебные мякиши, заснули. На следующий день я пошла в больницу, очень быстро к нам домой пришел врач. Каждый день я ходила в женскую консультацию за детским питанием: на ребенка давали 50 грамм смеси. Младенца, родившегося вторым, назвали Геной. Он постоянно плакал, и через пару месяцев умер. А старшего малыша назвали Витей. Я выкормила его, выходила, потом и выучила. Катя умерла в блокаду, для Вити я была мамой, а мне самой тогда и пятнадцати не было. Через неделю после родов пришла похоронка на Володю – пропал без вести.

На заводе выдавали талоны, это очень помогало нам. Я всё несла домой. Кушать очень хотелось, но как подумаю, что, съем я кусочек, а дома Витя с Галочкой голодные, так и несу всё им. Мы ни разу ничего друг от друга в тайне, украдкой не съели. На комбинате работало много пожилых женщин. Они ходили всегда закутанные в теплые платки, что и лиц почти не видно было. Они нас, молодых, всегда подкармливали, хоть немножко, но помогали.

В доме было много дорогих вещей. В блокаду продали всё – остался только Володин аккордеон. Как – то выжили.

В 1943 году за отличную работы директор завода лично наградил меня медалью «За оборону Ленинграда». «Вам нет еще и шестнадцати, а Вы получаете правительственную награду. С такими людьми мы победим!» - торжественно сказал он и поцеловал руку. Я заплакала.

После войны я продолжила работать на заводе. Тогда очень активно начала заниматься спортом – и плаванием, и баскетболом, и атлетикой. Завод часто проводил спартакиады, соревнования. Спортом занимались все – это было обязательно. Поступила в вечернюю школу, заочно окончила школу тренеров Лесгафта. В 1960-м году я стала мастером спорта, так встречали меня как Олимпийскую чемпионку. С 1973 года стала работать тренером по лыжам на ЛМЗ им. И. В. Сталина. Так что, у меня 57 лет стажа работы.

Встреча с прекрасным

САМОХВАЛОВА Алла Александровна

*Почти оглохший
в сплошных раскатах,
От едкого смрада
почти слепой,
Он был красив
Красотою солдата,
Который держит
неравный бой.*

А. Межиров

Осенью 1944 года в Ленинграде появились афиши, оповещающие жителей о том, что государственный Эрмитаж организовал временную

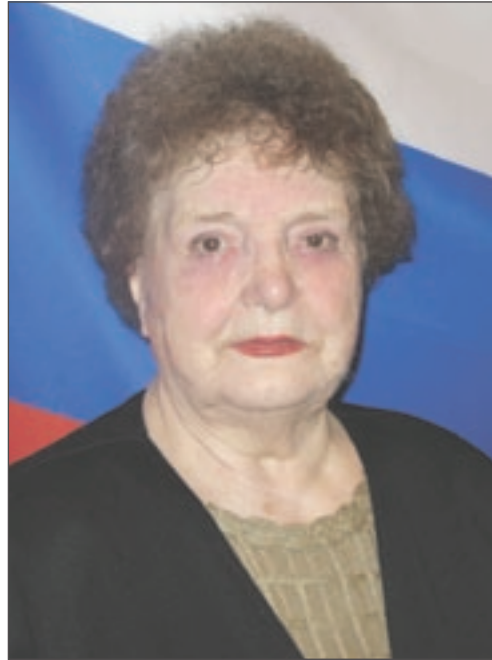
выставку памятников искусства и культуры, оставшихся в городе во время блокады.

Руководил подготовкой экспозиции директор Эрмитажа, академик И.А. Орбели.

Официальное открытие выставки состоялось 8 ноября.

В это время мне было 13 лет, и я училась в 5-м классе неполной средней женской школы №43 на Депутатской улице Крестовского острова.

Несмотря на трудности военного времени, наши преподаватели помимо обязательной учебной программы, в рамках внеклассной работы, старались не только скрасить наш досуг, но и помочь нам вырасти людьми, умеющими ценить творения, созданные талантом человека и быть благодарными тем, кто, не жалея своей

жизни, заплатил высокую цену за их спасение и сохранность.

В школах создавались кружки художественной самодеятельности, устраивались встречи с поэтами, организовывались культпоходы в кино, на концерты во Дворец пионеров и др.

И вот, наконец, в Эрмитаже открывается выставка!

До войны многие из нас в этом прекрасном музее никогда не были. Я тоже. Правда, мама водила меня по городу и рассказывала о его достопримечательностях. Мы ездили в Пушкин, Павловск, Петергоф. Были в Русском музее, а в Эрмитаже нет, не успели. Началась Великая Отечественная война.

И вот, теперь узнаем, что школа устраивает нам туда экскурсию.

Елена Павловна Орлова, наш классный руководитель, рассказала, куда мы пойдем, что увидим и как надо себя вести в музее такого уровня.

В один из пасмурных дней начала декабря, наш класс вместе с учителями на трамвае №12 едет от проспекта Динамо в центр города, что уже само по себе праздник.

В вестибюле Зимнего дворца нас встречает экскурсовод, и мы по Совет-

ской лестнице поднимаемся в залы, где размещается выставка.

К сожалению, по прошествии 68 лет, многое забылось, но то, что из увиденного поразило больше всего, сохранилось в памяти до сих пор.

Та давняя экскурсия отличалась от тех, на которых я была в последующие годы. Это была скорее ознакомительная беседа об истории Эрмитажа, его сокровищах и и работе с ними.

Нас подвели к галерее Рафаэля, и рассказали о ней, но внутрь не провели и мы смотрели на нее, стоя у самого порога.

Был еще один сравнительно небольшой зал. После ознакомления с представленными там экспонатами, нам еще было рассказано о трех отсутствующих в то время картинах. Это были изображения Мадонны. Одна из них кисти Рафаэля, а две другие Леонардо да Винчи: «Мадонна Литта» и «Мадонна Бенуа». Экскурсовод очень образно описала нам их, указала на отличия каждой, объяснила, кто были их прежние владельцы, в честь которых они названы, т.е. г.г. Литта и Бенуа. Если не ошибаюсь, то нам показали репродукции этих шедевров.

Заканчивался 1944 год. Боевые действия разворачивались уже за пределами Советского Союза, и наш экскурсовод – женщина, изможденная лишениями и переживаниями военных лет, с волнением высказывала свои опасения, чтобы во время штурма Дрездена не пострадали сокровища его музеев, и особенно бес-

покоилась за сохранность «Сикстинской Мадонны» Рафаэля.

Последнее, что нам показали, был Павильонный зал. Войдя туда, я сразу подошла к окну и замерла. Передо мной развернулась панорама нашего любимого Ленинграда: Нева, Биржа, Ростральные колонны, Петропавловская крепость, купол и минареты Татарской мечети...

Несмотря на ненастную погоду и еще не ликвидированные следы войны, город:

... был красив невообразимо –

Светло и многострадально.

А. Межиров

Павильонный зал потряс меня: его теплая красота, фрагмент античного мозаичного пола, изящный столик с расставленными на нем туалетными принадлежностями, в том числе, маникюрным золотым набором и другими экспонатами. Все это так было так несовместимо с нашим каждодневным голодным бытом, с нашими комнатами, закопченными буржуйками и коптилками, еще не полностью застекленными окнами!

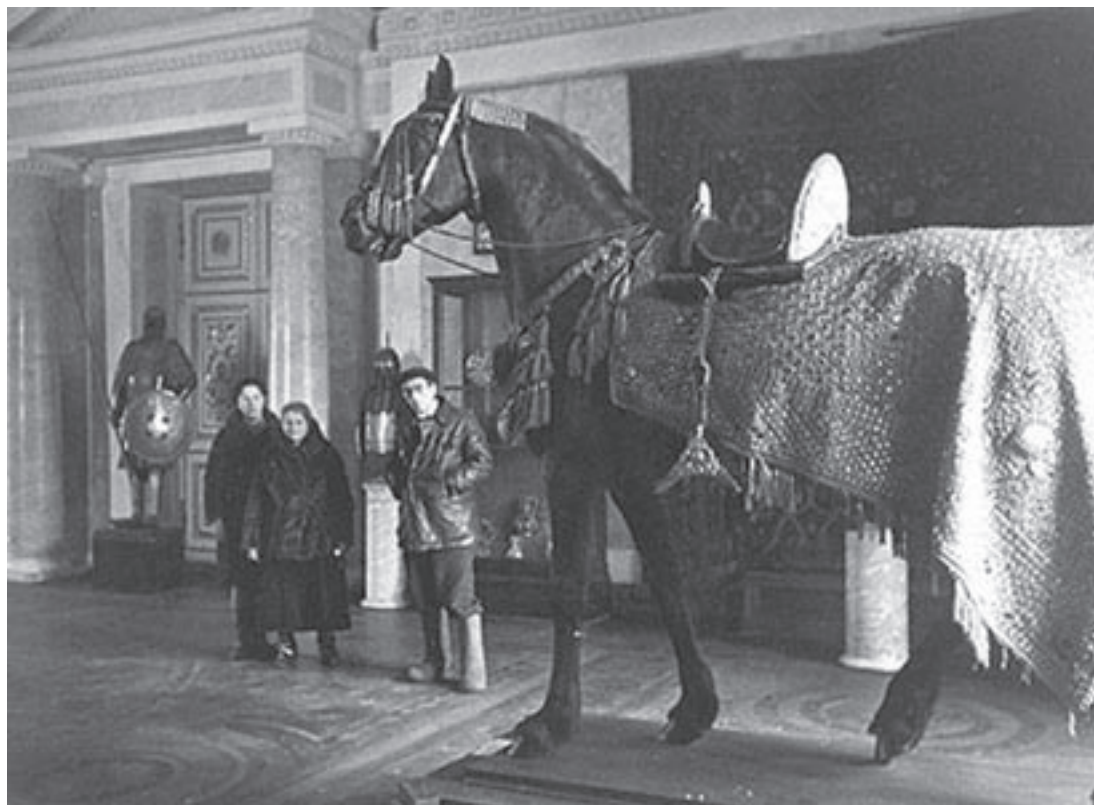
В заключении нам показали висячий сад. Раньше там был цветник, а в годы блокады сотрудники Эрмитажа использовали его под огород. Еще и в декабре из-под снега торчали почерневшие останки каких-то растений. Похоже

было, что это капустаные кочерыжки. Я смотрела на них и думала: «Вот если бы мне разрешили их забрать, то мы бы с бабушкой их отмыли и долго-долго варили, а потом ножом выскребли серединку и съели!»

Вот так произошло мое первое знакомство с Эрмитажем в декабре 1944 года.

Государственный Эрмитаж – один из крупнейших музеев мира, и заслуженно пользуется международным признанием. Но в нашем городе к нему отношение особенное, ведь он вместе с нами на равных пережил и блокаду!

Эрмитаж не просто музей. Он единственный в мире Музей-Воин, Музей-Победитель!

Первые посетители выставки. Ноябрь 1944 г.

До паспорта была награда

САВИЛОВА Валентина Григорьевна

Летом 1941 года мне было почти, что 20 лет. Вместе с родителями я жила в бывшем доходном доме Н.В. Безобразовой, недалеко от Сенной площади. У меня была старшая сестра: с мужем они жили на Петроградской стороне. Наш отец умер во время советско-финской войны. В 1940 году он разгружал поезда с ранеными, и заработал воспаление легких, которое тогда не лечили. Он скончался в девять дней.

Когда война началась, сестру сразу же призвали в армию: у них не было детей. Она служила на Дороге Жизни. Её муж тоже был на фронте. Потом начался голод. Мы с мамой были довольно плотной комплекции, поэтому первое время было терпимо. Но вскоре мама стала худеть. Она часто просила меня поискать крошки в буфете, но ничего у нас не было. Вдруг к нам зашла моя приятельница. Она работала, и у нее остались хлебные крошки. Она сварила из них суп и пришла, чтобы накормить маму. Но было поздно: мама умерла, во сне. Дворник Ваня помог нам отвезти ее на Канонерку – туда свозили как умерших, так и раненых. Я не плакала, но когда вернулась домой – упала на

кровать. Не раздеваясь, я долго пролежала. Было больно, появились и слезы.

Потом мне пришла повестка в военкомат. Меня забрали в НПО, и я оказалась в первом взводе женского батальона. Нас распределили по казармам: наша находилась на Фонарном переулке, напротив Фонарной бани. Долгое время мы ходили без формы. Получили её только после того, как приняли присягу.

Нас посылали в Рыбачье село: солдаты ломали там деревянные дома, а мы с девчонками таскали бревна. Когда закончили работы, переехали служить в Сиверскую, в летнюю часть. Некоторое время работали там в столовой: обслуживали пищеблок. Летчиками были хорошие ребята. Выходят из самолетов, длинные сумки, повешенные наискось – красавцы. Они видели, что мы боимся самолетов, поэтому любили нас пугать. Бывало, мы с девочками работаем на грядках, а самолеты прямо над нами пролетают, низко – низко так! Мы сразу бросали все дела и стремглав бросались с поля. Как – то решили, что хватит им над нами шутить и пошли к начальнику части. Он выслушал нас и как засмеется! «Девочки, они такие

летчики, что мимо пролетят – не заденут», - с добродушной улыбкой сказал он нам. Лётчики пугать нас перестали.

В 1943 году, когда встретили Ленинградский и Волховский фронты, нас отправили в Малую Вишеру. На станции стоял санитарный поезд, мы помогали врачам, потому что изувеченных было страшно много. Кипятили бинты, стирали простыни, выполняли посильную работу.

Медаль «За Оборону Ленинграда» мне вручили, когда служила в армии. Нас торжественно построили, потом вызывали по списку и вешали медаль на грудь. У меня не было паспорта, но уже была награда. Паспорт я получала после войны – там и познакомилась со своим будущим мужем. Так и началась новая жизнь, на память о прошлом – всегда со мной.

«Воздушная оборона Ленинграда». Егор Шадрин, ГОУ школа №561, 4 класс

Что я помню о блокаде.

СИНИЧЕНКОВА (Теркина) Валентина Сергеевна

Зачем это страшно гудят,
Зачем это люди спешат,
Зачем это бомба летит...
Фашисты наш город бомбят,
Фашисты убить нас хотят»
(Грише Том, 6 лет)*

*Из книги: Голубева Э.И. и
Крестинский А.А. Рисуют дети
блокады. Ленинград: Аврора, 1969, 80с.

Когда началась Великая Отечественная война наша семья жила в Усть-Ижоре. Отец Теркин Сергей был судовым механиком и плавал на пароходе по Ладожскому озеру. Мать Теркина

У родителей нас было четыре дочери. Младшей исполнился только один месяц и она умерла в 1941 г. Мне было три года. Я помню, что нас сильно бомбили и обстреливали. Было очень страшно. Много домов было разрушено. Находиться в здании стало опасно. Поэтому мама сама вырыла землянку, как могла, обустроила ее и поставила маленькую печурку. Когда она ходила за хлебом, то ее долго не было, т.к. магазин находился далеко, на станции Понтонной, и добираться надо было пешком. Транспорт не работал.

Ожидая ее возвращения, я сидела на маленькой скамеечке и покачивалась из стороны в сторону, смотрела на огонь. Я была тихим ребенком. Я не шалила и не играла. Я не плакала, не смеялась, не просила есть.

Но чувство голода тех лет я помню до сих пор.

12 апреля 1942 года нас эвакуировали. Везли по «Дороге жизни» на грузовике. Потом я узнала, что уже 8 апреля на льду Ладожского озера появились большие разводья талой воды. Рейсы грузовых машин становились опасными, и 21 апреля ледовая трасса была закрыта.

Дальше нас повезли в Сибирь. Состав был переполнен истощенными и больными людьми. Многие умирали прямо в вагоне. Я тяжело заболела и перестала ходить.

Когда мы ехали по Ярославской области, то мама услышала, что следующая станция Любимово. В этом районе находилась деревня, где она родилась и где жила наша бабушка. Мы вышли из поезда и с большим трудом, на перекладных, добрались до места назначения. Там мы прожили до возвращения в Ленинград. Мама и старшая сестра работали в колхозе.

В апреле 1944 года отцу дали маленькую комнату 9 кв.м в коммунальной квартире на Васильевском острове, куда он нас и вызвал из эвакуации.

Послевоенные годы были очень тяжелые. Жили мы очень бедно. Летом дети бегали босиком, жалели обувь, она стоила дорого, а мы росли. В августе 1945 года я заболела столбняком и 2 месяца пролежала в больнице им.Боткина. Самое печальное, что я вновь перестала ходить, так как еще полностью не оправилась от дистрофии.

В 1945 году у нас родился брат, а в 1948 году родился и второй.

Мама работала на тяжелых работах. Старшая сестра стала трудиться с 15 лет. Обе они награждены медалями «За оборону Ленинграда».

Вторая сестра так же, как и старшая, стала работать с 15 лет. Мы вместе с нею имеем ветеранскую категорию «Житель блокадного Ленинграда».

В первый класс я пошла в 1947 году. В школу меня никто не записывал, пришла сама, куда шли дети. Так и осталась. Затем поступила в ФЗУ при швейной фабрике им.Володарского. Среднее образование получила без отрыва от производства в школе рабочей молодежи. Работала в производственном объединении пошива и ремонта одежды Выборгского района. Сначала портной, а потом сменным мастером. Окончила Московский поли-

техникум им.Моссовета и была избрана заведующей ателье, где и проработала до выхода на пенсию.

После несколько лет работала на различных предприятиях.

В 1960 году я вышла замуж. У мен две дочери, две внучки, правнук и правнучка.

Я всегда была активная, занималась общественной работой, участвовала в самодеятельности.

Вот и сейчас я уже несколько лет являюсь членом первичной организации ветеранов войны и труда ЖЭУ № 27.

И, конечно, помогаю внукам воспитывать моих дорогих и горячо любимых правнуков.

Рисунок 3-х летнего Шурика Игнатьева «Это война»

Блокада глазами ребенка

СОЛОВЬЕВА Таисия Александровна

Как только началась война, меня отправили к бабушке, в деревню под Лугу. Фашистские войска наступали стремительно, из деревни пришлось уезжать – находиться там стало опасно. Дороги и поля уже всю бомбили, так что добираться до вокзала пришлось через лес. В Ленинград было практически невозможно уехать – поездами перевозили только солдат, гражданских лиц к вагонам даже не подпускали. Если бы мама буквально не влезла в шеренгу солдат, не потащила бы меня и сестру за собой – неизвестно, что с нами стало бы: Лугу вскоре оккупировали немцы. В Ленинград мы ехали вместе с военными.

Квартира у нас была на Кировском проспекте Петроградской стороны. Окна выходили на улицу Профессора Попова. В квартире был одна огромная комната, дальнюю её часть – зимой стена была покрыта инеем – мы отгородили от жилой площади шкафом так, что получилось две комнаты. Отапливала нас печка – буржуйка. Топили каждый день, на ней готовили еду. В квартире была еще большая изразцовая печь, но ее не использовали, потому что слишком много дров нужно было, чтоб ее протопить. Кстати, голланд-

ку топили дровами – ни книги, ни мебель жечь не приходилось. Это благодаря деду – он очень хозяйственный был, у него в подвале всегда был запас дров.

В войну вся семья жила вместе: бабушка и дедушка, тетя, мама, младшая сестра и я. Отец у меня был военным, с первых дней он служил в штабе Ленинградского фронта. В начале войны дедушка и тетка были

заняты на оборонных работах.

К 1941 году я успела окончить три класса. Мы не учились только в 1941 году, а 4 мая 1942 года снова начались занятия. Правда, одна учительница собирала нас у себя в квартире, но особых знаний мы там не получали. Зато мы были заняты, немного отвлекались от постоянного чувства голода.

Зима 1942 года была суровой: морозы достигали минус сорока градусов. Носить было нечего: если нужно было выйти на улицу, меня одевали в мамино пальто, в валенки, закутывали в теплый платок. Только глаза оставались открытыми. Дед подшивал всем валенки. Дома ходили одетыми – раздевались только, когда печка топилась. Тогда и готовили еду.

К слову, меня никогда не выпускали на улицу одну. Родные, особенно бабушка, огораживали меня от многих страшных вещей, за что я благодарна им.

1942 стал самым страшным годом, смерть буквально дышала нам в спины. Я болела цингой, бабушка не вставала с кровати, дедушка ходил страшно опухший от голода. Думаю, что чудо случается только один раз в жизни – и это был тот самый случай. В феврале 1942 нас прикрепили к магазину Военторга и мы смогли отоварить карточки. У тёти и деда были рабочие, у мамы и бабушки – иждивенческие, у сестры – детская. Когда мне исполнилось 12, меня с детской также перевели на иждивенческую карточку.

С тётей по тропинке через Неву мы пошли в Военторг, на Дворцовую площадь. На две детские и две рабочие карточки нам дали кусок масла около семи сантиметров толщиной, кулёк кускового сахара и небольшую котомочку риса. До сих пор помню, как выглядело масло, как я чувствовала его тяжесть.

Когда пришли домой и принесли продукты - был праздник: бабушка сварила бульон, в воду бросила рис и сливочной масло. В бульоне плавали жировые звездочки! Как мы были счастливы!

Дедушка ходил менять сапоги на хлеб. Один раз принес что-то прямоугольное – несколько буханок солдатского хлеба. Меняли на еду всё, что могли: шерсть, ткани, отрезы. Дед был на все руки мастер, олифой перед войной замазывал

окна – её много осталось. Во время блокады на олифе готовили еду. Бабушка пекла дурандовые лепешки на олифе. Дуранда – жмых от масла, настолько жесткая и спрессованная, что бабушки приходилось её строгать. Бабушка была хорошей хозяйкой. У нее была припасена чечевица. Помню, большую тонкую банку всё намеревались выбросить за ненужностью, а в блокаду она очень пригодилась. В апреле зазеленела трава. На Каменном острове мы собирали лебеду, крапиву, подорожник. Бабушка варила щи: самые вкусные были из лебеды - очень нежные, а из крапивы мне не нравились.

Мама устроилась на работу в столовую – мыть посуду. У меня была синяя эмалированная кружечка, где-то на поллитра. Мама приносила в ней пшеничную кашу – желтую, красивую.

За водой ходили на Невку, от улицы Профессора Попова по Вяземскому переулку. Зимой на санках: дедушка впереди, везет бидон, а я подталкивала санки.

В городе было грязно: все помои выливались на улицу. На лестницу я боялась выходить – там оставляли покойников.

В первое время во время тревоги всегда ходили в бомбоубежище, а потом перестали. Одну бомбежку я хорошо запомнила. Рядом с нашим домом стояла школа № 40. Она была новой, а около нее – много деревянных хозяйственных построек. В одну из них попала бомба. Взрывной волной в квартире выбило окна, обвалилась штукатурка, из стены выпали кирпичи. Мы тогда очень испугались.

В 1943 пошла в четвертый класс. Мы учились в здании института слепых по адресу ул. Профессора Попова, 37. Всю школу обслуживали самостоятельно: пилили дрова, мыли и натирали полы, наводили порядок. Классы у нас были дружные – в это заслуга учителей и воспитателей. В школе наши карточки забирали и на них кормили, правда, очень невкусно. Давали шроты, соевое молоко – такое противное! Не зря дети писали в письмах: «Папа, убей немца и соевую корову!». Когда блокаду прорвали, появилась надежда, что война закончится. Мы ждали конца. Мама с младшей сестрой при первой же возможности уехали на большую землю и чуть не погибли – впереди идущая машина подорвалась и провалилась под лед на Дороге Жизни.

В 1944 и 1945 годах, с апреля по октябрь мы работали в совхозе Бугры. Жили, как в лагере. Учителя были бригадирами, утром - обязательное построение, строгий режим – нас брали на военное положение. На воскресенье нас отпускали домой. Занимались хозяйством: выса-

живали овощи, окучивали, пололи, потом урожаем собирали. Сначала тяжело было, грядки казались бесконечно длинными, а потом привыкли. Были нормы, которые обязательно нужно было выполнять, мы зарабатывали трудодни. Нам выдавали рабочие карточки. Одно время наш отряд все время посылали на картошку, а хотелось нам на морковку. Вот и решили мы устроить забастовку: убежали, поехали в Ленинград, купили билеты в кино. Вдруг объявили тревогу. Весь сеанс пришлось провести в бомбоубежище. Когда вернулись, нас сильно отчитали, отругали. За проступок не отпустили домой на выходной. В наказание мыли полы, убирали территорию, ездили за продуктами для всего лагеря. Кстати, зарплату выдавали едой: капустой, морковью, картофелем.

В 1944 – м году я получила медаль «За оборону Ленинграда». Вручали торжественно, в Райкоме. Учительница Антонина Павловна предупредила, чтобы выглядели мы торжественно – как-то удалось найти белую блузку и черную юбку. Тогда мне было 15 лет.

СТЕБЛЕЦОВА Валентина Сергеевна

Я родилась в Костромской области, в маленькой деревне Чухломского района. Семья наша по тем временам была небольшой: мама, папа и четверо детей. Была еще бабушка, но она рано умерла. Потом не стало отца: так мы и остались одни.

В 1938 году мама привезла меня в Ленинград. У нас здесь было много родственников, да и мама работала на стройке, у нее была комната в общежитии. Там, на Кондратьевском проспекте, в доме 85, меня и прописали.

Когда началась война, мне было четырнадцать с половиной лет, я только закончила седьмой класс.

Сначала не стало братьев: в 1941 – 1942 годах мы похоронили их на Пискаревском кладбище. Следом за ними ушла мама: умерла в 1942 году.

Мы остались одни: я и младшая сестра. Нас отправили в детский дом: сестру забрали, а меня пообещали взять на поруки. Так и случилось.

Устроили работать на стройку, восстанавливать Ленинград. Работали по всему Выборгскому и Калининскому районам. Чаще всего мы восстанавливали заводы: Ленинградский металлический завод име-

ни И. В. Сталина, завод Красный Выборжец, Машиностроительный завод «Арсенал» имени М. В. Фрунзе. На какие только задания не отправляли нашу строительную бригаду! Я была самой маленькой, меня ничему не учили – сама старалась всем овладеть в процессе работы. Помню, дали лом: «Валя, руби!», - а мне его не поднять. Много времени провела на крышах самых разных заводов

– ремонтировала стекла. Бывало, давали бригаде адреса, по которым тела умерших лежат: мы вывозили их на кладбище.

Где-то в 1943 году я устроилась работать в столовую, в которой питалась наша бригада. С этим местом ассоциируется у меня капуста. При столовой, на Флюговом переулке (сейчас – Кантемировский проспект) находилась продуктовая база. С полей привозили капусту для квашения. Смешно так: в Италии месят виноград, а мы - капусту, да еще в резиновых сапогах.

Потом поступила в бухгалтерию Третьего Строительного Треста младшим счетоводом. Ходить нужно было далеко – на набережную Мойки, дом 3. Как-то в отделе кадров предложили ехать в Финляндию на лесозаготовки. Согласилась,

следующие несколько лет – до 1946 года провела там. Нас поселили в огромной школе, в деревне. В классы набивалось по двадцать человек. Кто заготовки делал, рубил деревья, а кто - дурака валял.

Когда вернулась в Ленинград, дали небольшую комнатку на всё том же Кондратьевском проспекте. Да, хочется сказать, что о разлуке с сестрой я не забывала. Первое время пыталась найти её, но потом поняла, что бесполезно – детский дом эвакуировали, а куда – я не знала. Случилось чудо: она сама приехала ко мне.

Со слов сестры, уже потом я узнала, что детский дом эвакуировали в Ереван. Там она и жила. Её хотели взять на воспитание в семью, но она ни в какую не соглашалась: упорно твердила, что в Ленинграде у нее остались родственники. Ей было уже семь лет, но знала она только свою фамилию и имя своей сестры, моё, то есть.

Детей постепенно стали возвращать в Ленинград. Так получилось, что сестра осталась жить где-то в районе Луги. За продовольствием ездили в город. Сестра написала записку и женщина, приехавшая в Ленинград чудом меня разыскала. Сестренка в записке попросила привезти ей пряников и мулине - она отлично вышивала.

Встретились мы только 1949 году. Её отпустили после посевной, а я как раз уладила бумаги: подтверждения, что у меня есть жильё и я могу взять опеку над ней.

Однажды, я гуляла с дочкой и присела отдохнуть у парадного. Вдруг, вижу, троицу ребят: две девочки и мальчик. Подходят ко мне, и говорят, что нужна такая-то

квартира. Я сказала им на каком этаже, они поднялись, и дверь им открыла моя соседка. Она и выяснила, что ребята ищут меня. Возвращаются они, мальчик и говорит: «Вот, сестра Ваша приехала».

Я так и ахнула. Думаю, какая из двух девочек моя сестра? Одна такая худенькая, волосы кудрявые, точь-в-точь как у меня. Другая - румяная, пухленькая, с длинной косой, толщиной в кулак. Я и подумала, что сестра – та, что худенькая. Та, что с косой страшно обиделась: оказалось, что она моя сестра. Так наша семья и воссоединилась.

За работа в блокадном городе я награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Ветераны уходят, а память остается

ХОХЛОВА Александра Андреевна

*Наши братья войну за свободу вели, ни здоровья, ни сил не жалея.
А их семьи трудились в тылу, как могли, чтоб Победа пришла поскорее.»*

Олег Павлихин

Хочу рассказать о своем муже Владимире Николаевиче Бутенко. Он родился 22 октября 1924 года в поселке Гаврилово Октябрьского района Джалалабадской области Киргизской АССР. В 1936 году их семья переехала в поселок Кирда Янгиюльского района Ташкентской области.

Началась Великая Отечественная война. Владимир учился в 8-м классе, когда в октябре 1942 года его и еще 2-х учеников пригласили с урока в учительскую и там им вручили повестки с вызовом явиться в военкомат.

После недолгих сборов он прибыл на призывной пункт, откуда был направлен на радиотелефонные курсы.

С сентября 1942 года по январь 1943 года он проходил обучение по специальности радиотелеграфист, после чего был зачислен в роту связи радиотелеграфистом большой мощности. Он служил в гвардейском батальоне связи начальником радиостанции большой мощности. Ему было присвоено звание гвардии сер-

жант (радиотелеграфист).

Владимир Николаевич прошел трудный и долгий боевой путь. В составе 139 роты связи участвовал в боях за взятие Берлина и освобождение Праги.

Награжден орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За Победу над Германией», юбилейными медалями.

Я не раз спрашивала о войне, но он всегда отмахивался, говоря, что «Ты слишком много хочешь знать». Но иногда все-таки делился своими воспоминаниями и однажды рассказал мне об одном страшном эпизоде.

В башне головного танка рядом с командиром находился и связист Бутенко В.Н. Командир остановил танк, чтобы определить боевую обстановку. Затем дал команду следующей машине двигаться в избранном направлении. Машина рванула с места, обогнав головной танк. Через метров он подорвался на mine. Главный

командирский танк продолжал движение вперед... «Мы все были в оцепенении – как близко прошла смерть и как неожиданно погибли наши товарищи». Рассказывая этот эпизод, Владимир Николаевич не мог сдержать слез.

Был и такой памятный случай. «Уже на подступах к Берлину нашу часть остановил глубокий противотанковый ров. Был конец апреля, но во рву еще лежал толстый слой снега и льда. Танкам было не пройти. И тогда поступила команда: взрывать лед гранатами и переправляться вплавь. Солдаты по грудь в ледяной воде добирались до противоположного бетонированного берега. Подсаживая друг друга, шли в наступление. Так преодолели эту тяжелую преграду». Об этом эпизоде муж не раз вспоминал уже после войны, глядя на свои больные ноги.

Закончилась война, но еще не скоро был наведен порядок. И гвардии сержант связной Бутенко В.Н. еще до весны 1947 года исполнял свои воинские обязанности.

Вернувшись в родные края, поступил во Вревский сельскохозяйственный техникум на ветеринарный факультет. Окончив учебу, был направлен в колхоз «Интернационал» в качестве ветеринарного техника, где проработал 20 лет, и все 20 лет мы были вместе и растили нашего сына Дмитрия. За работу в колхозе муж был удостоен медали «Ветеран труда», неоднократно получал премии и Почетные грамоты.

В 1970 году мы решили поменять место жительства. На новом месте муж по-

ступил работать в литейный цех экспериментального завода, освоив новую профессию формовщика-литейщика. В 1984 году вышел на пенсию.

В 2005 году в связи с преклонным возрастом мы по приглашению сына Дмитрия переехали жить в г. Санкт-Петербург. Начались наши хлопоты по поводу предоставления российского гражданства. Муж, как участник Великой Отечественной войны, получил его, но не успел об этом узнать. За день до получения известия он умер. Умер и наш сын Дмитрий, не дожив до 70 лет. Я осталась одна. Решение проблем о моем гражданстве мне было не по силам.

Я узнала, что в нашем микрорайоне действует Совет ветеранов войны и труда. Зашла туда и рассказала свою печальную историю. Меня внимательно выслушали и обещали помочь. Помогли мне написать письмо председателю Совета ветеранов Калининского района Калинину В.И. Член Совета первичной организации ЖЭУ № 22/1 Олег Алексеевич Павлихин хорошо помог мне в этом деле.

Через 2 дня пришло извещение от тов. Калинина В.И. «Быть в назначенное время дома неотлучно: принесут все документы домой с цветами!»

Вот такое внимание нужно людям. Жаль, что муж его не дождался. А нам до рога его память.

Несколько слов о себе.

Я родилась в 1923 году в селе Фитино Камышинского района Саратовской области. В 1931 году пошла в 1-й класс в г. Камышине. В 1933 году из-за голода в Поволжье наша семья переехала а совхоз № 173 Балашовского района Саратовской области.

В 1937 году закончила 7 классов школы рабочей молодежи и поступила в педтехникум г.Балашова.

Одновременно я училась в Балашовском аэроклубе. В 1939 году окончила полный курс обучения в аэроклубе и получила звание «запас-пилота». Несколько раз летала самостоятельно на самолете У-2 и даже один раз прыгала с самолета У-2 с парашютом, о чем я и рассказала в своем выступлении по местному радио.

В феврале 1940 года уехала к родителям в Узбекистан, где я днем работала на заводе Ташсельмаш стропальщиком, а после смены училась в вечерней школе.

Я мечтала поступить в летное училище в г.Борисоглебске, но в 1941 году началась война, которая оборвала мои мечты. Я переквалифицировалась в копировщицу и поступила на работу в оборонное конструкторское бюро.

В 1944 году я окончила педучилище и стала преподавать в средней школе русский язык и литературу. С этого времени вся моя жизнь до выхода на пенсию в 1976 году была связана со школой. Для повышения квалификации я в 1952 году заочно закончила факультет русского языка и литературы Ташкентского государственного института им.Низами, а в 1962 году также заочно исторический факультет данного института.

Активно участвовала в общественной жизни, в том числе в сборе хлопка, была донором, председателем месткома. Награждалась Почетными грамотами и другими видами поощрений.

В настоящее время я ветеран войны и ветеран труда.

Моя женская судьба тесно связана с Бутенко Владимиром Николаевичем. Мы были счастливы. Трудились, воспитывали сына и уважали друг друга.

Как жаль, что все уходит! Но память сердца остается!

На берлинском направлении

ШИПИЛОВ Виктор Михайлович

*Нам, ветеранам
и доньне
Доньне быть
на той войне
Война окончилась
в Берлине,
Но не окончилась
во мне.*

Н. Доризо

Родился 27 февраля 1925 года в селе Верх-Каракан Черепановского района Новосибирской области. Мой жизненный путь не был усеян розами. Как истинный сибиряк, я стойко переносил все трудности и невзгоды. Уже в раннем детстве лишился родителей. Мать, Прасковья Платоновна, умерла, когда мне исполнилось семь лет. В декабре 1941 года, сражаясь за Москву в составе сибирской дивизии, погиб мой отец - Шипилов Михаил Федорович.

В 1943 году, после окончания семи классов и торгово-кооперативного техникума, я восемнадцатилетним юношей был призван в армию, оставил дома на попечение бабушки и мачехи двух младших сестер и двух братьев.

Проходил службу в Вооруженных Силах СССР с мая 1943 года по декабрь 1981 года. В течение 38 лет на различных должностях от рядового солдата до полковника, старшего преподавателя во-

енного учебного заведения. Во время Великой Отечественной войны служил в артиллерии на должностях разведчика артиллерийской разведки, хим. инструктора и комсорга дивизиона, в составе 176 тяжелогаубичной артиллерийской бригады РВ ГК, на 1-ом Белорусском фронте, командующий фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Принимал участие в освобождении Белоруссии, затем в Висло-Одерской и Берлинской операциях по освобождению, Польши, ее столицы Варшавы, во взятии Берлина и в штурме рейхстага.

Все мои послевоенные годы вплоть до увольнения в запас были связаны со службой в армии. В 1950 году я окончил Военно-политическое танково-артиллерийское училище, затем Военно-педагогический институт имени М.И. Калинина и Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Служил в войсках на должностях: заместителем командира батареи по политической части, помощником начальника политотдела по комсомольской работе, заместителем командира артиллерийского полка по политчасти, офицером для поруче-

ний начальника политического управления Одесского военного округа. С 1965 по 1981 годы преподавателем, старшим преподавателем по военной педагогике, психологии и партийно-политической работе на Центральных артиллерийских офицерских курсах обучал и воспитывал офицерские кадры для ракетных войск и артиллерии.

Фронтовики Великой Отечественной войны справедливо считают, что у каждого воина была «своя война» с особенными эпизодами и случаями на долгом ратном пути, ярко запоминающимися на всю оставшуюся жизнь.

Сегодня ветераны видят свой непреложный долг в том, чтобы довести до людей, особенно до молодежи, свои воспоминания и поделиться своим жизненным опытом, мыслями о пережитом. Они испытывают чувство высокой гордости, что в трудные для Родины годы им довелось защищать ее свободу и независимость, право нашего народа на жизнь.

Была «своя война» и у меня, которую я прошел и вернулся в отчий дом, вернее на место, где когда-то он, разрушенный войной, стоял. В нем никого не осталось. Отец погиб на фронте, мать и бабушка умерли во время войны. Малолетних сестер и братьев приютили родственники, увезли в разные концы страны. Моим домом стала Советская Армия, которой я посвятил всю свою жизнь и труд, а она мне дала образование, воспитание, физическую и нравственную закалку, матери-

альное обеспечение и огромное моральное удовлетворение. Считаю, что армия - это я сам и служил ей, как самому себе. С ней я прошел большой боевой путь и 9 мая 1945 года в поверженном Берлине встретил День Победы.

Первое боевое крещение во время Великой Отечественной войны я получил в ходе боев при освобождении городов Жлобина, Бобруйска, Минска, Бреста и других городов Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов.

В то время стратегическая инициатива в войне уже прочно находилась в руках советского главнокомандования. В наличии было существенное военное-техническое превосходство, войска приобрели значительный боевой опыт с применением современной техники и оружия. Поэтому в июле 1944 года за шесть дней боев в ходе Белорусской операции были окружены и уничтожены основные силы 9-й армии противника, он потерял около 50 тысяч человек убитыми и 24 тысячи пленными.

Наше наступление было столь стремительным, что войска вышли в район города Молодечно, перерезав железную дорогу Минск-Вильнюс. Утром 3 июля советские войска освободили Минск, а восточнее города была окружена и разгромлена 105-и тысячная группировка противника. Так оказались разгромленными основные силы группы армий «Центр». Отступление фашистов превратилось в паническое бегство. В освобожденном Минске мы в полной мере почувствовали единство ар-

мии и народа. Столица Белоруссии встретила нас хлебом и солью, букетами цветов. Люди не скрывали слез радости.

В итоге наступательной операции по освобождению Белоруссии в обороне врага была пробита брешь более 400 километров в направлении на город Познань и реку Одер с захватом Мангушевского, Пулавского и Сандомирского плацдармов на западном берегу реки Вислы:

Еще не завершилась Белорусская стратегическая операция, а наши войска уже готовились к новому удару по врагу. В историю он вошел, как Висло-Одерская операция, проводившаяся силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, с целью разгрома врага в Польше, освобождения ее столицы Варшавы и перенесения боевых действий на территорию фашисткой Германии. Противник сильно укрепил районы между Вислой и Одером. Между обеими реками он построил семь оборонительных полос глубиной в 500 километров

И хотя противник обладал значительными силами и опирался на заблаговременно укрепленные рубежи, его оборона была прорвана всеокрушающим таранным ударом наших войск. Через пять дней подвижные соединения войск вышли на оперативный простор к реке Одер. 12 января советские войска совместно с частями 1-й армии Войска Польского освободили столицу Польши - Варшаву.

С Пулавского и Мангушевского плацдармов артиллерия фронта произвела огневой налет колоссальной мощности, ко-

торый длился 25 минут и точно поразил оборону противника на глубину 6-8 километров, проложив путь вперед пехоте и танкам. Артиллерийский удар был настолько сильным и точным, что уже через час наши передовые усиленные батальоны овладели первыми двумя линиями траншей, а местами вклинились в третью траншею.

Главные силы 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, в том числе, и наша 176 тгабр РВ ГК, поддерживавшая 5-ю ударную армию продолжали стремительно продвигаться на запад. Вскоре они окружили познанскую, а затем шнайдемюльскую группировки врага. 29 января войска 1-го Белорусского фронта вступили на территорию Германии. Каждый воин испытывал чувство радости и глубокого удовлетворения: фашисты посеяли ветер, теперь пожинают бурю.

Продвигаясь к Одеру, объединения фронта к 3 февраля полностью очистили от противника правый берег реки Одер, форсировали ее и захватили плацдармы в районе Кюстрйна (Костшин). При форсировании реки Одер и захвате плацдарма в районе севернее города Кюстрйна под огнем противника я получил тяжелую контузию и ранение. Был эвакуирован во фронтовой госпиталь в город Шнайдемюль. Месяц лечился в госпитале, а в день 20-летия своего рождения 27 февраля 1945 года снова вернулся в свою часть и принимал участие в боевых действиях Висла-Одерской операции. За участие в боях Висло-Одерской опера-

ции я был трижды удостоен благодарностями Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина: за отличные боевые действия в боях при прорыве глубокоэшелонированной обороны немцев на западном берегу Вислы, в боях при вторжении в Германию и в боях за овладение городом Кюстрин.

В феврале-марте 1945 года мы закрепились на одерском плацдарме, но контратаки гитлеровских войск продолжались. Немцы наносили удары с правого и левого фланга плацдарма под его основание. Против немецких танков были выставлены на прямую наводку наши 152 мм пушки-гаубицы. Немецкие танки не прошли.

Бойцы и командиры передового отряда, оборонявшиеся на плацдарме, понимали, что немцы приложат максимум усилий, чтобы отбросить отряд обратно за Одер. И действительно, утром 20 февраля противник нанес мощный артиллерийско-минометный удар по боевым порядкам отряда. Вскоре появилась вражеская авиация. Район плацдарма содрогался от взрывов бомб, снарядов и мин. Огневой смерч бушевал около часа. Танкам противника удалось прорваться в район огневых позиций нашей артиллерии и подавить часть батарей. Создалась критическая обстановка, но мастерская стрельба, дружные и слаженные действия расчета старшего сержанта Бельского Н.А. проявленные в этом бою уничтожили пять танков противника, а три остальных повернули назад. За му-

жество и доблесть, проявленные в этом бою Вельский Н.А. был удостоен ордена Красного Знамени, получили награды и другие бойцы.

24 марта 1945 года на нашем оборонительном участке плацдарма совершил свой второй боевой подвиг командир разведки передового отряда Шилин Афанасий Петрович, во время одной из контратак противника он оказался в окружении большого количества фашистов и вызвал «огонь на себя» После боя нашли его засыпанным обломками блиндажа. Очнулся Шилин А.П. лишь в госпитальной койке. Наши части удержали плацдарм. 22 февраля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Шилину А.П. было присвоено звание Героя Советского Союза. Во втором случае, Шилин А.П. во время боя был тяжело ранен и потерял много крови, но нашел в себе силы, подполз к ДЗОТу противника и бросил гранату в амбразуру ДЗОТа. Теряя сознание, он услышал дружное «Ура!». Солдаты бережно несли на руках Шилина, доставили его в госпиталь. Здесь он узнал, что 24 марта 1945 года был награжден второй медалью «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА». Сколько таких боевых эпизодов, в которых выражен героический облик советского солдата, знает история Великой Отечественной войны. В итоге многодневных ожесточенных сражений плацдарм был расширен до 44 километров. С него и началось 16 апреля 1945 г. наступление ударной группировки 1-го Белорусского фронта на Берлин

О плане и задачах Берлинской наступательной операции мы рядовые солдаты сержанты и младшие офицеры узнали заранее в первых числах апреля, а непосредственные задачи и приказ о наступлении до нас довели за 2 часа до начала наступления 16 апреля 1945 года. План предстоящей операции состоял в следующем, войсками трех фронтов и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов мощными одновременными ударами прорвать оборону противника, окружить

вражескую группировку, расчленив ее и уничтожить по частям. После овладения Берлином выйти к Эльбе, встретиться там с союзными войсками, завершить разгром фашистской Германии и заставить ее безоговорочно капитулировать

Труженики советского тыла обеспечили наши войска всем необходимым для успешного проведения Берлинской операции. Никогда еще в истории на одном, даже решающем, направлении не сосредотачивалась такая огромная масса во-

йск и боевой техники. Три наших фронта имели 19 общевойсковых, 4 танковых и 4 воздушных армий 2,5 млн. солдат и офицеров, свыше 42 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 8300 боевых самолетов.

И хотя положение гитлеровской Германии было совершенно безнадежным, ее главари в канун краха собрали значительные силы для последних сражений с Красной Армией. Так, к 15 апреля на восточном фронте действовало 214 немецких дивизий (в том числе 34 танковых и 15 моторизованных) и 14 бригад. Англо-американским войскам на западе противостояло всего 60 дивизий и не оказывавших серьезного сопротивления.

Особенно сильно противник укрепил берлинское направление. Сюда было стянуто до 85 дивизий, более 1-го млн. солдат и офицеров, свыше 10 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,3 тыс. самолетов. Опираясь на густую сеть населенных пунктов с каменными строениями, многочисленными каналами, реками и озерами, гитлеровцы создали между Одером и Берлином несколько укрепленных позиций, а сам Берлин превратили в мощную крепость с огромным количеством железобетонных огневых точек. Глубоко врытые в землю шестиэтажные бункеры могли вместить до тысячи человек каждый, Гарнизон Берлина насчитывал более 200 тыс. человек.

Прорыв фронта на Одере и выполнение плана Берлинской наступатель-

ной операции представляли собой весьма сложную задачу и имели огромное политическое значение. Наша часть получила пополнение и была укомплектована полностью на 100%. Были получены недостающие боеприпасы, оружие, техника, продовольствие. Я как артиллерийский разведчик и комсорг кроме боевой работы занимался политико-воспитательной, пропагандистской работой с людьми, с комсомольцами, молодежью.

Накануне наступления Берлинской операции на 1-ом Белорусском фронте в партийных организациях частей подано свыше 2-х тыс. заявлений с просьбой о приеме в ряды ВКП(б). В ротах, батареях были созданы и укреплены полнокровные партийные и комсомольские организации. И они с честью оправдали в бою свое высокое звание.

Перед наступлением до каждого воина было доведено обращение Военного совета фронта с призывом выполнить свою историческую миссию разгромить врага в Берлине и победоносно закончить войну против фашистской Германии.

Этой мыслью были воодушевлены все наши воины, весь советский народ, «На Берлин!» - гласили надписи на броне танков и на боевых артиллерийских снарядах.

Ранним утром 16 апреля 1945 года по вражеским укреплениям был нанесен мощный удар фронтовой артиллерии и авиации 1-го Белорусского фронта. При свете 200 мощных зенитных прожекторов, при поддержке танков и артиллерии в наступление пошла пехота. Это был удар

огромной силы. Целое море огня рассекало предрассветную мглу. Придя в себя от потрясения, противник всюду оказывал упорное сопротивление, но сдержать мощное наступление не смог.

Наши воины всех специальностей в этих заключительных боях действовали мужественно и умело. В короткое время была прорвана первая полоса вражеской обороны. Наиболее ожесточенные бои шли в течение суток на Зееловских высотах. К исходу 18 апреля оборона противника была прорвана на всю глубину.

Взламывая оборону, дробя и уничтожая силы врага, советские войска на шестой день наступления достигли пригородов Берлина. 24 апреля танковые армии фронтов соединились на юго-восточной окраине. Берлина и рассекли вражескую группировку на две части. А через день. 25 апреля наши войска в районе Кетцина замкнули кольцо окружения и западнее Берлина гитлеровцы были взяты в железные клещи и были ликвидированы.

Бои по уничтожению окруженной в Берлине 300-тысячной группировки врага были крайне напряженными. Непосредственно в центре Берлина позиции противника штурмовали войска 3-й и 5-й ударных армий Кузнецова В.И. и Берзарина Н.Э. боевые действия которых поддерживала наша 176 тяжело-гаубичная артиллерийская бригада РВ ГК стрельбой с огневых позиций и прямой наводкой.

Каждый опорный пункт, квартал, дом были крепостью. Город пылал, Много-

численные пожары затрудняли штурм крупными силами и основой ведения боя в Берлине стали мелкие подразделения штурмовые группы и отряды. В штурмовую группу входили стрелковая рота или взвод, усиленные артиллерией, танками и саперами, а в штурмовой отряд стрелковый батальон с соответствующими средствами усиления.

Особенно ожесточенные бои разгорелись за центральный сектор Берлина - Рейхстаг, Министерство внутренних дел, Зоологический сад, Бункер Гитлера, Рейхсканцелярия. 30 апреля 1945 года части 150-й дивизии генерала В.М. Шатилова В.М. 3-й ударной армии начали штурм рейхстага вместе с воинами других частей и соединений, а рано утром 1 мая на фронте рейхстага уже развевалось Знамя Военного совета 3-й ударной армии - Знамя Победы.

В 00 часов 40 минут 2 мая фашисты по радио обратились с просьбой прекратить огонь и сообщили о высылке парламентариев. К 15 часам 2 мая сопротивление берлинского гарнизона повсеместно прекратилось. К исходу дня советские войска заняли весь город. Берлин пал. Для фашистов поход на Восток закончился не парадом в Москве, о чем мечтали и кричали фашистские фюреры и стратеги, а полным их разгромом и капитуляцией в Берлине.

Какой же надо было обладать силой воли, духа и желанием победить, чтобы преодолеть все трудности боев и дойти до цели. Такое мог совершить только со-

ветский солдат. О массовом героизме наших воинов свидетельствует количество награжденных в годы войны. Всего состоялось 5300 тыс. награждений орденами Советского Союза, 11525 человек были удостоены высшей награды - звания Героя Советского Союза, среди них - представители ста наций и народностей СССР.

Что касается личного восприятия событий тех дней, то у меня оно неизменно - чувство исполненного долга. Сегодня весь цивилизованный мир отдает должное вкладу СССР в победу над фашизмом. И тем прискорбнее, что этот вклад в ряде публикаций подвергается сомнению и фальсификации.

Вся моя военная служба и трудовая, общественная деятельность в течение 67 лет является делом служения Родине и своему народу. Ратные и трудовые заслуги отмечены государственными наградами: тремя орденами и 25-ю медалями, многими благодарственными и почетными грамотами. За большой вклад в укрепление могущества и славы Родины я награжден знаком лауреата форума «Общественное признание».

В настоящее время наши думы и надежды обращены, прежде всего, к молодежи. Как никогда актуально обращение к ней Маршала Советского Союза Г.К. Жукова Г.К.: «Я призвал бы нашу молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень важно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и

славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты».

В декабре 1981 года я уволился из армии и продолжал трудиться в народном хозяйстве на должностях: заместителя начальника военторга № 178 Ленинградского военного округа, начальника штаба гражданской обороны Специализированного ремонтного управления № 2. В течение 20 лет я работаю на общественной ветеранской работе председателем контрольно-ревизионной комиссии Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области - организации ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

У меня большая, дружная семья. С женой Татьяной Степановной поженились в 1951 году. С этого времени идем по жизни вместе, помогая и поддерживая друг друга. Вырастили двоих детей и четырех внуков. Воспитали военную династию: сын Владимир стал офицером-артиллеристом, подполковник, преподаватель в Михайловской военной артиллерийской академии, сейчас он в запасе. Внук Кирилл окончил Военно-медицинскую академию, подполковник, сейчас служит в войсках. Дочь Ирина - инженер, долгое время работает на одном из оборонных предприятий. Подрастает третье поколение - правнучка и два правнука. Несмотря на все трудности и невзгоды, которые встречаются на жизненном пути, я оптимист и считаю, что жизнь состоялась. Может быть, в этом заключается ее смысл и счастье.

Содержание

Обращения Депутаты муниципального образования, коллектив местной администрации МО Пискаревка, Совет ветеранов войны и труда МО Пискаревка	3
МАТВИЕНКО Валентина Ивановна, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации	4
СЕРГЕЕВ Алексей Иванович Генеральный Секретарь – руководитель Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ	5
Первая боевая медаль, учрежденная в дни Великой Отечественной войны Ю. И. Колосов, С. Г. Колосова, ...	6
История танка «Малютка»	20

ИЗ АРХИВА ПИСКАРЕВСКОГО МЕМОРИАЛЬНОГО КЛАДБИЩА

БЕРМАН Анна Рувимовна.	25
--------------------------------	----

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ

АБРАМОВА Зоя Станиславовна ...Но наше детство омрачило горе	61
АРБИНСКАЯ Раиса Михайловна. Рассказы о блокадном детстве.	63
БАЛАШОВА Зинаида Самуиловна. «Страшнее блокады в жизни не было ничего»	103
БАРСУКОВА Людмила Александровна. КУРЕЛЁВА Галина Александровна. «Наша мама донор!»	105
Билибина Мария Яковлевна . Простая жизнь. Воспоминания.	108
БЕРЕГОВСКИЙ Всеволод Алексеевич «Всё для фронта – всё для победы!»	120
БЕРЕЗИНА Александра Степановна. Спаситель жилищного фонда	123
БОГДАНОВА Валентина Петровна. Лесотехническая академия им.С.М.Кирова в период Великой Отечественной войны и блокады	124
БОРИСОВА Вера Александровна. Мы выживали, потому что жить не получалось	128
ВОЛОБУЕВ Василий Тихонович. «Родом из Орловско-Курской дуги»	130
ВОЛОШИНА Бронислава Иосифовна. Война на железной дороге	133
ДОБРОВА Елизавета Алексеевна О моей блокаде	134
900 дней труда	182
ЖУКОВ Владимир Павлович	182
Верность клятве.	184
ЗАХАРОВА (Жданова) Татьяна Михайловна.	184
О голодных детях!	188
ИЗОТОВ Лев Федорович	188
Железная дорога и жизнь	193
КАЛЕНТЬЕВА Мария Васильевна	193
«Чтобы знали и помнили»	195

КАЛИНИНА Зинаида Устиновна	195
***	213
«Мы прятались от голода в кино».	214
КУЗНЕЦОВА Зоя Дмитриевна.	214
Я научилась жить дальше	216
КУЛАКОВА Антонина Васильевна	216
Спустя десятилетия медаль нашла и меня...	217
ЛЕБАНИНА Надежда Георгиевна	217
***	217
Семен Ботвинник	
Сквозь горе и лишения к Победе	218
МЕДВЕДЕВА Мария Васильевна	218
Мы танцевали, чтобы не упасть	219
НИКОЛАЕВА Надежда Михайловна	219
Повороты судьбы	221
ПАВЛИХИН Олег Алексеевич	221
Прошла блокада, но не любовь к театру	226
ПОТАПОВА Антонина Федоровна	226
От военных медалей к спортивным достижениям	228
ПОТАШИНА Анна Андреевна	228
Встреча с прекрасным	230
САМОХВАЛОВА Алла Александровна	230
До паспорта была награда.	233
САВИЛОВА Валентина Григорьевна	233
Что я помню о блокаде.	235
СИНИЧЕНКОВА (Теркина) Валентина Сергеевна	235
Рисунок 3-х летнего Шурика Игнатьева «Это война»	
Блокада глазами ребенка	237
СОЛОВЬЕВА Таисия Александровна.	237
Я потеряла семью, но приобрела сестру вновь	240
СТЕБЛЕЦОВА Валентина Сергеевна.	240
Ветераны уходят, а память остается	242
ХОХЛОВА Александра Андреевна.	242
На берлинском направлении.	245
ШИПИЛОВ Виктор Михайлович	245
Мое поколение	

**Внутригородское Муниципальное образование Санкт-Петербурга
Муниципальный округ Пискаревка**

Инициатива издания
Муниципальный Совет Муниципального образования МО Пискаревка

Автор концепции и руководитель проекта
В. В. Сергеева

Ответственный редактор
А. А. Самохвалова

Комп. верстка, обработка иллюстраций, фото
Е. С. Липатова

Корректор
Ж. А. Мозговая

Отпечатано в типографии «НИКА».
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 23
Тел.: (812) 717-3123, тел./факс: (812) 578-5771 • info@ipfnika.spb.ru • www.ipfnika.spb.ru
Формат 60x90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Бумага мелованная 170 г/м². Заказ № . Тираж 1000 экз.

